

ЧЕРНЫЙ ВАСИЛЕК НАЕКАЭЕЛЬ

Annotation

Охотник Рейнальд, агент Ордена, основанного Ватиканом для изучения и уничтожения чудовищ и малефиков, отправляется на новое задание. Расследуя дело архимага Завулона инквизитор обнаружил, что в лесах Европы сильнейшие маги основали академию. Там Рейнальду удастся приоткрыть завесу тайны, скрывающую секреты зачарованного меча, Наекаэль, что переводится с эльфийского как Черный Василек.

Часть 1. Туманная Гавань. Глава 1. Плач Иивы

— Дядя, а что ты делаешь? — Курносая девочка в белой рубахе до пола, и ростом Араниэлю едва выше колен, вставала на носочки, чтобы заглянуть через его плечо.

Высокий золотоволосый эльф в светло-зеленой тунике, коричневых шоссах и полусапожках, согнувшись, подкрашивал схематичные рисунки, заботливо выведенные краской на деревянной стене его дома, куда сейчас падал солнечный свет.

Охотник пристально следил за его расслабленными движениями. Как и девочке, ему позволили наблюдать ритуал впервые. Рисунки изображали морды животных, поставленные одна на другую, но Рейнальд, как ни старался, не мог их разобрать. Дом сам по себе представлял удивительное зрелище: стены, сплетенные из стволов нескольких деревьев, сросшихся вместе, и образовавших внутри себя полость с дверным проемом и окнами, завешанными длинным, цветущим вьюном. Такой же пол, устланный мягким и густым мхом, из которого поднимались то ли стебли, то ли ветви, образуя плетеную мебель помещения. Эльф ходил по импровизированному ковру, не приминая его. Когда-то это удивляло человека, но за прошедшие месяцы он по обыкся с местными чудесами. Сам Охотник оставил у входа подаренные Араниэлем сапоги и плащ, чтобы не пачкать ковра.

— До сих пор не понимаю, как и зачем ты научил ее нашему языку. — Пробормотал Охотник, убирая с глаз густые темно-каштановые волосы. Он задумчиво разглядывал девчущку, которая, по его прикидкам, должна была едва ли научиться говорить на родном языке, не говоря уже о чужих.

— Не удивляйся, *vernael'*, - мелодично заговорил эльф, не разгибая спины. Его голос был мягким и низким, увлекающим, словно речной поток, и столь же ровным, и спокойным, — пусть тебя не обманывает ее внешний вид, она ходит по земле уже три твоих жизни. — Эльф на секунду приостановился, оценивая работу. — А ты перестань шутить над гостем, а то навсегда останешься ребенком, как твой отец.

— Хмф, скука. — Она надула щеки, насупилась и отвернулась, но вскоре выдохнула и приняла спокойный умиротворенный вид, продолжая разглядывать рисунки на стене. Эльф улыбнулся, но улыбка вышла скорее грустной. Он гордился за свою племянницу, умную, ловкую, трудолюбивую, возможно даже слишком, для своего возраста. Конечно, ум иногда заходил за разум, а любознательность за любопытство, но дети есть дети, так думал он. И ему очень не хотелось, чтобы эта жизнь подверглась опасности из-за его недалекого брата, который уже больше десяти лет не мог смириться с изгнанием. Хотя что такое десять лет для тех, чей век идет не исчислим? Жаль, что прожитое не добавляло родственнику мудрости.

— Почему ее до этого сюда не пускал? — Человек говорил почти безразличным серым тоном, но Араниэль понимал, что под ним кроется любопытство. Не холодный расчет, необходимость получить любую информацию, которая может оказаться жизненно важной, как бывало в первое время. Эльф наконец начал чувствовать в глубине его души то самое детское любопытство, которое все еще отказывалось окончательно подчиниться холодному расчету, погрязнув под завалами истерзанной души. «Одна пытается казаться маленькой, другой — большим» — подумал он: — «оба дети». Усмехнувшись этой мысли, он сложил кисти и краски, и обернулся.

— Это место священо для нас. Для каждого эльфа дом его предков так же значителен, как и его собственный.

— Выходит это, — человек обвел комнату рукой, — что-то вроде храма вашей веры? Однажды ты говорил, вы далеки от таких вещей.

— Нет, — вздохнул эльф. Ему хотелось укорить Рейнальда за непонятливость, но он не стал, — мы не верим в них, как в высших существах. Они такие же живые существа, только... иначе и старше, значительно старше. Они помогают нам, когда нужна помощь, и любой из нас не задумываясь поможет им. Они не наши боги, Рей, они наши друзья, — Араниэль неопределенно качнул головой, — иногда наставники. Не требующие ничего взамен. Почитать их — это дар уважения. На протяжении всей истории мы существовали бок о бок. — Охотник устало отмахнулся от него. — Объясни ему, Таэниэль. — Эльф обратился на племянницу серьезный взгляд. — Давай, от людей не отвертись. — Сказал он, перебив не успевшего заговорить человека, который, поморщившись, замолчал.

— Зря ты смотришь на нас свысока, Араниэль. — Seriously произнес Охотник.

— Ошибаешься, друг мой. — Эльф обратился на него искренний, немного грустный взгляд. — Я стою здесь сейчас лишь благодаря тому, что никогда не позволял себе смотреть свысока. — Молодое лицо Рейнальда покрыла тень задумчивости, мудрость сверкнула на дне уставших карих глаз. — Я не питаю иллюзий относительно тебя, себя и наших народов. — Эльф будто хотел сказать что-то еще, но передумал.

— Я, э... ну, я сама не до конца понимаю, — замялась эльфийка, когда все замолчали, — мне папа сказал, что расскажет потом, когда... в общем, вырасту. — Она потупила глаза.

— Вот как... — эльф вздохнул, отмечая что-то для себя в голове. — У тебя когда-нибудь был брат? — Вдруг спросил он, уперев взгляд в человека.

— Брат? — Вопрос сбил Рейнальда. — Нет. Была сестра... пара друзей. Брата никогда не было.

— Какая она была, твоя сестра? — Эльф преисполнился интереса, какого Охотник никогда не видел на его лице.

— Ну. — Он тяжело вздохнул. — Упорная, сильная, никогда не бросала в беде. Но боялась всяких странных вещей, вроде пчел и толстых мух, говорила, что видела домового, и что телята мычат как дети, если их у коровы забрать. — Его взгляд ненадолго расфокусировался, но он встряхнул головой и продолжил. — Но это все было давно. Там где она сейчас это все не имеет никакого смысла.

— А мух с пчелами она бояться перестала? — Не отставал эльф.

— Ты что, издеваешься? — Неожиданно резко воскликнул Охотник. — Я рассказывал тебе про свою жизнь, к чему эти вопросы?

— Да так... — Эльф неопределенно вздохнул. — Братья и сестры, с ними все время... сложно. — Он помолчал, подбирая слово, но потом передумал. — Ладно, садитесь, я расскажу вам эту историю. — Сказал он, возвращая банку с краской и кисти назад на подставку.

Девчонка тут же прыгнула на единственное кресло, а окинувший комнату взглядом человек устроился на пол.

— Что ж, это началось давно, очень давно, когда о людях было некому даже услышать, а по земле ходили одни только звери. — Эльф сделал жест левой рукой, и прямо из пола у него за спиной выросло и свилось еще одно кресло. Рейнальд возмущенно поглядел на девочку, но та, язвительно улыбнувшись, отвернулась. — Бескрайние просторы суши тогда покрывали сплошные леса, и они ходили по ним, прячась, и охотясь. Но некоторые

животные выделялись среди других, и возвышались над ними. Время шло, и они стали королями Земли, нашими тотемными зверями. И сила их была так велика, что они не смогли больше быть частью общего мира. В один день их души отделились от телесных оболочек, и ушли в другую реальность. Из тел же произошли эльфы древности.

Те старые существа не были едины. Дети каждого из великих духов были слабее животных, но звери-хранители защищали и помогали им. Но наши предки пользовались этим бездумно, сражаясь и убивая себе подобных. Древние эльфы срубали деревья и убивали диких животных столько, сколько могли голыми руками, потому что никто не мог сравниться с ними в силе. Они строили высокие дома, ели добытую дичь, пока не падали без сил. А когда одно племя встречалось с другим, начиналась война, в которой никогда не было победителей. Их сердца были ожесточены, и они не могли слышать крика природы. Ведь только познавший страдания мог бы их понять. А они не задумывались, когда убивали и разрушали. Каждое племя, каждый эльф считал себя самым великим. Они не понимали, что все, что их окружает важно не меньше.

И именно в таком мире родилась девушка по имени Иива. — Он протянул звук во что-то такое удивительно-мелодичное, чего никогда не слышали уши ни одного человека земли. — Она была сильной, ловкой, и умной, — Эльф улыбнулся своим мыслям, — и с самого детства росла лучшим воином всего племени Росомахи. Для того, чтобы сделать ее своим сильнейшим оружием, Росомахи оставили своего вождя, Вольвариэля, стать ей учителем. Он согласился, хотя и нехотя, но признавая потенциал ученицы. А она, — Араниэль снова запнулся, — мечтала встать в один ряд с Вэлдриэлем, величайшим из воинов, которых знал мир. Но вскоре Вольвариэль сменил гнев на милость и с каждым днем стал проводить все больше времени с ученицей.

Уже в те времена народы научились делать лук и копье из ветвей деревьев и жил зверей. И когда Иива закончила обучение, эльфы Росомахи наткнулись на эльфов Кондора, пришедших на охоту в те же леса. Случился бой, в котором Кондоры смертельно ранили Вольвариэля, и тот погиб на руках своей ученицы позорной, как говорили тогда, смертью: не убив ни одного из нападавших. Одни говорили, что тот был уже стар, другие что пожалел юного эльфа, нанесшего ему смертельный удар. Бывшего вождя быстро заклеямили позором, и его ученица не могла найти себе утешения среди тех, кто только и делал что унижал дорого ей учителя.

И тогда она поклялась омыть его честь своей славой и кровью племени Кондора, а затем и других племен. Для этого ей нужно было оружие, способное убить сотни воинов, и она направилась его искать. Долгие годы она в одиночестве скиталась по лесам и горам в поисках подходящего дерева. Когда голод и жажда одолевали ее, она взывала к духу Росомахи, и тот помогал ей добыть себе пищу и кров.

Наконец, однажды Иива вышла к чистой поляне, в центре которой стояло одно единственное молодое дерево, едва достигавшее кроной до ее головы. Она подошла к нему, провела ладонью по ветвям. Они были теплыми и бархатистыми, и изгибались под ее пальцами, будто стараясь обнять. Рядом с этим деревом эльфка чувствовала себя так, будто снова слышит слова учителя.

Но она поняла этот знак по-своему. Подняв с земли острый камень, и воззвав к духу, она ударила по стволу повыше корня. Деревце пошатнулось, но не упало, и тогда Иива ударила еще раз. Так била она, пока не срубила ствол окончательно, желая унести память об учителе с собой, и сделать из нее величайшее оружие. Когда с этим было покончено, она поднялась

на ноги, и стала стесывать с дерева ветви и сдирать молодую кору. Не слышала она стона умирающего растения, коим был первый Мелорн. И когда последний лист коснулся земли, и последний кусок коры засох, она почувствовала, что ветвь в ее руках больше не теплая и бархатистая, а холодная, и сухая. Она держала ее, и вспоминала, как держала руку умирающего Вольвариэля. И когда это сравнение стало для нее самой нестерпимым, она услышала долгий предсмертный стон, эхом разошедшийся по равнинам, стон умирающего Древа Предков.

Иива упала на колени, скорчилась, и заплакала. Ее слезы падали в землю, раскалывая ее, и обращаясь бегущим потоком. Это были первые слезы, которые знала земля, и на том месте, где раньше была поляна, из земли поднялись высокие деревья, но ветви их не смотрели в небо — они были направлены к земле, сочувствуя ее горю. Это место теперь называют Слезы Иивы, и оно священо для нас, наших сестер и братьев: никто не вправе проливать там кровь.

В исступлении сидела она, пока ночь не сменила день, и лишь тогда вспомнила, что видела семя на одной из ветвей. В полной темноте она бросилась ворошить и перебирать все, что попадалось ей в руки. Когда последняя надежда оставила ее, она взмолилась Росомахе, но та была не в силах ей помочь. И, когда с рассветом осталась Иива совсем без сил от голода и слез, и уже собиралась уйти, в своей руке она нашла его.

В то время племена в первый и последний раз объединились, чтобы определить сильнейшего раз и на всегда. Воины стояли в поле и в горах, в лесах и реках, и не было им конца. Тотемные животные, звери, а не духи, доселе помогавшие своим старшим братьям в быту и охоте, вышли воевать рядом с ними. И когда первые эльфы уже собрались сдвинуться с места, чтобы рвануться в бой, в поле, раскинувшееся между ними, упала одна единственная стрела. Стрела без наконечника, что, коснувшись земли вызвала землетрясение такой силы, что многие из стоявших повалились без сил. Воины принялись искать стрелка, что выпустил эту ужасную стрелу, и тогда в центр поля вышла Иива с черным луком в своей левой руке и множеством подобных стрел в правой. Увидев ее, все, стоявшие на ногах, ринулись вдвойне сильнее, но она натянула тетиву и выстрелила второй раз, и гром с тряской были теперь таковы, что уже никто не мог устоять.

Упавшие эльфы стали кричать и натравливать своих верных зверей на нового противника, но те, наоборот, склонили головы, и пошли к ней с покорством, словно признавая новым вожаком. И тогда воины поняли, что не смогут ее победить. Лишь тогда она заговорила.

«Слушайте меня!» — громко проговорила она, и голос ее был подобен ветру. «Сколько лет, сколько веков, сколько цветений Удумбара мы воюем? Эльфы, вы видите, что делаете друг с другом, что уже сделали с местом, породившим вас? За что вы деретесь теперь? За землю? Но ее много, куда не посмотри, пройди шаг, и она свободна. За пищу? Но духи дают ее в достатке, и мы не испытываем нужды. За правду? Но посмотрите на себя, вы грязные, злые и опустошенные, никто из вас не знает иной правды кроме своей собственной. Вы деретесь потому, что не умеете ничего другого, и даже не пытаетесь научиться. Присмотритесь, мы все похожи, так почему бы не жить в мире!» — Но эльфы не ответили ей, лишь только сильнее оскалив зубы: — «Жизнь дана животным, чтобы они дополняли друг друга, плодились, размножались, и заполняли мир. Жизнь дана растениям, чтобы они формировали мир. Жизнь дана землям, водам и горам, чтобы они создавали мир. А нам дана жизнь, чтобы мы созидали себя, соблюдали и хранили гармонию. Так давайте откажемся от

боли, которую причиняем себе и всему вокруг. Мы совершили достаточно ошибок, теперь пришло время их исправить!» — Иива обвела лежащих эльфов взглядом, но не заметила раскаяния или понимания в их лицах, только страх и зверство. И тогда вновь загрустила она: — «Пусть те из вас, кто услышал мой зов, воспрянут, и я научу вас жить счастливо, жить достойно себя и этих земель!» — сказала она с надеждой, и ослабила прижимавшую к земле силу.

В нерешительности стоял народ, пока из его среды, на удивление всем, не вышел один, величайший из воинов Вэлдриэль. «Я согласен пойти с тобой, госпожа», — сказал он, подойдя. «И я», — тут же раздалось из рядов. «Я тоже», — послышалось со стороны. Иива смотрела на собравшихся вокруг нее, и радости ее не было предела, но улыбаться она не могла, ибо после того, как срубила Мелорн, она больше никогда не улыбалась.

Последователей Иивы было несравненно меньше, чем прочих эльфов, но она не собиралась останавливаться. «Мы пойдем туда, где сможем жить без смертей», — сказала она, и прошла вместе со своим народом через ряды замерших воинов. А оставшиеся эльфы молча наблюдали за тем, как их братья, сестры и их верные спутники-животные уходят в неизвестном направлении. Бой не мог продолжаться тогда, и воины сложили свое оружие, и по общему решению разошлись. Много было попыток найти народ Иивы, но он исчез без следа, и тяжело стало оставшимся. Вместе с животными от них отказались и духи, став глухими к молитвам. Угроза нависла над их головами.

А народ Иивы процветал. В сени самых густых лесов посадили они семя Мелорна, и оно взошло. Его называли Бонхеаль. Мелорн давал защиту всему народу, спасая от холода и жары, давая кров, а животные помогали новым хозяевам как старым. Ничего не требовала Иива взамен, кроме одного: «ни одна жизнь не должна быть отнята без самой веской причины», — говорила она, и все соблюдали этот принцип. Эльфы ее народа научились созидать вместо того, чтобы разрушать. Сначала неумело, но затем великолепно, они сажали плодовые деревья, оберегали леса и кормили зверей. Только когда племя разрасталось, и фруктов не хватало, животные помогли им, и приносили дичь. Вскоре же слава их стала разноситься так далеко и громко, что не смогли они более оставаться незамеченными.

Отказавшиеся же ранее влачили по истине жалкое существование. Брошенные всеми, лишенные сил, они не умели растить пищу, чтобы наестся, не знали, как найти воду, чтобы напиться, не могли поймать животных, чтобы насытиться ими. Будто их собственные силы покинули могучий народ вместе с покровительством природы и духов. И тогда племена объединились. Не сразу, но со временем все, кто до того был врагами, стали одной большой семьей. Они разделили обязанности, и сами научились сажать деревья и искать воду, умирая от жажды и голода. Лучшие из бывших воинов собирались в отряды и тренировали детей, чтобы охотиться на опасных хищников группами. И когда это новое племя услышало о славе ушедших, они решили найти их, и забрать то, что им полагается.

Долго шли они через множество земель столь огромное, что трудно представить. Но их следопыты были чуткими, лучники меткими и дальноточными, а воины смелыми и сильными. Даже простой народ сплотился на пути к этой цели, помогая друг другу, защищая чужих раненых, как своих, и вместе оберегая кров и пищу. Так дошли они до земель, охраняемых Бонхеалем.

Когда главы племен вошли в сень Родительского Дерева, к ним на встречу вышли ушедшие. «Ну что, теперь вы поняли, о чем говорила вам наша госпожа?», — спросили они. «Хотите присоединиться к нам, или отнять то, что мы тут создавали?», — говорили они. А

полюбоваться было на что. Величественные постройки, скрытые в сени деревьев, прекрасные тонкие инструменты и затейливые рисунки. Даже сам Мелорн встретил пришедших суровыми речами. «Нет», — ответили они. «Мы хотим забрать принадлежащее по праву, своих спутников, а затем уйдем, оставив вас восвояси. Живите как вздумается, нам давно нет до вас дела». «Не может быть», — воскликнули ушедшие: — «Вы хотите отнять у нас наших помощников, чтобы напасть под покровом ночи, убить нас и нашу повелительницу», — нарастал гул, и оружие уже готовилось к бою: «Мы защитим Ииву даже ценой собственных жизней, ибо нет для нас в мире ничего более ценного, чем то, что она нам даровала».

И в тот момент, когда бой уже должен был грянуть, из рядов солдат вновь вышла она. Вышла, и закричала: «Стойте! Глупые дети, вы так ничего и не поняли. Нет ничего ценнее жизни, не важно, моей, вашей, или их. Отдайте пришельцам то, что принадлежит по праву, и живите дальше!», — но ушедшие уже не внемли ее словам. Они готовы были пойти в бой с ее именем на устах. «Мы любим тебя, Иива», — говорили они: «Не дадим тебя в обиду дикарей». И тогда она сказала: «О какой любви вы говорите? Вы нарушаете все, чему я вас учила. Недостаточно просто есть фрукты и ухаживать за животными, важно растопить свое сердце! Посмотрите на этих эльфов! Вместо того, чтобы убивать друг друга, они сплотились, они помогают друг другу безвозмездно, без тени сомнений. Даже стоя здесь, они не хотят драки, понимая, что тогда погибнут многие», — Но ее народ не понимал слов, хоть и остановился, а пришельцы не спешили обнажать оружие, и ждали решений. И тогда Иива поняла. Она сказала: «Вы, пошедшие за мной из страха и любопытства, у вас было все, чего вы могли пожелать, как и раньше, и это вас погубило. Вместо этой жизни и этого мира за все вы благодарили меня, не как учителя, а как бога. Вам нет места в сени Мелорна, уходите отсюда, ибо ваши сердца ожесточены и больше вы не ровня пришедшим. Непроглядная тьма застлала ваши глаза, и вы не видите, что творите. Она застлала ваши души, и вы не чувствуете своей вины. Тьма обволокла вас еще хуже, чем когда вы были дикарями. Теперь вы — Темные эльфы, и отныне все будут называть вас этим именем», — ужасная тишина повисла над лесом в тот момент, и Темные эльфы не могли поверить тому, что услышали. Но Иива не замолкала: «Вы же, оставшиеся тогда на поле боя, пусть и спустя время, вы моя истинная гордость. В помощи и защите друг друга, в обращении к братьям как к равным, вы цените жизнь превыше смерти. Забирайте же своих спутников, и идете восвояси, но возьмите еще вот что», — сказала она, и раздала каждому из старейшин по семечку: «Это — семена Родительских Древ. Посадите их, каждое в своей земле, и называйтесь отныне Домами, потому что там будет ваш дом. Слушайте природу и себя, и услышите во всем этом жизнь, ценнее которой ничего нет. Я ошиблась, давая своим ученикам урок за уроком, теперь не стану. Запомните главную истину: «каждая жизнь должна быть сохранена», и зовитесь отныне Светлые эльфы. Живите так, и ваш век будет долог и счастлив. Вам же, Темные, я даю то, что поможет вам выжить в надежде что вы сумеете найти свой путь», — сказала она. «Идите и ищите его, помня о моих уроках, и тогда однажды ваши братья вновь примут вас в свои ряды. Я же уйду, ибо дети мои уже выросли достаточно, чтобы не потеряться в густом лесу».

Сказав так, она шагнула в сень кустов, и исчезла. Светлые эльфы со своими духами-хранителями ушли на свои родные земли, где они разошлись, кто куда. Они усвоили урок, принесся куда больше, чем могли даже мечтать — единство и цель. С тех пор они никогда не просили у духов помощи в делах, которые были посильны им самим. Племена так же

перестали быть замкнутыми, и союзы стали заключаться между ними. После каждого такого муж с женой дорисовывали на тотемном столбе новую фигуру, символизирующую, что их семью оберегает еще один дух, которого они помнят и уважают. Очень скоро с ними сблизилась все живые существа, и эльфы наконец услышали голоса природы, музыку жизни.

А Темные эльфы ринулись к Бонхеалу, Мелорну своего племени, но, когда подошли к нему, молния ударила в ствол, и за считанные минуты от Древа Мира осталась только груда черного железа, сама собой превратившаяся в меч, лезвие которого было темнее самой темной ночи. Изгнание было признано самой природой. Общим решением клинок передали Вэлдриэлю, который стал первым Хранителем, ведущим народ за собой. Темные еще несколько раз появлялись то тут, то там, но найти их братья уже не смогли. А вскоре и Слезы Ивы откололись от прочего мира, отгородились словно незримой стеной и вот уже множество лет ни один эльф не может найти священную землю.

Рейнальд напряженно смотрел на Араниэля в ожидании продолжения, а маленькая эльфийка, заслушавшись, замерла, чтобы, казалось, ненароком не спугнуть рассказчика.

— Что, все? — Неуверенно спросил человек, когда пауза затянулась.

— Да. — Просто ответил эльф. — А что, тебя что-то еще интересует?

— Вы примите назад Темных эльфов? — Коротко спросил Охотник.

— Как только найдем их, Рей. — Произнес он с улыбкой. — К несчастью, мы не можем этого сделать, пока они сами не захотят.

Спустя еще пару минут все засобирались и нехотя направились к выходу. Уже у самого порога маленькая эльфийка снова дернула Рейнальда за рубаху.

— Ну что? — Раздраженно повернулся он, оторванный от своих мыслей.

— Смотри, — прошептала она, указав на тотемный столб, — там, внизу, самый первый рисунок.

— И что это? — Хмыкнул он. — Я ничего не понимаю в ваших рунах.

— Росомаха. — Шокировано выдохнула она.

— Быть не может... — Оторопело произнес он.

Глава 2. Анка

Первые солнечные лучи уже касались мутных окон. Деревья покачивались на легком ветерке, а деревенский воздух разрывался криками петуха.

— КУ-КА-РЕ-КУУУУУУУУ. — Раздалось со двора.

Марна поморщилась и приложила руку к виску. Вздохнула. Она знала, что через несколько секунд из другой комнаты раздастся вопль проснувшейся внучки. Когда-то именно это натолкнуло ее на подозрения.

— Ваа-а-а-ааа. — Проревела Анка из своей кровати.

В ее возрасте рыдать большую часть суток было нормально. Ненормально было то, что до переезда девочка была тише воды ниже травы. Кому-то из взрослых нужно было основательно постараться, чтобы вытянуть из мелкой хоть какие-то звуки. Но здесь каждое утро у Анки начиналась истерика.

Марна раскрыла суму по шире. Не глядя складывая в нее пучки трав, куколки, большие флаконы с жидкостями, и малые — с ароматными маслами. Банки и баночки с разнообразными порошками и смесями она сложила еще вечером.

— А-а-а, а-а-а, а-а-а. — Мелодично убаюкивала дочь внучку.

Бесполезно. Марна хмыкнула и растянула губы в ехидной усмешке (нежданно-негаданно месть пришла через года дочурке). Всем уже пора было бы запомнить, что до последнего петушиного крика она не затихнет.

— КУ-КА-РЕ-КУУУУУУУУ.

— Чтоб тебе провалиться. — Прошипела себе под нос женщина, снова поморщилась, и затянула узел на горловище сумы. Надела подготовленный вчера длиннополый плащ, перекинула ношу через плечо. Уже собравшись уйти, она остановилась в центре комнаты и оглядела просторы, бывшие долгие годы ее убежищем и лабораторией. — Глупые дети, — пробормотала она, — навалились, испортили заслуженный отдых, все перевернули вверх дном. Неужели я не заслужила спокойную старость? — Последнюю фразу она произнесла чуть громче в потолок с долей грустной иронии. — Конечно не заслужила. — Понурила она голову. — Ничего не заслужила... Прощай, родное жилище.

Она развернулась и подошла к столу, на котором лежали еще два мешочка. Раздался стук в дверь.

— Мам, ты там? — Послышалось из-за нее. Никто в доме не смел открывать дверь в комнату бабушки, этому все научились еще в первую седмицу после переезда.

Марна взяла звенящие мешки и отворила дверь. За ней стояла Виолетта с Анкой на руках. Бабушка обвела дочь внимательным взглядом. Посунувшееся лицо с округлыми грубоватыми чертами, доставшимися от отца. Несмотря на усталость глаза сохранили огонек мрачной решимости. Длинные каштановые волосы, как и у матери, с возрастом повыщвели и истончились. Стояла она, сутулясь, как будто ребенок на руках и накинутый поверх ночной рубахи платок сдавливали ее невыносимым грузом.

— Уходишь? — Односложно спросила она, делая шаг назад, чтобы не загораживать Марне дорогу.

— Она отмечена. — Вместо ответа сказала женщина, спокойно глядя в лицо дочери стальными глазами.

— Чем?

— Моим наследием. — Пространно сказала она. — Через 13 лет сюда придет мой посыльный, если все пройдет гладко. Тогда моя внучка выберет свою судьбу. В ином случае... считайте, что я умерла, мне все равно. — Женщина болезненно сощурилась. — Кстати, не пытайтесь до этого момента войти в комнату, не получится. — Лаконично произнесла она и направилась к выходу.

— И все? — Без удивления и почти без вопросительной интонации в голосе спросила Виолетта. — Очень в твоём стиле, мам.

Марна усмехнулась, и, остановившись, обернулась у самой двери. Виолетта удивленно рассмотрела разглаженное от морщин лицо матери, на котором читался легкий налет неожиданной грусти.

— Ты все понимаешь.

Огонь горел у самого основания Мира. Он извивался кольцеобразными вытянутыми щупальцами спрута, и, разделяясь на множество искр, разноразмерными сферами разлетался по бесконечным просторам ледяного космоса. Она наблюдала за тем, как сферы причудливо переливались всеми цветами радуги, изгибались, кривились, корчились, принимая совершенно иные формы. Вокруг изобиловали как знакомые кубы, круги, цилиндры и пирамиды, так и совершенно неизвестные ни одному человеческому существу объекты без названия, нарушавшие привычные представления о формах, многогранники. Недоступные трехмерному измерению, здесь они смотрелись куда более органично. Она протянулась, чтобы взять одну из них. Нежная изумрудная трава синими пятнами разлилась на гладкой поверхности супероктаэдра, а солнечные блики весело отразились от него, создавая в голубом небе радугу из четырех тысяч девяносто шести цветов. Удивленно она распахнула глаза, и попыталась охнуть, но обнаружила, что рта у нее нет. Оторопело провела по тому месту, где он должен быть ладонью, но вместо нее почувствовала на лице нечто склизкое и противное.

— Опять приходишь сюда? — Со смесью задумчивости и насмешливости произнес кто-то у нее за спиной. Она резко обернулась, и увидела, как из множества теней, отбрасываемых травинками, сгибающимися под легким ветром, просачивается одна по больше. Тень струилась и переплеталась, скручиваясь в бесформенную фигуру.

«Кто... ты» — пронеслось в ее голове. Она окончательно перестала что-либо понимать.

— Тот же вопрос. — Существо помедлило. — Сколько раз ты уже задавала его? Намного меньше, чем могла бы, я полагаю. — Существо окончательно оформилось и уперло множество перетекающих один в другой глаз на нее. — Мое настоящее имя нельзя произнести твоим примитивным органом речи, тем более что даже если это удастся, оно потеряет смысл. Ваши древнейшие предки, строившие пирамиды, и почитавшие четырехлапых зверей, которых так любит мой друг, придумали мне более человеческое название, но оно также бессмысленно, ведь ты не знаешь их языка. Имя должно отражать суть, и древние были в этом куда более сведущи. Можешь называть меня так, как тебе будет удобно. — Прозвучало в ее голове.

«Ньярлатхотеп» — как будто само по себе прозвучало вслед.

— Ты точно та же самая, что и в прошлый раз... Это имя нравится мне гораздо больше, глупого прозвища. — Он закопошился, и плавно перетек ближе, заставив ее испуганно отшатнуться. — Не бойся, — раздалось в ее сознании, — пришло время задать другой вопрос.

«Вопрос?!» — удивилась она. «Вопрос? Вопрос... ах да, вопрос». Она уверенно подняла голову. Ньярлатхотеп протянул одно из щупалец к небу, и из множества звезд, бороздящих космос, к нему ринулась одна. Ловко схватив, он втянул ее внутрь себя, как бы передавая по проводнику. Она видела, как звезда перетекала по конечности и оказывалась внутри организма Ползучего Ужаса: там, где она проходила, его тело светилось ослепительно-белым. Окончательно поглотив ее, Древний обернулся на встречу девушке. Тьма в основании его тела была столь непроницаема, что даже свет могучей звезды не мог сквозь нее пробиться. Он сделал над собой некоторое усилие, и из его глубин показалась фигура. Одна из тех, что еще недавно кружили вокруг. Фигура без названия, формы или хотя бы статичной структуры. Объект размером примерно до плеча призывно переливался в лучах солнца всеми тысячами цветов радуги.

— Подойди. — Ни то призывно, ни то указующе сказал он, и щупальца разошлись в стороны словно в извращенном реверансе.

Оторопело она протянула вперед руку и пошла.

Что за силы, наполняющие меня? Древние забытые.

Почему мне кажется, что я это видела? Тебя тянет к мистике.

Здесь есть кто-то еще? Нет, ты особенная, или сумасшедшая.

Я такая слабая, что может защитить меня в огромном мире? Мы.

Когда я найду свою любовь? Скоро, но она далека от гармонии.

Это не может быть правдой, да? В мире не существует такого, это противоречит действительности? Какая разница, что может существовать, а что нет если ты уже *здесь*. Действуй исходя из условий.

Кто я? Ты — это я, но лишь наполовину. Смертная с древней кровью в венах. Величайшая ведьма, или деревенская сумасшедшая? Внучка феникса, или дочь воробья? Бессильный против обстоятельств кузнец своей судьбы? Все вместе, или что-то одно? Ты это ты. Ты, это — ты. Моя внучка, моя дочь. Анка. Смотри.

Анка обнаружила себя стоящей вплотную к переливающимся фигуре, время будто замедлилось, и растянулось. Нерешительно протянув руку, кончиками пальцев дотронулась она до нее.

«Вопрос...» — полчища теней заметались вокруг. Она резко вскинула голову. Толпы людей, знакомых, и не известных, невнятными контурами проходило мимо, водили хороводы, ругались и веселились. Анка оглядела всю эту толпу, но ей не было конца и края. Люди были словно буря, в эпицентре которой оказалась она. «Вопрос» — прошептал кто-то, проходя мимо. Она обернулась, чтобы рассмотреть его, но тот уже слился с толпой подобных ему зевак. «Вопрос, Вопрос? Вопрос! Вопрос...» — гомон смешивался в песню в ее голове. Вопрос?

— Я готова! — уверенно произнесла она.

Тишина.

Она уже говорила это множество раз. На секунду все старые вопросы всплыли у нее в голове. «Кто я?», «За что мне это?», «Кто вы?», «Что мне делать?». Множество вопросов и ответов всплывали один за другим. Но о чем же еще узнать, если к утру знания вновь сотрутся из памяти? Фигура в сумасшедшем темпе закрутилось под ее рукой, фрагменты менялись местами, и вытесняли друг друга. Она уже знала все о своем прошлом и будущем,

про себя, кажется, спрашивать уже было нечего. Про родителей? Про страну? Спросить про планету? Нет это точно глупость... объединить это все.

— Кто вечно скрывается в тени подле меня?

— Отличный вопрос. — В полной тишине прошептал над ухом Ньярлатхотеп. — Смотри. — Он указал одним из щупалец куда-то вверх.

Анка проследовала за его указанием. Толпа вокруг вновь наполнилась движением и гомоном, непроницаемый шум заполнил все. Люди копошились, кричали, ругались один на другого, и умоляли, падали, и поднимались вновь. Но это все было внизу, вокруг нее. А поодаль, образуя по периметру кольцо, высоко в небо, к самому солнцу, от земли поднимался ряд гигантских фигур.

«Кто это?» — немой вопрос застрял у нее в горле.

«Ратибор, Рейнальд, Охотник, Предатель, Хранитель, Хенкер, Князь, Безликий, Дракон Иива» — образы и слова калейдоскопом проносились в ее голове.

— Ах. — Вздохнула она, не в силах вынести это. — Перестаньте! — Закричала она, хватаясь за голову.

— Теперь хватит, — раздался в голове ухмыляющийся шепот Ползучего Ужаса. — Пора вставать. — Гул теней вокруг перерос в громкий, дикий плач. Зелень травы, бывшая под ногами, смазалась, и все вокруг пришло в движение — водоворот. Солнце исчезло, будто его никогда и не было, а воюющие призраки стали превращаться в цветные фигуры, затягиваемые в воронку, те же, что еще могли, бежали от нее, пытаясь спастись, но сила, с которой их тянуло внутрь, много превосходила их слабые ноги. Только фигуры — титаны неподвижно нависали над толпой, продолжая свой немой разговор.

— Нет, — подумала она, — если я проснусь, то опять все забуду.

Пересилив поток мыслей, она, чувствуя, как воронка теней утягивает и ее, закричала.

— Хоть одно имя, я хочу помнить хотя бы одно имя, когда проснусь. — Она сорвалась на плач. — Иначе какой от этого толк?

«Имя, имя» — зашелестело вокруг. Анку уже затянуло в водоворот фигур, и она стремительно летела мимо них вниз. Обернувшись, она увидела приближающуюся Землю, а спустя мгновение и крышу своего дома, к которой прямо сейчас направлялась. Собравшись с силами, она развернулась к ней спиной, отчего руки потоком вытянуло наверх. Она с удивлением рассмотрела их: левая была полностью человеческой, в то время как вместо правой было продолговатое черное щупальце.

— СКАЖИТЕ! — Прокричала она в пустоту, и с удвоенной силой провалилась в бездну.

«Василек слеп, но Ломеион видит все».

— Ломеион, — прошептала она сквозь сон.

— КУ-КА-РЕ-КУУУУУУУУ. — Раздалось со двора.

Резко проснувшись, девушка подскочила на кровати. Поверхности простыни и одеяла были противно-влажными от обильно пропитавшего их пота. Голова раскалывалась не милосердно. Она помнила, что ей приснился очень странный сон, но ни одной детали от него не осталось. Посидев с минуту, она обнаружила в стонущем сознании ниточку, уходившую в глубины сна, но никак не смогла за нее уцепиться. «Лом, омела, мел, енот?».

— С добрым утром, солнышко, уже проснулась? — Широко распахнув дверь, спросила, войдя внутрь, женщина. Она была высокой. Когда-то. Но сейчас сутулость и возраст сократили ее рост на пару дюймов. Длинные каштановые волосы обильно поседелели. Но вот

что не менялось, сколько Анка себя помнила, так это авантюрный огонек в глазах мамы и ее добрый взгляд.

Встряхнувшись, она отбросила дурные мысли, загнала подальше головную боль, и обернулась к матери, натянув на лицо улыбку.

— Ломеион. — Уверенно сказала она, и поперхнулась.

— Чего? — Виолетта была готова услышать много чего, но непонятное слово выбило ее из колеи. — Если я узнаю, что это какое-то новое ругательство, получишь по ушам. — Сказала она не то в шутку, не то всерьез.

— Эээ, не знаю... само сказалось. — Проблеяла она, собираясь с мыслями. Ни значения слова, ни его применения на ум не приходило. Даже составить словосочетание не вышло. Очевидно было только одно — это и есть та ниточка, что соединяла это утро со сновидением. — Во сне приснилось. — Уверенно произнесла она. Это же не ложь, правда?

— Странные вещи тебе снятся, то морские гады, то слова. — Она хмыкнула. — Опять не выпалась, небось?

— Угу... — Грустно хлопнула Анка, чувствуя, что вот-вот свалится назад без сил.

— Ну тогда, прежде чем снова заснуть, посмотри, что мы тебе приготовили. — Раздался из-за двери бодрый голос отца.

Анка снова оглянулась. Теперь на пороге стоял среднего роста мужчина. Его грязно-коричневые волосы ничуть не поседели, хотя он был старше мамы почти на десять лет. Морщинистое лицо с горбатым носом и сжатыми карими глазами лучилось довольной улыбкой. Улыбка вообще была самым красивым элементом его лица.

— А ну закрой глаза. — Доверительно подмигнул он ей.

«Что за игры?» — мимолетно пронеслось у нее в голове, — «будто я ребенок». Покорно закрыв глаза, Анка принялась ждать. Спустя пару секунд на своей шее она почувствовала отцовские пальцы.

— Открывай. — Торжественно сказал он, закончив возню.

«Ну и?» — подумала она, снова начав видеть. Потом сообразила, что произошло, и провела рукой по груди, нащупав появившийся там шнурок. Пальцы сами собой скользнули к основанию, и Анка поднесла к глазам округлый предмет. Получше разглядев его, она оторопела, замерев с открытым ртом.

— Закрой, а то муха влетит. — Со смехом произнесла мама.

— Э... э. Это что, жемчуг?

— Да, и не простой, а настоящий морской, выловленный в самой Финляндии, между прочим. — Гордо произнес папа.

— Голландии. — Улыбаясь, сквозь зубы процедила Виолетта.

— А, да, да... точно. — Смутившись, поправился он.

— Так красиво. — Ошарашено сказала Анка. Хоть на всем шнурке жемчужина была только одна, она того стоила. Идеальная форма, гладкость, и прекрасный перламутровый перелив дополнялись внушительным размером. — Но откуда? Она же наверняка стоит кучу денег?

— Не даром твой папка сыскал славу торговца, каких поискать. — Он выпятил грудь. — О моей лавке по всей Европе ходят легенды.

— И правда, ведь в Европе ты не найдешь второго места, где тебя обсчитают трижды за одну покупку. — Еле сдерживая смех произнесла мама, но потом все-таки сорвалась и рассмеялась. — А потом ты покажешь, что купил друзьям, они опозорят тебя и засмеют за

то, какое это барахло.

— Эй, женщина, — обиженно ответил тот, — я честный торговец, не надо позорить мое имя на глазах моей дочери.

Родители стали подначивать друг друга, перемывая косточки, а Анка все не могла отвести взгляда от украшения. Скоро спор перешел на громкие тона, а потом взрослые дружно рассмеялись и замахали руками.

— Мама, папа, — выходя из ступора, произнесла Анка. Родители успокоились, и повернулись к сидящей на кровати девушке, — спасибо вам огромное. — Чуть ли не плача закончила она, и одним движением обняла обоих.

Ночная рубашка намокла в районе плеча от маминых слез, а довольный отец, зажав женщин в свои широкие руки, проговорил:

— С днем рождения, доченька, однажды ты передашь его тому... кого выберет твое сердце, и если он окажется хорошим человеком, то вернет его, чтобы наша стариковская жемчужинка и дальше украшала нашу... прекрасную жемчужинку. — Он кашлянул, не слишком довольный своей импровизацией.

— Подумать только, пятнадцать лет. — Всклипнула мама, и крепче уткнулась в плечо.

— Спасибо, спасибо, спа... — только и могла выговаривать Анка, не в силах высказать всю благодарность, которая едва ли была связана с подарком.

Августовское солнце нежно ласкало длинные каштановые локоны. Держа плетеную корзинку в руках, Анка вприпрыжку шла по дороге к лесу. Ветхие хибары старой деревни угнетали девушку, но, сколько она не просила родителей, те на отрез отказывались перебираться в город. Отец говорил, что не хочет жить там же, где занимается делом, что это плохо влияет на этикетический фон, или что-то в этом роде. Что это за фон такой, он никогда не озвучивал, но звучало серьезно, поэтому вопросов у нее не возникало. Мама же утверждала, что не хочет отдаляться от родной земли и отцовского дома, в котором родилась, и намерена умереть. Брр. Хотя дом и наводил тоску своим состоянием и внешностью, внутри него было вполне уютно и тепло. Спасибо отцу, у них всегда были деньги. Спасибо маме — еда, грех жаловаться. Любопытство, конечно, разжигала комната, дверь в которую никогда не открывалась. Родители запрещали ей делать это, и сами не пытались на ее памяти, но почему? Кто знает. Мама что-то рассказывала про последнюю волю ее ушедшей матушки, бабы Марны, но ничего конкретного не рассказывала. «Видимо там за дверью какая-то ужасная тайна» — в какой-то момент решила она. Но за годы так ни на дюйм не приблизилась к разгадке (сколько не дергала ручку потихоньку, дверь была будто вмурована). Бабушку Анка почти не помнила, а то, что помнила, уже смазлось в сознании годами.

«Ломеион», — подумала она, припоминая утреннее пробуждение. «Что же это значит»? Где-то сбоку залаяли собаки, но стоило ей повернуться в их сторону, как они поджали хвосты и попрятались в конуры. Имя? Место? Предмет? Не ясно. Она сжала губы, пытаясь хоть что-нибудь сообразить. Соседские бабки бросали в ее сторону косые взгляды, женщины прикрывали собой малых детей, но Анка научилась это игнорировать. Мама говорила, что крестьяне не любят людей, зарабатывающих своей головой больше, чем руками, а отец как раз был из таких. Ненависть, граничащая со страхом, направленная к самой Анке была ей не понятна. Как и со многим другим, с этим молодой девушке пришлось смириться. Она неторопливо дошла до леса, и уверенно двинулась вглубь, оставляя за спиной деревню и

ряды деревьев. «Ломеион». Ничего даже отдаленно похожего на это слово не приходило в голову, ни одной ассоциации. От увиденного сна в памяти не осталось и следа, сказки на ум не приходили. Может кто-то из старших на улице говорил в один из тех разговоров, которые она случайно подслушала, проходя мимо. Хотя было бы странно, ведь пива с таким названием представить она не могла.

Задумавшись, Анка не заметила, как подошла к тому месту, где все деревенские собирали ягоды, туда же нужно было и ей. На полянке стояла стайка из четырех девушек ее возраста, обиравших кусты малины. Заметив их, Анка растерялась, и замялась, раздумывая уйти ей, или закончить начатое. Девушки шушукались, заливались звонким смехом, и толкали друг друга кулачками. О чем они? Анку никогда не звали в такие междусобойчики, а даже когда она приходила, специально ли, по воле случая, сторонились ее. Уже задумавшую отойти по глубже в лес переждать, Анку настиг крик одной из соседок.

— Анка-а, давай к нам. — Громко позвала конопатая курносая девчушка, самая старшая из всех. Ее сарафан был отделан самым красивым орнаментом, который придумала и вышила она сама. Предмет гордости и завистливых вздохов, по крайней мере Анкиных. Хотя другие девушки тоже посматривали на Гразину едва ли не синее от зависти.

Робко шагнув вперед, Анка заметила, как зашипели на Гразину другие. До этого она еще размышляла, идти, или отказаться, но теперь, поднявшееся из глубины души возмущение не оставило ей выбора. Хмыкнув, и сжав левую ладонь в кулак, она, печатая шаги, двинулась на встречу судьбе. Нет, ей не грубили, ее никогда не прогоняли, если она окажется рядом, не отказывались ей отвечать, и не отворачивались, переглянувшись. Просто отводили взгляд. Ее никогда не звали гулять ни девушки, ни парни (что было особенно обидно), разговаривая с ней, дети старательно выбирали каждое слово, а оказавшись рядом, поскорее доделывали дела и уходили подальше. В целом напряжение постоянно висело в воздухе, когда она пыталась общаться с остальными. Даже животные обходили ее стороной, будто весь мир отделяло от Анки нечто непостижимо непроницаемое. Не было этого разве что между ней и родителями. Хвала Господу хоть за это.

— Ты чего нос повесила, ну? — Гразина хмыкнула, и хлопнула ее по плечу. Другие девушки чуть посторонились парочки. Из всей деревни более-менее дружелюбно к Анке была расположена разве что она. Не то, чтобы подруга, но какой-никакой близкий человек, Гразина видела реакцию окружающих на Анку, и по возможности старалась помочь, хоть большинства вопросов и избегала.

— Сон плохой приснился. — Резко потеряв боевой запал, пробормотала она, срывая и опуская в корзину первые ягоды.

— Сны-сны, — скорчив рожицу, передразнила она, — хватит уже во снах этих свойских витать, а то под венец никто не возьмет.

— Да надо больно, — как показалось ей самой, твердо произнесла она, — сама-то вон тоже в девках ходишь.

— Ну так-то до поры, до времени. — Гразина доверительно подмигнула. — Платье-то подвенечное, чай, уже висит.

— Ого. — Удивленно произнесла Анка с плохо скрываемой завистью. — Красивое?

— А то, — гордо ответила девушка, — чай сама вышивала, не матушка. Та-то только эти, как их там, фарш-соны умеет сделать. А дальше уж моя работа, гляди. — Она доверительно провела рукой вдоль подола. — Ну а ты как? — Нахваставшись продолжила она. — У тебя, чай, день рождения со дня на день, готовишься?

— Уже, — смущенно проговорила Анка, — сегодня.

— Ого, — воскликнула собеседница и почесала голову, — ты уж прости, замоталась я, позабыла. Поздравляю сердешно, от всей, так сказать, души. — Сказала она, ставя корзину на землю.

— Ага. — Без капли расстройства ответила Анка. То, что кто-то из местных вообще помнит о дне ее рождения было приятно само по себе, Гразина старалась поздравлять ее последние несколько лет.

— Ну и чего стоишь то? — Будто ожидая продолжения произнесла конопатая.

— Чего? — Удивленно обернулась Анка, и тут подруга схватила ее, крепко сжав в объятья.

— М м, м м. — Замямлила Анка, не в силах ни вдохнуть, ни выдохнуть.

— Чего бубнишь, говори громче. — Заливаясь смехом, сказала Гразина, — В здоровом теле дух тоже должен быть здоровым. — И отпустила девушку, давая ей с наслаждением отдышаться. От неожиданности та уронила корзинку, благо что ягод в ней пока не было даже до половины. — Чего тебе подарили-то? — Нетерпеливо произнесла она, переминаясь с ноги на ногу.

Анка хотела было ответить, но воздуха в груди все не хватало, так что она запустила руку под воротник и потянула за шнурок, вытаскивая на свет украшение.

— Ах! — Хором вздохнули все девушки, неожиданно оказавшиеся вокруг, как только дело дошло до подарков.

«Вот так красота», «Вот это да», «Ого» — раздавалось вокруг.

— Этож, чай, как корова стоит, если не две. — Оторопело проговорила Гразина, повертев жемчужину в руке. — Эх, хорошо, когда батя торгош!

Завистливый шепот вокруг все нарастал, и Анка, наконец разогнувшись, победоносно произнесла.

— А то!

Мало-помалу перешептывания перешли в гул, гул в гомон, а гомон... в нормальный разговор. Неожиданно для них самих, девушки стали расспрашивать Анку сначала про семью, потом про одежду, потом и про нее саму. Разговор же в свою очередь перерос в спор, спор в сплетни, сплетни в ссору, и так далее, утягивая Анку за собой в далекие, неизведанные дали. Пока корзинка заполнялась, она узнала про тяжесть рутины доения коровы, выгуливания козы, прополки грядки. Узнала, кто из парней дурак, и почему, в таких подробностях и вариациях, что странно становилось, как их до сих пор носит земля. «Этот проходу не дает, тот пахнет плохо, третий подглядывает, четвертый не смотрит». Не обошли стороной и родителей, от которых, на удивление, большинство девушек были не в восторге. Даже ямы на дорогах и те умудрились обсудить, хотя каким боком это было здесь, понять было решительно невозможно.

Когда солнце вошло в зенит, они спохватились, подняли с земли корзинки, и медленно перешептываясь двинулись к домам. Из-за неопытности в подобных разговорах Анка все больше молчала, но, как ни старалась скрыть это от самой себя, получала удовольствие, не сравнимое ни с чем, из бывших до этого в ее жизни.

— Эй, девчонки, а что это там? — Вдруг проговорила одна из них, указывая ну куст малины, чуть в стороне от дороги. Он был плотный и особенно колючий, так что дети

никогда не лезли его обирать, но сейчас почему-то шевелился.

Анка захотела что-то сказать, мысли, навеванные сном, словно стали на шаг ближе, но Гразина приложила палец к ее губам. Жестами она показала что-то остальным. Куст тем временем затих и перестал подавать признаки жизни. Ничего не понимая, Анка отошла чуть в сторону и принялась наблюдать. Что-то для себя уяснив, девушки разделились: Гразина подняла с земли крупную палку, остальные же пошли дальше по дороге, громко топоча, и приговаривая, что, де, показалось. Анка ждала. Когда остальные отошли на приличное расстояние, куст зашатался вновь.

— АГА! — Победоносно закричала Гразина и ткнула палкой прямо в малинник. В ответ куст хрюкнул, и шатнулся с удвоенной силой. — Вылезай, чего спрятался, не успокоилась она, и еще несколько раз ткнула в кустарник.

— Грррр-ах. — Хрипло принеслось из его глубины в ответ. Девушка пошатнулась. Подружки, ушедшие дальше зажимали рты от еле сдерживаемого смеха, и, когда Гразина к ним обернулась, едва не попадали на траву от хохота. Та захотела что-то сказать, но не смогла, обернулась к Анке и махнула рукой, в сторону зарослей, попутно оседая без сил. Лицо ее было бледное, как мел. Анка округлила глаза, подняла голову. Из кустов медленно высывалась огромная мохнатая морда с крупным черным носом, и вымазанным ягодами ртом. Под дружный смех подруг Гразина закатила глаза и с хлопком упала навзничь.

— Вррр-аагрх. — Проревел медведь, выламывая часть растения, и поднимаясь на задние лапы. Анка вскрикнула, отпрыгивая назад, и уперлась спиной в дерево. Хохот в мгновение ока сменился синхронным воплем, под аккомпанемент которого медведь угрожающе поднял лапы, и направил всю свою тушу на лежащую на земле девушку.

«Нет» — пронеслось у Анки в голове: «НЕТ!». Не в силах смотреть на это, она закрыла глаза руками, чувствуя, как уходит из-под ног земля. Послышался громкий стук, и новый крик Гразины разорвал воздух.

— СТОЙ! — Крикнула Анка, махнув рукой в сторону зверя, всеми силами желая, чтобы он исчез.

«Хенкер».

Время будто остановилось. Послышался негромкий треск, воздух запахом грозой. Боковым зрением Анка заметила волосы, развивающиеся вокруг нее на ветру. По ним прыгали, изгибаясь, голубые искры. Медленно переведя взгляд, она увидела, как они, объединяясь, перескочили на одежду, собрались на руках, и перетекли в ладони. Словно замкнувшись, электрическая дуга зависла одной стороной между ее рук, а другой ударилась в землю, подняв в воздух сноп грунта. Шокированная Анка продолжила свой взгляд к медведю, и, словно по велению ее глаз, электрическая дуга, дергаясь то влево, то вправо, и вырывая из земли клоки чернозема, направилась к зверю, а когда достигла его, между мордой медведя и ладонями девушки что-то промелькнуло, и безумно яркая, ослепляющая вспышка с оглушающим грохотом вырвалась из ее пальцев и ударила в толстый мех. Зверь засветился так, что, казалось, из-под кожи проявились жилы. Еще мгновение, и он вспыхнул в таком пламени, что до земли не долетели даже кости. Круглыми глазами Гразина смотрела, на опускающийся на ее сарафан пепел, еще секунду назад бывший монстром, пытавшимся ее убить. В полной тишине она обернулась к Анке. Ахнула, и зажала рот рукой. Девушки впереди снова закричали, но теперь это не был крик страха, это был дикий вопль безумного ужаса. Падая и спотыкаясь, они ринулись прочь, едва не задыхаясь от плача. Анка оглянулась на себя, с удивлением обнаружив, что между ступнями и землей едва ли не

ладонь пустого пространства. Заметив это, она шлепнулась на траву, не удержала равновесие, и вновь уперлась на дерево. Схватила рукой волосы, которые понемногу замедляли свое движение и оседали на одежду. Уже без удивления отметила, что ветра в лесу не было.

«Ведьма», «проклятье Марны», «отродь» — гулким шепотом отзывались улицы, когда Анка вошла в деревню. На подходе к ней, Гразина, до этого плетшаяся рядом, остановила ее, и хрипло прошептала: «Чтобы не случилось, не дай себя схватить. Ты спасла мне жизнь, и я буду вечно благодарна тебе за это, но сейчас... прости» — добавила она, и убежала вперед, вытирая со щек слезы. Анка понимала. Если их увидят вместе, подруга окажется в той же опасности что и она.

Девушка шла по улице, видя, как крестьяне захлопывают ставни, вешают замки на ворота, спешно загоняют скотину, и заводят в дома собак. С хлопком захлопнулась дверь и у нее за спиной. Мама молча указала на другой проем, пару шагов, и Анка оказалось в своей комнате. «Боже, за что?» — произнеслось у нее в голове. «Должно быть я еще сплю» — неожиданно подумала она. Трещащие голубые искры будто до сих пор покалывали ее пальцы, заставляя слезы наворачиваться на глаза. Произошедшее никак не укладывалось в голову, но боль и память упорно убеждали ее в реальности случившегося. Еще немного посидев так, она всхлипнула, а потом уснула.

Проснулась Анка от громкого стука. Выглянув в затянутое бычьим пузырем окно, она дернулась, увидев вдалеке обозленные лица крестьян. Кто-то стучал в дверь, кто-то в стены. Они взяли с собой все, что подвернулось: вилы, свечи, соль и иконы. Грохот усиливался, нарастал треск, от секунды к секунде все больше это напоминало какой-то бесовской шабаш. «Открывай», «Выходи, бесовское отродь», «Мать ихняя с демонами водилась, и дочка, и внучка, ведьмы проклятые». Анка схватилась за голову. По коридору стучали шаги родителей, как раз в тот момент, когда, громко скрипнув, сошла с петель дверь. Гудящая толпа ввалилась в помещение, и девушка уже приготовилась было к худшему, как вдруг гудеж сменила тишина.

— Три шага назад, отребье. — Прозвучал из коридора властный голос Виолетты.

Анка вскочила с кровати, дернула на себя дверь, и, зажмурившись, шагнула вперед. Тишина.

— Кто из вас, уродов, первый хочет болт промеж глаз, пусть выйдет вперед. — Анка широко распахнула глаза, уставившись на отца, стоящего со взведенным тяжелым арбалетом в коридоре, закрывающим собою проход вглубь. За его спиной, положив руку на мужнее плечо стояла мама, сжимая в руке кухонный нож. — Ну, в штаны понаделали, душегубы? Чего, ждали, что ворветесь сюда, и ребенка мне погубите, ссволочи. — Мужчина с трудом подбирал ругательства от распирающей его ярости, но Анка видела, что, несмотря на все это, ему было по-настоящему страшно: волосы на голове стояли дыбом, и рыжеватые локоны на глазах покрывались сединой. — Быстро объясните, что тут происходит.

Толпа зашуршала, и тут из ее глубин прозвучало:

— Твоя дочь чуть до смерти мою внучку не довела, да и то не велика заслуга, ежели моя ногами не так быстро перебирала, не сносила б головы, знамо дело. — Старческий голос хрипел и прерывался, длинная осмысленная речь давалась говорившей с трудом, в подтверждение чего, из глубин пришедшей в движение толпы вперед выпихнули

отбивающуюся девочку, одну из тех, что собирала ягоды. Ее глаза вертелись в орбитах, сердце колотилось на столько бешено, что левое плечо дергалось в ритм его ударов. Сопrotивляясь своему положению, она скребла ногами землю, пытаясь втиснуться назад, в спасительные ряды, вырывала руки и извивалась. Но крестьяне не ослабляли хватки, и крепко удерживали ее впереди, закрываясь, словно щитом.

Увидев это, Анка скривилась. Недавний ужас и переживания сменило тошнотворное отвращение. Не люди, а стая червей, пресмыкающихся перед ее порогом. Сами едва на землю не падают от страха, еще и без того перепуганную пичугу за всех отдуваться выставляют. И это вместо того, чтобы отблагодарить? Ненависть нежной волной стала подниматься из глубин ее души. Паразиты. А паразитов дают. Воздух вокруг запах грозой, а на улице потемнело, будто небо затянули тучи, но никто словно этого не замечал. Толпе, правда, это и не было нужно.

— Ведьма, — прошептал кто-то на ухо другому, — ведьма, — прохрипела дряхлая старуха, — ведьма, — прокричал на суке грач, — ведьма, — нежно прошептала на ухо тень.

— Ведьма? — Прокричал звонкий голос из толпы, когда та уже почти ринулась внутрь. — Да какая она ведьма? — Из среды гомонящих крестьян вперед протиснулась веснушчатая девочка. — Не знаю, что там этим дурехам привиделось с жару, а она, чай, от меня медведя отпугнула, так громко крикнув, что тот в лес убег. — Говоря это, она продралась сквозь сплошную стену спин, под неодобрительные шепотки, прошмыгнула под ложем взведенного арбалета, и схватила Анку за руку, загораживая от людей собою. — Что, скажете лучше, чтоб меня медведь задрал, а? Так вы значит получается?

Несколько замедленно Анка опустила взгляд на свою ладошку, и сжимавшую ее горячую и влажную ладонь подруги. Что это? Минутное помутнение прошло, как будто его и не было, а на улице стало светло как прежде. Злость, вытеснившая до того тревогу, улетучилась, и в душе девушки не осталось ничего, кроме пустоты. Опустошенно она уткнула лоб в плечо Гразиной, и тихонько захлопала.

— Если хотите ее на вилы поднять, придется с меня начать. — Уверенно произнесла конопатая, старательно скрывая предательскую дрожь в голосе. Виолетта переглянулась с неожиданным союзником и благодарно кивнула, улыбнувшись обескровленными губами.

— Они за одно? Да как можно, она моя дочь! Тоже ведьма? Да Гразина бы никогда... А она мне никогда не нравилась, косо на меня смотрела. Хватит! Она под ее чары попала, я сама видела, как они переглядывались! Замолчи. Выведем наружу обоих, там разберемся. Перестаньте!

Крестьяне, словно живой клубок рук, ног и злобы, пришли в движение, вновь двинувшись вперед. Новое противоречие вместо того, чтобы потушить конфликт, разожгло новый. Кто-то плакал, бился, кричал. Другие злились, и наполнялись решимостью. Отец покрепче схватил арбалет, мама поудобнее перехватила нож, а Гразина изо всех сил выпрямила спину.

— Так, — прозвучал в воздухе насмешливый голос. Казалось, что говоривший произнес это тихо, но слышали все. Он говорил насмешливо, но ни у кого не осталось сомнений в его силе и серьезности, — вершители самосуда нарушают саму основу закона божьего. Вы, заблудшие овцы, сколько бы ни взяли крестов, сколько бы ни разожгли факелов, и не намалевали икон, с настоящей ведьмой справиться вам не удастся, даже сейчас вы грешите. — Густой умеренно-звонкий голос гипнотической рекой разливался над грязной

озлобленной толпой крестьян, и словно повинуюсь ему люди потупили в пол взгляды безучастных глаз. — От проклятья магии, как известно, защищены лишь три группы людей, — лекторский тон говорившего наполнили нотки сочащегося превосходства, — ни к одной из которых вы, кстати, не относитесь. — Он ухмыльнулся. — Благословенные от рождения чудотворцы, молящиеся о спасении праведники, и вершители божественного суда — инквизиторы.

— А ты кто такой? — Прохрипел с трудом дед, сжимающий в руках распятие.

— Вы еще здесь? — С нескрываемым удивлением поинтересовался пришелец. — А ну пошли прочь! — Рывкнул он. Анка сощурилась от резкой боли в висках, а толпа, еще недавно готовившаяся разнести ее дом по бревнышку, в считанные мгновения, рассеялась.

— Итак, что вам нужно? — Мрачно проговорил отец.

Они сидели вчетвером за столом, на который Виолетта выставила все, что нашлось из съестного дома. После эффектной речи незнакомца крестьян сдуло по домам с такой скоростью, будто тот гнался за каждым лично. «Для черни нет жизни дороже собственной, чего не сказать о тебе, маленькая леди», — обратился он к Гразине, когда все стихло. Ее пришлось чуть ли не отдирать от Анки, увещевая в благонамеренности пришедшего. Дело осложнял стресс, из-за которого ладонь девушки было разжать не проще, чем подкову. Выпроводить ее удалось еще позже, когда Гразина, пообещав вернуться утром и «Навешать любому, кто пальцем Анку тронет по первое число». Сам мужчина был высоким и худым, как палка. Одет он был в длинную, до пола, рясу, под которой не было видно даже рук, а голову укрывал глубокий капюшон, из-под которого выбивались золотистые кудри.

Когда со свидетелями было покончено, жители дома наспех заделали выломанную входную дверь, и сели за стол. Напряжение росло, а мрачная решимость наполняла лица родителей все больше, от секунды к секунде, но гость молчал. Когда оно стало уже осязаемым, и, казалось, его можно потрогать рукой, он встал, и подошел к окну. Выглянув в него, и удостоверившись, что за ними не следят, вернулся к столу, громко плюхнулся на стул, откидываясь на нем назад, резко скинул капюшон, высвобождая шикарную золотую шевелюру и несколько нервно рассмеялся. Родители переглянулись, красноречивыми взглядами намекая, мол, парень-то не в себе, но тот скоро успокоился.

— Нет, ну вы видели, настоящее представление, — успокоившись, заговорил он, — я как эту толпу увидел, решил: «все», — думаю: «дело гиблое, опоздал». — Его молодое лицо омрачилось тенью страха. — Правда, подумать страшно, как бы оно вышло, если б заклинание не сработало. — Он резко замолчал. — Хе-хе. — Нервно добавил он и уперся невидящим взглядом в стол.

— Вы вообще кто? — Виолетта тряхнула гостя за плечо, пытаясь привести зависшего в чувства.

— Я-то? — Вдруг придя в себя, откликнулся гость. — Назар я, курьер, — он помедлил, — вроде бы. С экспертизой прибыл по поручению Марны Пламекрылой. — Он почесал нос. — Вовремя, надо полагать, в самый раз, хотя странно было бы, если б великая волшебница ошиблась расчётами.

— Чего? — Ошарашено произнесла Виолетта, поднимаясь из-за стола. Игнорируя ее, гость продолжал.

— Хотя по-хорошему мне необходимо произвести ряд проверок, думаю, можно опустить эту формальность. Вы ведь ее внучка, как-никак? — Уточнил он, глядя на Анку. —

Ну да, второго мнения здесь быть не может, уши, нос, форма черепа. — Он прищурился, рассматривая ее с головы до ног, чем тут же вогнал в краску. — Я имею честь пригласить вашу, дочь на обучение в академии магических искусств от лица Марны Пламекрылой. — Гордо уточнил он.

— Кхм. — Подавившись прохрипел отец.

— Не спешите, папа, вдох-выдох. Я не буду настаивать, или требовать что-то от вас, последнее слово останется за Анкой в любом случае. — Назар усмехнулся. — А чтобы удостовериться в выборе, Марна передала вам подарки.

— Подарки? — Пришло время шокировано вскрикивать Виолетте. — Она в жизни в нашу сторону пальцем о палец не ударила.

— Ну, это дело не мое. — Проговорил золотоволосый, и снял с плеча сумку. Порывшись в ней, парень достал продолговатый предмет толщиной с мизинец, и протянул его Анке. — Давайте не будем утомлять юную леди формальностями, пусть за меня с ней поговорит ее бабуля. — Усмехнулся он, отдавая объект. — Для вас тут куда более скучные передачи.

— Это что? — Взволнованно уточнила мама. — Анка, не трогай.

Не успела. Анка уже сжала руку на свертке, переданной гостем. Ее взгляд сразу расфокусировался, а спустя секунду она вскочила со стула и убежала в коридор.

— Куда пошла? Стой! — Крикнул отец, но тут Виолетта вспомнила что-то из стародавних времен.

— Это ключ от комнаты. — С неожиданным осознанием произнесла она. — Значит у тебя получилось, мама? — Добавила она в пустоту потолка.

— Итак, приступим. — Удовлетворенно проговорил гость, и принялся выкладывать из сумки пеналы, чехлы, и папки разных форм и размеров.

Дверь отперлась так, будто никогда и не была закрыта. Взяв в руки палочку, Анка почувствовала, или даже *вспомнила*, как открывала эту дверь, хотя, конечно, это было решительно невозможно. За ней ее ожидал пустой, порядком обветшалый кабинет, от былой славы которого не осталось ничего, кроме затянутых паутиной связок истлевших растений и рядов пустых банок. Правда, они интересовали девочку меньше всего. В воздухе стоял затхлый запах сырости. Уверенно Анка прошла по комнате к широкому столу, выдвинула из-под столешницы ящик, и безошибочно открыла второе дно, за которым, аккуратно сложенная, лежала, дожидаясь именно ее, записка. Нервно перебирая пальцами, Анка развернула ни капельки не истончившуюся бумагу, и направила ее на свет, пробивающийся через расшатанные перекрытия крыши, жадно вчитываясь в старые рукописные строчки.

«Если ты это читаешь, внученька, значит, у меня все получилось. Как минимум родители позаботились и обучили тебя чтению, а не готовили всю жизнь пасти коров или обирать крестьян стоя за прилавком. Кроме того, ни инквизиция, ни бандиты, ни демоны не добрались до меня, и мне удалось с успехом довести до конца начатое дело. Что ж, без лишней гордости хочу заметить, что если кому и могла удалиться авантюра подобных масштабов, то только твоей бабуле... Подумать только, я бабушка. — Каллиграфически ровный до того почерк здесь будто дрогнул. — Что ж, опустим это и перейдем к главному. Начну с ответов на вопросы: во-первых, ты действительно ведьма; во-вторых, в этом нет ничего ужасного; в-третьих, это из-за меня, как бы меня это не раздражало. Не хочу разводить сопли и тратить дорогие чернила, так что об этом поговорим при позже, если ты, конечно, захочешь меня увидеть. В твой дом пришел мой посыльный, у него с собой деньги и

бумаги, необходимые для безболезненного переезда твоих родителей в любое место, которое придет им в голову. Сейчас бы я многое отдала, чтобы увидеть лицо твоего отца, сжимающего в руках сумму, которой ему не заработать и за сто лет торговли. Итак, если тебе что-то не нравится в твоей нынешней жизни, не устраивает отношение людей, родителей, сверстников, возможно друзей (прости за глупость), и тебе кажется, что ты заслуживаешь большего — прими мое приглашение и присоединись к посылному в его обратном пути. Специально для тебя все эти годы я трудилась, создавая место, где ты могла бы почувствовать себя дома, где твои таланты оценят, и где тебе не будет равных. Не буду скрывать, что делаю это в том числе, чтобы искупить свою вину перед тобой, Анка и заткнуть так не вовремя проснувшуюся совесть. Если все же ты не захочешь ехать, я пойму. Хотя, если уж быть до конца откровенной, то нет, не пойму, но это уже будет не мое дело. Но если согласишься, я буду непередаваемо рада. Не переживай за родителей, с ними все будет хорошо, и ты сможешь видеться с ними. За сим все, не выношу официальных прощаний. Сделай выбор, о котором не будешь жалеть. Я свой только что сделала»

Дочитав письмо, Анка повертела его в руках. Повернула на обратную сторону, просветила желтым лучом светила. Все? Поверить было сложно. «И после этого я должна согласиться?». Новые друзья? Было бы здорово заиметь хоть одного друга, подумала она, но потом опомнилась, вспомнив лицо Гразиной. Она так старалась защитить ее и помочь. Это произошло неожиданно, но могла ли она так просто предать ее лучшие чувства? Конечно, крестьяне сторонились ее, сколько Анка себя помнила, но такой ужас, как сегодня произошел впервые. Хотя, подумала она, он же произошел. Да и родители. Смогут ли они прожить без нее, своей опоры? Вполне. Если так подумать, мир вокруг все время предоставлял ей если не идеальные, то вполне сносные условия жизни. Правда сегодня родителей в родном доме чуть не спалили безумные крестьяне, делу отца здесь теперь конец, а единственная подруга оказалась из-за нее под ударом. Справедливо ли это? Тем более, с родителями можно будет видеться. Никого больше не сожжет молния. Научусь управлять своими силами, встречусь с бабушкой за одно. Вот еще аргумент, не даром же Марна не покладая рук трудилась последние... сколько лет? Десять? Двадцать? Хотя, что не выбери, окажешься предателем. Себя, друзей, родни. Бабушке-то легко, она отлично устроилась.

— Анка, — донеслось со стороны дверного проема. Девушка обернулась. На пороге стояли, обнимаясь, родители. У мамы в глазах стояли слезы. — Чтобы ты не решила, мы пойдем, дочка.

Неожиданно для себя всхлипнув, Анка бросилась вперед, и, как маленькая, уткнулась в мамину одежду.

— Ты уже совсем взрослая. — Тяжело проговорил отец. — Можешь решать сама.

— Спасибо. — Второй раз за бесконечно долгий день говорила она. Где-то за спинами родителей, оперевшись плечом в стену, стоял, наигранно зевая, Назар. — Я решила.

— Уважаемые претенденты, прошу, сохраняйте спокойствие. — Немного скрежеща, проговорил громкий голос, разносясь над гомонящей толпой. — Выстройтесь в очереди и ожидайте своих испытаний.

Солнце светило немилосердно-ярко. Шокированная Анка обводила глазами площадь, на которой сейчас находилась вместе со всеми. Тяжелая толстая крепостная стена осталась позади, а впереди, в центре площади красовался огромный фонтан, состоящий из каменных

фигур всадников верхом на лошадях, поднявшихся на дыбы на разной высоте. Рыцари были одеты в тяжелые искусно вытесанные доспехи и сжимали в руках великолепные клинки. Мастер, вырезавший статую, был настолько искусным, что становилось жутковато. Будто воинов обратили в камень в последний миг жизни. Даже их кони были столь рельефны, будто вот-вот ринутся в галоп.

— Госпожа, разрешите узнать ваше имя? — Спросил проходящий мимо парень в странной одежде с толстой тетрадью в руках. — Не могу найти вас в списках.

«Списках» — подумала она. «Как можно найти в списках того, кого первый раз видишь?».

— Дурак что ли? — Злобно округлил глаза и зашипел Назар. — Это Анка, внучка Пламекрылой.

— Анка? — Шокировано произнес парень. — Извините, прошу извините.

«Чего» — про себя удивилась девушка.

— Анка? Анка! Анка. А-а-анка-а. — По цепи передалось вокруг.

— Анка? Здесь? Приехала?

— Боже мой, радость то какая, а где она?

— Где? Где, где? Где? — Загомонили люди.

«О нет», — подумала она, — «только не снова».

— Так вот она, тут! — Прокричал парень поодаль, и, как по команде, толпа резко обернулась. Анка вся сжалась, и приготовилась бежать, спастись, прятаться. Она уже пожалела, что приняла предложение бабушки, знала бы, что так будет, никогда бы не согласилась.

— Кхм-кхм-кхм. — Прокашлялся громкий механический голос. — Господа, поприветствуйте Анку, собственной персоной почтившую нас, скромных слуг, учеников, и коллег ее родственницы Марны Пламекрылой!

— УРААААААА, — громогласно разлилось над крепостными стенами, — УРААААААА. — За вторило им.

Обалдело девушка вскинула голову, рассматривая ликующих людей. «Это правда... мне?» — пронеслось у нее в голове. Неожиданная радость заполнила сердце, сживая живот. Она скользила взглядом по толпе то взад, то вперед. «Это как? Это что?» — носилось у нее в голове.

— УРААААААА. — Вместо ответа проорала толпа.

Девушка получше всмотрелась в ряды вопящих. Что-то неожиданно притягивало ее взгляд, как магнит. Среди прыгающих, смеющихся и выкрикивающих ее имя и поздравления людей, чуть в стороне стоял ничем не примечательный парень, каштановые волосы которого беспорядочно сваливались на лицо. Она присмотрелась к нему, пытаясь получше разглядеть, когда очередной взрыв крика поднял воздушную волну, сдувающую на бок челку. Словно в замершем времени она разглядела пристальный взгляд сверлящих ее холодных грязно-зеленых глаз. Он смотрел со смесью сочувствия и безразличия. Почти сразу он развернулся и скрылся в толпе, продвигаясь к своему испытанию. «Ратибор» — прошептала на ухо тень.

Глава 3. Ломеион

Вор

«Никогда бы не подумал, что посетю настоящий вампирский замок» — думал он, стоя в тени дерева, оперевшись на его шершавую кору спиной. Даже глядя на высокие пузатые башни и широкие стены, он не до конца верил своим глазам, и это... немного обескураживало. В воздухе стоял приятный цветочный аромат, который перебивал легкий смрад болота, раскинувшегося в четверти дня пути и, разумеется, характерный удушливый запах целой толпы толкающихся людей. Мимо пролетела стайка крапивниц. Он задумчиво проводил их неторопливым взглядом. «Похожи», — для себя решил он. Гудела поодаль толпа будущих студентов, сбивающаяся в ровные очереди под окрики распределителей. Даже через такую плотную пелену звуков он легко различал мелодичный шелест крошечных черно-рыжих крыльев. Вряд ли кто-то еще мог почувствовать то же странное чувство дискомфорта, что и он, кажется связанное с патологической антипатией вора к кровопийцам. «Почему люди основали школу в таком месте?», «Где хозяева замка», «Как он так долго удерживается в реальном мире?» — все эти вопросы терзали его, и эта неизвестность приносила подобие удовольствия. Особенно последний. В жизни ему не доводилось слышать, чтобы вампирские замки оставались в реальности хотя бы на несколько дней, а этот стоял здесь уже неделю, которую он потратил на наблюдения. Вору хотелось повернуть назад, но он уже зашел слишком далеко, кроме того, никто другой не смог бы сделать то, зачем он пришел, и это разочаровывало. Тем не менее ошибки быть не могло, множество сил и времени ушло на то, чтобы удостовериться: Бонхеаль находится в одной из этих башен, а значит, он должен, да что там, обязан добыть его любой ценой. Вор задумался. Вполне возможно впервые в жизни он бы решился нарушить свои обеты и отнять жизнь разумного существа ради достижения цели... эта цель выше принципов и жизней. Хотя Она бы не одобрила такой ход его мыслей. Он вздохнул, прислушиваясь к отдаленному стуку дятла где-то в лесной чаще. «До этого не дойдет» — в очередной раз решил он. Это лишь достойное испытание, а не поле боя. Он еще немного постоял, рассматривая непривычную архитектуру. «Что ж», — подумал он: «Габриэль Ломеион едва ли мог похвастаться утонченным вкусом». Плавнo оттолкнувшись от ствола, он качнул головой, размял плечи, и мягко зашагал в сторону ближайшего хвоста очереди.

«Вампирские замки не должны стоять на земле, они астральные...» — между дел думал он: «хотя, конечно, могут на некоторое время фиксировать свое положение в определенных якорных точках» — вор окинул длинную очередь взглядом, и остановился на высокой девушке в вышитом красными нитками платье. Судя по длинным волосам, позе и одежде семья у нее не бедная, но широкие запястья, черты лица и орнамент выдавали крестьянские корни. Торговцы, или просто зажиточные? В левой руке она держала небольшой кусок бумаги, который и был ему нужен. Подобрал скорость, он зашагал вдоль очереди. «Говорят у каждого вампирского клана есть своя особенность, но черту Ломеиона узнать так и не удалось» — Он размеренно просачивался сквозь мелькающие силуэты людей, оставаясь незамеченным: «Некоторые даже считали, что их особенность заключается в отсутствии способностей... абсурд, но завеса тайны толкает страждущих к самым парадоксальным выводам». Шаг — вор поравнялся с девушкой ровно в тот момент, когда она опустила лист в

заплечный мешок, еще один и его рука оказалась на уровне лямки, когда она взялась за шнурки, чтобы затянуть горловину. Быстрое движение кистью, и вор продолжил шагать к началу очереди. «Любопытно, может получится узнать что-то про хозяев крепости, пока буду искать Бонхеаль, разгадать секрет, ставший легендарным, было бы весьма интересно. А изнутри замка это будет явно проще чем снаружи». От рассуждений его отвлек пристальный взгляд болотных глаз, упертый прямо в его лицо. Неподалеку от ворот замка, к которым тянулись люди, в окружении двух крупных парней, выглядевших скорее, как трактирные вышибалы, нежели ученики магической академии, стоял среднего роста худощавый подросток с каштановыми волосами. Одет он был в рванье, некогда бывшее то ли робой то ли рясой то ли мешком с прорезями, а впалые щеки, босые ноги и свалывшиеся кудри свидетельствовали о том, что он давно не спал и не ел. Но взгляд. Вор давно не чувствовал себя замеченным, хотя был уверен, что никому не удалось бы увидеть, как он стянул у той девушки бумажку. «Ну, не кричит, и ладно» — флегматично подумал он, не замедляя шага: «Стоит так скромно, хотя, кажется, если бы он хотел, то ни эти двое, ни вся наружная охрана не смогли бы его остановить», — подумал он: «знакомый, слишком знакомый по старой жизни взгляд».

Подойдя к началу очереди он осмотрел мужчину, пропускающего претендентов к воротам. Тот брал из рук подходящих бумажки, рассматривал, задавал пару вопросов и пропускал дальше. Проходя мимо ожидающих, вор уже успел рассмотреть приглашения: они были не именные и без адреса, пара банальных фраз да изящный (по меркам людей) вензель. Это показалось ему забавным, видимо волшебники поощряют конкуренцию, раз для допуска к экзамену достаточно предоставить листик без какого-либо подтверждения личности. Главное, чтобы в будущем это не выросло в стабильный заработок для наемных убийц, которые будут получать контракты на обладателей приглашения от каждого осведомленного человека, решившего увеличить свои шансы на поступление. Подловив момент, когда очередной подошедший замешкался, разыскивая свое приглашение, вор сделал длинный шаг вперед, и вытащил из складок плаща недавно добытую бумагу.

— Все в порядке, — почти не глядя сказал мужчина, — ты чего такой бледный, переволновался? — Улыбнувшись уточнил он.

— А? — немного растерянно переспросил вор.

— Да у тебя все лицо серое, болеешь? — С напором переспросил тот.

— В порядке. — Произнес он в ответ и улыбнулся. — Спасибо за беспокойство.

— Ладно, проходи, — неожиданно потеряв интерес сказал мужчина, и махнул рукой, но, стоило вору пойти дальше, окликнул. — Имя твое как?

— Мм?

— Звать как тебя? — Приподнявшись заговорил проверяющий, выделяя интонацией слова. «Видимо и правда думает, что мне не здоровиться», — пронеслось в голове вора: «люди здесь приятные». — Вас будут учить, понимаешь? Обучать магии, а процесс обучения включает в себя проверку успеваемости, для которой нам необходимо тебя идентифицировать. — Свои слова мужчина подкреплял ударами пальцев по ладони. — Идентифицировать значит узнавать, если по-простому, понял? А еще вести записи, учет и так далее, что гораздо проще делать, если знать, как к тебе обращаться.

«Надеюсь не он здесь читает лекции» — между дел подумал вор.

— Вэлдрин. — Сказал он.

— Вэлдрин? — Переспросил проверяющий, чиркая угольком по куску пергамента. — А

фамилия как?

Вэлдрин отрицательно покачал головой.

— Что, безотцовщина? Или говорить не хочешь? — Мужчина немного подождал, но вор никак не отреагировал. — По правде говоря и имя твое скорее похоже на прозвище. — Сказал он, окончательно потеряв интерес. — Но мне без разницы, лишь бы отзывался, когда преподаватели будут вызывать. Иди.

Вэлдрин коротко кивнул, и прошел мимо, проследив за рукой проверяющего. Тот убрал пропуск в ящик под столом, за которым сидел, и позвал следующего претендента. Вор покачал головой: «С такой организацией, странно что их до сих пор не накрыла инквизиция». Легким движением Вэлдрин вернул приглашение себе в рукав, и двинулся к запримеченной ранее калитке в основании стены, у которой стоял еще один охранник.

— Господин, — Сказал он, подойдя, — я уже сдал свое приглашение, но только сейчас понял, что не попрощался с семьей. Будьте любезны, выпустите меня не на долго.

— Еще один. — Недовольно пробубнил мужчина. — Даю пять минут, не успеешь, и прощаться не придется. — Он минутку помолчал и улыбнулся собственной шутке, а потом добавил. — Я тебя запомнил.

Уже отходя, Вэлдрин услышал за спиной недовольное «Как будто мы вас тут на вечность запираем, каникулы уже через полгода, господи». Обогнув очередь по дуге, вор подошел к начавшей волноваться девушке, незаметно поравнялся с ней, провел ладонью и вернулся обратно к калитке, по пути расслышав радостное «Вот он, слава богу, оказался в фартуке, я так разволновалась, точно же в мешок клала». Вэлдрин улыбнулся: «и правда в мешок». Уже зайдя за стены замка, он услышал снаружи какой-то гомон. Там встречали и поздравляли какую-то важную особу, но вору не было до этого дела: для достижения заветной цели осталось попасть в башни. Он обернулся лишь раз, когда толпа единогласно завопила «АНКА!».

Анка

— А-АНКА-А! — громогласно прогрохотало в воздухе, заглушив все вокруг.

Живот пронизал холод такой силы, что, заметив толпу народа, собравшуюся перед воротами замка, она всерьез задумалась над тем, чтобы сию же минуты забраться назад в кабину и вернуться восвояси к подруге, родителям, гусям... деревенским... Подумав еще разок, она выпрямилась, и зашагала вперед. Назар среагировал молниеносно, оббежав Анку, и загородив собой. Только решившей поинтересоваться о причине такого поведения девушке на голову нацепили венок. И еще один, сбросив предыдущий на шею. Слова застряли в горле, а толпа пришла в движение: отовсюду тянулись руки, кто-то хлопал, выкрикивал ее имя, бросал цветы, подарки, одежду. «Одежду?» — Анка ошалело уставилась на льняное нечто в своих руках, бывшее ни то рубахой ни то шароварами.

— Идемте, госпожа, не стойте на месте, успеете рассмотреть еще. — Погонял возница, клином продвигающийся сквозь ряды людей. — Эй ты, куда прешь. А ну отойди. Прошу пропустите. — Выкрикивал Назар, активно работая локтями.

Спустя вечность протискивания через живую стену, парочка добралась до каменной, а от нее — змейкой к воротам, перед которыми стояли несколько мужчин, собиравших у подходящих бумажки. Не прекращая пихаться локтями, проводник принялся усердно

извиняться перед людьми в начале очереди, выталкивая Анку к одному из сборщиков.

— Приглашение. — Без видимых эмоций произнес тот. Такая неожиданная смена отношения сбила Анку с толку, и она замямлила в ответ: «а-а, я-а-а...» — закрутив глазами во все стороны. Никакого приглашения у нее не было. Оно есть у Назара? Ее отправят домой? Что это вообще такое?

— Слушай, Лем, отстань от нее. — Ворвался в разговор Назар. — Ты вообще в своем уме, или на Солнце не перегрелся? — Добавил он, сдувая локон золотых волос со лба.

— Мне что нужно знать каждую девку, которую ты приводишь к воротам? — Выдохнул мужчина ему в лицо. Анка возмутилась: ни за что ни про что ее еще и обозвали.

— Слушай, дубина, ты только что назвал внучку Марны д... — он прервался, и сделал глубокий вдох, — ужасно. Так что советую тебе начать молиться о том, чтобы она об этом не узнала.

— Эй, а ты чего стоишь? — вырвал ее из мыслей Назар. — Чеши вперед давай, испытания пропустишь.

— Испытания? — Удивленно пискнула она.

— Итак, тест очень простой: подходите и садитесь за один из столов. Перед вами два предмета: вот это, — пожилой мужчина с длинной седой бородой и в мантии поднял вверх снежно-белый шарик, — фонарь Пустоты. Берете его в руки, концентрируетесь, и нагреваете. Фонарь стал теплым — испытание пройдено, отложили в сторону, взяли свечу. — Мужчина отложил фонарь и взял со стола короткую черную свечку. Механические движения и заученная речь не оставляли сомнений: он повторял указания с самого утра. — Ассистент зажигает свечу, концентрируетесь на ней и пытаетесь раздуть пламя усилием воли. Огонь усилился — испытание пройдено, свечу затушили и отложили, — он выдохнул, — встали, пустили следующего. У кого получилось выполнить любую из двух задач — прошел. Собираете вещи, и вперед, к провожающему, вон они там стоят вас ждут. — Дед махнул куда-то рукой. — У кого вопросы?

Анка оглянулась, несколько человек за ее спиной завозились. Ей тоже не было понятно решительно ничего, но из-за этого она даже не знала, как сформулировать свою обескураженность в слова.

— Отлично. — Припечатал дед и спустился со сцены.

Немного пошатываясь, Анка подошла к столу, и плюхнулась на скамейку.

— Не переживай так. — Мягко улыбнулась сидящая напротив приятного вида девушка. — На держи, это фонарь Пустоты, он холодный потому, что собирает тепло вокруг себя, чтобы его хранить. Потом от него можно согреться, или разжечь огонь. — Она передала белый шарик в руки. — Аккуратно! — Добавила она, как только Анка с шипением его выронила. Он был не просто холодным, а ледяным, будто сосульку с крыши сорвала. Как его греть-то? Девушка собралась с силами и снова взяла предмет в руки. Поддержала, но лучше не стало. — Представь, как тепло твоего тела переходит в него. — Сказала сидящая напротив. Удобно. Даже представлять ничего не надо, Анка физически чувствовала, как коченеет. Ладони уже отказывали и ныли неимоверно. — Представь, как фонарь становится чем-то теплым. — Не переставала девушка. — У меня так получилось. — Доверительно добавила она. Анка через силу улыбнулась.

Что ж, теплое? Анка задумалась. Нужно как-то запихнуть свое тепло в эту штуку, и тогда она сама станет теплой. Теплой как... как что? Ну например сено летом. Анка вдруг

почувствовала, что ладони больше не заходятся дрожью. Обрадованно, она продолжила свои рассуждения. А еще теплыми могут быть... например лучина, молоко, или...

— А-А-А! — Резко раздалось рядом, Анка в шоке оцепенела и открыла закрывшиеся от раздумий глаза. Бледная как мел девушка, сидевшая перед ней застывшим взглядом пялилась на ее руки. Промедлив секунду, Анка проследовала за ним и тоже охнула. В своих руках она сжимала целую пригоршню мышат. Зверьки тихонько плакали, копошились и трогали друг друга носами. Не зная, что с ними делать, Анка ткнула ладонями в соседку. Замахав перед собой руками, та шарахнулась назад с такой силой, что рухнула со стула. Не находя себе места, Анка продолжала мотаться туда-сюда, пока обе ее ладони не попали в железную хватку.

— Поздравляю с успешной сдачей экзамена. — Насмешливо произнес бархатный голос откуда-то сверху. Тут же перестав вопить, Анка подняла голову.

— Но господин. — Выкрикнул кто-то.

— Позвольте! — Перебил он. — Фонарь стал теплее, чем был, тут не о чем спорить. Задание выполнено. — Он наклонил к ней голову и подмигнул фиолетовым глазом. Анка, слегка отойдя от шока, прошептала «Спа-спасибо», и высвободила ладони, оставив мышат спасителю. Мужчина был высоким и возрастным на вид, но осанка, гладкое волевое лицо, дорогой наряд и располагающий взгляд смеющихся фиолетовых глаз весьма успокаивали.

— Идите, девушка, я все улажу. — Ухмыльнулся он, пряча мышат в карман.

Немного послонявшись и потыкавшись туда-сюда, Анка нашла огороженную лентой с флажками площадку, в которой стояли несколько людей, один из которых призывно размахивал рукой.

— О, это вы, — растерянно произнес коренастый парень с круглым пузом, одетый в мешковатую одежду вырвиглазно-красного цвета. Он нервно посматривал Анке за спину, вгоняя этим в краску: ощущение копошащейся живности еще не успело покинуть ладони. — Мне передали особые распоряжения относительно вас, госпожа. — Он натужно улыбнулся, хотя как ни старался, это выглядело наигранно. — Сказали проводить вас к общежитиям, чтобы вы подготовились к празднику.

«Празднику?» — Анка задумалась. И правда, она понятия не имела о том, что будет дальше. Положа руку на сердце, она не контролировала ситуацию с того момента как согласилась поехать сюда несколько дней назад. Неожиданно поняв это в полной мере, девушка содрогнулась от накатившего вдруг страха. Она машинально попыталась найти что возразить, но куда идти или что делать дальше было решительно не понятно, так что, посомневавшись еще немного, она покорно опустила голову и согласилась.

— Отлично. — С явным облегчением сказал толстячок. — Тогда пройдем вместе с двумя вашими коллегами, им как раз в ту же сторону.

«Колле... кем? Калеками?» — Анка обернулась. Чуть в стороне от них, пристально глядя друг другу в глаза стояли двое. Один высокий, широкоплечий, но бледный мужчина с длинными угольно-черными волосами ниже плеч, за которыми не было видно ушей. Черты его лица были изысканными настолько, что у нее не находилось слов, чтобы их описать: прямой нос, аккуратные черты губ, не широкая челюсть и аристократичный подбородок дополняли высокий лоб и красивые большие глаза серо-голубого цвета. Одет он был... не однородно: в серую льняную рубаху с длинными рукавами, темные шоссы и сапоги, занесенные пылью, а на плечах носил плащ непонятного грязно-зеленого цвета. Анка

пригляделась, и ей показалось, будто ткань переливается на солнечном свете, из-за чего силуэт черноволосого становился словно размытым. Второй же... что ж, его можно было назвать почти полной противоположностью. Анка уже видела его у ворот. На голову ниже, он выглядел как ребенок рядом со взрослым (хотя, прикинув, Анка поняла, что сама поместилась бы высокому под мышку). Знакомые каштановые волосы лежали на голове слипшейся включенной массой, будто стог сена. Нос с горбинкой, глаза болотного цвета, узкий рот и мощные скулы сочетались со впавшими щеками и измазанной разводами грязи кожей. Одет он был соответственно: в рваные поноски, а на ногах в нескольких местах из-под слоя грязи проступали бинты, сделанные, судя по виду из полов его же одежды. Но несмотря на жалкую внешность, что-то было в нем такое, ни то в позе, ни то в выражении лица, что внушало... что-то. В отличие от высокого, от которого веяло разве что холодком.

— Генрик. — Коротко произнес низкий, и совершенно неожиданно склонился в поклоне. — Анка покривилась: в душе девушка была уверена, он врет.

— Вэлдрин. — С запозданием произнес в ответ второй и легко улыбнулся.

По дороге шли молча. Анка хотела было влезть и тоже представиться, но атмосфера как-то не располагала, а потом разговор не завязался. Толстяк так вообще ушел в свои мысли, и просто топал вперед как заведенный. Вся их троица была какой-то странной. Хотя, положив руку на сердце, лишь один здесь превращал предметы в мышей. Девушка поежилась. С другой стороны, разве не странно жаловаться на СТРАННОСТЬ в ВОЛШЕБНОЙ школе? Подумав так, она еще пару раз вздохнула и успокоилась, сконцентрировавшись на осмотре окрестностей. Внутренняя часть замка была не то, чтобы очень большой: одна крупная башня в центре, площадь со фонтаном перед ней, несколько небольших башенок по бокам, и высокие здания вдоль стен. «Запутаться довольно трудно» — решила она, но подумав еще немного поняла, что родная деревня поместилась бы в этих стенах целиком и с лишком, а величественные здания не шокировали ее только потому, что девушка уже устала удивляться сегодня. Деревья и виляющие тропинки старательно пытались увести их не туда. «Что ж, любая дорога выглядит так, пока не пройдешь по ней пару раз» — решила девушка, так что и к этому Анка отнеслась философски. И только она сконцентрировалась на запоминании пути, как проводник неожиданно остановился.

— Ну вот, пришли.

Девушка недоверчиво оглянулась: пейзаж несколько не изменялся последние несколько минут. Она сделала шаг вперед, отодвинула куст. И чуть не врезавшись в дверь, оторопело обернулась.

— Это ваше место проживания, э-э, госпожа. Кхм-кхм. — Он прочистил горло, и занес руку над дверью. Только собрался постучать, как та сама распахнулась.

— Да-да. — Раздался высокий ангельский голос изнутри. Анка подалась вперед, желая разглядеть человека, стоящего в темноте проема.

— Я это, по распоряжению Марны, вам ее родственницу, значит, привел. — Затараторил парень явно смущаясь. Никакой возможности заглянуть внутрь у Анки не было, так что она обернулась и увидела стоящую поодаль парочку, до того спокойный Вэлдрин явно сверлил проем взглядом, а у Генрика на лице явно читалось выражение шока. От любопытства у девушки начался почти ощутимый зуд.

— Ой как интересно, ну давай ее сюда. — Прозвучало в ответ, и из-за двери пригласительно вытянулась тонкая ручка.

— Она, э-э, вон там. — Проводник махнул рукой в сторону Анки. — Вы там помогите ей, Марна просила.

— Ра-зу-ме-ет-ся! — По слогам пропел в ответ голос, и Анка, не выдержав, протиснулась вперед. Тут же на ее запястьях сжались холодные узкие ладони.

Уже готовая утонуть в глубинах темного коридора, она услышала из-за спины ровный голос.

— Как тебя зовут?

— Анка. — Слегка растерянно ответила девушка.

— Вэлдрин. — Улыбнулся в ответ мужчина.

— Генрик. — Помедлив, добавил парень и слегка кивнул.

«Тук-тук-тук-тук» — стучали по узким каменным ступеням винтовой лестницы деревянные башмачки бегущей вверх девушки. Было довольно темно, так что у Анка не получалось разглядеть ее целиком, но даже того, что удавалось, хватало. Миниатюрная бархатная ладонь сжимала ее руку, волосы бегуньи спускались до колен и развивались мягкой пушистой волной на ходу. Анку начинала есть зависть.

— Два наверх, один на право, запоминай! — Крикнула незнакомка не оборачиваясь. — У-у-ух как интересненько-о. — Мелодично раздалось следом.

Лестница была крутой, а ступени высоковаты, так что она внутренне молилась о том, чтобы жить ей пришлось как можно ближе к первому этажу.

— Простите, а куда мы бежим? — Сбивчиво поинтересовалась она, изо всех сил сдерживая дыхание. Помнится, последний раз так бегала от отца, когда забыла закрыть курятник после того, как покормила его обитателей лет пять назад.

— Сейчас я покажу, где ты будешь жить. — Жизнерадостно раздалось в ответ.

— М-мгхв. — Раздосадовано простионала Анка.

— Чего говоришь? — Девушка слегка обернулась.

— Ничего. — Обреченно пискнула она.

— И-и-и, пришли. — Победоносно произнесла незнакомка. Немного постояла, ожидая ответа, и, не дождавшись, обернулась. Не заметив попугачицу, девушка опустила голову, проследив взглядом линию своей руки, две сжатые ладони... и полу мертвое тело, чуть ли не на четвереньках выползающее в коридор.

— Все? — Хрипло выдохнула Анка, сдувая волосы с лица.

— Осталось повернуть направо, — задумчиво ответила она, — я же говорила.

В сомнамбулическом состоянии, с трудом переставляя ватные ноги, Анка шла, понукаемая новой знакомой. Одна мысль о том, что по этой пыточной лестнице придется еще и спускаться вниз, отбивала желание жить. В следующий раз, когда ей начнут рассказывать про любящего Бога, она ткнет умника в лицо фактом существования винтовых лестниц. Если у Господа была бы хоть капля любви к своим детям, он бы ни за что не позволил такому появиться на свет.

— А теперь вот сюда. — Сказала беловолосая, и затолкала Анку внутрь какого-то дверного проема за тяжелую дубовую дверь.

Первым что Анка почувствовала была влага, вторым — жар. Принюхавшись, она начала медленно приходить в себя, осознавая, где находится. Мокро, тепло, пахнет травами. Двух мнений быть не может — баня.

— Вон там шкафы, — проводница ткнула пальчиком в сторону одной из стен, — раздевайся пока, я принесу одежду, которую Марна велела передать.

— Э-э чего? — Переспросила Анка, но в ответ услышала только...

— Жди вон там, за любой ширмой. — И громкий хлопок дверью.

Растеряно, девушка повертела головой. Она стояла в широком (размером с их деревенским домом) помещении. Вдоль правой и левой стен расположились ряды врезанных в серый пористый камень ниш, в которые, видимо, можно было убрать свои вещи. От дверей к ним тянулись длинные тяжелые скамьи из незнакомого ей пахучего дерева, все еще издающего аромат смолы, а от стены напротив отходили параллельные ширмы, достаточно длинные и высокие, чтобы за ними скрыться. Анка прошла за одну из них. Вдоль всей противоположной двери стены шел желоб, по которому непрерывно текла едва журчащая вода, над которой поднимались тоненькие струйки пара. Вплотную к стене между ширмами стояли купели, так же выдолбленные из серого камня. От потока горячей воды к ним отходили желобки поменьше, постоянно наполняя емкости горячей водой, а на другой стене располагался полукруглый вырез, из которого вода вытекала наружу, и еще дальше — в решетку на полу. Ну и дивно выглядела эта система. Анка не могла вообразить, как воду поднимают на высоту крепостной стены, нагревают, собирают назад и все это без перерыва. Не иначе и тут не обошлось без магии.

Ноги тем временем продолжали ныть, а вид горячей воды казалось лишь усиливал это. Вот так ушедшая недавно девушка и обнаружила Анку, бродящую вдоль стенки взад-вперед в нерешительности.

— Ну и чего ты? Я же сказала, забирайся. — Сказала она и положила на скамью стопку сухой одежды, которую держала в руках. — Давай-давай, не пристало принцессам являться на бал неухоженными.

— Э-эм. — Пробормотала Анка и красноречиво покосилась на дверь.

— А, это. — Девушка задумалась. — Знаешь тебе же все равно здесь жить, так что привыкай, другого у вас не будет. — Она присмотрелась к Анке и поняла, что ответ ее не удовлетворил. — Ладно, сейчас там все равно никого. В не учебное время это здание всегда пусто. — Она еще немного подождала и заговорщицки подмигнула. — Ла-адно, на первый раз. Считай подарок для адаптации. — Сказала она и щелкнула пальцами. Входная дверь зашуршала, и медленно въехала внутрь дверного проема, слившись со стеной в сплошную преграду. Анка ошарашено вздохнула. — Меня можешь не стесняться, я даже не человек, а дух, — девушка застенчиво хихикнула, — точнее, русалка.

— Так что, знакомиться будем? — Доверительный голос русалки успокаивал. Он журчал в унисон с водой, текущей по каменным желобам создавая впечатление того, что они были пол жизни знакомы. Анка лежала по горло в горячей воде, и всеми силами старалась не уснуть. Долгий переезд, мышата, напряжение, стресс, мышата, пробежка по лестнице, и... грядущая встреча с бабушкой, о которой она стала задумываться, отдалялись сильнее с каждым движением русалочьих ладоней, которыми она втирала ей в волосы мыльный раствор, от которого кожу начинало немного щипать, одновременно покрывая холодком. Но как же оно пахло!

— Я Анка, — ответила девушка, шурясь от удовольствия. Она хотела сказать что-то еще, но передумала, помолчала еще немного, и, положив руку на каменный бортик купели, продолжила, — больше мне сказать толком нечего. Родилась и жила в деревне. Говорили,

что моя бабушка могучая ведьма и важный человек. — Она помедлила. — Но я ее сама не знаю, да и разговаривали о ней у нас не так часто, и то... — Анка поморщилась, — шепотом. Среди жителей она никогда не была легендой, скорее сказкой... такой, знаешь, — она приоткрыла один глаз, — злой и страшной, ее именем пугали непослушных детей. — Русалка широко улыбнулась в ответ. — Хотя, как ни старалась, так и не выяснила, что такого она наделала.

— А сама-то? — Полюбопытствовала собеседница. — Просто так сюда не попадают. — Серьезно добавила она и принялась смывать пену, зачерпывая воду ладонями.

— А, это. — Анка поежилась от залившей лицо воды. — Зажарила молнией медведя, который пытался сожрать подругу. — Она попыталась сказать это максимально спокойным тоном, но в ответ раздался смешок.

— А гордости-то. — Усмехнулась девушка в ответ, нацепила на руку мочалку, и тычками усадила надувшуюся Анку в вертикальное положение. — Ну заслужила, не спорю. — Русалка плеснула водой ей в лицо, разряжая атмосферу. Анка фыркнула, но не смогла обижаться дальше, плеснула в ответ и засмеялась. — Ладно, моя очередь. — Улыбнувшись, продолжила собеседница. Капли воды на кукольном лице вообще не мешали ей, даже наоборот, переливались на свету как драгоценные камни. — Зовут меня Ариана, сюда попала место случайно. — Она скорчила рожицу и сделала руками жест, будто выпуская из пальцев молнии. — Ничего такого не было. Пару лет назад в море, где я жила плыл корабль, на борту которого находилась могучая ведьма и прекрасный волшебник. — Она мечтательно подняла большие глаза, не прекращая движений мочалки. — У него были неотразимые фиолетовые глаза и обворожительная улыбка. — Ариана томно вздохнула. — Ну как я могла не последовать за ними? — Поинтересовалась она. — Знаешь, наши ближайшие родственники — это келпи, а подальше — сильфаны — изначальные духи воды. Они крошечные и почти лишены разума, но могут принимать множество форм водных обитателей, а еще перемещаться по каплям воды, если их силой не удерживают. — Она мечтательно провела ладонью по воздуху. — Поистине потрясающая способность находиться где и когда угодно. Келпи ограничены связями воды: они не могут переместиться в пруд или чашку, но разума у них больше, как у животных. Игруют с нами, привыкают и могут верно служить, а еще контролируют небольшие водные потоки. Двигаться, правда, могут тоже только в них, но не прикованы к размерам. Они могут просочиться через ручеек размером с игольное ушко, лишь бы вода бежала. — Она откинулась чуть назад, разминая спину. — А мы, мы можем перемещаться в подводных реках, родниках и озерах, но только если русло позволяет телу поместиться. Но и сил у нас значительно больше. К примеру, эту воду наверх поднимаю и грею я. — Ариана провела ладонью, и вода в желобе потянулась за ней волной, изогнулась и замерла ледяной фигурой красивой девочки, отдаленно напоминающей Анку, а потом опять растаяла и вернулась в желоб.

— А как же магия... дверей? — Поинтересовалась Анка через плечо.

— Это? — Русалка усмехнулась. — Ну тут дело, во-первых, в том, где мы находимся. Это место одно из тех, которое называют «не добрым». Знаешь, в каждой деревне говорят о таких. — Ариана прокрутила кистью. — Ну я-то в деревнях не была, но Марна рассказывала. Всякие низины, исходящие туманом, в котором пропадают путники, слышала? — Анка отрицательно покачала головой, заставляя русалку порозоветь. — Ну ладно, подробнее тебе об этом на занятиях расскажут, но если коротко, то эти места — точки прорыва другого мира в наш. Оттуда поступает уйма энергии, и это усиливает наши необычные

способности. — Сказала она, экспрессивно взмахнув рукой, от чего пена попала Анке в глаз. — А второе — это сам замок. — Убрав пену пальчиком, продолжила русалка. — Вампирские замки это не просто груда камней, это живой организм, который верно служит хозяину. Твоя бабушка изучает эту связь и научилась как-то влиять на нее, — русалка застенчиво подала плечами, — например, назначила меня хозяином этой комнаты, так что я могу делать с ней что угодно: замок мне подчинится.

— Вампирский замок? — Анка удивилась. — Не слышала о них. — Девушка изо всех сил пыталась сохранить лицо.

— О, тогда тебе нужно поскорее встретиться с Марной. — Ариана хихикнула. — Вы с ней похожи: она тоже старается казаться серьезной, но только разговор заходит об этой громадине, ее уже не остановить. Сказать по правде, она просто одержима вампирами и их... архитектурой. — Возвращаясь к предыдущей части, — русалка встряхнулась и продолжила мочалить Анку с удвоенной силой, — когда я проследовала за кораблем, то в итоге оказалась прямиком у фонтана на площади. Там которого никого не было. След мужчины обрывался здесь, а я зашла слишком далеко, чтобы поворачивать назад. — Она немного грустно вздохнула. — В общем, на корабле плавали Завулон с Марной, ее я тут и встретила. Мы с твоей бабушкой заключили договор: человеческое тело в обмен на службу. Знаешь, только хаотичные ведьмы как... вы с ней, — она немного виновато улыбнулась, — способны на такое. — Она провела руками, очерчивая контуры своего тела. — Менять реальность. Так я и стала здесь служанкой. Живу и выполняю разные поручения, помогаю ученикам, грею и направляю воду, мою полы... ну ты понимаешь.

— И это все в обмен на... на что? — Удивленно спросила Анка.

— О, когда увидишь его, сама поймешь. — Мечтательно протянула Ариана. Анка непонятливо тряхнула головой. — Завулон. Архимаг с фиолетовыми глазами. — Раздосадовано пробормотала она.

— А-а-а, — она наконец поняла, что именно ему отдала мышей, — и что он сказал тебе?

— Ну, он великий маг, а я дух, — будничным тоном пробормотала Ариана, — так что он даже не повернулся в мою сторону ни разу.

— Серьезно? И ты ничего с этим не сделаешь?

— Ах, ты ничего не понимаешь. — Драматично ответила Ариана, подняв руку ко лбу. Постояла так, а потом рассмеялась. Анка неодобрительно покачала головой. Она вспомнила лица парней, которые провожали ее до сюда, и попыталась представить себе, о чем думает мужчина, которого не в силах сломить даже чары Арианы. — На самом деле есть одна большая проблема. — Неожиданно очень серьезно произнесла она. — Знаешь, что такое проклятие русалки? — Анка отрицательно покачала головой. Ариана махнула рукой. — Тогда не бери в голову.

Следующий час Анка подвергалась тому, что русалка называла «приведение в порядок». После купания та стала доставать из своих закромов разнообразные банки и баночки, щетки и щеточки, ножницы разных размеров, еще несколько ножей и гребень из ракушки. Ариана объясняла, что и для чего нужно, как это используют и к чему приводит. По началу Анка даже вслушивалась, пыталась понять и решить, нужно ей то или иное средство, или нет, но скоро сдалась, и разрешила делать с собой все, что русалка посчитает нужным. Стало страшно, когда она взялась за ножницы, и смелым движением укоротила волосы девушки на

добрых пол локотя. Но, во-первых, вопить и спорить было уже поздно, а во-вторых, оставлять все в таком виде было бы еще хуже, так что она постаралась не думать об этом. Когда Ариана наконец закончила, то устало выдохнула и окинула Анку довольным взглядом.

— Ну вот, другое дело. — Сказала она, и Анка замерла в напряжении. — Осталась самая малость! — Добавила она, и отвернулась, а девушка едва не застонала. Ариана покопалась, укладывая свои приспособления, и вернулась со свертком одежды. — Поднимай руки, я помогу одеться.

Анка окинула скептическим взглядом собеседницу.

— Да с тебя вода ручьями бежит, одежду сушить пора, а я даже надеть ее не успела.

— Ой, точно. — Пробормотала русалка, и щелкнула пальцами. Ее изящное белое платье было мокрым насквозь, а красивые волосы слиплись в сплошную массу (что на удивление ничуть их не испортило), но вот прошла секунда, и вся влага собралась под ее босыми ногами. «Вот это полезная способность», — пространно подумала Анка: «Не то, что превращение всего подряд в мышей или пепел», — вторил ворчливый голос в голове.

Повозившись немного с завязками и застежками, русалка еще раз удовлетворенно хмыкнула, и куда-то убежала, а вернулась с большим овальным блюдом, начищенным до блеска, в руках. Почти такое же стояло в комнате мамы, это Анка помнила точно, работа отца приносила некоторые не доступные простым крестьянам плоды, так что объяснять, как взаимодействовать с зеркалом ей не пришлось. Приглядевшись, Анка не сдержалась и ахнула. Внешний вид разительно отличался от того, что она привыкла видеть до этого. Пышные черные волосы до плеч прекрасно очерчивали овал лица, глаза стали казаться больше и красивее, а кожа выглядела на столько чистой и гладкой, будто в жизни она никогда не пачкалась, даже ногти были как будто украшением аккуратных пальцев. Длинное темно-зеленое платье до пола сверху прикрывал атласный фартук с кармашком, а довершался образ деревянными башмаками, оббитыми изнутри чем-то мягким. Во всем этом великолепии Анка выглядела... она не знала как кто. Княжна? Принцесса? Очевидно было что старая одежда рядом с этой, мягко говоря, меркла. Неужели здесь всем такую дают? Она, должно быть, стоит уйму денег...

— Ну я рада, что тебе нравится. — Ариана широко улыбалась, с трудом удерживая в руках тяжеленную посудину со всеми приспособлениями. А теперь беги на праздник, я пока все постираю и приберусь.

Поблагодарив несколько раз русалку, узнав, куда и как пройти, и взяв с нее обещание поболтать как-нибудь в другой обстановке, Анка покинула помещение и, забыв о тяжести жизни и боли в ногах, побежала вниз по лестнице.

Вэлдрин

Вэлдрин придирчиво осмотрел новый наряд. Ткань кортепи с высоким воротником была приятной на ощупь, темно-зеленый цвет так же не вызывал отторжения. Когда полноватый мальчишка принес им с Генриком по свертку одежды, и сказал, что теперь они обязаны носить на территории замка только ее, он ожидал чего-то значительно хуже. Но вот остальное... с трудно скрываемым отвращением вор крепил отдельные шоссы к поясу, создавая некое подобие штанов и сокрушался. Как может кто-то всерьез опасаться людей? Нации, за тысячу с лишним лет не сумевшей изобрести штаны, которые не нужно собирать на себе как баллисту на поле боя. В чем проблема добавить к шоссам кусок ткани посередине и сшить вместе? О каком вообще прогрессе и пугающих темпах развития

говорили его соплеменники? Они пришивают их к исподнему, когда не могут позволить себе пояс! Но последним ударом стала обувь. Когда из-под вороха ткани показались кожаные туфли на деревянной подошве, Вэлдрин сдался. Даже ради реликвий своего народа он был готов не на все. Молча выбросив это недоразумение назад в сверток, он принялся напяливать дешевые кожаные сапоги, которые недавно приобрел у охотника в лесу, чтобы прикинуться путником. Знал бы что так выйдет, оставил бы свою рабочую обувь и плевать на все. Толстячок смотрел с отвисшей челюстью, но парой красноречивых жестов и выражением лица, вор убедил его в том, что надевать предложенное он не намерен даже под угрозой исключения. В порыве раздражения он поднял взгляд на одевающегося рядом Рихтера, который только недавно вышел из банной комнаты, и столкнулся с таким же полным непонимания взглядом. О да, он держал в руках такие же туфли, только, в отличие от Вэлдрина сюда он пришел босиком, так что альтернативы не было. Жаль.

— Хорош рожу кривить! — Неожиданно резко оборвал молчаливый диалог толстячок. — Надевай коли дали, была бы моя воля, ты бы так в обносках и остался.

— Простите. — Нейтральным тоном ответил он, заставив вора нахмурить брови. — Я и сам не ожидал такого небывалого доверия и безосновательной щедрости в свою сторону. — Добавил он и склонился в поклоне.

Проводник пробубнил под нос пару ругательств, собрал свертки, и ушел, закрыв за собой дверь. Генрик врал. Причем не слишком стараясь. Зачем он это делал, и почему к нему вообще так относились, Вэлдрин не понимал, но сам факт ему не нравился. «Хочешь спорить — оспорь, доказать — докажи» — так он думал. Но лезть в чужой монастырь со своим уставом последнее дело, так что вор оставил мысли при себе, и двинулся в сторону начинающегося торжества.

Он шел по протоптанной дорожке вдоль развешанных на веревки красных флажков. «Праздник» и сам привлекал к себе внимание громкими криками, песнями и смехом. Когда Вэлдрин пришел, действие было в самом разгаре: у стыка западной и южной стен замка умельцы соорудили деревянные подмости, вокруг которых, отступая на несколько шагов, начинались трибуны. На сцене кто-то танцевал, и собравшиеся вокруг зеваки хлопали им. Тонкими струйками народ поднимался и занимал свои места на скамьях трибун. Изящные искусства сельских импровизаторов не вызвали отклика в душе вора, так что он лениво зашагал, вклинившись в одну из очередей. Немного потолкавшись, он нашел место с лучшим обзором сцены и трибун.

Вэлдрин не любил тосковать по дому, но вид местных развлечений навивал легкую ностальгию. В Ииваионе никогда не было ни пышных пиров, ни фестивалей с подарками и лентами, но вряд ли что-то в остальном мире могло сравниться с песнями хоров, разносящимися под потолками и между колоннами его залов. Однажды увидев, как первородные танцуют с сильфидами, и колонии этих существ обвиваются вокруг их тел, будто отыгрывая свою партию, объединяясь в волнующуюся, извивающуюся, бурную реку образов и эмоций. Однажды увидев это, никогда не сможешь восхищаться наивностью людей, отдающихся блеклой копии, симулякру песен и танцев. Каждый сезон дома праздновали всего два дня: День Радости, в который Иива нарекла их первыми из своих детей, и День Горя, в который она навсегда их оставила. Тогда же и исполнялись легендарные песни: Обретения и Утраты. Вэлдрин не считал себя сентиментальным, но даже он ни разу не смог сдержать смеха и слез, когда слышал их мотивы. Два раза в год

первородные собирались вместе, чтобы вспомнить жизнь своей богини, почтить ее, и помолиться о скорейшем возвращении к своим скорбящим детям. День, в который она вернется, будет назначен третьим и важнейшим праздником в году, заодно став самым значимым в истории их народа. Но за все годы, прошедшие с Переселения, Иива так ни разу не проявила им себя. Вэлдрин прикрыл глаза. Ни каждый может похвастаться знакомством с богиней, но он помнил каждую секунду, проведенную рядом с ней, помнил, как она еще ребенком нерешительно топталась рядом с ним и братьями, упрашивая взять с собой на охоту, как впервые тонула в горе потери и как сам он первым согласился пойти за ней, отринув прошлое. Помнил какова на ощупь чуть шершавая рукоять меча, который она передавала ему, когда назначала Хранителем, и как спустя считанные секунды растворялась в глубоких лесах, чтобы больше из них не вернуться. Кто-то мог тогда усомниться в ней, но точно не он. Вэлдрин помнил, какой она вернулась из Слез, ту вселенскую мудрость, что навсегда отпечаталась в ее взгляде. И вот он, потерявший все, скитавшийся множество людских жизней в изгнании подобрался вплотную к Бонхеалу, утраченному его драгоценной родней.

От размышлений его отвлек громкий, усиленный неизвестно чем голос, объявивший о начале серии показательных дуэлей, по итогам которой будет выбран чемпион университета. Вор усмехнулся в предвкушении. На подмости взобрались два парня, одетых в ту же одежду что и он. По толпе зрителей пронесся шепоток: говорили, что до участия в этом турнире допускаются только ученики с боевого факультета — местной элиты. «Ну посмотрим» — решил он. Прозвучал гонг... и ничего не изменилось. Вэлдрин даже не поверил глазам и присмотрелся. Парочка стояла в свободных позах друг на против друга и не двигалась уже несколько минут, и тут усиленный голос снова закричал:

— Только посмотрите на эту великолепную реализацию многослойного щита. А теперь на ответную кумулятивную защиту. Даже не верится, что можно создать сплошную сферу так быстро. Вот они, отличники — настоящая гордость боевого факультета!

Вор стал всматриваться еще пристальнее, и скоро заметил, что двое и правда не просто так стоят без дела: у них тряслись руки, а ноги проскальзывали на досках сцены то в одну, то в другую сторону. Осознав вопли комментатора, он понял, что дуэлянты не сражаются в обычном смысле этого слова, а дают друг друга щитами, пытаясь вытолкнуть с арены, что приравнивается к техническому поражению. Для него было загадкой, почему происходит так. Боевые заклинания творить тяжелее? Это обговаривалась в условиях? Просто традиции магов? Неизвестно, но зрелище явно оставляло желать лучшего. Когда слышишь о магической дуэли представляешь себе потоки пламени, испепеляющие все вокруг, небо, разрываемое молниями, а это... «Бой» продлился еще какое-то время, после чего один из претендентов все-таки свалился со сцены, и судья объявил победу. Первый бой завершился и начался следующий. За целую серию поединков над подмостками лишь иногда летали снопы искр и редкие вспышки пламени.

Ну вот, теперь еще и людские дуэли. Дуэли были одним из священных ритуалов у него дома. Когда один из первородных был на столько уверен в своей правоте в споре, что готов был держать ответ даже перед богами, он бросал вызов тому, кого не мог переубедить словами, и, если оппоненты не приходили к согласию, на арене Боевого Танца начинали свою песнь клинки. В Ииваионе Убийства под запретом, так что, бросая вызов воин подтверждал твердость своих намерений и убеждений в стремлении доказать правоту, несмотря на риск. Дуэль заканчивалась после первой крови, что характеризовало верность

дуэлянта идеалам, которые стоят выше других устремлений. Когда вступаешь на камень арены, на кону стоит все. Проигравший в лучшем случае теряет звание и голос на общественном собрании, и имеет шанс расстаться с жизнью, если оппонент окажется не осторожен и отдастся ярости боя. Наказанием за такое было изгнание, но на памяти Вэлдрина убийства на арене происходили всего несколько раз. Победитель же подтверждал свою правоту перед лицом богини и всего народа. Готовясь к этому, первородные с самых ранних лет тренировались в искусстве владения клинком и поединка. Стоило ли говорить о красоте таких сражений? Изгнание же самого вора было исключением из правил, первым в истории первородных прецедентом, когда проигравшим оказался победитель дуэли, не нарушивший при том ни одного из правил. Он поморщился. Здесь же... даже на какое-то мнимое изящество рассчитывать не приходилось.

Подходило время финала. Один из двух финалистов просто сминал врагов стенами барьеров. Он был рыжеволосым и коренастым. Второй проявил чуть больше фантазии, и щедро разбавлял давление щитами ударами кулаков. Белокурая голова и аристократическое телосложение не вязались с манерой боя. Вора искренне забавляло то, что всеильные волшебники настолько концентрировались на защите от чар, что удар под дых оказывался эффективнее потоков пламени. Время от времени первый брался за продолговатую палку, и, судя по словам крикуна, использовал заклинания с ее помощью. Видимо они были достаточно сложными, так как светило и громыхало на арене довольно ярко, но ценой тому было жесткое ограничение по числу использований, иначе как объяснить то, что за девять поединков палка была использована всего трижды. У второго на поясе тоже висела какая-то веточка, но использовать ее он не спешил.

И вот финалисты сошлись. Обменявшись уже привычными блоками, они стали напирать друг на друга под радостное улюлюканье зрителей. Парочка явно нервничала, оба ждали друг от друга запасенных в рукаве козырей. Первым не выдержал рыжий. Дергаясь от каждого взмаха кулака оппонента, он отступал и начинал водить руками по воздуху, вырисовывая в нем узоры. После очередного выпада какой-то жест вышел неудачным, и беловолосый, улучив момент рванулся вперед. Потеряв равновесие, рыжий извернулся, и едва ли не кубарем покатился к углу подмостков. Решение было не однозначным: с одной стороны защищаться от атак в углу проще, но с другой — оттуда некуда отступать. Вэлдрин даже на мгновение перестал скучать. Окончательно отринув защиту, блондин рванулся вперед, но не успел на пару шагов, когда оппонент поднял в воздух жезл и что-то прокричал. Над ареной прокатился шорох. Вор с удивлением уловил, как на неестественных потоках ветра шелестит листва, сотни струек воздуха изменяли свое направление, изгибались и сплетались в вихри. А потом в один миг собрались в сплошной поток, обогнувший мага, и единым кулаком врезавшийся в грудь преследователю. Беловолосого откинуло в противоположный конец словно пушинку, а треск стоял такой, что Вэлдрин задумался, не поломал ли он себе все кости. Глухо рыча, блондин стал подниматься на колени, а потом попытался разогнуться, но его противник не собирался ждать. Над подмостками вновь понеслись слова заклинания, а жезл в руке колдуна засветился алым. Вэлдрин принялся, с удивлением почувствовав запах грозы, в пространстве вокруг прокатились вибрации, ощутимо закололо в деснах. Казалось, что сам солнечный свет собирается в жезле, затемняя все вокруг. Даже крикливый комментатор притих. С тяжестью волшебник договорил последние слова, и в сторону блондина вырвалось нечто. Гудящая, на высоких до боли в ушах нотах, сфера обжигающей лавы рвалась в другой угол подмостков. Едва разогнувшись,

беловолосых схватился за палочку. Оглушительно громко прогремел взрыв, потоки огня рванулись во все стороны, но у самых лиц зрителей ударились в невидимую преграду и устремились вверх, заставив тех шарахнуться назад. Послышались крики. Все всматривались на сцену, выискивая взглядами блондина, или хотя бы то, что от него осталось. Прошло мгновение, второе, пламя начало утихать, ожидание становилось гнетущим. В центре арены стоял, прижимая к груди палочку, высокий блондин. Пламя, поглотившее все пространство, очерчивало вокруг него ровный круг, не проходя внутрь. Огонь отступал, на удерживаемых волшебством подмостках показалась линия, чуть менее закопченная и покрытая гарью, чем все остальное. Она тянулась от того самого угла, в который блондина снесло ветром до того места, где он сейчас стоял. Раздался протяжный стон разочарования, и рыжий снова схватился за жезл, спешно распевая слова. Блондин отбросил палочку в сторону, сложил перед собой ладони словно в молебном жесте. Пространство вокруг зашевелилось с усиленной мощью. Прошептав что-то себе под нос, он стал медленно разводить руки. Зрители замерли. Воздух словно стягивался к его рукам, а между ладоней формировался полупрозрачный меч, сотканный из чистого льда. Вэлдрин с удивлением заметил множество сильфан, кружившихся вокруг чародея и его рук и явно помогавших ему творить чары. Когда клинок полностью оформился, он перехватил его рукой, и, согнувшись в поклоне, отсалютовал противнику, подняв меч высоко над головой. Вор хмыкнул, представить себе что-то более пафосное и неуместное он не смог, нашел глазами Генрика и поймал его взгляд, полный отвращения. Что ж, в этом они были солидарны, в отличии от улюлюкающей толпы, разглядывающей блондина с выражением совершенного обожания. Рыжий стукнул жезлом о землю, и пространство вокруг него покрылось рябью, а потом почернело, образовав полностью непроглядный купол. Зрители и комментатор взревели от восторга. Блондин встал в выверенную боевую стойку, и молнией ринулся к противнику. Добежав до сферы, он резким движением вогнал в нее меч, сделал продольный разрез и замер. Несколько мгновений прошли в тишине, которую затем разорвал звон разлетающегося защитного купола. В углу арены на коленях стоял рыжий волшебник, отбросивший в сторону жезл. Блондин сделал шаг вперед и прижал кончик ледяного меча к его горлу. С трибун зазвучали крики и аплодисменты. Результат был очевиден. Блондин отступил, пафосным жестом развеял меч в воздухе, и, заложив левую руку за спину, а правую на грудь, поклонился зрителям.

— Итак, у нас есть победитель! — Прокричал усиленный магией голос.

— Я посвящаю эту победу госпоже Анке, и ее грядущим свершениям! — Вторил ему приятный бархатный голос блондина, когда крики стихли. Вэлдрин оглянулся, зарумянившаяся девушка опустила глаза, и благодарно закивала.

«Посвящать кому-то свою победу», — про себя усмехнулся он: «все-таки они очень забавные». С улыбкой решил вор и еще раз окинул сидящую в центре трибун зала Анку взглядом, отмечая произошедшие с ней за время отсутствия чудесные метаморфозы.

Последним этапом перед началом учебы было распределение. Об этом Вэлдрин узнал из не утихающих разговоров, сопровождавших толпу поступающих от самых трибун. Вор устремился по течению людской реки и вскоре оказался в хвосте длинной очереди. Солнце палило не милосердно, но летний ветерок приятно обдувал лицо.

— Эй, не пропустишь? — Услышал вкрадчивый голос Вэлдрин. Он исходил справа из-за плеча, и отрывал от наслаждения природой. Вор вскинул голову, и, оценив очередь, сделал

небольшой шаг назад, приглашающе проведя рукой. Плавным движением Генрик вклинился в поток, встав перед ним.

— Ну что, как тебе бой? — Спросил Вэлдрин, улыбнувшись. Генрик покачал головой.

— Обескураживает. — Пробормотал он в ответ.

— Как ты меня нашел? — Любопытствовал он.

— Оглянись. — Ироничным тоном произнес Генрик. — Ты на голову выше всех вокруг.

Это было правдой, вор не был высоким чрезвычайно (на его скромный взгляд), но над людьми и правда возвышался достаточно заметно.

— О, мальчики, вы здесь? — Раздался сзади запыханный голосок. Анка тяжело дышала: видимо спуск с высоких трибун и протискивание через толпу давались ей с трудом. — Не пропустите меня к друзьям? — Спросила она у стоящей за спиной Вэлдрина девушки широко улыбнувшись. Та проворчала что-то, подняла глаза от земли, но, увидев, кто перед ней стоит, сблестнула, охнула, покраснела, и, активно кивая, отошла на пару шагов назад, прикрывая рот ладонью. Отдышавшись, Анка втиснулась в освободившееся пространство, и согнулась, уперев руки в колени.

— Вообще далеко не так представлял себе сражения магов. — Задумчиво добавил Генрик. — Выпрямись, — слегка ворчливо произнес он, — не пристало даме стоять в таком положении. — Анка в ответ надула щеки, но совету последовала.

— Ты сильно изменилась. — Вэлдрин доброжелательно улыбнулся девушке. — Новая одежда и волосы тебе очень идут.

— Ох, спасибо. — Благодарно выдохнула она, розовея. — А тебе лишь бы ворчать. — Обратилась она к Генрику. Тот в ответ безразлично пожал плечами и отвернулся. — Ну что, определились, на какой фа-куль-тет хотите попасть? — Спросила Анка, протягивая слоги. Сложное слово давалось ей с трудом. Ответом ей была тишина. — Вам что, вообще не интересно, куда вы попадете? — Анка с гордостью затараторила информацию, услышанную в толпе людей. — Есть три основных фа-куль-тета: стихийный, природный и пла-нарный. И еще два добавочных: боевой и иллюзий. Оба появились совсем недавно, в прошлом году. Боевой для тех, кто показывает самые лучшие результаты, а иллюзии... ну в общем, для тех, у кого ничего не получается.

— И куда хочешь ты? — Спросил Вэлдрин.

— Боевой, ясное дело. — Сказала девушка серьезно. — Видел, что они в драке вытворяют, кто бы так же не хотел? — Вор хмыкнул, а Генрик снова поморщился. — А вы двое куда собираетесь?

— Думаю, мне бы подошел природный. — Задумчиво произнес Вэлдрин. Генрик молчал.

Распределение проходило в шатре без окон. Людей запускали по одному, а выходящим с другой стороны не разрешали возвращаться. Когда подошла очередь, Генрик напряженно вздохнул и скрылся под покровом. Прошло довольно много времени, прежде чем распорядители пригласили следующего. Прозвучала команда и в тень шатра шагнул Вэлдрин. В затемненном помещении вдоль стола сидели двое. Напротив них стоял стул с подушкой, на который ему тут же предложили сесть. Расположившись, Вэлдрин принялся ждать. Двое мужчин мялись и напряженно смотрели друг на друга, не торопясь начинать испытания или хотя бы задавать вопросы. Наконец, один из двоих кашлянул, и достал из-под стола четыре одинаковые урны и расставил их по столу.

— Итак, сейчас мы, э-э-э, откроем эти сосуды, — несколько нервно начал он, — а вы скажите нам, к какому из них вас больше тянет.

Нехотя мужчины сняли крышки, и пододвинули урны ближе к вору. Он вопросительно прищурился. Человек с левой стороны стола неопределенно провел по воздуху рукой, а другой заговорил.

— Ты не руками тянись, а мысленно, как бы душой дотронуться до каждого попробуй, и к какому ближе будешь, на тот укажешь.

Вэлдрин задумчиво осмотрел наблюдателей, нервозность так и читалась на их лицах, и это настораживало. Хотя, учитывая число прошедших распределение до этого, он не переживал насчет потенциальной опасности. Вздохнув, он сфокусировал внимание на горлышке одной из урн, лица мужчин заметно напряглись, и тут... Из всех четырех кувшинов разом в сторону вора вырвались, и, радостно визжа, понеслись толпы элементарных духов. Вэлдрин едва не отшатнулся от неожиданности, но сохранил невозмутимое выражение лица, и не повел ни одним мускулом: простые люди не в состоянии увидеть духов, и это могло его выдать. Он медленно поднял взгляд на комиссию, пытаясь не обращать внимания на ползающих по лицу с радостным улюлюканьем сильфан. Парочка синхронно схватилась за стол. У одного из наблюдающих дергался глаз, у второго волосы стремительно вставали дыбом.

— Ч-ч-что это такое? — Нервно вскрикнул тот, что сидел слева. — Что происходит?

— О чем... вы... говорите? — Максимально медленно и вкрадчиво уточнил вор, стараясь не позволить стайке духов влезть ему в рот. — Я просто... рассматриваю... кувшины. — Сохранять спокойствие стоило Вэлдрину определенных усилий. Сильфы вились вокруг его рук, лаская своим ветром, одежда нагрелась от жара сильфар, радостно теребящих завязки и пуговицы, в волосах чувствовался песок, нанесенный сильферами, видимо играющими в прятки за его локонами, а хохочущие сильфаны активно лезли в глаза и рот, покрывая их росой. Конечно, древние существа очень любили представителей его народа, и вор про себя вознес молитву богине, благодаря ее за то, что в крепости людей не нашлось урны с сильфидами. Изгнанные духи мигом лишили бы его шансов на инкогнито. Тем не менее, маленькие друзья были даже слишком счастливы. Кажется даже не самым разумным созданиям становится грустно, когда их долго держат в банке.

— Вы с тем парнем, что перед тобой был братья что ли? — Простонал мужчина слева.

— Я его первый раз в жизни вижу, — уверенно ответил Вэлдрин, — а что, он тоже долго не мог понять, что нужно делать?

— Магией раньше занимался? — Поинтересовался проверяющий срывающимся тоном. — Хотя чего уж, судя по реакции ты насквозь пропитан магией. Ты человек вообще? — Вэлдрин невозмутимо кивнул. — Ладно еще тот, что перед тобой был, но это уже вообще ни в какие ворота. — Вэлдрин молчал.

— Все, успокойся. — Сказал его напарник. — Действуем по инструкции. Скажи, к какой урне тебя б-больше тянет? — Обратился он к вору.

— Не знаю, — пожал плечами он, — в каждой что-то есть, я прав?

— В каждой? — Мужчина постарался взять себя в руки. — В каждой, значит пойдешь в универсальный. Сейчас выйдешь из шатра и скажешь, что поступил на факультет иллюзий, понял? — Вор утвердительно кивнул.

— Тогда выметайся отсюда, и никогда, слышишь, никогда не открывай такие урны. — Чуть не сорвавшись на крик добавил мужчина. — Ты понял меня? — Вор промолчал.

С каменным лицом Вэлдрин поднялся со стула и зашагал к другой стороне помещения. Прошипев что-то под нос, мужчины покрутили урны и духи стали отцепляться и возвращаться назад.

«Печальное зрелище», — подумал он: «прекрасные творения природы на службе людской прихоти». Пообещав себе при любой возможности освободить маленьких друзей, он двинулся дальше. «Так значит на Генрика они среагировали похожим образом. Любопытно», — думал он, выходя на свет.

Глава 4. Маски

Архимаг

В просторном помещении, среди прочных каменных стен, заставленных высокими полками, на которых книги перемежались склянками загадочного содержания и вязанками таинственных растений, за широким массивным столом, заставленным кипами бумаг, сидела, и напряженно водила пером седовласая женщина. Архимаг внутренне усмехнулся: какие бы силы демоны не давали человеку в обмен на душу, было бы абсурдно надеяться получить бессмертие, ведь тогда они бы не смогли насладиться платой. Марна чувствовала, что ей осталось не много, судя по усердию, с которым она вгрызалась в работу. Волшебник понимал желание оставить в мире как можно больший след, ему даже было жаль коллегу (в некотором смысле), но ее мечта всегда казалась ему слишком... приземленной. Учить кого-то сокровенным знаниям, постичь которые в высшей мере способен лишь самый непревзойденный ум: как не пытался, он не мог понять, что толкало ее к этому. Слабые и не готовые к суровой реальности колдуны и колдуньи на его взгляд были обречены всю свою жизнь прятаться, вжимаясь в стенные щели и задыхаясь от вони сточных канав, чтобы не превратиться в топливо для костров инквизиции. Чудо волшебства в случае слабых духом грозило стать смертельным проклятием для покинувших тепличные условия замка выпускников. «С другой стороны», — думал он: «пусть занимается чем угодно, раз это доставляет ей удовольствие. Для стариков типична любовь к возне с мелюзгой».

— Ну? — Устав ждать, задала наводящий вопрос Марна, не отрываясь от заполнения пергамента. — Хватит меня рассматривать, от твоего сочувствующего взгляда меня мутит. — Она поставила перо в подставку и подняла на него усталый въедливый взгляд. — Эх, многое бы я отдала, чтобы поменяться с тобой местами, и глазеть на тебя такими глазами.

— Глупо вас в этом упрекать. — Улыбнулся Архимаг. — Думаю в этом и состоит ваша проблема: вечно отдаете вместо того, чтобы взять принадлежащее по праву великого ума. Может вы себя недооцениваете, или это что-то, заложенное в природе?

— Хватит язвить, Завулон, прояви уважение. — Прищурившись произнесла она. — Даже на смертном одре у меня останется достаточно гордости чтобы плевать ядом от твоих комплиментов. — Последняя часть фразы отдалась inferнальным отзвуком, а глаза собеседницы раскрасились всполохами алого.

— Прошу прощения, если имел неосторожность вас оскорбить. — Сказал волшебник с иронией. — Я ни в коей мере не хочу принижать ваших достижений, просто считаю, что вы способны на много большее. — Завулон откашлялся. — Что ж, переходя к делу, вам уже доставляли сообщение о прошедших испытаниях?

— Анка поразила всех своими способностями? — Спросила она, переложив на рабочее место новый лист, и пробегая его глазами.

— Можно и так сказать, — ухмыльнулся он, — но, полагаю, не совсем в том смысле, в котором вам бы хотелось.

— Мм? — Марну раздражала любовь собеседника к смакованию растянутых предисловий.

— Ваша внучка превратила один из наших фонарей в мышат. — Улыбнулся он.

— Спонтанная магия. — Произнесла Марна, почесывая подбородок. — Ничего

удивительного. — Она пожалала плечами, стремительно теряя интерес. — Кошмарная сила, способная ровнять с землей горы, и возводить города в пустыне щелчком пальцев. Полагаю, ее сразу определили в боевой?

— Не хочу показаться консерватором, — нарочито спокойно протянул Завулон, — но так как отдельных инструкций вы не давали, Анка проходила распределительный экзамен на общих условиях.

— И? — Нетерпеливо махнула рукой она.

— Иллюзии. — Усмехнулся волшебник.

— Шик. — Она разочарованно откинулась в просторном кресле. — Глупцы не разглядят бриллиант у себя под носом, если слегка смазать его глиной. — Женщина устало протерла виски пальцами. — Ладно, это все равно не имеет значения. Столь могучий потенциал раскроется вне зависимости от направления учебы. — Завулон согласно кивнул. — Что это еще не все? Поторопись, ты отвлекаешь меня от работы.

— Помните я говорил вам об Охотниках святой инквизиции? — Проговорил Завулон непривычно серьезно, но Марна все равно закатила глаза.

— Опять за старое? Черт возьми, как ты дожил до своих лет, если боишься каждого камня, который неровно лежит?

— Информация подтвердилась, Пламекрылая, к нам послали убийцу, и вас это должно беспокоить куда больше, чем меня. — Улыбка Завулона на мгновение стала демонической. — Понятное дело, что ни мне ни вам этот человек не угрожает, но безопасность учеников и родственницы находятся под вопросом.

— Правильно подметил, Завулон, человечешке меня не напугать. Крайне глупо в одиночку лезть во вражеское логово, надеясь остаться целым. — Марна задумалась. — Как поживает наш ручной песик? — Глядя в глаза архимагу спросила она. Тот непонимающе выгнул бровь. — Что Сарэф? — Напрямую спросила ведьма.

— Восстанавливает силы. — Виновато улыбнулся Завулон. — Вампирша сильно потрепала его в последний раз, бедолага даже с постели сам встать не может, но, если станет достаточно жарко, я прерву его заслуженный отдых чего бы это ему ни стоило. — Несмотря на нейтральный тон, у ведьмы не оставалось сомнений в серьезности жестоких намерений архимага.

— К черту, — махнула рукой Марна, — Охотник не сможет прятаться вечно, и как только покажет себя, мы его прихлопнем. Жизнями пары учеников можно рискнуть ради того, чтобы преподать святошам урок, так я считаю. — В речи женщины прозвенела сталь. — Кстати, откуда ты столько знаешь про инквизиторов?

— Личные источники, — расплывчато улыбнулся архимаг, — без них я бы и правда не дожил до своих лет, несмотря на все подвластные мне силы. Вам бы тоже следовало обзавестись, такими одной мощи недостаточно, когда противостоишь такой махине, как церковь. — Марна фыркнула.

— Освободи меня от своих советов. Хочешь искать убийцу — развлекайся, ищи сколько влезет, а мне нужно работать.

— Не спешите. — Оборвал он, вновь посерьезнев. — Говорят, за нас взялись основательно. Дело академии доверили самому Рихтеру Балдеру, Аутодафе. — Он выделил имя голосом. — Вы можете помнить его по множеству тел сожжённых друзей, дела которых были подписаны его рукой. — Марна заметно насторожилась. — А отправили сюда никого иного как Палача, или, чтобы быть точнее, Охотника по прозвищу Хенкер, известного по

происшествию в монастыре святой Ольги, где он в возрасте двенадцати лет голыми руками перебил целую банду разбойников, терроризировавшую окрестности.

— Раз он такой известный, то вычислить его будет еще проще, — Марна сощурилась, — расспроси Сарефа, он точно сможет помочь, раз наш враг такая шишка. Для этого даже не нужно вставать с кровати. — Язвительно добавила она.

— Согласен, звучит разумно, — улыбнулся Завулон, — но, к сожалению, похоже на то, что все эти подвиги Хенкер совершил уже после того, как Сареф... покинул Орден и примкнул к нам. — Мужчина развел руками под подозрительным взглядом собеседницы.

— Что еще известно об этом Хенкере? — Марна отставила писчие принадлежности в сторону.

— О нем говорят, что свои обязанности он исполняет идеально, не оставляя следов, и не проявляя личность. — Завулон сел на край стола. — А Орден в ответ прилагает максимум усилий для сохранения его инкогнито. Говорят, ему доверяют лишь самые сложные дела.

— Похоже на Себастьяна, о котором постоянно трюндел Сареф. — Она уперла подбородок на ладони.

— Едва ли. — Скептически хмыкнул архимаг. — Как, по-вашему, огромный широкоплечий мужик затеряется в компании первокурсников? — Ведьма согласно кивнула. — Я рискну сделать вывод о том, что такой уникал должен был бы раскрыть себя на испытаниях с самой неожиданной стороны. — Его интонации приняли лекторский тон. — Охотники известны умением противостоять магическому воздействию, ввиду чего реакция духов на них не предсказуема. Думаю, они должны проявлять минимум интереса или же вообще не реагировать на такого человека.

— Всех, на кого духи почти не реагируют, мы помещаем в факультет иллюзий? — Скорее размышляя, чем вопрошая произнесла Марна.

— Да, придется сфокусировать внимание на нем. — Улыбнулся архимаг. — К слову, несколько претендентов показали сегодня абсолютно аномальные результаты. — Продолжил Завулон. — Их трое, в том числе ваша внучка.

— Объясняй. — Коротко бросила ведьма.

— Сначала тот босой сирота Генрик, что прибил к нам недавно. — Завулон поднял фиолетовые глаза вверх, словно изучая потолок. — Он раздул пламя свечи, но не смог нагреть фонарь. При этом духи вырывались из урн, пытаясь полететь к нему.

— Наконец-то талантливый ученик? — Заинтересованно спросила она.

— Хочется в это верить, но следующий же человек затмил его. — Марна недоверчиво прищурилась. — Второй — загадочный юноша по имени Вэлдрин. Кажется, я его уже где-то слышал, но никак не могу вспомнить, где именно. Он прошел оба испытания, что говорит о значительных магических способностях. А реакция духов вообще феноменальная: они буквально снесли с урн блоки, удерживающие их, и облепили его с ног до головы.

— А он что? — Поторопила ведьма.

— Говорил, что ничего не чувствует, но проверить его слова невозможно.

— Такого потенциала не было за все годы нашей работы. — Задумчиво прокомментировала ведьма.

— И наконец Анка. — Продолжил архимаг. — Я говорил про инцидент с мышами, а до этого, говорят, она изжарила гризли до угольков одним взглядом, при этом духи остались к твоей внучке безразличны. — Марна помедлила, злобно округлив глаза, в которых вновь заплясали алые угольки.

— Говори да не заговаривайся, старик, она моя внучка, кровь от крови, я готова ручиться за ее невиновность. — Ведьма явно сдерживалась чтобы не зарычать. — Черт возьми, да как тебе вообще такое могло прийти в голову.

— Остыньте, прошу вас. — Дипломатично поднял руки волшебник. — Подумайте сами. Для инквизиторов нет ничего необычного в том, чтобы забирать из семей перспективных детей, а затем вынуждать их родителей молчать. Они обучают вундеркиндов искусству обмана и убийства, а затем вершат самосуд их руками. Согласитесь, ваша внучка далеко не обычный ребенок, и ее таланты пришлись бы Ордену очень кстати. Более того, то, что вы пригласите ее к себе и тем самым выдадите свое логово более чем предсказуемо. И что, не логично ли в такой ситуации воспользоваться картой, самой пришедшей в руки? — Марна всматривалась в лицо собеседника очень серьезным взглядом, словно размышляя, не шутит ли он. — Отец девочки видный торговец, а мать очернена вашей же репутацией, но по какой-то причине оба они благополучно жили все время вашего отсутствия и все расследования инквизиции обошли их стороной.

— Что ты предлагаешь? — Мрачно сказала Марна спустя некоторое время.

— К нашей удаче все потенциальные Охотники поступили на один факультет. Так как я точно уверен в том, что убийца действует в одиночку, нам остается лишь последовательно исключить всех «чистых» студентов.

— Значит в этом году придется сконцентрировать все внимание на факультете Иллюзий? — Марна горько усмехнулась. — Что ж, ради всеобщей безопасности пускай. Делай что должно, Завулон, и молись, чтобы моя внучка не оказалась Охотником, иначе никакая сила не остановит бушующие реки крови. — Сказала она ни то с угрозой, ни то предостережением.

— Разумеется. — Усмехнулся в ответ архимаг. — Кстати, как продвигаются ваши поиски библиотеки, успеете раскопать ее до большого турнира? — Марна задумалась.

— Успею ли я за год? — Ведьма протерла глаза ладонями. — Я ищу ее уже два. Знаю, ты не веришь в ее существование и смеешься за моей спиной. Но не бывает вампирских замков без библиотеки, полной тайных знаний. Я изучала их общество половину своей жизни. — Марна помедлила. — В конце концов, особый дар клана Ломеион до сих пор не удалось разгадать, но он существует и это такой же неоспоримый факт. Значит книги где-то здесь.

Анка

— Ну, как прошло? — Учтиво поинтересовался Вэлдрин, ждавший выхода Анки у шатра.

— Иллюзии — буркнула девушка в ответ и огляделась: Генрика нигде не было видно.

— Ушел, кажется, я его тоже не видел. — Сказал вор, проследив за взглядом Анки.

Девушка помялась, убрала волосы за ухо, и, собравшись с мыслями, заговорила.

— В общем, когда я зашла они уже нервные были, косились на меня так. Наверное... в общем думаю про мышей уже все знают, — произнесла она, тяжело вздохнув, подняла взгляд в небо, сдерживая слезы, и продолжила, — к стене прижались даже. Я только села, они аж дергаться начали. Потом достали какие-то штуки, стали спрашивать, что я чувствую, а я... в общем ничего не почувствовала, а когда руку протянула один аж побелел... Я перепугалась что опять во что-то превращу эти штуки. — Анка едва не срывалась. — Я им так и сказала, а они мне даже продолжить не дали, сразу выгнали. — Закончила девушка чересчур резко, и

вскинула взгляд на Вэлдрину. — Я что, правда на столько страшная? — Выпалила она сквозь наворачнувшиеся слезы.

— Не-а, — понимающе улыбнулся вор, — ты тут вообще не при чем. Это мы с Генриком их напугали.

— Да? — Удивилась она. — Чем же?

— Не знаю, — он пожал плечами, — из-за нас с кувшинов слетали крышки, видимо внутри что-то опасное и они боялись, что оно разлетится.

— Ты это только что придумал? — Уточнила она, сверля вора взглядом покрасневших глаз.

— Нет, с чего мне? Хочешь — вернись и спроси сама. — Спокойно ответил Вэлдрин. — Да и потом, ты просто превратила железку в животных. Думаю, это очень здорово. Вот когда наоборот это плохо. — Серьезно продолжил он.

— Но я могу! И... думаю об этом догадываются.

— Можешь, не можешь, — вор махнул рукой и развернулся, — если обо всем переживать можно с ума сойти. Идем, — он махнул рукой, — я поспрашивал, нам туда, — он кивнул в сторону, указывая направление, — намечается пир в нашу честь, а потом начнутся первые занятия. Тебе стоит присутствовать.

— Слушай. — Анка прищурилась. — Сколько тебе лет? — Прямо спросила она, рассматривая его лицо. Вор задумался.

— Ну, я точно старше тебя. — Нейтральным тоном ответил он.

Продолжая вести разговоры ни о чем, они подошли к высоким воротам, тяжелым даже на вид. Анка замечала, что подходящие перед ними студенты наваливались на них в несколько пар рук, чтобы попасть внутрь, и каждый раз изнутри доносился гул. Скептически осмотрев Вэлдрину, она уже начала подыскивать взглядом, кого бы попросить о помощи, но тот подошел к двери и не сбавляя темп широко распахнул створку одной рукой, приглашая ее пройти.

Столовая встретила Анку оглушающим гомоном. Слов собеседника, говорившего что-то в шаге от нее, разобрать было решительно невозможно, и девушка начала молиться про себя, чтобы ни каждый день в этом месте был настолько шумным. Даже уши начали ощутимо побаливать. Просторное помещение было заставлено параллельными рядами столов и лавок, выставленных вдоль них. На ярких скатертях стояла посуда, наполненная огромным количеством разнообразных блюд, а в конце помещения, чуть в отдалении от остальных, находился красный узорчатый стол на резных ножках, покрытый небесно-голубой тканью с вышивкой. За ним восседали мерно переговаривавшиеся люди в длинных одеяниях, тогда как вокруг Анки и Вэлдрину царил настоящий хаос из криков, ругани, смеха, споров и даже песен. На секунду девушка потеряла ориентацию и качнулась в сторону, чуть не сбив проходящего мимо студента, но вор вовремя потянул ее назад, и слегка встряхнул, приводя в себя.

— Куда пойдём? — Вкрадчиво спросил он.

Анка оглянулась: большая часть мест уже была занята, но свободных столов и лавок оставалось достаточно, чтобы затруднить выбор. Помотав головой, она ткнула пальцем в тот, что был к ним ближе всего, и в скором времени за него уселась. Утвердившись на просторной лавке, она внутренне присвистнула: столешница была шире кровати в ее родительском доме, а на лавке могла бы уместиться половина деревни, но люди при этом

сидели на них очень вольно. Повозившись немного, она устала и поставила на пустое глиняное блюдо у себя перед носом и множество приборов по сторонам. Для чего это все? Как этим есть, и что? Дома они всегда ели деревянными ложками из котелков, а здесь даже не было знакомой еды. Желудок сводило немилосердно, но Анка бы отдала все, чтобы вместо всего этого разнообразия перед ней оказалась утятница каши.

— Эй, — Вэлдрин, сидевший рядом, толкнул ее в бок, — на, держи. — Сказал он, и вытащил из плетеной корзины ярко-красный шарик.

Анка взяла его в руки и покрутила. Предмет блестел в солнечном свете, обильно лившемся из высоких окон, был тяжелым и твердым на ощупь, но что с ним делать? Порозовев, она обернулась к Вэлу, и увидела, как он откусывает бочок, а затем уплетает его, аппетитно хрустя. «Ну, живем один раз!» — решила она, и вонзила в шарик зубы. Сначала рот свело от вытекшего сока, но потом... глаза девушки расширились от сладости, как будто сунула в рот ложку меда. Челюсти заработали активнее, и она сама не заметила, как под методичный хруст из руки испарилась большая часть фрукта.

— Фто это? — Не в силах оторваться, спросила она, повернувшись к Вэлу. Тот расслабленно рассматривал людей вокруг, углубившись в свои мысли, но, услышав вопрос вскоре пришел в себя и обернулся.

Увидев Анку с полными щеками еды, дергающую его за рукав, он добродушно улыбнулся.

— Яблоко. Там, откуда ты родом таких нет? — Полнобопытствовал он.

— Не а, — сказала она, прожевывая остатки с удвоенной скоростью, — а у тебя дома их много?

— О да, — ответил Вэлдрин, и его взгляд слегка расфокусился, — и они куда вкуснее. Хотя знаешь, эти тоже очень даже ничего.

— Должно быть ты родом из очень богатого, или далекого места. — Сказала Анка, задумавшись. — Отец рассказывал мне что-то о яблоках, но я их никогда не пробовала. Он говорил, что они дорого продаются, потому что далеко растут. — Вэл усмехнулся. — Ну так что, — прищурившись, спросила девушка, — ты богач, или чужестранец?

— А на кого похож больше? — Склонив голову набок поинтересовался он.

— Ого, да это же ты. — Неожиданно раздавалось над ухом. Девушка развернулась. — Анка, внучка Марны Пламекрылой, правильно?

Рядом с их столом остановился прекрасно сложенный парень с голубыми глазами на круглом лице.

— Н-ну да. А что? — Смущенно ответила она, отодвинув с глаз волосы. Тут же спохватилась, поняв, что перебила Вэлдрину, но тот уже ушел в себя, глядя на копошащихся студентов, и флегматично поедая следующее яблоко.

— Микула. — Ответил парень и уселся рядом. — Ты, э-э, не против?

— Нет, конечно, — ответила она, и обернулась, — Вэл, а ты? — Вэлдрин промолчал, кажется, не услышав ее вопроса, и Анка тряхнула головой. — Он тоже.

— И вот он дергает вожжи, и, значит, спину еще назад отклоняет.

— И что? — Нетерпеливо спросила Анка, с трудом сдерживая распирающий смех.

— И тут, — Микула тяжело вздохнул, давая эмоции, — и тут она ка-ак на дыбы поднялась, и он, ах-ха, прям со спины, да ка-ак назад завалился, и прямиком в ту кучу

навоза, ахахахаах — расхохотался он, не в силах больше держаться.

— Ахахахаахха, прямо туда? — Вторила ему девушка.

— Прошу прощения, к вам можно? — Послышался сквозь смех знакомый вкрадчивый голос. Анка с трудом взяла себя в руки и протерла глаза от слез. — Я заплутал, и, видимо пришел последний, так что место осталось только за вашим столом. — Извиняющимся тоном проговорил Генрик.

— Конечно, садись, — сказала Анка, махнув рукой на скамейку по другую сторону стола, — пробовал когда-нибудь яблоко? Мне Вэл про них рассказал, на, вот это красное попробуй. — Затараторила она, с трудом перегибаясь через стол за корзиной, а потом к Генрику. Друг ее руку на пол пути перехватил Микула.

— Как ты смеешь даже смотреть в ее сторону? — Резко выкрикнул он. Генрик, прищурившись, замер. — Приходишь сюда, даже не скрываясь, разнюхиваешь тайны для своих хозяев.

— Микула! — Дернулась-было Анка, пытаясь вырвать запястье из стальной хватки, но стремительно бордовеющий парень уже ничего не слышал.

— Хочешь ты или нет, здесь каждый тебя ненавидит. Мы все видим тебя насквозь! — Кажется парень уже вообще не мог сдерживаться. — Ты просто пытаешься втереться в доверие, чтобы потом воткнуть нож в спину, уже решил, кого убьют первым, а? — Микула тяжело выдохнул, взмахнул в воздухе рукой, пытаясь подобрать слова, а в зале повисла тишина. — Скажи, — захрипел он, отдышавшись, — ты один из них?

— О чем ты? — Пробормотала Анка первое что пришло в голову и наконец смогла выдержать руку. Генрик молчал.

— Видишь! — Указал Микула. — Он даже не скрывается, ничего не отрицает. Не знаю почему тебя еще не выгнали, но за этим столом тебе точно не место.

— Нет, Мик, подожди, он... — Заговорила-было Анка, но Генрик остановил ее, подняв руку.

— Послушай своего друга, Анка. — В повисшей тишине произнес он. — Я все понимаю, уважаемый, и правда, я сбежал из монастыря, когда проявились магические способности. — Он говорил прямо глядя Микуле в глаза. Холодный тон действовал на того отрезвляюще. — Я не спорю с тем, что церковь поступает с вами несправедливо и ты имеешь полное право злиться за это на меня.

— Тогда пойди и сядь на пол в углу, где тебе и следует. — Медленно проговорил Микула, когда Генрик закончил. Анка шокировано закрутила головой, активно хлопая глазами. Зал раздался одобрительными возгласами. Она дернула Вэлдрину за рукав, но тот безучастно смотрел мимо Генрика, и никак не реагировал. Пожав плечами тот развернулся и зашагал прочь от стола.

— Хватит! — Громко раскатился над головами высокий голос. Ученики обернулись: из-за одного из столов встала девушка, и быстрыми шагами подбежала к Генрику. — Доволен? — Продолжила она, обратившись к растерявшемуся Микуле. — Ты омерзителен.

Схватив шагающего Генрика за плечи, она развернула его лицом к столу.

— Ребекка. — Представилась она. Генрик удивленно покачал головой.

— Отойди, — сказал он шепотом, — не делай этого.

— Вот видишь?! — Крикнула она, обращаясь к Микуле. — Видишь, до чего его довел? Монастырь, не монастырь, какая разница? — Она обернулась к сидящим вокруг, обводя толпу широким жестом. Анка тихо охнула от восхищения. — Все мы здесь вместе, а он,

возможно — наш единственный шанс наладить отношения с внешним миром, доказать другой стороне что мы не чудовища, поклоняющиеся демонам, и ты встречаешь его так? — Ребекка смерила Микулу уничижительным взглядом. — Ответь мне, будь на его месте ты, что бы сделал? — Не выдержав, парень отвел глаза. — А потом вы удивляетесь тому, что мы изгой. — Припечатала она, и, схватив Генрика за руку, усадила его за стол Анки, сев рядом с ним. Как по команде шум и стук посуды вокруг возобновились с прежней силой. — Ты видел, как он сюда попал? — Зашипела девушка — Тебя тут не было в тот день, так ведь? Патруль нашел его, лишенного сил, под деревом. На нем не было ничего, кроме драной рясы, в которой он сбежал. — Генрик снова попытался что-то сказать, но Ребекка не дала. — Ты не видел, как его, вымазанного грязью, и умирающего от голода и жажды, привели сюда, как отпаивали с ложечки. И знаешь, что он сделал, как только обрел дар речи? — С вызовом спросила она. — Попытался уйти, чтобы не подставлять нас, отказывался взять новые вещи и еду, просил, чтобы ему завязали глаза, чтобы не мог рассказать, как найти это место. — С каждым словом Микула все больше мрачнел. — Знаешь, сколько его уговаривали остаться? — Микула не отвечал. — Вот! — Выдохнула она, схватила из корзины яблоко, и демонстративно развернулась на лавке к соседу.

Подобрав раскрытую от удивления челюсть, Анка обернулась к Вэлдрину. Тот ей улыбнулся, взял с подноса еще что-то съестное, и облокотился на стену. Только одна вещь выбивалась из общего хаоса. Анка видела вдалеке светящийся взгляд смешливых фиолетовых глаз.

— Дзынь-дзынь-дзынь. — Прозвенел бокал, по которому стучали ложечкой. Все разговоры прекратились, и Анка обернулась, рассматривая взявшегося мужчину, вышедшего в центр зала. Присмотревшись, она вспомнила его: именно этот человек помог ей на экзамене, сказав, что теплые мышцы тоже считаются решением.

— Господа и дамы, — разнесся над залом громкий приятный голос, — меня зовут Завулон, и сегодня мне выпала честь открывать новый учебный год. В первую очередь хочется выразить благодарность Марне Пламекрылой за то, что у нас есть возможность находиться в этих стенах. — Сказал он, усмехнувшись. Люди вокруг захлопали, и Анка присоединилась к ним. — К сожалению, наш уважаемый директор занята работой, так что не сможет присутствовать на открытии, тем не менее, предлагаю поаплодировать и в ее честь. — Сказал он, и сделал паузу, выжидая, пока хлопки утихнут. — Этот год будет сложным и интересным для всех нас, и не стоит переживать о направлении своей учебы. Многие скажут вам, что иллюзии слабее или хуже любой другой школы, — проговорил он, улыбнувшись, кажется прямо Анке в глаза, — но ответьте мне на один вопрос: сможет ли противник победить вас, если не будет понимать даже того, с кем сражается? Будет ли он продолжать сражение, если вы сможете убедить его в том, что он уже победил? Лично я считаю, что только недалекий будет недооценивать иллюзии и их потенциал. Учитесь хорошо, ребята, и пусть в ваших глазах всегда горит огонь! — Зал взорвался новой волной хлопков, а Завулон, сжав правую руку в кулак, легонько стукнул по бокалу, который сжимал в левой, массивным перстнем, ознаменовав тем самым начало учебы.

«Тук-тук-тук». Робкий стук в дверь перебил скрежет пера, которым Марна сосредоточенно выписывала на бумаге символы. Сжав зубы и тряхнув головой, она продолжила, решив не откликаться на назойливый шум. Мысли в последнее время так и

норовили перепутаться в голове, так что она решила не рисковать. Замок недавно, кажется, стал подчиняться хуже, будто почувствовав рядом с собой силу нового лидера... либо слабость старого. Все чаще коридоры, которые она приказывала проложить, вели не туда, а двери открывались не охотно. Что уж говорить о башне, в которой даже пришлось делать ремонт после частичного обвала одной из стен. «Тук-тук-тук», — раздалось вновь. Марна сделала глубокий вдох, несколько раз сжала и разжала кулак левой руки, и продолжила работать. Хвала богам, кабинет, созданный ею во время ожесточенной схватки с сознанием замка, не подчинялся никому кроме нее самой, без ее помощи никто не мог даже найти в него дверь, хоть она и была на виду. Помогало спастись от надоедливых студентов. Правда из-за этого последние месяцы она из него почти не выходила: люди стали слишком раздражать. «Тук-тук-тук», — прозвучало в третий раз. Марна рефлекторно дернулась, и перо, до этого мирно скрипевшее, с противным звуком надломилось у самой бумаги, оставив на ней огромную расплывающуюся кляксу. Скрипя зубами, она зажмурила глаза, чувствуя, как от писчего инструмента в руке остается только горстка пепла. Сразу же заскрипела отпираемая дверь, и Марна направила на разъем разъяренный взгляд.

— З-здрасьте. — Пробормотала черноволосая девушка, выглядывая из-за двери. Марна посмотрела на нее так, что та моментально дернула ручку назад, но дверь, вместо того чтобы закрыться, потянула ее вперед. Она разжала ладонь, но было уже поздно: створка вытолкнула ее на центр комнаты. Осознав свое положение, она отшагнула, но предательская дверь с оглушительным хлопком закрылась и для надежности провернула ключ в замочной скважине.

— Как ты попала сюда? — Сдерживая эмоции поинтересовалась Марна.

— Дверь была не запрета, вот я и решила проверить, простите. — Затараторила Анка.

— Вот как? — Марна вскинула брови. — А кто показал ее тебе?

— Завулон сказал, что она на верхнем этаже башни, я поднялась, а тут всего одна дверь. — Извиняющимся тоном произнесла девушка.

— Завулон? — Марна приподнялась на руках, глядя на вошедшую. — Анка? — Осознание коснулось ее лица. Тяжело выдохнув, Марна с шумом осела назад.

Девушка подняла взгляд и увидела, как лицо бабушки медленно расслабляется, и на место злости приходят морщины. Марна вздохнула и откинулась в кресле, опустив руки с подлокотников свободно свисать. В таком состоянии она будто сразу постарела на добрых пол века. Если, войдя в кабинет Анка видела в ней ровесницу своей матери, то сейчас — бабушку.

— Значит старый хмырь опять решил подшутить надо мной в свойственной ему манере. — Философским тоном произнесла Марна. — Знаешь, в последнее время мне кажется, что он хочет загнать меня в могилу раньше срока. — Марна скривилась. — Хотя мне и так не много осталось, чувствую что-то такое. — Добавила она тихо.

— Старый? — Переспросила Анка. — Но он совсем не выглядит очень уж старым. — По прикидкам девушки мужчина с фиолетовыми глазами и пробивающейся сединой хоть и был в возрасте, но телосложение и легкость движений у него были совсем не стариковские.

— Не обманывайся его внешностью, девочка. Завулон топчет эту землю едва ли ни с начала времен. — Марна помассировала пальцами вески. — А его образ лишь еще одно оружие в арсенале. Еще во времена скитаний богоизбранного народа по пустыне он каким-то образом разгадал тайну имени одного из самых могучих демонов — Аззелла, а для

демонов это означает рабство до самой смерти умника. — Анке послышались нотки зависти в речи родственницы. — Кстати... — Марна помедлила, подбирая слова. — справедливости ради, если демон узнает твое имя, тебя ждет та же участь, так что будь с ними внимательнее. — Она откашлялась. — Вот Завулон и продлевает себе жизнь уже черт-знает-сколько времени, и думаю это не единственное преимущество обладания ручным генералом Ада. — Марна задумалась, перебирая что-то в голове. — Видела перстень у него на пальце? Это одна из дочерей Арахны, той самой, что в незапамятные времена дерзнула на Афину Палладу, за что была обращена паучихой. Старик нашел ее труп и вдохнул в него жизнь своей магией, сделав своим фамильяром, хотя об этом он с радостью сам расскажет на своих занятиях. — Марна хмыкнула. — В общем, не суди о людях только по внешности, этот тип не только силен и умен, но и в равной мере расчётлив. — Она взяла недолгую паузу. — Кроме того, в последнее время мне все чаще кажется... В прочем, не важно. — Марна вздохнула, и выровнялась в своем кресле. — Ты чего стоишь? — Спросила она, и щелкнула пальцами. Из угла комнаты к Анке подъехало второе кресло. Немного недоверчиво девушка походила вокруг, рассматривая его и трогая обшивку. — Не бойся, кресло обычное, можешь садиться.

Анка тяжело села (плотный ужин давал о себе знать и явно конфликтовал с винтовой лестницей), и наконец обвела взглядом кабинет. Широкие книжные полки, какие-то схемы на стенах. Тяжелый стол, заставленный причудливыми статуэтками и бумагой и стойкий тяжелый запах лаванды. Немного помолчав, Анка все же решила прервать тишину.

— А тут все умеют... ну вот так. — Девушка задумалась, а потом начала красноречиво размахивать в воздухе руками, изображая движущиеся кресла и самозакрывающиеся двери. — Ариана делала то же самое. — Марна удивленно выгнула бровь, пытаясь сообразить, что значат эти жесты.

— Замок? — Переспросила она. — Нет не все, только я и немного девчонка-русалка. У этих стен есть сознание, и Князь вампирского клана должен подчинить его своей воле, чтобы получить возможность управлять им. — Марна оперла подбородок на ладонь, рассматривая внучку изучающим взглядом, от которого той сразу стало неудобно. — У них правда больше возможностей, говорят, могут силой мысли перестроить его полностью, перемещать между мирами и еще много чего. Мне удалась лишь малая доля, но пока это не важно.

На некоторое время в комнате вновь повисла тишина. Анка судорожно перебирала в голове темы для разговора.

— А почему вы его выбрали?

— Ну, — Марна пожевала, — в общем есть такая штука — Чистилище. Это вроде мир, существующий параллельно нашему. Судя по тому, что мы о нем знаем, он существует очень давно, и содержит в себе все мысли, приходившие в голову когда-либо жившим людям. — Она провела указательным пальцем по воздуху, очерчивая круг вокруг головы Анки. — Там они хранятся в виде... образов, такой чистой энергии. Потрогать, или изменить их нельзя, но ты просто представь себе, сколько там этой дряни. Короче говоря, замки вообще-то существуют там, их вроде как создал вампирский бог, или еще кто-то, я не эксперт. — Она пожала плечами. — В чистилище можно попасть, но оно вытягивает из гостей все жизненные соки, поэтому никто, кроме нежити не может там находиться. Только вот в местах, где множество людей испытывали очень сильные эмоции, могут случаться прорывы, и Чистилище наслаивается, или вырывается в реальность. Вампиры могут перемещать свои

замки между такими брешами, поэтому их называют Якорями. — Марна налила себе воды и сделал долгий глоток. — Так вот, — вытерев губы, продолжила ведьма, — из них помимо всего прочего без конца прет та самая гуща мыслей и образов, по сути, чистая энергия, которую мы научились использовать. Когда мы с Завулоном пришли сюда, в замке не было... почти не было хозяев, расправиться с ними не составило труда. И судя по тому, что владельцы до сих пор не заявили, я делаю вывод о том, что они где-то здесь, во сне. — Марна красноречиво кивнула головой в сторону двери. — Есть у них такая способность максимально ограничивать жизненные функции организма, чтобы восстановиться. Думаю, они прямо в этих стенах и полу, ждут и копят силы. — Анка в ужасе дернулась. — Не бойся, мы экранировали камень от токов энергии чистилища, а другого способа питаться у них нет. Разве что залить тут все реками крови, чтобы дать им напиток. — Марна усмехнулась. — Кстати тут еще и крайне безопасно. Туман чистилища очень боится света, но по ночам вытекает из-под стен, заполняя ров, и будь уверена, пройти через него живым невозможно. — Она прищурилась, глядя на внучку, но промолчала, что, тем не менее, не ушло от ее внимания. — Так что, если на нас нападут, мы всегда будем об этом знать. А уж двое таких магов как мы с Завулоном при поддержке бесконечного источника энергии способны на многое. Да, кстати, если старый хрен решил обзавестись замком для изучения магии чистилища, то мне он нужен был только для того, чтобы обеспечить тебе будущее. — Марна тяжело вздохнула и замолчала.

— Мне? — Анка округлила глаза. Марна немного помолчала.

— Да... — Ведьма устало протерла глаза. — примерно в твоём возрасте я заключила договор с демоном. Мне угрожала опасность, и выхода в общем-то не было. Я молилась Богу, но он не спешил помогать, а вот Ньярлатотеп был расторопнее... Я не хотела терять себя, как другие ведьмы, и оставила пространство в соглашении, но взамен демон попросил. — Марна долго собиралась с силами, шевеля челюстью. — Он сказал, что возьмет себе потомка из моего рода. Я тогда думала, что сестру, но, когда все мои родные умерли, поняла, что нет. Когда родилась твоя мать я боялась, но тоже обошлось, а вот когда на свет появилась ты, я все поняла сразу. — Марна оглядела внучку с головы до ног. — Я могу только получать магию от демона, ты другая. У тебя его кровь в жилах. — Анка поймала на себе странный взгляд, полный задумчивости, зависти, и раскаяния. — У демонов нет органов, вся сила идет от крови, понимаешь, о чем я? Они лишены фантазии, а люди власти над магией, но ты владеешь и тем, и другим. Ты можешь изменять мир так, как захочешь, перекраивать его под себя. Но я всегда думала о том, захочешь ли ты этого? Я боялась, что ты можешь испугаться, или отречься от этого сразу, как только узнаешь, чтобы потом прожить остаток дней в грязной хибаре среди муки и свиней, — она экспрессивно размахивала ладонями, — в обнимку с соседским пьяницей. Поэтому я создала это место, чтобы показать тебе, на что ты способна, и дать тебе выбрать, хочешь ты этой силы, или нет. В конце концов, если не будешь пользоваться ею, то проживешь и умрешь, как человек. Кстати, уж прости, райских куц тебе не видать... за то может хоть будем в соседних котлах, а? — Марна горько засмеялась. — Я не надеюсь на то, что ты меня простишь, но умоляю тебя, попробуй понять. — Она склонила голову, ожидая брани и проклятий, но тут Анка подскочила к ней и крепко обняла.

— Я не все понимаю, но неужели ты все эти годы странствовала, сражалась и страдала только ради этого? — Марна закрыла глаза, чувствуя, как из них текут слезы.

— Знаешь, я никогда не жалела о том, что ушла из вашего дома 13 лет назад, но только

сейчас, смотря на тебя, я понимаю, что кое-чего мне все-таки не хватало.

Так они и стояли, молча думая о своем.

— Ну что, расскажи, как там поживает моя дочь и этот деревенский торгаш. — Ворчливо сказала Марна, утирая лицо рукавом, глядя на просевшую Анку.

Большой просторный зал шелестел множеством перешептываний. Анка настороженно обернулась: за десятками рядов столов сидели, тихонько переговариваясь, студенты, ожидающие прихода преподавателя. Как сказал с утра Микула, их ждал рассказ о чудовищах, которых можно встретить в округе, история замка и его обитателей. Что-то вроде вступления перед началом учебы. Она настороженно посмотрела на лист бумаги, перо и чернильницу, стоявшие перед ней. Им придется... писать? Еще немного напрягали слова бабушки о том, что помимо учебы ей предстоят отдельные уроки лично с ней. Обуздание своей демонической природы звучало очень заманчиво, но судя по тону, с которым Марна об этом рассказывала, дело будет не легким. И почему-то Анка была уверена в том, что поблажки любимой внучке не дадут. Еще она узнала, что в этом самом замке ровно через год Завулон и Марна организуют большой турнир волшебников со всего мира, по результатам которого победитель получит титул Архимага вместо улыбчивого дедули, какие-то награды, почетное место начальника замка и, разумеется, всеобщее уважение. Анка на секунду расплылась в улыбке, представляя, как поднимает над головой большой и дорогой приз (пока не решив, какой именно), и как потом ей все начинают хлопать и кланяться, но быстро прогнала эту мысль из головы: учеба важнее. Еще бабушка рассказала про какой-то деревенский фестиваль, на который несколько дней назад сбежали студенты, нарушив запрет на выход из замка в ночное время ради танцев и выпивки. Местонахождение деревни, имена беглецов и наказание Марна раскрывать отказалась. Анка надула щеки: «все равно узнаю», — подумала она. «Надо было думать, прежде чем говорить о таком внучке». Об этих двух новостях она, конечно же, сразу поведала своим новым друзьям, и Вэл, усмехнувшись, пообещал, что узнает все про эти танцы и расскажет ей, чтобы точно не пропустила их на будущий год, Генрик и Ребекка только головой покачали, а у Микулы глаза загорелись так, что в одном сообщнике она тут же уверилась. В общем, вчерашний день прошел удачно.

— Кхм-кхм-кхм. — Прервал размышление девушки неведь-когда появившийся преподаватель. — Давайте начнем с того, что вы все напишете на этом листе, — сказал он, демонстрируя желтовато-серый листок на вытянутой руке, — свои имена, чтобы нам было проще работать. Передавайте его по очереди.

Бумажка потихоньку стала переходить из рук в руки, медленно но верно приближаясь к их столу. Еще чуть-чуть и вот Генрик уже выводит что-то пером, дует на лист, и передает его. Анка взяла пергамент в руки. На всем пространстве красовались лишь несколько строк. Девушка оторопела поводила глазами, и обернулась к Генрику, но тот, закрыв лицо руками, уже тихонько посапывал, не подавая признаков жизни. Она медленно обернулась в другую сторону, и встретила с таким же, как у себя, полным отчаяния взглядом Микулы. Писать они не умели.

Как оказалось потом, грамоте не был обучен почти никто из поступивших. Преподаватель громко посмеялся, но злиться и наказывать никого не стал, позвал Завулону, что-то обсудил, и всех отправили в другой кабинет. Следующие три недели ученики усиленно зубрили устную и письменную латынь. И видит Бог это было ужасно. Мозг Анки

трещал от напряжения каждый день с утра до вечера. Спасибо судьбе, что Генрика скоро отправили учиться магическому музицированию вместо письменности, потому что его вечно безразличное выражение лица, когда он выписывал самые сложные слова и читал самые длинные предложения, закапывали самооценку девушки глубоко под землю. Еще немного позже занятия разрешили покинуть Вэлдрину: хотя он тоже не был знаком с письмом и чтением изначально, его обучаемость поражала воображение. Уже на первом занятии он, искренне улыбаясь, вывел на глиняной дощечке свое имя. Так или иначе, благодаря магии и тяжелейшему труду, к концу первого месяца обучения большая часть группы свободно владела и письмом, и чтением.

— Итак, господа и дамы, теперь, когда вы вернулись, предлагаю начать наше занятие с вопроса о том, что вы знаете о вампирах? — Темноволосый мужчина, которого Анка не видела почти месяц ничуть не изменился с их последней встречи. Казалось, будто он так и стоял здесь в центре аудитории, ожидая возвращения студентов. — В библии есть место, в котором Господь говорит своему пророку следующее: «И приведи тельца пред скинию собрания, и возложат Аарон и сыны его руки свои на голову тельца пред Господом у дверей скинии собрания, и заколи тельца пред лицом Господним при входе в скинию собрания, возьми крови тельца и возложи перстом твоим на роги жертвенника, а всю остальную кровь вылей у основания жертвенника, возьми весь тук, покрывающий внутренности, и сальник с печени, и обе почки и тук, который на них, и воскури на жертвеннике, а мясо тельца и кожу его и нечистоты его сожги на огне вне стана: это — жертва за грех». — Преподаватель немного помолчал. По аудитории прошелся шепот, и Анка опустила глаза в свою бумагу, усиленно делая вид, что записывает.

— Ветхий Завет, книга двадцать девятая, стихи с десятого по четырнадцатый. — Негромкий голос Генрика неожиданно резко разорвал тишину. — Здесь говорится о том, как Господь велел приносить ему жертву.

— Прекрасно. — Улыбнулся темноволосый. — Обучались в церкви?

— В монастыре. — Несколько виновато ответил Генрик. Микула что-то неразборчиво проворчал в ответ.

— Любопытно. — Пространно ответил мужчина. — Что ж, раз уж мы с вами находимся в вампирском замке, думаю стоит начать ваше знакомство со сверхъестественными тварями именно с кровососов. — Профессор усмехнулся собственной шутке. — Многие из вас могут задаться вопросом о том, для чего нужно было отступление в сторону Писания. Так вот, по собранным магами со всего мира сведениям, описываемый в этих строчках ритуал жертвоприношения имеет к появлению вампиров непосредственное отношение. — Он вышел немного вперед, присаживаясь на край своего стола. — Понимаете ли, какое дело, жертва богу это не просто бедная зверушка на обед, а, скорее, живой артефакт, благословенный самим богом за усилия людей, которые его вырастили, признали свои грехи, добровольно отдали жрецам, а те провели обряд по всем правилам. — Профессор пригляделся к аудитории, пытаясь понять, осознали ли ученики сказанное им и остался доволен. — В момент жертвоприношения само животное так же становится священно, и бог не делает различий между его частями, но, как вы могли понять, некоторые из них он повелел съедать священникам, другие уничтожать на алтаре, а третьи — выкидывать, оставляя за пределами скинии. — Чередуя слова красноречивыми жестами продолжил мужчина. — Кстати, в сторону этой вылитой крови и выброшенных внутренностей

запрещалось даже смотреть. Никто об этом и не думал, пока не произошел один инцидент. В общину евреев пришла девушка. Тогда было не принято принимать незнакомых людей, но, говорят, она была красивее любой женщины, которую видели местные люди, кроме того, она вышла из пустыни, одинокая, уставшая и совершенно потерянная, но живая. — По морщинистому лицу черноволосого стало понятно, что он много раздумывал об этом событии, изучая вампиров. — Она сказала, что бродила по пескам уже очень долго безо всякой надежды, и люди решили, что это знак свыше, и ее, как и их ведет бог. Очень скоро она прониклась культурой и верой этого народа, но, когда узнала о жертвоприношениях, решила, видимо, украсть у бога часть его силы. Она выбрала одного мужчину и долго подводила к предстоящему преступлению. И вот в один из дней после жертвоприношения они вдвоем пробрались к скинии и сделали задуманное: она собрала и выпила с расщелин в камнях кровь, а он съел куски внутренностей, пока те не успели окончательно превратиться в угли. — Преподаватель усмехнулся. — Стоит ли говорить о том, что бог пребывал в ярости от такой дерзости? Кара настигла нарушителей незамедлительно, страшнейшее из всех проклятий обрушилось на их головы. Проблема была лишь в том, что из-за святости животного они не могли не получить и благословения, так что оба стали бессмертными. — Он откашлялся, переводя дыхание. — Девушка стала первым вампиром: она была обречена вечно скитаться, алкая крови, и не имея возможности больше ничем утолить свою жажду, а мужчина потерял свой человеческий облик, став первым оборотнем. Говорят, он перенял облик быка. Кстати, для него создатель сделал поблажку: так как причиной его преступления был не злой умысел, а затуманенный коварством разум, тот не стал прогонять его от своих глаз, и потому оборотни могут переносить солнечный свет и сохраняют свои души. На беду кровопийцам, в момент превращения из человека в бестию они свои души теряют: те намертво срастаются с телами, делая их отчасти похожими на демонов (у которых нету физических тел, и даже материальная форма является только проекцией энергетической сущности), что дает им возможность управлять своим организмом силой воли, изменяя его и залечивая раны. — Он вернулся и снова сел за стол. — Так же именно это наделяет вампиров рядом сверхъестественных способностей, вроде превращения в туман, которое, подобно демонам, вампиры применяют по своему желанию. Эти способности не являются магией в чистом виде, поэтому никакие способы защиты от магии на них не работают. То же, кстати, справедливо и для многих других бестий, например сирен, от чьего пения люди теряют себя. Услышав его, вы не сможете защититься никак, будь вы хоть величайший маг во всем мире. — Профессор многозначительно хмыкнул. — Со взглядом Горгоны и прочим подобным дела обстоят так же, если, конечно, закрытые глаза или залитые воском уши не кажутся вам чем-то волшебным...

— А сейчас обратите внимание сюда. — Удивительно, но как только Завулон начинал говорить в аудитории воцарялась тишина, хотя он никогда не злился, и, более того, вечно ходил с широченной улыбкой. — Фамильяры — это мощнейший инструмент мага. Пусть это чары высокого уровня, надеюсь многие из вас смогут обзавестись ими уже в ходе обучения. Фамильяры создаются из частички души хозяина, которой он наполняет неодушевленный объект, наделяя его неким подобием жизни. — Лекторским тоном продолжил он. — Фамильяры — преданные слуги, которые никогда вас не ослушаются. Они могут применять заклинания, подготовленные вами, изменять свой облик по вашей воле, а также исполнять определенный набор указаний, сложность которых зависит от выбранного тела и, скажем

так, размера фрагмента души. — Завулон постучал пальцем по кольцу, и серебряный паук, до того сидевший на нем, начал медленно разминать лапки и наполняться цветами. Немного времени спустя он переполз к архимагу в руку и стал увеличиваться в размерах. Он резко махнул рукой, и паук отправился в полет. Анка одернулась назад: животное приземлилось прямо перед ней, не переставая расти. Пошевелив жвалами, он шагнул вперед, и уставился на нее всеми своими глазами. Анке стало еще больше не по себе. Тихо ойкнув, от нее отодвинулся Микула, девушка обернулась в другую сторону, и столкнулась взглядом с Генриком, в глазах которого неожиданно появились небесно-голубые искры и невиданная до того сосредоточенность, будто парень уже встречал таких тварей раньше. Тут Завулон хлопнул в ладоши, и Анку обдало волной теплого воздуха. — Обратите внимание на результат. — Победоносно произнес профессор. Анка медленно вернула взгляд в исходное положение: на парте перед ней стояла... она сама. Паук волшебника стал ее точной копией, которая медленно обвела взглядом зал, помахала рукой, а потом отвесила низкий поклон, и с еще одним громким хлопком сжалась, вновь превратившись в украшение и вернувшись на палец волшебника. Когда шок от увиденного спал, аудитория разразилась аплодисментами. Профессор усмехнулся и поднял вверх руку, успокаивая учеников. — Не стоит, это лишь малая часть его возможностей. Итак, когда вы сами это увидели, перейдем к теории...

— Виверны относятся к классу драгонитов. Их отличительной особенностью являются конечности, которых у них, в отличие от драконов, только две пары. — Темноволосый профессор вывесил на стену за своей спиной широкий желтый пергамент, на котором красовалось схематичное расчерченное изображение виверны с прорисованными костями и множеством подписей. — Наиболее распространенный и вместе с тем менее опасный их подвид называется Сорной Виверной, или *Purgamentum Wyvern*. Их можно встретить в местах большого скопления мусора, как не трудно догадаться из названия, а именно: канализации, свалки, засоренные берега рек, и так далее. — Он нетерпеливо зашагал. — Так же они попадают в местах с густой растительностью, так как всеядные бестии кормятся листвой и корой кустарников столь же охотно, сколь и мусором. Кстати говоря, они коренные жители нашей климатической зоны, так что с минимальной вероятностью вы можете встретить их в окружающем замок лесу. — Профессор на мгновение замер и хихикнул. — Хотя защитные заклинания и не должны их пропустить, вам стоит запомнить две вещи: почувствовав слабость жертвы, они атакуют стаей. От явной опасности они незамедлительно сбегают. Кроме того, их кости на стыке челюстей очень непрочные, подобно змеиным, так что, если придется защищаться — цельтесь в них. В вивернах высоко ценятся перья, мембрана крыльев и яйца — все в алхимических целях, разумеется. — Он замолчал, почесывая бороду. — О, и вот еще что, у всех драконитов есть слабость перед собственным отражением, они от него буквально взгляд оторвать не могут...

— Медитация! — Неожиданно громко рявкнул лысый мужчина, судя по внешности, прибывший сюда из какой-то восточной страны. — Первое, что вам нужно запомнить: это не тихий час, не урок раздумий над смыслом жизни, и даже не уникальная возможность вспомнить, что было на прошлых занятиях. — Чересчур серьезное выражение лица профессора не оставляло сомнений в его одержимости своим предметом. — Здесь вы научитесь контролировать свое тело, направлять дух и проводить энергию. Для тех, кто все еще настроен скептически, поясню: это ваш единственный шанс оказать сопротивление

враждебному заклинанию, без использования защитных чар. Демоны, силы которых мы используем, чтобы творить магию, используют ее усилием мысли. Сражение двух демонов это ничто иное как дуэль сознаний. — Последние два слова он выделил слегка насмешливой интонацией. — Несмотря на форму заклинания, для них оно воздействует только на волю, пытаясь сломить оппонента, заставить его сдаться. И тот, кто не сможет сопротивляться и поддастся слабости, умрет. Единственный из нас, кто может использовать этот способ без особой подготовки, это леди Анка, — мужчина указал в ее сторону рукой под пролетевший над слушателями шепоток. Благо за прошедшие месяцы Анка привыкла к вниманию, — благодаря своей демонической крови. К примеру, если вражеское заклинание попадет в нее, она почувствует лишь гнетущие сознание эмоции и негативные мысли, сила которых будет столь велика, сколь сильными были чары, но пока она сможет продолжать сопротивляться, отказываясь признавать поражение, девушка не получит никаких повреждений. — Анке стало не по себе от того, что кто-то в очередной раз знает о ней больше, чем она сама. — Остальным же необходимо для этого войти в особое состояние. Служители церковных боевых орденов называют его «благословением», или «молитвой». Они сонастраивают свою сущность с ангелом-хранителем, получая часть его способностей, основной из которых и является восприятие вражеской магии на уровне волевого воздействия. — Он задумчиво посмотрел в сторону сидевшего поодаль Генрика. — В сущности, это ничем не отличается от способа, доступного любому из нас с помощью демонов, но обучиться ему куда сложнее. Настраиваясь с помощью медитации на энергию ада, вы только меняете свое восприятие действительности, приближая его к демонам, церковники же напрямую впускают в свое тело божественную сущность, рискуя жизнью (хрупкие людские тела для такого не предназначены и рискуют повредиться). Для нас же опасность составляют искушения демонов, на которые нельзя вестись, иначе они захватят вас, сделав своей марионеткой. — Он провел по голове рукой и перевел дух после долгого монолога, прежде чем продолжить. — Резюмируя, служителям церкви требуется огромная концентрация, чтобы вовремя разорвать свою связь с ангелом. Нам же нужен острый ум, чтобы не поддаваться искушению демона. К сожалению, обучение медитации осложняется тем, что нет никакого способа гарантированно узнать, насколько вы близки к нужному состоянию разума: вы почти вошли в него, или еще очень далеко? Вам самим предстоит долгие месяцы проб и ошибок. Единственный косвенный признак, по которому можно понять, что результат есть — призрачное свечение в глазах, которые являются, — профессор опять позволил себе ироничный тон, — зеркалом вашей души. При проведении энергии ада окружающие часто замечают красные блики в зрачках.

— Кабинет рунного мастерства находится в конце этого коридора. — Проговорил пухленький низкорослый мужичек, меньше всего походивший на могучего мага, по мнению Анки. Хотя старшекурсники утверждали, что нет никого бесчеловечнее чем он во время сессии. «А голос весьма приятный», — пронеслось у нее в голове — Сегодня научимся базовому пентаклю призыва демона, кстати его воспроизведения на экзамене будет достаточно для тройки. — Группа студентов, ведомая преподавателем, поднялась по лестнице и свернула в коридор. — Обратите внимание на то, что находится в этой комнате. — «Пухлик» — как решила называть его Анка для себя, засеменил к одной из дверей, и отпер ее массивным ключом. Группа вошла внутрь вслед за ним, и оказалась... в просторном чулане, забитом самым разным хламом. — Здесь мы храним артефакты,

которые создают студенты во время обучения, а также все «побочные продукты» ваших занятий. — Студенты заозирались вокруг, прохаживаясь вдоль стеллажей.

— А это что? — Вдруг резко прервал тишину Вэлдрин, непривычно дерганным голосом.

— О, — с явным удивлением протянул преподаватель, — странно, что вы смогли его увидеть, чары отвода глаз накладывал сам Завулон. Вэлдрин откашлялся.

Анка проследовала взглядом в ту сторону, куда смотрел приятель, и шокировано уставилась на стоящую в середине помещения подставку, с лежащей на ней мечом. В нем не было ничего особенного, но девушка буквально не могла оторвать от оружия взгляда. Изогнутые ножны некогда бывшие белоснежными, сейчас выглядели так, будто побывали в костре: обгоревшие, местами даже обратившиеся в угольки, напоминали увиденный когда-то дуб, в который ударила молния, и были перемотаны простым тканым ремешком. Длинная рукоять начиналась круглой гардой, на которой виднелись символы неизвестного Анке происхождения, и продолжалась двумя рядами шнурков, намотанных крест-накрест поверх все того же дерева. Яблоко в конце отсутствовало, только стальной зажим, удерживающий шнуровку.

— Что это? — Спросила Анка.

— О, какой-то древний артефакт, который нашел Завулон в ходе своих путешествий. — Торопливо проговорил преподаватель.

— Нашел? — Удивленно переспросил Вэлдрин.

— Да, мы тоже были шокированы, такая мощь. — Голос профессора принял странно-мечтательный тон. — До сих пор никто точно не знает, что это такое.

Будто в трансе Вэл шагнул вперед, но Пухлик молнией метнулся к нему и одернул назад.

— Легче, молодой человек. На нем не только отвод глаз лежит, Завулон надежно позаботился о защите.

— Защите от воров? — Спокойно уточнил тот.

— Скорее наоборот, — ответил преподаватель, почесывая подбородок, — когда его сюда только доставили, мы пытались его исследовать. Нашлась пара учеников, которые взяли его за рукоять, и, — он махнул рукой, — в общем крыша у них мигом съехала. Орали, катались по полу, говорили, что меч к ним в душу лезет. Тогда мы убрали его сюда и стали исследовать наложенные на него чары, но они оказались настолько древними и сложными, что толку в этом не было. И тогда кто-то пустил слух, что если вытащить меч из ножен полностью, то получишь его силу. — Профессор покачал головой. — Глупость, конечно, но до этого пытались только в руках удержать, и ничего не выходило. В общем, нашелся новый дурачок. Спер меч, выбежал на улицу, и на глазах у всех вытащил его из ножен. Исчез парень, а жаль, хороший ученик был, Гаврилой звали. Вот он есть, а через секунду уже все, будто волны на море стерли следы на песке. Так и не нашли бедолагу. Еще один побежал этому помогать и тоже пропал. Кажется, Зигмунд звали. Бестолочи. — Мужчина тяжело вздохнул. — Так что решили меч здесь держать под мощной защитой, пока не поймем, что с ним делать. — Вэлдрин многозначительно хмыкнул и покачал головой.

— Что ж, продолжим наш путь, занятие уже началось.

— Первоначальный навык призывателя, это, конечно, геометрия. — Наставительным тоном говорил Пухлик. — От правильности расчётов и построения фигуры зависит ваша жизнь. К примеру, ошибка в один градус при создании руны телепортации может стоить вам половины тела, которая врастет в землю. — Профессор пригрозил пальцем. — У нас,

конечно, проще, но принцип тот же: напортачите и призовется такая мракобесина, пожалеете, что на свет родились. Ну и как обычно в нашем деле — концентрация и самоконтроль впереди всего. Если демоны захватят ваш разум, идеальные расчеты не будут иметь значения. А теперь давайте небольшой опыт. — Преподаватель засеменил в центр зала, на полу которого красовалась небольшая нарисованная фигура. — Это ничто иное как пентакль базового призыва. Кто хочет попробовать? — Спросил он, но зал ответил гробовым молчанием. — Что ж, похвальная осторожность. Уважаемый Вэлдрин, может вы? — Пристально впился в ученика профессор. — Вдруг ваши таланты ограничиваются не только поиском артефактов? — Тот пожал плечами и шагнул вперед. — Великолепно. Главное — не бойтесь. Эта руна требует крови волшебника. Она призывает самое сильное существо, которое способна удержать с помощью барьера, созданного из нее. Мы возьмем всего каплю, так что ничего серьезного тут не появится. Вы готовы? — Вэлдрин протянул вперед ладонь, а Пухлик достал откуда-то карманный нож, и легонько кольнул его палец. Кровь закапала вниз. Столкнувшись с пентаклем, капли моментально впитались в мел, которым он был нарисован, равномерно окрасив его розовым. Воздух вокруг загустел. — Ну что, что-нибудь чувствуете?

— Да, — слегка удивленно ответил Вэлдрин, — кажется кто-то разговаривает.

— Тогда мысленно потянитесь к нему, и призовите сюда.

Бледное лицо Вэла напряглось, и студенты резко подались вперед. Густой воздух превратился в завихрение, пространство над руной покраснело, будто из нее выросла колонна огня, и тут...

— Так значит ты говоришь, что это не твоя вина? — Раздался из руны язвительный, сладкий, чарующе-манящий девичий голос.

— Нет, герцогиня, я не мог знать об этом. — Раздалось вслед прерывистое блеяние. Схватившись за голову, преподаватель побежал прочь из помещения, а Вэлдрин наоборот шагнул навстречу руне.

— Другие генералы смеются надо мной, — приятный голос томно заговорил вновь, но даже через его медовые интонации явно доносилось раздражение, — они нас-с-смеются над моими легионами. — Слова резко приняли шипящий оттенок, словно говорившая теряла над собой контроль. — Говорят, мои демоны не з-знают, с какой с-стороны держать меч. Ты хочеш-шь меня расс-строить? — Неожиданно раздражение сменилось искренней обидой.

Вырисовавшийся в огне силуэт мгновенно приковал к себе пристальные взгляды. Демоница стояла к Анке полуоборотом, и разглядеть что-либо, кроме форм тела было невозможно, но даже они завораживали. Ее фигура была идеальной, а кожу густого красного цвета покрывали толстые костяные пластины, заменяющие одежду: высокие сапоги с каблуками, корсет, маленькие наплечники и сплошную маску. Из спины торчали длинные костяные остовы крыльев, с которых свисали опаленные обрывки мембраны, а сверху на них волной спускались сотканые из потоков пламени волосы.

— Н-нет, госпожа. — У второго участника разговора явно началась истерика.

— Но у тебя та-ак хорошо получилась, — нежно промурлыкала она в ответ, — я просто с-сгораю от ярости. — Последние слова она уже прорычала, взмахнув рукой. В неявной дымке мелькнул росчерк огненного хлыста, раздался громкий щелчок, и комнату наполнили вопли демона вперемешку с вонью горячей плоти.

— Простите, простите. — Вне себя заорал он.

— Выходит мои любименькие демонята, — чеканя каждое слово говорила демоница, —

не готовы к маленькому вторжению, которое запланировал Люцифер. — Переходя на шепот закончила она, приближаясь к собеседнику. А значит, твое поведение расстраивает не только меня. — Добавила она, потрепав сжавшегося в комок демона за щеку. — И что же мы будем делать с этим? — Произнесла она, задумчиво царапая щеку длинным когтем.

— Н-н-н-начнем тренировки? — С надеждой в голосе произнес демон. — У нас осталось время на подготовку, госпожа.

— Правильно говорить «моя госпожа», — с напором прервала демоница, подкрепив свои слова еще одним ударом плетью, за которым тут же последовал новый вопль боли, — не удивительно, что ты не можешь справиться с приведением легионов в боевую готовность, раз даже этого запомнить не в состоянии. — Она вновь сорвалась на крик в конце речи, но тут же взяла себя в руки. — Но з-знаеш-шь, идея хорошая. — Лежащий на земле демон радостно заскулил. — Я кое-что смыслю в тактике, и з-знаю, что лучшие тренировки для солдат — это тренировки с живыми целями.

— Да, да, моя госпожа-а-А-А-А. — Фраза закончилась еще одним щелчком и криком. — ЗА ЧТО?

— Это поощрение, как ты не догадался! — Радостно ответила демоница. — Ты молодец, наконец-то запомнил! Если не заметил, я ударила всего в три четверти силы. — Она наклонилась, заставив Анку густо покраснеть, и щелкнула лежащего на земле демона по носу. — Знаешь, я решила повесить тебя, — заговорщицким тоном произнесла она, — живой целью будешь ты! — Торжественно завершила она. — Как думаешь, хватит тебя на все двадцать легионов? — Демон принялся громко рыдать.

— Госпожа, А-А-АЙ, моя госпожа, я всего лишь занимаюсь административной работой, — сквозь рыдания тараторил демон, — почему вы вообще назначили на пост ответственного за легионы меня? Я хорошо работаю с датами и числами, у ваших воинов лучшее снаряжение с минимальными затратами.

— Отлично, — загадочно ответила она, — тогда начни с составления расписания, чтобы все легионеры успели отработать на тебе свои навыки, и никого не потеряй. — Демон на полу начал бормотать что-то совсем невразумительное. — Другие говорят, что я плоха в военном ремесле и подборе персонала, но мы докажем им обратное в обоих пунктах, правда? — Демоница вдруг обрела резкость, и стала на столько видимой, будто уже стояла в этой комнате. Вздрогнув всем телом, она начала медленно оборачиваться назад. — Ну надо же, и кто это тут врывается в самый не подходящий момент? — Задумчиво произнесла она, пристально вглядываясь в пространство перед собой. — Подглядывать за девочками не прилично, не слышал? — Выкрикнула она, резко уставившись на Вэлдрина. В центре костяной пластины на лице горела огнем звезда хаоса, а из-под ее вершины виднелись три пары загнутых рогов, — Ух ты, какой симпатичный мальчик. — Она подалась вперед. — Даже не знала, что среди смертных бывают такие. — Вэл сделал еще один шаг вперед, а демоница потянула руку с длинными острыми ногтями к его щеке. Анка украдкой успела заметить, как напрягся Генрик: сжав руки в кулаках, он был словно пружина, готовая в любой момент сорваться, а глаза опять разгорались голубыми сполохами. Достигнув границы полупрозрачной красной вуали, отделявшей демоницу от Вэлдрина, она резко ойкнула и одернула руку. — Ух, как грубо, даже не предложишь мне войти? — Вэлдрин молчал, глядя на стоящий перед ним образ немигающим взглядом. — Скучно, — она надула губки, — молчун. Ладно, я бы с радостью задержалась, но, сам понимаешь, дела не ждут, так что давай разберемся по быстрее. Как тебя зовут?

— Вэлдрин. — Не раздумывая ответил он. У Анки и Генрика волосы встали дыбом.

— Ха, это оказалось даже легче, чем я думала. — Искренне засмеялась демоница. — Что ж, Вэлдрин, давай немного повеселимся и разнесем здесь все вокруг. — Добавила она, разминая пальцы, затем подняла руки, и... ничего не произошло. — Эй, — обиженно крикнула она и топнула ножкой, — обманывать леди не хорошо, тебя что, не учили?

В этот момент дверь широко распахнулась, и в комнату ввалились двое громил и преподаватель. Они подбежали к центру комнаты, и быстрыми движениями замкнули на руках демоницы колодки голубовато-стального цвета. Она дернулась назад, и еще одну пару сразу нацепили ей на ноги, прижав к полу. Демоница вскрикнула от боли. Вэлдрин рванул вперед, одним легким движением перекинув через себя помощника, попытавшегося встать на его пути.

— Вэл! — Крикнул Генрик, привлекая его внимание с другого конца комнаты. Тот замер, повернувшись к нему. Генрик медленно покачал головой. Поднявшийся с пола парень схватил Вэлдрина в охапку и потащил назад, тот не оказывал сопротивления, сверля Генрика взглядом.

Преподаватель подошел к извивающейся на полу демонице, и защелкнул на шею ошейник, сделанный из того же материала, что и колодки.

— В клетку ее. — Проговорил он, запыхавшись. — Урок закончен, все свободны...

— Давайте поговорим о багрестах. — Черноволосый устало облокотился на стену. На улице темнело, и профессор явно устал от целого дня работы. — Псы-призраки, как их еще называют, появились в аду. Утверждают, что они являются проявлением греховных мыслей людей. Так как само это измерение наполнено отпечатками разного рода эмоций, некоторые из них обретают некое подобие самостоятельности, аналогично первой жизни, возникшей в древнее время. — Голос мужчины был непривычно пресным, даже схему на стену он решил не вывешивать. — Принято считать, что только самые яркие из эмоций приводят к появлению багрестов, а такие свойственны лишь гениям и умалишённым, а также некоторым творческим личностям. — Он зевнул. — Более слабые негативные эмоции формируют в астральном мире так называемый вампирский туман — густые белые облака. Их тут часто можно заметить, они окружают замок по ночам. В своей естественной среде туман это ничто иное как паразит, медленно поедающий энергию астрального мира, или чистилища. Таким образом, позитивные эмоции формируют астральный мир, а негативные питаются за его счет, сохраняя баланс. Проблема состоит в том, что в какой-то момент сильные демоны вытеснили из ада слабых багрестов, которые нашли способ просочиться в чистилище, где со временем туман вступил с ними в симбиоз. Туман обеспечивает псам пристанище, делая их, по сути, неуязвимыми (ведь туман нельзя разрубить мечом или застрелить стрелой), а те, в свою очередь, охотятся и делятся с ним частью своей добычи. — Профессор жестами изобразил эту картину. — Уничтожить их можно только одним способом: сначала прогоняем туман, затем, когда псы стали уязвимыми, убиваем их. Как известно, первый не выносит света солнца, который производится самим солнцем, и несколькими другими способами, на пример, зажжением Благодатного огня. Иного способа справиться с туманом не существует...

В бесконечной череде занятий прошел год.

— Что-то ты совсем плохо выглядишь. — Озабоченно сказала Ребекка. — Ты вообще

спишь?

Анка сидела напротив нее в столовой, глядя пустым взглядом мимо подруги, и пережевывая пшеничную кашу.

— Не часто. — Прохрипела девушка в ответ. — Старуха видно решила от меня избавиться. Просто представь, что я занимаюсь с ней почти каждый день с начала учебы уже год. — Анка всхлипнула. — И это после основных предметов. — Шум голосов вокруг странным образом гармонировал с запахом горелой каши.

— Ну, зато у тебя вся сессия автоматом. — Пробормотала Ребекка, и встретила взгляд насупленных глаз Анки, в мешки под которыми можно было складывать сокровища.

— Да, потому что сдаю все ей. Хочешь попробовать? — С вызовом спросила Анка. Ребекка затрясла головой. — То-то. — Пробормотала девушка, отодвинув тарелку, и положив на ее место голову.

— Чем вы там занимаетесь последнее время?

— Все тем же. — Сонным голосом ответила Анка. — Учусь управлять своей проклятой кровью и замком. — Заученно ответила она. — С тех пор, как я начала его чувствовать, день за днем приходится часами сидеть, изучая каждый его закуток в поисках чертовой вампирской библиотеки. Марна даже слушать не хочет, когда я говорю, что ее не существует. — Девушка досадливо пристукнула кулачком по столу. — Недавно вот туман контролировать научилась. То еще удовольствие, если тебе интересно. Чувствую себя, будто сквозь меня ведро помоев пропускают раз за разом.

— Туман?! — Воскликнула Ребекка, но тут же сбавила тон. — А ты не хочешь отдохнуть? Может, развлечься? — Анка насторожилась и приоткрыла один глаз.

— Что предлагаешь? — Коротко спросила она.

— Слышала, что скоро в деревне будут танцы? Давай сходим. — Заговорщицки затараторила подруга. — Потом начнется турнир волшебников, сюда съедутся маги со всего света, и нас уже точно не выпустят из замка. Тем более, там этой ночью праздник, который они его только раз в год отмечают.

— Нас и сейчас не выпустят. Тем более ночью, когда... — Анка резко распахнула глаза и прищурилась, глядя на подругу. Та подмигнула. — Кого возьмем?

— Есть пара человек на примете. Уверена, не сдадут.

— Хорошо. — Махнула ладонью Анка, и по удобнее уложила голову на руках.

— Как-то быстро ты согласилась. — Задумчиво заметила Ребекка.

— А ты против? — Флегматично ответила Анка.

— Не спорю. — Усмехнулась подруга.

— Seriously, Бекки, я не в том состоянии. — Пространно произнесла Анка.

— Ладно-ладно. — Замахала она руками. — Микулу берешь?

— А куда он денется. — Зевнула Анка. — А ты кого?

— Не знаю, — опустила глаза Ребекка, — наверное там думать буду. — Анка подняла голову.

— Генрик не...

— Нет! — Оборвала она. — До первой сессии он еще хоть как-то на меня реагировал, а сейчас просто зарылся в свои учебники, и носа из комнаты не высовывает. — В голосе девушки смешались печаль и досада. — А я ведь к нему со всей душой! Скажи, идиот? — Анка кивнула головой. Где-то сбоку за столом раздался громкий смех, от которого она поморщилась.

— Черт его знает. Может и правда не хочет, чтобы к тебе стали как к нему относиться?

— Как? Всем уже давно наплевать, что бы он там из себя не строил. — Обиженно ответила Ребекка.

Анка пожалала плечами. Конечно, пожеланий скорейшей смерти и пинков Генрик стал получать значительно меньше (за год всем надоело его безразличие), но несмотря ни на что, косые взгляды сопровождали его и по сей день.

— Может Вэла позовешь, — Анка повозюкала кашу ложкой, — он красивый.

— Не то слово, — тяжело вздохнула Ребекка, — но эта его вечная... отстраненность и мудрый взгляд, будто ему лет пятьсот уже. Он слишком выделяется, сама понимаешь. — Она ненадолго замолчала. — Взять хотя бы тот случай на уроке призыва. Одной капли его крови хватило, чтобы удержать генерала Ада, говорят, саму Рисин. — Значительно уточнила Ребекка. — А если бы он пролил больше, призвал бы Сатану? А остальной крови, наверное, хватит на все легионы преисподней. Вундеркинд, блин. — Девушка хмыкнула. Но его волосы, — Бекки мечтательно закатила глаза, — как он за ними ухаживает? Я тоже хочу такую шевелюру. И эта благородная бледность. Ммм. В общем, его прямо окружает ореол недоступности. — Девушка горько усмехнулась. — Думаю такие мы его не достойны. — Анка улыбнулась. — Ладно, как я.

— Да ну тебя. — Отмахнулась Анка. Ребекка засмеялась.

— А ты чего? С тобой он хотя бы здороваётся первый, спрашивает, как дела. На меня даже не посмотрел ни разу. — Она сжала губы и резко поднялась. — Ну что, сегодня вечером у меня?

— Заметано. — Анка протяжно зевнула, и потянулась, разминая руки. — Попробую найти одежду попримечнее.

Год учебы не прошел незаметно: даже магия за такой срок приедается и становится рутиной. Особенно с таким плотным графиком. Сессий Анка не боялась, но вот стремительно тающий шанс до них не дожить из-за недосыпа пугал гораздо больше. Она усмехнулась этой мысли. По коридорам мимо нее шли студенты. Она здоровалась почти со всеми: с кем-то лишь кивком, а с другими парочкой фраз, но узнать ей удалось почти всех, кто учился в этом месте. В большей, или меньшей степени. Конечно, в этом ей немало помогал образ, созданный вокруг ее персоны еще до ее появления, но уже через месяц к ней начали относиться значительно проще. Ученикам просто стало не до того. Тем не менее, Анка наладила множество связей. После родной деревни местная толпа народа шокировала, но на поверку их оказалось ни так много. Недавно она вообще поймала себя на мысли, что замок стал для нее уютным домом, а все эти люди, считай, семьей. Дойдя до последней двери, она без стука толкнула ее, и шагнула внутрь. Хотя самые теплые чувства в ней вызывали те двое, кто встретил ее в первый день, и приняли ее не из-за громкого имени, а просто потому, что им так захотелось. Каждому из них троих.

— Ну, чем занимаешься? — Спросила Анка, подойдя к столу, за которым сидел, уткнувшись в гору открытых учебников, Генрик. Он переводил взгляд от одного к другому, параллельно вычерчивая что-то на сваленных в кучу листах бумаги, лежавших у него под руками.

— Курсовую. — Односложно ответил он. — Не у всех из нас есть альтернативная возможность сдавать экзамены.

— Ах ты. — Анка обиженно замахнулась рукой, но, заметив, как он улыбнулся,

опустила ее. — Что это такое? — С интересом поинтересовалась она, перегибаясь через его плечо.

— Руна.

— Я вижу, что это руна, но что она делает? — Генрик молчал. — Ай, дай сюда. — Сказала она, и выхватила чертеж со стола, принявшись всматриваться в него. — Похоже на руну усиления, но... — Она прикусила губу и задумалась, вспоминая знакомые формулы. — Ты будто вывернул ее наизнанку. Она вообще будет работать?

— Если правильно все рассчитаю, — ответил он, вынимая лист из цепких рук, — то она будет глушить заклинания в зоне действия.

— Это сколько?

— От жертвы зависит. — Задумчиво произнес Генрик.

— И зачем оно тебе надо? — Анка непонимающе потрясла головой.

— Продемонстрирую ее действие Пухлику, он пусть сам думает. — Флегматично ответил тот. Анка собралась с духом и села на край кровати.

— Слушай, — медленно заговорила девушка, — мы тут с Ребеккой подумали, и...

— Нет, спасибо. — Сразу же перебил он и отвернулся. — Мне нужно ее доделать. За предложение спасибо и желаю вам хорошо провести время. — Добавил он, теряя интерес.

— Слушай ты, — Анка начала злиться, — может уже хватит? Ты скоро сгниешь за своими учебниками. Иногда стоит повеселиться.

— Может стоит. — Безразлично ответил Генрик, но, увидев надутые щеки Анки, решил поддержать разговор. — Чем займетесь?

— Займемся, — загадочно прошептала Анка, — ТАНЦЫ! — Прокричала она во все горло, заставив Генрика поморщиться.

— Гениальная конспирация. — Пробормотал он. — Вас не отпустят в деревню. Даже твоя бабушка на такое не согласится. — Добавил Генрик. — И не только она.

— Ну, скажем так, — невинно произнесла девушка, — есть один способ...

— Здорово, собираетесь нарушать правила.

— А их разве не для этого придумывали? — Генрик устало посмотрел на Анку, шутка ему явно не понравилась. — Слушай, я серьезно, — продолжила она, пересев на край стола, — безопасность гарантирую, если нас поймают, возьму все на себя.

— Ого, — Рихтер вернулся к чертежу, игнорируя помеху, — качество, достойное лидера.

— Кончай ломать комедию, — сорвалась Анка, — Бекки уже не знает, с какого угла к тебе подойти, потому что они все либо слишком острые, либо очень тупые. — Рихтер вздохнул и отложил перо.

— Я удивляюсь, как ТЫ находишь на все это время, — наставительным тоном заговорил он, — но раз у тебя получается, то я искренне за вас рад. Возможно, — Генрик выделил это слово, — среди крестьян найдется кто-то, кому не нужно сдавать проект через неделю, и может даже и тот, кому не надо готовиться к сессии по дюжине предметов.

— Это твое последнее слово? — Серьезно переспросила Анка.

— Ага. — Просто ответил он.

— Есть хоть что-то, что может заставить тебя вытащить задницу из замка? — Генрик молча кивнул на дверь. Тишина провисела несколько мгновений. — Дурак. — Констатировала она, вставая. — Портишь жизнь не только себе, но еще и хорошей девочке. — Добавила она и удалилась прочь. Генрик не обернулся.

«Когда схватишься — будет поздно», — думала она, злобно шагая по коридору. «Возьму, и найду для нее лучшего парня на свете».

— Ну что, готовы? — Мрачно буркнула Анка.

Их было шестеро: Она сама, Ребекка, Микула, парочка планарников, не отлипавших друг от друга от самых ворот: Валенка и Андерс, и еще один парень с факультета стихий с непроносимым именем, которого привел Микула. Парочка дружила с Бекки, а Генрик и Вэлдрин, которых хотела позвать Анка, отказались. Точнее отказался только Генрик, Вэл же тактично не оказался в комнате, и как девушка не пыталась, найти его не смогла.

— Хорошо. — Резюмировала она общее напряженное молчание.

Вампирский туман молочной рекой раскинулся перед ними, полностью заполняя ров. Несмотря на всю напускную браваду, Анка серьезно трусила. Вдохнув и выдохнув несколько раз, она зажмурилась, и приложила к вискам пальцы. Как учила Марна, она потянулась к силе своей демонической крови. Несколько мгновений, и мир переменялся под ее внутренним взором. Она распахнула глаза: вместо тумана перед ней был рой копошащихся багрестов, ползающих друг по другу словно куча муравьев в жидком меде.

— Анка, — прошептала Ребекка, но Микула прервал ее жестом, — у нее глаза покраснели. — Прошептала она ему на ухо.

Девушка сконцентрировалась. Водоворот духов пульсировал перед ней, чувствуя могучую волю. Волю, с которой приходилось считаться. И когда этот поток замедлился, и демоны готовы были слушать, Анка мысленно произнесла приказ. «Прочь!». Десятки псов ринулись в стороны, будто боясь обжечься. Они лезли вверх и в стороны, лишь бы не оказаться у нее на пути.

— Пошли. — Прохрипела она, когда туман окончательно разошелся. Друзья подобрали отвисшие челюсти, и торопливо засеменяли за ней.

Дойдя до середины рва, она почувствовала, что ее схватило множество рук. Со всех сторон. Ребята дрожали, трясясь от страха, и Анка прекрасно их понимала: вампирский туман сожрет взрослого человека за считанные мгновения, если ему позволить. Но уже начав подниматься, она расслабилась, и мысленно сказала бабушке спасибо, за одно помолившись всем богам о том, чтобы та об этом не узнала.

— Я, конечно, знал, что ты особенная, — хрипло раздалось из-за спины, — но это уже перебор. — Добавил Андерс.

— Ты еще не видел, на что способна Марна. — Усмехнулась Анка. — Хотя после такого зрелища удивления будет недостаточно, чтобы выразить эмоции.

— Туда. — Микула ткнул пальцем на широкую тропинку. К закату как раз будем на месте.

— Хорошо. — Вздохнула Анка, наконец расслабившись. — В кое-то веке чувствую, что все идет по плану.

Первое время они шли молчали, наслаждаясь миром за стенами крепости. Трудно было поверить в то, что все они пришли сюда этой же дорогой всего год назад. Для Анки здесь словно прошла маленькая жизнь. Но уже скоро веселье понемногу взяло свое, и свежий лесной воздух разразился шутками, смехом и историями из прошлого. Анка хохотала над тем, что Бекки все детство кормила домашнего печеньем, а потом оказалось, что его ел соседский пес, пересказывала, ко всеобщему смеху историю о том, как превратила артефакт в мышат на экзамене, а потом с замиранием сердца слушала о тяжелой жизни Валенки,

которую родители разу после рождения подбросили каким-то крестьянам из-за пробудившегося магического таланта.

Так они и дошли до деревни, которая встретила их звуками музыки, разговоров людей, сладким запахом меда и детскими криками. Пересекая границу, они растерялись: целая куча народа слонялась туда-сюда вообще безо всякой цели, они просто... веселились. Несмотря на переживания ребят, о которых все думали, но никто не говорил, здесь до них никому не было вообще никакого дела: праздник шел на всю катушку своим чередом. Помявшись немного, друзья влились в шумный поток людей, и уже скоро у Ребекки на голове красовался веночек разноцветных цветов, а Анка сжимала в руках деревянную кружку, пахнущую перебродившими яблоками. Еще чуть-чуть и они растворились в вихре праздника.

Музыка играла гипнотически. Они танцевали так, как им вздумается: за границами замка не было никаких правил. Анка вздымала и опускала руки, отбивая ногами незамысловатые ритмы и громко смеялась от переполнявшего ее счастья. В начале у плясок еще была какая-то структура, но под конец ночи и она осталась позади: все кружились со всеми, словно в одном гигантском хороводе. Несколько раз Анка натолкнулась в толпе на Бекки, и, хохоча, сплясала с ней что-то вроде польки, потом встретила Микулу, и покружилась с ним, держась за руки. Было и множество случайных людей, которые так же подхватывали ее, начинали движение, а когда сменялась музыка, отпускали, чтобы найти нового компаньона.

Закончилось все так же спонтанно, как и началось: обессилившие от танцев люди едва не валились с ног, расходясь по домам. Анка, еле волочась, дошла до границы деревни, откуда они пришли, и рухнула в траву. Вскоре рядом с ней упало еще одно тело, а затем еще.

— Ахахахаха. — Слабо рассмеялась Ребекка, поднявшись на локтях. — Видела бы ты себя. Волосы как будто голову в сено окунала, а одежду не стирала год.

— Ты не лучше. — Улыбнулась Анка, глядя на подругу, курчавые волосы которой стояли дыбом, а платье заляпали жир и сидр. — Стра-ши-ли-ще. — Медленно проговорила она, и они обе рассмеялись.

— Ну что, домой? — Раздалось, когда смех утих.

— Домой. — Вразнобой ответили ребята.

Дорога назад давалась тяжелее. Анка и Ребекка практически повисли на Микуле, который, кряхтя, тащил их вперед. Истории и шутки звучали в разы тише, чем по пути в деревню, и смех скорее походил на кашель. О том, как идти на занятия через пару часов, предпочитали не думать.

— И тут я ему говорю, — медленно произнесла Ребекка, с трудом переставляя ноги, — ну ты и выкинул, хоть стой, хоть падай. — Они рассмеялась, и Бекки, не удержав равновесия, таки рухнула на землю, зацепившись о какую-то корягу. Приглушенный смех толпы усилился.

— Ой. — Давясь хохотом проговорила она. — Не подняться.

Чем вызывала еще одну волну веселья.

— Ребят, — вдруг сказала она испуганно, — я реально выбраться не могу.

Микула отодвинул от себя Анку, и отправился помогать подруге, она же оперлась о дерево, вглядываясь в темноту деревьев. Хоть утро уже было близко, здесь, под кронами, это еще не было заметно.

Ребята возились вокруг подруги, которая умудрилась упасть так, что поваленный ствол придавил ее, когда Анка вдруг что-то слышала. Она прищурилась, вглядываясь в кусты

вокруг, и шорох повторился.

— Эй, — с зарождающимся в сердце испугом проговорила она, — кто там?

Генрик

— Тук-тук-тук. — «Ну кто еще там?» — подумал он.

Второй раз за вечер кому-то понадобилось вламываться к нему в комнату. Хотя, раз этот кто-то стучал, то по ту сторону двери это точно была не Анка, а значит спровадить его удастся быстрее.

— Открыто. — Крикнул он, не оборачиваясь. Дурацкие расчёты все никак не сходились. Дверь, скрипнув, распахнулась.

— Завулон желает тебя видеть. — Проговорил дежурный по коридору. — Что, напортачил? — Довольно добавил он.

— Завулон? — Удивился Рихтер. — Что ему от меня надо?

— Кто ж его знает? — Пожал плечами дежурный. — Точно не опоздание, так что поторопись.

Рихтер поднялся из-за стола, задвинул стул и собрал бумаги в стопку. Закрыв учебники, и отправился в коридор. Над причиной вызова он решил не раздумывать, все равно не узнаешь наверняка. Тем более профессор тот еще чудаки. Подойдя к кабинету, он постучал в дверь.

— Войдите. — Раздалось оттуда. Генрик толкнул створку вперед. — А, вы пришли, — улыбнулся профессор, указывая гостю на середину комнаты, — прошу, проходите. Знаете, Генрик, пришло время нам поговорить начистоту, — фиолетовые, улыбающиеся глаза засветились демоническим огнем, — потому что это стало напрямую угрожать моей безопасности. Знаете, все это время я поражаюсь вашей сдержанности. Чувствуются годы тренировок. — С уважением отметил он. — Ни один из моих учеников не сможет показать и доли вашей силы воли.

— Я не понимаю, о чем вы, господин. — Слегка удивленно проговорил он. — Если вы собираетесь путать меня загадками, то прошу вас оставить это и перейти к сути, мне пора возвращаться к занятиям.

— Ну конечно вы не понимаете. — Ухмыльнулся Завулон, и его глаза блеснули азартом. — Что ж, не буду вас мучать. Я абсолютно уверен в том, что вас отправили к нам инквизиторы. Рихтер Балдер, если быть точным. — На мгновение Генрик растерялся, но почти сразу взял себя в руки. — Да, у меня везде уши. — Гордо добавил Завулон. Я не раз перехватывал сообщения, адресованные некоторым примечательным людям во внешнем мире из стен замка, и, отдам должное, так и не нашел отправителя. Тем не менее, я абсолютно точно уверен, что Охотник именно вы. Хенкер, я же правильно понимаю? — Генрик не реагировал.

— Не совсем понимаю, о чем вы, профессор, но думаю, что заблуждаетесь в своем мнении. — Задумчиво ответил он.

— Ха, — радостно воскликнул Завулон, — вот оно, мальчик. После такого обвинения любой непричастный стал бы кричать и оправдываться, бить себя в грудь и махать руками. Нет в этих стенах человека, который бы не знал об Охотниках церкви, но вы стоите тут, игнорируя этот факт напрочь. — Архимаг улыбнулся. — Знаете, именно так я представлял себе того самого легендарного мастера, представляющегося каждому новым именем. — Генрик вздохнул.

— Есть ли у меня возможность оправдаться? Я ведь не сделал ничего дурного, не понимаю и половины слов, что вы мне говорите. Пожалуйста, дайте мне вернуться в комнату.

— О, разумеется, я не хочу вас задерживать, — Завулон кивнул на дверь, и та в ответ гостеприимно приоткрылась, — просто подкину пару мыслей для размышления, а потом идите куда вздумается. Интересно? — Генрик молчал. — Леди Анка наверняка приглашала вас отправиться в деревню с друзьями, но вы, очевидно отказались. — Уважительно произнес архимаг. — Скоро в замке будет турнир, организованный Марной Пламекрылой, и если бы я планировал нападение, то это была бы самая лучшая возможность. Я пытался отговорить ее, но она напрочь игнорирует опасность потенциального вторжения, уверенная в том, что замок устоит против любой опасности. — Завулон покачал головой. — Старики такие самоуверенные, не находите? Единственное, что может помешать проведению этого мероприятия, так это несчастный случай, произошедший накануне праздника с группой учеников, в особенности ее внучкой. Вы следите за ходом моей мысли? Леса — опасное место, особенно в нашей полосе, где водятся виверны.

— Это проверка моих знаний? — Медленно проговорил Генрик. — Замок надежно защищен чарами от диких тварей, вы сами их наложили ...

— О да, — усмехнулся Завулон, — но знаете, магия — штука не надежная, да и я уже не молод, всякое может случиться. — Огни фиолетовых глаз выплясывали дикие танцы. — Вы же не хотите подвергать ваших друзей опасности? В любом случае, я ставлю перед вами выбор. Так как доказательств у меня и правда нет, приходится импровизировать, так что я допускаю, что вы ни при чем. В таком случае искренне прошу прощения. Однако, если дети погибнут, то турнир отменят, и задание Охотника, очевидно, будет провалено, а я принесу тысячу извинений за ненадежные заклинания. С другой стороны, если ничего такого не случится, то и турнир незачем будет отменять, но я все пойму, и подготовлюсь. — Архимаг развел руками, по удобнее устраиваясь в кресле. — Знаете, мне безразличны эти ученики: большинство из них лишены минимального таланта и тяги к знаниям. Из этих серых рядов выбивается едва ли дюжина студентов. Вы, кстати, в их числе. — Завулон заговорщицки подмигнул. — Раз уж Марне они безразличны, мне они безразличны вдвойне, пускай сами разбираются со своими проблемами, я готов ими рискнуть. Но не готов собой. — Профессор откинулся на спинку и кивнул на дверь. — На этом все, вы можете идти. — Генрик молча поклонился, развернулся и зашагал к выходу. — Тебе шах. — Добавил Завулон, когда дверь за его спиной закрылась.

— Войди. — Услышал он, только собираясь постучать в дверь.

Перед тем, как прийти сюда, он переоделся и прихватил широкую холщовую сумку в своей комнате. Открыв дверь, он шагнул вперед, в темноту. В дальнем углу комнаты лежал, откинувшись на подушку, Вэлдрин, и пристально на него смотрел.

— Прости, что врываюсь, но мне сейчас очень нужна твоя помощь. — Выбирая слова проризнес Генрик. Не поднимаясь с кровати, и вообще никак не шевелясь, Вэлдрин выгнул бровь. — Знаешь, меня учили воровать цыгане, и я могу снять сапоги со стоящего собеседника так, что он не заметит. Но я даже не могу представить, как ты в тот день вытащил приглашение у девушки, а потом вернул обратно. Всех моих умений хватило лишь на то, чтобы понять, что именно ты сделал. — Вэлдрин не реагировал. — Мне нужна пыльца фей, очень срочно.

— Не имею представления, где ее можно взять. — Ответил тот, и откинул голову, глядя в потолок.

— Если не поможешь, Анка умрет. — Реакции от Вэлдрина не последовало. — Я знаю, ты не бросишь ее в беде.

— Пойдешь через ворота? — Нейтральным тоном спросил он.

— Да. — Уверенно ответил Генрик.

— Удачи. — Сказал Вэлдрин, все еще безразлично, и заложил руки за голову.

— Так ты поможешь? — Переспросил он, но собеседник промолчал. Он вздохнул, и шагнул к двери. — Рассчитываю на тебя. — Положив руку на ручку, он резко одернулся: в миллиметре от пальцев в толщу дерева воткнулся метательный нож без ручки. Он резко развернулся, но вор безмятежно лежал все в том же положении.

— На тебе ваэ? — Спросил Вэлдрин, глядя на него пристальным взглядом.

— Что?

— Твой плащ, откуда он? — Уточнил вор.

— Его дал мне друг.

— Ваэ символизирует душу воина, — словно ребенку, пояснил Вэлдрин. Он для него как вторая кожа, а ты сделал в нем прорези. Зачем?

— В них удобно просовывать руки, к тому же это никак не влияет на качество маскировки. — Генрик пожал плечами. Вор разочаровано вздохнул, и отвернулся к стене, укрывшись одеялом. — Хоть бы каплю уважения. — Пробормотал он под нос.

Выйдя в коридор, Генрик немного притормозил, успокаивая дрожь в ладонях. «Да, старик», — подумал он: «я сделаю как ты хочешь». Дойдя до середины коридора, он толкнул тяжелую дверь ванной, и шагнул внутрь, плотно ее за собой закрыв.

— Ариана! — Тихо позвал он. Прошли несколько долгих мгновений, и из потока бегущей воды в комнату вышла русалка.

— Привет, Генрик, что-то случилось? — Спросила она, повернув голову набок. — Вода не уходит?

— Послушай, мне нужно зеркало. — Старательно игнорируя ослепительную красоту девушки произнес он. — Это срочно, а его больше ни у кого нет.

— Так вот же оно, — сказала русалка, ткнув пальчиком в сторону стены, — или ты хочешь меня рассмешить? А может поболтать? Я не против, все равно тут скучно.

— Нет, мне правда очень нужно другое зеркало, маленькое, которое можно взять с собой. Ты как-то проболталась, что у Марны есть такое.

— Э-э, ну ты же понимаешь, что я не могу его взять. — Нервно хихикнула она, теребя волосы.

Генрик ненадолго закрыл глаза, а потом резко шагнул на встречу русалке, вжимая ее в стену, и когда та попыталась вырваться, продолжил.

— Анка умрет без него. — Пояснил он безэмоциональным голосом. — Думаешь, Марне больше понравится, если она узнает, что из-за тебя погибла ее внучка?

Ариана попыталась оттолкнуть его, но Генрик легко отвел удар в сторону.

— Да что с тобой не так? — В ужасе произнесла она.

— Прости, — искренне сказал он, — просто у меня совсем нет времени.

Назад в коридор он вышел уже с зеркалом в сумке, пока шел к воротам вынул из одного из держателей факел, и погасил. На улице стояла ночь, и он уже начал волноваться, когда,

подойдя к воротам, не обнаружил там вора. Немного повозившись с замком, он навалился на одну из створок, и распахнул ее так, чтобы можно было пройти, а потом задвинул назад. Уже собрался было идти так, как вдруг услышал за спиной тихий свист, и, обернувшись, схватил брошенный в него из-за стены мешочек. Генрик усмехнулся. Даже в такой ситуации Вэлдрин предпочел не показывать себя.

Пройдя вдоль стены, он нашел место, в котором Анка и компания пересекали ров, и быстро перебежал его, дошел до края леса, и, побродив там немного, встал на колени, приложив руку к выступающему из-под земли корню. Деревья и предрассветный сумрак надежно скрывали его от чужих взглядов, вместе с тонким эльфийским плащом это делало его почти невидимым. «Как же я это ненавижу», — подумал он, притягиваясь к дереву мыслями. «Tenta», — мелодично прошептал он, и почувствовал отклик. «Чертовы леса, чертовы чары». Информация лавиной полилась в его голову, разрывая сознание. Он слегка наклонялся туда-сюда, направляя ее потоки. Копошащиеся под землей личинки, жуки, ползущие по коре, совы и летучие мыши, цепляющие крыльями листья — он чувствовал все. Немного поискав, он заметил странное движение среди стволов, и приблизившись, понял, что не ошибся.

Поднявшись на ноги, он зафиксировал в голове этот образ, направление, в котором нужно было двигаться, и обратился к глубине своей души, к самой дикой и звериной ее части. «Mentië», — сдерживая рычание произнес он. Несколько раз вздохнув, он сгорбился, не в силах стоять ровно, ударил кресалом, разжигая факел, и, полностью доверившись инстинктам, рванул вперед через кусты.

Анка паниковала. Несколько тварей, выглядевших, как ящерицы-переростки без передних лап, зато с крыльями, подступали, окружая их со всех сторон. Магией пользоваться было страшно: велик шанс попасть по своим, но вариантов не оставалось, а времени было все меньше. Одна из бестий прыгнула к Ребекке, но Микула отпихнул ее назад и сам завалился на землю. Вторая махнула хвостом и сбила двух других парней с ног, третья щелкнула зубами, едва не откусив Микуле руку, а из-за деревьев прямо к ней медленно шла еще одна. Девушка ощутила знакомое чувство волос, развивающихся на не существующем ветру, и ног, отрывающихся от земли, когда в шум начинающейся драки вмешался еще один звук. Она обернулась. На огромной скорости из леса к ним неся прозрачный силуэт, расплывающийся в холодном воздухе в свете факела. Он молнией метнулся мимо нее, и одним прыжком оказался в центре потасовки. Медленно разгибаясь, на поваленных бревнах стояла сгорбленная фигура, больше напоминающая чудовище из сказок, нежели человека. Он широко взмахнул факелом. Виверны зашипели и шатнулись назад.

— Анка. — Ни-то крикнул, ни-то прорычал он, и кинул ей факел.

Неловко перехватив его, девушка ткнула им в куст, и стоящая там тварь, завопив, побежала прочь. Генрик рывком сорвал с себя плащ и кинул его на Ребекку. Коснувшись земли тот изменил свой цвет, сливаясь с травой и камнями. Виверны, стоящие вокруг, оторопело заозирались, не в силах найти жертву. Не дожидаясь атаки, он шагнул вперед, и ударил ближайшую тварь в стык челюсти, вложив все свои силы. Отпрыгнув, она заскулила: нижняя половина рта отвисла вниз. Вторая виверна рванулась ему на встречу. Он отогнулся назад и присел, уворачиваясь от укуса, и тут же поднялся, нанося мощный апперкот, откинувший ее прочь. Встав в полный рост, он толкнул поднявшегося Микулу, вновь роняя его на землю, а в том месте, где тот только что стоял, пронесся бронированный хвост. Двое

оставшихся дргонитов медленно приближались. И тут он сделал то, чего Анка ожидала меньше всего. Согнувшись пополам, он приблизил к ним лицо, и изо всех сил заорал, переходя в вопль. Она отшатнулась назад, а твари, поджав хвосты, побежали в разные стороны.

— Бегите. — С трудом выговаривая слова, прорычал он, забирая у Анки факел. Тяжелое дыхание и бешеный взгляд светящихся изумрудным светом глаз пугали не меньше виверн.

— А-а, что?.. — Попыталась она что-то ответить, но тот резко обернулся, и прокричал.

— БЕГИТЕ!

Анка метнулась к Микуле, рядом с которым уже стояли другие поднявшиеся парни и Валенка.

— Там еще одна. — Пропищала она.

Генрик резко развернулся в ее сторону, и дернулся, от чего они рванули к замку с такой скоростью, какую только могли развить. Подойдя к лежащему на земле плащу, выглядевшему как груда листьев, он ткнул факелом в землю, и когда тот потух, выбросил его в кусты, поднял с земли плащ, и, навалившись, рыча, сдвинул ствол дерева. Девушка, придавленная им, рыдала, и уже вообще никак не реагировала на спасение. Он быстро накрыл ее, и, подняв, перекинул через плечо.

Анке уже казалось, что они убежали далеко вперед, когда в кустах по обе стороны от них стали слышны клекот и шуршание множества бегущих ног. Твари приближались и приближались, и было их уже далеко не пять. Ситуация казалось безнадежной, когда вдруг Генрик снова нагнал их, и даже вырвался в первый ряд.

— За мной. — Выкрикнул он, еще прибавив шага.

Ребята бежали изо всех сил, но целая ночь танцев давала о себе знать. Темп начал замедляться, а виверны настигать, и тогда Генрик сказал остановиться. Едва видящие в предрассветных сумерках твари пробежали мимо, уносясь вперед на несколько шагов. Он аккуратно скинул девушку с плеча, и открыл сумку. Взял в одну руку зеркало, и достал мешочек. Все остальные собрались вокруг, готовясь к бою. Послышался клекот: твари возвращались и брали их в кольцо.

— Что бы не произошло, молчите. — Коротко бросил он.

Морды виверн уже можно было разглядеть за кустами, белые глаза поблескивали во мраке. Генрик стоял неподвижно. На небе еще несколько минут назад он заприметил тучу, и все это время ждал, пока она подползет к Луне. Мгновение, еще одно. Первая рептилия шагнула вперед. Краешек тучи заполз на светило. «Вот и смерть», — решила Анка и зажмурилась. С боевым воплем бестии понеслись в атаку, и тут туча полностью скрыла собою свет. В полной темноте Хенкер развязал мешочек, и высыпал его содержимое на поверхность стекла. Пыльца фей засияла в темноте ярким колдовским светом. Он направил его в сторону ближайшей группы тварей, и те немедленно замерли, увидев себя в отражении. Одна из них повернула голову на бок, не в силах перестать любоваться собой. Подслеповатые твари не могли не обратить внимания на единственный светлый объект в поле зрения, а затем попадали под чары собственных отражений. Охотник размахивал зеркалом в разные стороны, пока все виверны не оказались пойманы светом пыльцы фей. Когда они собрались в кучу, он размахнулся, и отправил зеркало в полет по дальше в кусты, а бестии рванулись за ним. Пока виверны копошились и злобно клекотали, пытаясь достать зеркало, Генрик подхватил с земли Ребекку и вместе с остальными рванул прочь.

Глава 5. Жертва

Просторное помещение с высокими потолками было почти полностью погружено в сумрак. Издалека доносились колокольный звон и пение церковного хора. Пахло ладаном и медленно таящими у икон свечами. На каменном полу, в центре круглой мозаики, изображающий красный цветок, на коленях стоял мальчик. Его ряса была испещрена пятнами грязи и пыли, но добротные сапоги выдавали в нем человека, далекого от служения в монастыре, или работы в поле. Его голова почти касалась плитки, так что разобрать выражение лица было невозможно, только темные волосы цвета каштана сосульками свисали вниз.

— Значит ты вернулся. — Задумчиво проговорил мужчина, не вставая с трона. За его спиной располагался единственный во всем помещении источник света — высокое окно, выложенное ярким витражом с ангелами, восхваляющими Господа гимнами и трубами. Проходя через него, солнечные лучи образовывали вокруг фигуры на троне яркое переливающееся всеми цветами радуги марево, отчего еще сильнее верилось, что восседающий на нем — наместник Бога. — Выходит, месть не принесла тебе спокойствия. — Продолжил он, будто размышляя вслух. — Тебе есть чем гордиться, Рейнальд, ибо твоя слава теперь бежит впереди тебя самого. Другие стали называть тебя Палачом, Хенкером, на немецкий манер, после того, что произошло в монастыре Святой Ольги. — Мужчина замолчал, переложив руки в более удобное положение. — Что сам об этом думаешь?

— Они преувеличивают. — Не отрывая лица от пола, безжизненным голосом ответил парень. В зале повисла тишина: мужчина ждал продолжения, но его так и не последовало.

— Как всегда немногословен. — Голос мужчины был тяжелым и властным. — Что ж, думаю иной бы и не пережил все, через что прошел ты. Тем не менее, своим подвигом ты поставил нас всех в затруднительное положение. Побег и убийство двоих дозорных — это очень тяжкое преступление, при других обстоятельствах ты бы давно был мертв. — Он сделал небольшую паузу, будто раздумывая над случившимся. — Но теперь это невозможно: для других охотников ты стал символом. Мало того, что вернулся в монастырь сам, так еще и стал героем. Достоинно гордости, учитывая твой возраст. Настоятель считает, что тебя нужно оставить в строю, и я не могу с ним спорить. — В тоне говорившего зазвенела сталь. — Но хочу прояснить тебе вот что. — Продолжил он, подбирая каждое слово. — Вы, Охотники — самое мощное оружие в руках церкви, а значит, ваша жизнь напрямую зависит от нашего доверия. Охотник, в котором я не уверен — мертвец. А доверие базируется на лояльности, и тут, как ты понимаешь, у тебя есть проблема. Даже у меня есть определенный кредит доверия, но предатель однажды — предатель навсегда, так я считаю и думаю, ты меня понимаешь. Я согласился сохранить тебе жизнь, но мне нужны гарантии твоей верности. — Парень молчал. Подождав немного, мужчина продолжил. — Там, в Святой Ольге, ты раскрыл свое инкогнито, ради того, чтобы защитить девушку, которая, как ты выразился, кто? Твоя сестра? Но это абсурд, нам известно, что это ложь.

— Нет! — Резко выкрикнул парень, вскакивая в полный рост. — Со мной что хотите делайте, но оставьте ее в покое.

— Приказываешь мне? — Мужчина на троне сжал руки в кулаках. — Угомони свою дерзость, ибо я делаю то, что считаю нужным. — Он расслабился и продолжил куда

спокойнее. — Я предлагаю тебе сделку, Рейнальд. Пока ты верно служишь нам, девушка остается под защитой церкви. Я лично гарантирую, что она никогда не окажется без присмотра. Но если ты предашь меня, или мне покажется, что ты задумал предательство, она умрет. Сразу же. — Лицо парня дернулось, он хотел что-то сказать, но, сдержавшись, промолчал. — А по твоим следам пойдет не несколько охотников, а весь орден. Будь уверен, второй раз сбежать не получится. Так что в твоих интересах не подавать мне даже намека, минимальной возможности усомниться в тебе.

— Как же она? — Хмуро поинтересовался парень. — Вера человек, ей хочется пожить своей жизнью.

— Всем хочется. — С нотками грусти произнес мужчина. — Но такова судьба слабых людей, оказавшихся в тени сильных. Самые важные решения в их жизни принимаются без их ведома. Но я понимаю, о чем ты. Когда я посчитаю, что ты сделал для церкви все, что мог, она может быть свободна, пусть идет на четыре стороны.

— А если, — голос парня сделался хриплым, — что, если я умру?

— Если во время выполнения очередного задания Господу станет угодно принять твою душу, условия не изменятся. Коли ты сделаешь все, что мог, но этого не хватит, она свободна. Иначе... — Он красноречиво промолчал.

— Что, если я откажусь?

— В таком случае я не могу ничего гарантировать. — Мужчина выделил последнее слово. — По сути выбор у тебя не велик, но я хочу, чтобы это стало твоим решением. — В зале на долго повисла тишина. — Ну что, согласен на мои условия, Рейнальд? — Пошатываясь, парень медленно согнулся в низком поклоне до самого пола.

— Приказывайте... — Прерывающийся шепот потерял всякую эмоциональную окраску.

— Рад, что мы пришли к согласию. — Удовлетворенно припечатал мужчина. — С завтрашнего дня ты переходишь в личное распоряжение инквизитора Рихтера Балдера. Я доверяю ему как себе, и в данный момент ему нужна помощь с рядом расследований, которые он проводит от моего лица. Если однажды наши с ним пути разойдутся, ты узнаешь, что делать дальше.

Темнота загустела, уплотнилась и поглотила все помещение целиком. Пол проломился под ногами Генрика, и он полетел вниз, в бездну, вместе с ним.

Резко дернувшись, Охотник проснулся. Вот уже четыре года тот день преследовал его во снах. Иногда он думал о том, что демонам стоило бы поучиться у Папы римского убедительности. Несколько раз моргнул, чтобы прийти в себя. Четыре года за его спиной тянулся кровавый ручей, переходящий в реку, и сегодня ее берега должны были расшириться еще сильнее. Деревенские ведьмы, нечисть, чудовища, сектанты и политики. Другие охотники говорили, что, если на задание отправляют Хенкера, значит кому-то вынесли смертный приговор, и он уже сам был близок к тому, чтобы в это поверить. Кто-то шпионил, угрожал, или защищал важных личностей, хоть изредка, но каждому в ордене попадалось такое задание. Только не ему. словно случайно полученное прозвище укрепилось клеймом на его судьбе. Каждый день он думал, что находится в шаге от смерти, и это предел его возможностей, но раз за разом выживал, отправляя в могилу очередного противника только для того, чтобы, едва шевеля ногами, на следующий день отправиться выслеживать следующего. Без перерывов, без отдыха, без надежды. Поначалу охотник боялся того, что однажды его отправят на верную смерть, теперь же в тайне на это надеялся. И последнее

задание представлялось ему именно таким.

С тяжестью он поднялся, и сел на кровати, одним долгим движением размял все суставы, и принялся одеваться. Этот год казался на фоне предыдущих настоящим раем. Он скрывался и притворялся меньше обычного, но всем вокруг было без разницы, даже самый неподходящий человек растворяется без остатка в такой массе народа. На какое-то время он и сам поверил в то, что они смогут справиться, не сдадутся под напором церкви. Но нет. Очевидное предательство Завулона, безразличие Марны и беспечность Анки ставили на волшебниках крест. Без сильного лидера даже самые выдающиеся личности превращаются в стадо, даже если речь идет о сверхъестественно-выдающихся людях. Разве что... Рейнальд дернул головой, прогоняя эту мысль: за ним никто не пойдет по своей воле, вряд ли в этих стенах найдется хотя бы пять или шесть человек, которые всецело ему доверяют, а значит... Он взглянул в окно, где далеко над лесом поднимался еле заметный столбик пыли, который в предрассветном сумраке было бы невозможно заметить, если не знать куда смотреть. Значит, что сопротивления армии, которая уже скоро встанет у их порога, не будет. Не будет силы, способной противостоять Охотникам и инквизиции. Некому будет защитить Веру по эту сторону конфликта. К несчастью для них, ради нее он обязан выбирать сторону победителей.

Тук-тук-тук. Раздался приглушенный стук в дверь. Рейнальд обернулся. В такое время все еще положено спать. Завулон решил защитить крепость? Охотник приготовился. Со времени возвращения из леса никто не сказал ни ему ни остальным ни слова. Странно.

— Войдите. — С тихим скрипом дверь открылась, и в сумрак комнаты шагнула... — Анка? — Он удивился. — У тебя приступ лунатизма, или ошиблась дверью? — Устало спросил Рейнальд.

— Мне что-то не спалось, и-и... — Она протянула последнее слово, подбирая слова, но безуспешно. — В общем, мы тебя тогда так и не поблагодарили. Когда Ребекка упала и из кустов повылазили твари, я уж было решила, что все, ну, конец, а тут ты появился. — Анка явно пыталась донести какую-то мысль, но безуспешно. — Никогда бы не подумала, что можно такому научиться, зубря бестиарий. — Рейнальд посмотрел на нее в легком недоумении, а Анка, не переставая говорить, села на край кровати. — Короче, было здорово. И то, как ты с ними расправился, и то, что вообще помочь решил. Я, когда ты отказался с нами пойти, думала, что дело в тебе, или учебе, а безопасность как-то совсем в голову не пришла. — Рейнальд молчал. — Так вот, если, — Анка вздохнула, — я чувствую вину, поэтому, если есть что-то, что я могу сделать, говори. Приложу все усилия. — Он не отвечал. Пауза повисла в воздухе, и Анка, уже полностью сбита этим с толка, поднялась и двинулась в сторону двери. — Подумай об этом, не к спеху. Прости за вторжение и доброй ночи.

— Анка. — Резко сказал он, когда та уже положила руку на дверную ручку. Она обернулась, и неожиданно столкнулась с тяжелым взглядом горящих грязно-зеленых глаз. — Есть одна вещь, о которой я могу попросить только тебя, но пообещай мне, что будешь слушать очень внимательно.

— Хорошо. — Растерянно кивнула она, сбита столкновением неожиданностью. Рейнальд качнул головой, и подвинулся на край кровати. Она устроилась рядом с ним. Несколько раз глубоко вздохнув, он понизил голос и продолжил. — Все, что обо мне говорили с начала учебы, было правдой. Я служитель церкви, и меня послали сюда, чтобы убить твою бабушку и Завулона. — Глаза Анки стали медленно расширяться. — Никто не мог предположить, что

тут окажется столько магов, и... — он указал пальцем на девушку, — ты, так что пришлось менять планы. Скоро здесь будет армия Ватикана, а к полудню в замке не останется ни одного живого человека. Но есть одна возможность этого избежать. Ты слушаешь?

— Да. — Тихо проговорила Анка, и подо двинулась ближе.

— Дай свои руки. — Сказал он, и сжал ее запястья, медленно подтягивая их к себе. — По причинам, над которыми я не властен, я не могу просто погибнуть, но от твоей руки — другое дело. Инквизиции известно, что ты уникал по моим рассказам, поэтому все будет выглядеть натурально.

— Что? — Ошарашено переспросила девушка.

— Убей меня, здесь и сейчас. — Сказал он, смыкая ее ладони на своей шее. — Убей, а потом иди к Марне и расскажи то, что я тебе сказал. Она сможет организовать оборону. Важнее всего отбиться от этой атаки, а потом залечь на дно вместе с замком.

— Чего? — Мотнула головой она.

— А потом, лет через пять, когда все об этом забудут, найди чудотворку Веру из монастыря святой Ольги. Проберись туда и расскажи ей про мои последние дни. — Закончив, он облегченно выдохнул и закрыл глаза.

— Что ты несешь?! — Одернувшись назад выкрикнула она. — Если хотел добиться... такого, мог бы придумать какой-то другой способ! — Выпалила она, резко вскочила, и вылетела из комнаты, хлопнув дверью.

— Анка! — Выкрикнул он, дернув руку вперед, но схватил ею лишь воздух.

Мелко трясаясь, он сжал ладонь в кулак и согнулся пополам.

— Почему? — Прошептал он себе под нос. — Почему?! — Повторил он громче, вскинув лицо к потолку. — За что ты делаешь это со мной? Неужели мне недостаточно страданий? — Потолок не отвечал, и Рейнальд откинулся на спину, и поник. Он ожидал многого, но реакция Анки выбила его из колеи.

Так он просидел, пока дверь опять не распахнулась.

— Генрик! Что ты сделал? — Прошипел бардовый Микула, хватая его за воротник, и вздергивая над кроватью. Рейнальд молчал, медленно фокусируя на нем пустой взгляд. Кажется, прошло несколько часов.

— А что? — Безразлично переспросил он. Микуле стало не по себе от этой отрешенности. — Тебе тоже не спится?

— Готовился к экзамену. — Неожиданно для самого себя ответил тот. — А ты давай, объясняй, почему Анка убежала к себе в слезах?

— Не знаю. — Попытался пожать плечами Рейнальд, но железная хватка Микулы не позволила. — А ты ее от всего на свете защитить хочешь?

— Да! — Уверенно ответил тот. — Особенно от таких, как ты. Ради нее пожертвую чем угодно. — Добавил он, и столкнулся с остекленевшим взглядом Рейнальда, полным грусти и сочувствия. — Ты совсем не нормальный?! — Воскликнул Микула.

— Да. — Меланхолично ответил он. — И только что понял, как поступить.

В конце фразы он дернулся, изогнулся всем телом, и ударил Микулу коленом в живот, одновременно нанося удар по обоим локтям ладонями. Охнув, тот разжал руки и отступил назад. Охотник мягко приземлился на пол, подогнув ноги в коленях, и замер, всматриваясь в оппонента. Микула резко выхватил из-за пояса нож, который, видимо, стащил с кухни, и сделал шаг вперед. Рейнальд не стал отступать. Словно в замедленном времени он видел, как

опускается грудь противника. Легкое движение ногами и замах: хороший удар всегда начинается с ног. Резким выпадом Охотник нанес сокрушительный удар в корпус, поймав противника на выдохе, одновременно отводя в сторону его руку с ножом левой ладонью. Микула засипел. Попытался крикнуть, но в легких не оказалось воздуха. Полные ужаса глаза уставились на Рейнальда.

— Прости. — Прошептал Хенкер, и закончил перепалку ударом в висок, подхватил обмякшее тело, и медленно спустил его на пол.

«Еще и нож притащил», — подумал он, пробуя пальцем хорошо заточенное лезвие. Кажется это правда судьба, Божественный замысел или что еще. Охотник сам собирался украсть нож с кухни, но вселенная словно подталкивала его к цели против воли. Еще немного рассмотрев оружие, он спрятал его в своей одежде, и подошел к столу. Собрал с него бумажки, расчёты на которых наконец сошлись, он накинул на Микулу плащ, который тут же переменялся в цвете, сливаясь с досками пола, и, приподняв, взвалил его на себя, шагая на встречу двери.

«Слабые люди платят за свои ошибки смертью, а сильные — страданиями, Анка. И я сделаю так, чтобы у тебя было достаточно времени, чтобы это понять», — думал он, выходя в коридор. С трудом переставляя ноги от тяжести, поднялся по винтовой лестнице вверх, нашел в сумраке нужную дверь. За все это время ни наблюдающие за коридорами, ни преподаватели не встретились ему. «Видимо этого и правда хочет Бог» — пространно подумал Рейнальд, толкнув дверь.

— Кто там? — Хлюпнув носом спросила Анка, приподнявшись с кровати. — Генрик, ты? — Ее взгляд скользнул дальше. — О черт, что с ним случилось? — Охнула она, подскочила на ноги, и подбежала к вошедшему, помогая затащить друга внутрь. Слезы сразу пропали под движением рукава ночной рубашки. Охотник прикрыл дверь изнутри. Микула, усаженный на кровать, дышал ровно, но в себя не приходил. Анка замахнулась, чтобы ударить его по щекам, но Рейнальд перехватил руку в полете. Она удивленно обернулась к нему, и... под аккомпанемент легкой боли в шее изображение комнаты померкло перед ее глазами, это произошло так неожиданно, что она не успела среагировать. Лишь падая на пол девушка поняла, что теряет сознание.

Когда дело было сделано, Рейнальд чуть приоткрыл дверь, проверяя, что в коридоре никого нет, обтер нож обрывком одеяла, и вернул его под одежду, а потом направился к лестнице, закрыв дверь в комнату Анки на ключ, который нашел на ее столе. Уже через несколько минут он стоял перед жильем Вэлдрин, раздумывая над тем, как начать разговор. Он поднял руку, чтобы постучать.

— Входи. — Прозвучал изнутри спокойный голос. Он вздохнул, перешагивая порог.

— Кажется, настало время нормально представиться. — Начал Охотник в темном помещении. Вэлдрин, как и в прошлый раз, лежал на застеленной постели, заложив руки за голову, ничем не выдавая своих эмоций. У Рейнальда вообще складывалось впечатление, что тот для себя постоянно держит ситуацию под контролем. Хотя сейчас это уже было невозможно. — Я не могу сказать всей правды, но Генрик — это не мое имя. Я представляюсь им в... определенных ситуациях. Мой наставник из Ордена учил меня представляться новым именем при каждой возможности, так что... — он вздохнул, — лучше зови меня Рейнальдом. — Охотник замолчал на какое-то время, но Вэлдрин ничего не ответил. — Знаешь, я часто вспоминаю день нашего знакомства. Сначала еще сомневался, но

потом ты представился, и я все понял. — Рейнальд усмехнулся. — Для такого древнего и мудрого существа, ты слишком плохо скрываешься. Хотя информацию о тебе почти невозможно найти, поверь, я пытался с того момента, как про тебя узнал. — Вэлдрин чуть удивленно выгнул бровь. — Араниэль рассказал мне вашу легенду, не думаю, что мне попался другой Вэлдриэль, но не понимаю, что ты делаешь на поверхности, и почему не скрываешь своего имени.

— От тебя воняет кровью. — Вместо ответа произнес Вэлдрин. — Хотя, кажется, скоро это не будет иметь никакого значения. Мне безразличны дела людей, но если что-то случилось с Анкой. — Его расслабленный тон резко стал серьезным. Охотник отрицательно покачал головой и тогда вор вздохнул и продолжил. — Меня изгнали. — Коротко бросил он в ответ. — Во мне не осталось ничего эльфийского, поэтому я отказался от имени. — Вэлдрин пожал плечами. — Кажется годы не сделали моего брата менее разговорчивым. — Он посмотрел на Рейнальда, по лицу которого прокатилось выражение шока. — Да, не дай этому хищнику ввести себя в заблуждение: он силен, в темные времена мы сражались плечом к плечу и забрали множество жизней, а его хитрости позавидуют дикие лисы, так что раз он рассказал тебе что-то, это входило в его план.

— А Таниэль знает? — Неожиданно даже для самого себя спросил охотник.

— Не имею представления, кто это.

— Племянница твоего брата, но за время нашего знакомства мне показалось, что она ближе к нему, чем к отцу.

— Не удивительно. — С отвращением сказал Вэлдрин. — Странно, что эта старая гусеница Тираэль оставил потомство. Не могу вспомнить более заскоружлого слизня. Если бы он откопал в архивах запись о древнем обычае, по которому эльфы приносили первенцев в жертву деревьям, он бы прирезал эту девочку у ближайшего дуба, а потом стал бы уговаривать поступить так же остальное племя. — Вэлдрин прикрыл глаза. — Этот эльф просто патологически не выносит перемен. — Он немного помолчал, размышляя. — Ты говорил, что искал меня. Зачем?

— В той истории, которую рассказал мне Араниэль, говорилось, что ты стал Хранителем. Мне нужно задать тебе про это пару вопросов. — Вэлдрин удивленно хмыкнул.

— Неожиданно. — Голос Вэлдрина не выражал эмоций. — Даже если бы я хотел рассказать что-то сам, то не стал бы: Хранители — это тяжелая ноша нашего народа, наказание за его прошлое.

— Глупо было надеяться. — Пробормотал Хенкер, а эльф медленно кивнул. Человек склонил голову, собираясь с силами. — В таком случае у меня не остается выбора. — Решительно заговорил он. — К замку движется армия, Вэлдрин. К утру живых в нем не будет. Каким бы сильным и древним существом ты ни был, один и без оружия против нее не выстоишь. Мне не хочется драться, к тому же, я точно не смогу победить, но задержать тебя тут до подхода других мне сил хватит. — Рейнальд говорил решительно, четко давая понять свои намерения. — Так что давай поговорим и разойдемся с миром. — Вэлдрин отрицательно покачал головой. Хенкер вздохнул. — Я помню, как ты смотрел на тот меч и демоницу, Вэл. Уверен, ты не уйдешь из замка без них. С первым помочь не смогу, но вот со второй ты не справишься сам. — Вэлдрин молчал. — Когда ее схватили, то заковали в мифриловые оковы. Их сделали в моем ордене, и просто так снять их не выйдет. Если попытаешься, демоницу отрежет от источника ее темной силы. Для людей это значит жизнь без магии и снов, а вот что становится с такими как она, я не могу даже представить. — Он

помедлил. — Уверен, ничего хорошего. У меня есть то, что поможет. — Вэлдрин хмыкнул.

— Ты сам похвалил мои навыки вора, а теперь говоришь, что этот особый ключ у тебя. Как думаешь, он все еще в твоих карманах?

— Пока что да. — Сказал Хенкер, доставая из-за пазухи красную нитку, завязанную в кольцо, с нанизанной на ней бусиной. Продемонстрировав ее собеседнику, он махнул рукой, отправляя ее в полет. Не меняя позы, эльф сделал молниеносное движение пальцами, и нитка скрылась в его рукаве.

— И в чем смысл? — Удивленно спросил он.

— Я не скажу, как ей пользоваться.

— Интересно. — Эльф зевнул. — Что ж, не буду торговаться. Тем более, что брат и так рассказал тебе прилично наших секретов, я готов поверить на слово тому, кому он доверяет. — Он улыбнулся. — На самом деле мне просто было любопытно, как далеко ты зайдешь. Выводы сделаны. — Вэлдрин поудобнее устроился в кровати. — Когда-то давно наша богиня создала ритуал для защиты народа от... врагов. Клан эльфов живут теперь под сенью родовых деревьев, Мелорнов, которые обеспечивают их всеми условиями, от еды и жилья до погоды. Мелорны это не просто деревья, они живые, одушевленные. — Вэлдрин замолчал, предаваясь каким-то старым воспоминаниям. — Так вот этот ритуал, он уничтожает дерево, разрывая связь между его душой и... всем остальным. — Вэлдрин развел в сторону ладони. — Душа перерождается в идеальном теле, созданном, чтобы нести смерть — Хранителе, а тело становится идеальным оружием для этого сосуда. Хранитель и оружие стремятся друг к другу, самой судьбой им предначертано встретиться. — Эльф хлопнул в ладоши, красноречиво кивнув. — Когда Хранитель берет свое оружие в руки, оно соединяется с его душой, и этот дуэт становится непобедимым и абсолютно не контролируемым, пока не выполнит своего предназначения, чтобы затем рассыпаться пылью и вновь прорости Мелорном. Исключение только одно. Когда Иива уничтожала Древо Мира — величайший из Мелорнов, чтобы наказать эльфов, которых потом стали называть темными, она сделала меня их хранителем, а останки древа — моим оружием. Но оно никогда не сможет вновь пустить корни, а мой народ — счастливо жить под кроной своего родового древа. Все для того, чтобы мы всегда помнили о наказании и утрате.

— Тот меч в чулане и есть мертвое Древо Мира? — Задумчиво произнес Охотник. — То есть если обычный человек возьмет его...

— Если любой, кому оружие не предназначено, попытается им завладеть, оно попытается слиться с его разумом, нанесет неизлечимые повреждения душе. — Грустно ответил эльф. — Нужна титаническая сила воли, чтобы удержать такую мощь в узде, и тебе, если интересно, этого не удастся сделать. Оружие преобразует жизненную силу владельца в магию, и если для Хранителя, который черпает энергию напрямую из природы, в этом нет проблем, то ты выгоришь за пару мгновений, если не хватит сил сопротивляться. — Вэлдрин замолчал, подняв выжидающий взгляд на собеседника. — А теперь скажи, зачем ты хочешь это знать?

— Твой брат предполагает... — Начал-было Рейнальд, но Вэлдрин резко перебил его.

— Абсолютно точно нет. Человек-Хранитель это уже нонсенс. С чего он взял, что кто-то провел ритуал? — Вэлдрин немного помолчал, и тут его взгляд наполнился осознанием. — Только не говори мне...

— Да. — Ответил Охотник, когда вор замолчал — Он сам провел ритуал, который уничтожил Наэкаэль — их родовое дерево.

— Из всех идиотских мыслей, приходивших ему в голову, эта точно была самой идиотской. — С горечью пробормотал эльф. — Я помню Наэкаэль очень хорошо. Она всегда была веселой, смеялась даже в плохую погоду, а ее любопытство не знало границ, еще она постоянно болтала о чем-то. Кажется, она знала наизусть все истории мира. — Вэлдрин с грустью поднял глаза к потолку. — Даже с незнакомыми гостями из других племен и народов она всегда хотела поговорить, но, если кто-то хотел послушать ее сказку, сначала должен был рассказать свою. И как бы кто ни старался, ей никогда не могли соврать. Она ничего не забывала.

— Араниэль назвал меч Черным Васильком. — Отметил Рейнальд.

— Да, Наэкаэль так и переводится. Как мой Бонхеаль зовется, по-вашему, Серебряным Лотосом. Неужели Наэкаэль у тебя? — С тревогой спросил Вэлдрин и будто принялся. — Да... я чувствую это, Наэкаэль уже оставила след в твоей душе.

— Долгая история. — Пространно ответил охотник. — В ней замешены гномы, твой брат и подземный дракон, если говорить коротко.

— Многообещающее начало, — покачал головой вор, — тебе придется найти время, чтобы рассказать ее целиком, но не обольщайся, меч еще найдет своего истинного хозяина, и в этот момент тебе бы лучше находиться как можно дальше. Ты уже видел Слезы Иивы? — Сурово спросил он.

— Да. — Коротко ответил Охотник. — Они меня приняли. — Вэлдрин недоверчиво прищурился.

— Ни при каких условиях не пользуйся мечом, Рейнальд. — Наставительно произнес он.

— Прости, Вэл, использовать любую подвернувшуюся возможность — это и значит быть человеком. — Уверенно ответил Охотник. — С силой воли проблем у меня нет. Ты не представляешь, каково это, всю жизнь существовать рядом с ангелом-хранителем, который хочет защитить тебя настолько сильно, что готов начисто стереть твою личность, и занять ее место, лишь бы оставшееся стало неуязвимым, и полчищами демонов, которые годами подтачивают твой разум, мысль за мыслью, день ото дня, чтобы в один момент завладеть тобой. — В словах Рейнальда сквозила горечь. — Я с девяти лет отплясываю чечетку на лезвии бритвы, по одну сторону которой забвение, а по другую — безумие. Если все эти годы я справлялся, то и на половинку вашего дерева сил хватит.

— Твоя проблема в том, что ты не видишь живое существо за личиной оружия. — Грустно констатировал эльф.

— А ты не видишь оружия за человеческим лицом. — Припечатал Хенкер. В комнате повисло молчание. — В любом случае, пока хозяин не найдется, меч мой по праву, а когда ваш Хранитель придет, мы с ним решим все вопросы тет-а-тет. Я, благодаря твоему брату, **ОЧЕНЬ** уважаю вашу культуру, так что **ФИЗИЧЕСКИ** не смогу навредить ему, или кому-то еще из ваших, так что не переживай. — Вэлдрин вскинул вопросительный взгляд. Хенкер резко одернул рукав, обнажая тонкую татуировку в виде узла из терновой лозы на внутренней стороне сгиба локтя. Глаза вора медленно расширились.

— Клятва на крови? — Ошарашено произнес он. — Для Араниэля осталось хоть что-то святое? Что он потребовал?

— Защищать вас и все, что вам дорого в обмен на право владеть мечом. — Отрешенно ответил он. — Видимо это и правда могучее оружие, раз твоему брату понадобились такие гарантии.

— То есть твоя угроза в начале? — Охотник кивнул. — Теперь понятно, почему вы спелись с братцем. Что ж, с Араниэлем я бы хотел решить этот вопрос лично. Что с нападением? Собираешься всех спасти? — Хенкер медленно покачал головой.

— У Анки был шанс, но она им не воспользовалась. Предложил бы тебе, но кажется тебе нет дела до людей. — Вэлдрин хмыкнул.

— Я не убиваю разумных существ принципиально. Что с Анкой, ты не ответил?

— В полной безопасности. — С омерзением проговорил Охотник. — Кстати, я сообщал о тебе в рапортах. — Продолжил он, возвращаясь к началу разговора. — Указал тебя в одном ряду с ней, ее бабушкой и Архимагом, так что готовься к тому, что за тобой придут. И вот тебе совет уже от меня: как только представится возможность, бей, не задумываясь, и наверняка. Охотники это не просто солдаты, по твоим следам пойдут настоящие гончие псы, которые не отстанут, пока не вцепятся в горло, так что лучше реши эту проблему сразу. — Хенкер обернулся в плащ и потянулся к двери, когда мимо его уха просвистел метательный нож.

— Ты кое-что забыл. — Вэлдрин покрутил нитку на пальце.

— А. — Охотник замер. — Просто надень это на руку как браслет, когда будешь открывать замки. — Ответил он, не оборачиваясь, и шагнул через порог.

— Открывать чем? — Добавил Вэлдрин. Охотник на секунду задумался, а потом искренне рассмеялся. — Даже в такой ситуации умудряешься шутить? Возможно, в тебе больше человеческого, чем во мне. Мы еще встретимся. — Сказал Хенкер, растворяясь в темноте коридора.

Руну на крыше он подготовил еще вчера, осталось только ее активировать. По расчетам высоты и площади, ее хватит как раз на весь замок. Сильных колдунов это, конечно, не остановит, зато у солдат не возникнет проблем с толпой лишенных магии учеников. Мимо него, не оборачиваясь, прошел смотритель. Охотник только сейчас обратил внимание на то, что идет по коридору бесшумно, по привычке, а плащ ваэ в сумраке скрывает его почти полностью. Для активации руны нужно вывести кого-то наверх. Он оглянулся в сторону смотрителя, но продолжил свой путь: дотащить бездыханное тело по винтовой лестнице в самый верх незамеченным уже невозможно, Микулу пришлось поднимать всего на один этаж, и то без удачи бы не вышло. Он вздохнул. Когда человек выбирает свою смерть?

— Тук-тук. — Тихо постучал они и услышал внутри копошение. Скрипнула половица, вторая, третья... А потом, будто нарочито медлительно перед его лицом распахнулась дверь.

— Кого в такое время нелегкая приносит? — Со смесью усталости и раздражения донеслось из помещения. — Ой, это ты. — Растерялась Ребекка. — Что-то случилось?

Охотник встретился с девушкой взглядом. На заспанное лицо с широкими синяками под глазами спускались непослушные кудри, а те, что не мешали смотреть, неконтролируемо стояли дыбом от подушки.

— Прости, я... просто хотел тебе кое-что показать. — Медленно проговорил Рейнальд, молясь про себя, чтобы она послала его на все четыре стороны и вернулась к себе.

— Сейчас? — Удивленно переспросила она, и, поднявшись на носки, заглянула через его плечо в коридор, где царил сумрак, а потом встала назад, в задумчивости. — Ну ладно. Только подожди пять минут, мне одеться надо. — Пробормотала она, и шмыгнула назад, захлопнув дверь.

Иногда Охотнику казалось, что он проклят: как бы сильно ему не хотелось обратного,

ситуация складывалась ему на руку. Или может дело святой церкви и инквизиции и правда богоугодно, и сам Господь ведет дороги так, чтобы они сходились? Но почему на перекрестке всегда стоит он, переводя живых с одной стороны на другую? Похоже, что цитата, выкрикнутая настоятелем монастыря святой Ольги четыре года назад, оказалась пророческой.

— Ну что, я готова. Куда идем? — Заговорческим шепотом проговорила Ребекка, прикрывая за собой дверь. Ее зеленый сарафан тихо шелестел, а башмаки отбивали какой-то потусторонний ритм.

— На крышу. — Отрешенно ответил он.

Сначала они дошли по коридору до лестницы, под восторженный девичий шепот поднялись до последнего пролета, и, немного повозившись с дверью, вышли на крышу. Ребекка окинула широким взглядом пейзаж.

— Боже, какая красота! — С трудом подбирая слова, выговорила она, выбегая вперед. В этом месте скат был почти горизонтальным, превращаясь в балкон, так что упасть было невозможно. Охотник тоже огляделся: молочно-белая пелена тумана отступала от предрассветного замка на сажень, тонкая тропинка отходила от ворот. По одну сторону от замка в глубине леса виднелась широкая река, над которой сейчас стояло марево, а по другую из чащи поднимался заметно подросший столб пыли. Он зажмурился: сырой прохладный ветер приятно обвивал лицо.

— Даже не верится, что уже скоро все это закончится, да? — Со смесью грусти и восторга сказала девушка.

— Да. — Задумчиво ответил Рейнальд.

— Я все думала, что же будет летом? Как я без... всех вас? — Щеки Ребекки порозовели. — Столько всего за год случилось, я теперь совсем другой человек. Знаешь, домой возвращаться совсем не хочется. Была бы моя воля, я бы и дальше жила тут. Болтала с Анкой, ворчала на Микулу, жаловалась тебе на сложные задания. — Мечтательным тоном продолжила она. — Жаль, что нельзя подольше остаться там, где так нравится. Судьба несправедлива. Могли бы нам разрешить в замке провести это лето, ведь мы все равно вернемся в него грядущей осенью. Тем более сейчас, когда перед турниром сюда съехалось столько людей со всего света. Еду бы я и сама купила. Что ты об этом думаешь?

— Думаю, что перипетии судьбы оплели нас слишком прочно. — Несколько отстраненно ответил охотник. — Кажется, судьбой нам дается один только вектор, направленный вперед, и если однажды не выдержишь, сдашься, и остановишься, или, что хуже, свернешь назад, то потеряешь человечность и станешь марионеткой в ее руках. Свобода воли вкладывается в человека Богом до его первой ошибки. Не думаю, что отказавшегося от своих убеждений, амбиций и целей человека все еще можно причислять к людям. Статичны по природе только мертвецы и чудовища. — Тихо закончил он и сделал шаг вперед.

— Ого, так ты еще и философ. — Немного ошарашено ответила Ребекка, продолжая разглядывать окрестности. — Церковное образование, ха? Никогда не сомневалась в твоих талантах. — Девушка запнулась, несколько раз вздохнула и резко обернулась. — Слушай, еще с первого дня я хотела сказать тебе, что...

Охотник подхватил замершую Ребекку рукой, чувствуя, как теплая кровь бежит по ладони. Ее глаза стремительно стекленели, обращенные в пустоту, а лицо все еще выражало

стеснение от не законченной фразы. В Ордене говорили, что человек, убитый таким ударом не успевает почувствовать боли. «Господи» — подумал он: «я знаю, что ты не делаешь различий между убийцами. Я не верю в то, что смерть бывает угодной. Но если у меня еще есть право вопрошать перед твоим лицом, пожалуйста, пусть это окажется правдой. Даже без всего этого замок захватят, но ценой одной жертвы удастся спасти множество ватиканских солдат, которые бы пострадали от учеников, ведь так?» — очередной вопрос остался без ответа.

Он опустил ее на поверхность крыши, где из-под слоя припорошившей все пыли проглядывались контуры вычерченной мелом руны. «Ничего» — отрешенно подумал он: «не чувствую ничего. Видно, во мне и правда не осталось ни капли человечности». Кровь ускоряющимся ручьем потекла из раны, следуя стремительно багровеющим линиям мела. Охотник отшатнулся на шаг назад, глядя, как из ее середины поднимается столб адского пламени, закручиваясь в вихрь вокруг тела девушки. Медленно оно начало таять в нем, словно стираясь из этого мира, а в центре потока вырисовывался призрачный силуэт. Скоро оно стало почти прозрачным, а потом поток огня с негромким хлопком распался и исчез вместе с Ребеккой, а от рисунка во все стороны рванулась волна горячего воздуха. Рейнальд рефлекторно закрылся руками, а когда все прошло ощутил... будто часть органов чувств перестали работать. Вроде и зрение, и слух были на месте, но мир стал ощущаться каким-то неполноценным, будто выцветшим. Где-то над деревьями закаркали вороны. Он размял руки, обтер об одежду и в очередной раз спрятал нож, и уже собрался было уйти, как вдруг...

— Ай-ай-ай. — Послышалось над самым ухом. — Так долго готовился, но умудрился отвлечься в самый не подходящий момент.

Хенкер резко вздернул руку, пытаясь перекреститься, но вместо этого с грохотом рухнул навзничь, распластав конечности, которые уже перестали ему подчиняться.

— Не-ет, — медленно проговорила алая фигура, нависающая над ним, покачивая пальцем — ты допустил ошибку и потерял концентрацию, так что теперь я имею над тобой полный контроль, пока не выполнишь один мой приказ. — С наслаждением пояснил демон.

— Пошел ты. — Сквозь зубы прорычал охотник, и тут же глухо завыл. Его ладони и ступни выворачивались в суставах под неестественными углами и вытягивались в стороны. Демон усмехнулся.

— Не арканься, парень. С божественного попуска я прибыл сюда, тебе неоткуда ждать помощи, так что не затягивай мучения: чем быстрее ты назовешь свое имя, тем скорее успокоишься, и мы пойдем веселиться. — Будничным тоном продолжил он.

Охотник что-то прошипел и снова скорчился от боли, вжимаемый в крышу неведомой силой.

— Хьюго. — Через силу выдавил он, и в тот же миг завопил от боли. Его спина выгнулась дугой, а конечности стали выворачиваться с удвоенной силой.

— Ты не можешь врать мне, власть вопроса безгранична. — С нескрываемым удовольствием сказал демон, зависая в воздухе напротив его лица. — С другой стороны, продолжай: чем больше ты будешь мучиться, тем мне приятнее, а умереть тебе я все равно не позволю.

— Что ты хочешь от меня? — Сквозь бегущие по щекам слезы прокричал охотник. — Всю жизнь я представляюсь разными именами, какое тебе нужно?

— Настоящее, парень, твое истинное имя. — Ликующим тоном провозгласил демон.

— Я не знаю, что это значит. — Со стоном ответил он. — У меня не осталось родных,

все зовут меня по-разному. Объясни быстрее, я больше не могу. Задай свой вопрос. — Почти шепотом добавил он, а его лицо превратилось в гримасу боли и жалости.

— Истинное имя — это то, которым тебя называют близкие люди, те, кто знают о тебе все, даже самые сокровенные тайны.

— Ох, — с легким облегчением выдохнул Охотник, — Рейнальд.

Демон задумчиво вскинул взгляд, но тело человека не ударились в новом приступе конвульсий, а наоборот, стало медленно опускаться на поверхность крыши.

— Что ж, в таком случае... — Демон резко переменялся в лице. — Какого дьявола?

— Пошел нахер, урод. — С трудом шевеля губами прошептал охотник. — В глазах существа резко пронеслась буря эмоций, а потом они наполнились осознанием.

— Мраз-зь. — Выделяя слова прошипел он, взмахнул руками, но охотник только слегка дернулся и застонал.

— Кончается твоя власть, краснозадый.

— Это так, — злобно выдавил демон, — но того, что осталось, мне с лихвой хватит. Ты понравился мне, человек. Уверен, еще ни раз тебе выпадет шанс поддаться темному искушению, и тогда, будь уверен, я буду рядом. — Закончив фразу он приблизился к охотнику, схватив его за голову, уставился в полные отвращения глаза. А в следующую секунду сознание Хенкера померкло.

Сэр Рихтер Балдер, святой инквизитор.

Колеса повозки отбивали размеренный ритм по камням неширокой лесной дороги. В унисон с ней покачивалась кабина, в которой, глядя в окно, сидел высокий широкоплечий мужчина. Он был не молод и создавал впечатление неповоротливого громилы. Когда-то это помогло ему продвинуться по военной службе, после которой он ушел в монастырь, где проявил склонность к экзорцизмам. Вскоре сановники обратили внимание на исключительную способность Рихтера распутывать самые трудные преступления малефиков, почле чего становление инквизитором не заставило себя долго ждать. Прошло несколько лет, и Папа лично посвятил нового вершителя божественного суда в самые сокровенные тайны церкви, а потом даже приставил к нему личным подчиненным одного из лучших Охотников. С этого времени Рихтера никто не смел недооценивать.

Сумеречный лесной пейзаж проплывал мимо серыми стволами высоких деревьев, на фоне которых, окружая повозку, маршировали солдаты Ватикана. Несколько раз глубоко вдохнув и выдохнув холодный воздух, пропитанный ароматом смолы ели, он обернулся к человеку, сидевшему напротив.

— Значит, они отправили тебя, Бейнир? — Мужчина в капюшоне, из-под которого виднелась поседевшая борода, промолчал. Накидка спускалась по его плечам до самого пола повозки, полностью скрывая одежду и телосложение. — Рейнальд рекомендовал Себастьяна.

— К сожалению для него, инквизитор, — тихим подхриповатым голосом ответил мужчина, — все запросы Охотников носят для ордена рекомендательный характер. И, как видите, просьбу Рейнальда не приняли во внимание. — Он замолчал, а Рихтер на мгновение впал в ступор, пытаясь понять, какой смысл собеседник вложил в последнюю фразу. — Себастьяна нельзя вызвать просто так. Это для вашего же блага, сэр Балдер. Если однажды вам в помощь пришлют его, знайте, дела ваши плохи на столько, что пора составлять завещание. — Договорив, мужчина тяжело вздохнул, было видно, что такие длинные монологи для него не привычны.

— Ладно, работаем с тем, что имеем. — Пожал плечами Рихтер. — За этот год Рейнальд отправил мне множество отчетов, в которых освещал ситуацию в замке. Изначально в его задачу входило только уничтожение Завулона, сильнейшего из колдунов, на устранение которого мы уже потратили три года, двух Охотников, и Бог знает сколько простых солдат. Но проникнув в замок Рейнальд обнаружил, что там обитают личности, представляющие, по его мнению, не меньшую опасность, так что я переработал план. — Инквизитор откинулся на стенку повозки. — Он писал, что вначале этого лета маги со всего света проведут массовое собрание в этих стенах, так что мы не можем упустить такой возможности. Кто знает, когда столько малефиков соберется в одном месте еще раз? Но это общие сведения. Теперь касательно тебя. Бейнир, если я не ошибаюсь? — Мужчина напротив кивнул. — В одном из последних отчетов Рейнальд прислал мне список самых опасных личностей, которых можно встретить в академии. В него вошли Завулон, Марна, до этого времени считавшаяся погибшей, Анка, ее внучка, которая, с его слов, унаследовала демоническую кровь от бабки, и некий Вэлдрин, данных о котором я не смог найти нив в одном из архивов. — Рихтер поморщился, решив не заострять внимания на неудаче. — Рейнальд обратил на него особое внимание. Он описывает его как непревзойдённого воина, более того, судя по всему, Вэлдрин обладает некой мистической силой. Охотник выразил крайнюю обеспокоенность им, он уверен, что в случае открытого столкновения у него не будет и малейшего шанса на победу. Признаться, это первый случай в моей работе, когда Рейнальд уверен в том, что не справится с противником. — Инквизитор рефлексивно поежился. — Поэтому он вызвал подкрепление. В твою задачу входит пробраться в крепость до начала атаки, встретиться там с Рейнальдом, и совместно устранить Вэлдрина. К этому моменту он уже должен будет лично разобраться с Анкой, которая, как я понял, живет от него в непосредственной близости. Затем разделите между собой оставшиеся цели из списка, и уничтожьте их. Задача ясна? — Бейнир молча кивнул. — Отлично, всегда ценил в Охотниках лаконичность. Ты доберешься до замка затемно, так что ров еще будет наполнен туманом. Красные свечи с тобой? — Охотник достал из-под плаща руку и хлопнул ею себя в район груди. — Хорошо. Тогда не буду задерживать. — Бейнир поднялся на ноги, сгорбившись под низкой крышей. — Главное, помни — не влезай в бой один. Рейнальд не стал бы вызывать подмогу, если бы враг был по зубам одиночке. — Охотник отвернулся, и, совершив резкое движение, исчез в дверном проеме повозки. С окружающих процессию деревьев сорвалась, громко каркая, стая ворон.

Подойдя к краю леса, процессия остановилась. Тяжелый пузатый замок угрожающе возвышался над макушками сосен. Люди замерли на границе тени, так, чтобы со стен и из башен их не было видно. Рихтер прикрыл глаза: среди солдат снаружи пробежался тревожный шепот. С тяжестью развернувшись, он выбрался из повозки, и уверенно прошагал мимо миглом замолчавших воинов.

— Друзья! — Четко, но не повышая голоса, проговорил он. — За последние два года магических инцидентов стало больше впятеро. Количество малефиков возросло вдвое. Едва ли ни каждую неделю инквизиции приходит новый крик о помощи от жителей отдаленных деревень, где юная ведьма не справилась с искушением дьявола. Долго мы не могли найти источник проказы, но теперь вот он — стоит прямо перед вашими глазами. — Он красноречиво указал рукой на черные стены. — Проклятым колдунам было мало крови простых крестьян, горожан и защитников порядка. Теперь они хотят заманивать в свои сети

наших наставников, друзей, детей. Обучая их колдовскому искусству, готовят ли они их к тому, с чем тем предстоит столкнуться? Происшествия последних лет ответят вам лучше любых слов. — Он выдержал нужную паузу. — Это место порочно вдвойне, подобно самой природе магии, эта академия выстроена на обмане! — По рядам солдат прошлись одобрительные бормотания. — Но сегодня змеиная нора полна аспидами как никогда. — Маги, ведьмы и колдуны со всей Европы собрались здесь на шабаш. Так что не будем упускать возможности, и прихлопнем всех их одним ударом! — Над головами людей взлетели поднятые кулаки. — Не бойтесь колдовских уловок. Охотник церкви, отправленный в крепость заблаговременно, нашел способ лишить малефиков их проклятой силы до конца дня. Так не подведем же его стараний! — Решив рискнуть, Рихтер все же повысил голос. — Станьте острием карающего Божьего меча, друзья! Обескровьте врагов за данное нам время! Обезвреживайте сдающихся, и без сомнений убивайте продолжающих сопротивление. К полудню в замке не должно остаться живых колдунов. А всех схваченных врагов мы передадим справедливому суду. И да прибудет с нами Бог! — Сказал он, завершив речь. Проходя мимо солдат назад, он огляделся. Перед ним стояли совершенно другие люди: на их лицах сияла уверенность, глаза горели праведным огнем, а в речах ни осталось и тени сомнения или страха. Осталось только дожидаться рассвета, теперь Рихтер был уверен, что замок не устоит.

Забравшись назад в повозку, он окликнул по именам двух солдат.

— Йорген, Мартин, для вас у меня особое задание. — Сказал он подошедшим и пригласил их внутрь. В распоряжении инквизитора была всего сотня бойцов, и дробить и без того скромные силы не хотелось. Но кое-что в последних сообщении Рейнальда ему не понравилось, так что перестраховаться стоило.

Вэлдрин

Шаги человека, представившегося Рейнальдом, стихали в коридоре. Вэлдрин прикрыл глаза. Много за это время произошло такого, что стоило обдумать, но сейчас было не до того. Он находил ироничным, что вот уже многие сотни лет он бродил по свету, никуда не торопясь, и ни в чем не нуждаясь, а сейчас ему не хватало времени. Старые родственники, забытые предания, кровавые клятвы — этот человек собрал в себе больше эльфийского, чем многие эльфы. Еще и неожиданное помешательство брата на призыве Хранителя... Должно было произойти что-то ужасное, чтобы он своими руками развоплотил Наекаэль. Возможно, стоило узнать у него подробности лично, наплевав на принципы?

Вор с наслаждением потянулся, и встал с постели. Весь год она служила ему верой и правдой. Оглядывая крошечное помещение, он испытывал некую... грусть. Странно, смена жилья после второго изгнания стала для него обыденным событием, но здесь он словно оставил частичку себя. Бесшумно сдвинув в сторону кровать, он надавил на одну из половых досок, и, отодвинув ее в сторону, достал заблаговременно сложенное снаряжение. Прогулки в город он даром не тратил, так что здесь лежали (наконец-то) нормальная куртка и удобные сапоги. После общей формы и тех развалин, в которых он впервые оказался в замке, эта одежда казалась Вэлдрину выкроенной под него. Одевшись, он рассовал по карманам и кармашкам снаряжение, накинул плащ ваэ, сливающийся с ночной темнотой, повесил на плечо матерчатый сверток, и, последний раз оглянувшись, прикрыл за собой дверь.

По коридорам эльф двигался как призрак, будучи точно уверен, что никто не сможет его заметить. В былые времена ваэ надежно скрывал от глаз братьев, так что в замке,

наполненном людьми и сумраком, бояться было нечего. Быстро преодолев половину помещений крепости, Вэлдрин остановился напротив неприметной дверцы у лестницы. Положив руку на ручку, медленно потянул ее на себя, но та, ожидаемо, оказалась закрыта. Присев на колени, одним движением он вытащил из рукавов набор отмычек, и принялся орудовать над замком. Вскоре тот едва слышно щелкнул, и дверь поддалась. Вор с улыбкой отметил, что год без практики ничуть не приуменьшил его навыков. Хотя что значит год на фоне вечности?

— Нет, нет и нет. Ничего не покажу, не расскажу и не отдам. — Услышал он приятный голос, в котором смешались усталость и злоба.

Войдя внутрь, он прикрыл дверь, и, еще немного повозившись, запер ее изнутри.

— Ну что ты там копошишься? Проваливай! — Повторил голос.

Вэлдрин обернулся. Комнатушка почти не изменилась с прошлого посещения. Завулон и впрямь был гением, если решил спрятать самую заветную сокровищницу в таком неприметном месте. Сюда даже водили экскурсии, чтобы никто точно не подумал, будто чулан хранит что-то ценное. А оно тут было. Целые стеллажи, заставленные сферами и фолиантами, флаконами и артефактами, ломались от бесценных диковинок. Даже навскидку вору было тяжело определить, сколько это добро будет стоить у проверенных людей. Добавилась за полгода только одна вещь — сплошная серебряная клетка, стоящая в центре комнаты, и отливающая странным фиолетовым свечением, на дне которой, свернувшись калачиком, лежало закованное в костяную броню тело. Руки, ноги и шею демоницы все еще сковывали мифриловые кандалы, но Вэлдрин на секунду застопорился, вновь пораженный ее красотой. Словно почувствовав это, в клетке началось копошение.

— Ой, это ты пришел. — Радостно сказала Рисин, с трудом поворачиваясь к вошедшему. Клетка едва ли давала ей нормально разогнуться, а оковы лишали ее вообще какого-либо шанса хоть немного размяться. Где-то глубоко в душе Вэлдрина шевельнулась давно забытая ярость. — Хотя... тебе я тоже ничего про Владыку рассказывать не стану. Хотя ты и милый. — С грустью добавила она. — Мне нельзя, пойми.

Эльф молча подошел к клетке, присел напротив замка, и принялся орудовать отмычками. Этот замок был куда сложнее предыдущего.

— Что ты..? — Начала-было Рисин, но тут же вжалась лицом, покрытым костяной маской в решетку, ловя каждое движение пальцев вора.

Несколько раз провернув отмычку в замке, Вэлдрин зажал ее основание в зубах, и схватил пальцами еще одну. От напряжения на его лбу выступил пот, но спустя какое-то время пространство вокруг огласил победоносный звук открываемой дверцы. Демоница с восторгом посмотрела на пол за границей ее тюрьмы, а потом на своего спасителя.

— Ты что, правда пришел за мной? — С надежной поинтересовалась она.

— Ага. — Пространно ответил тот, и склонился над кандалами, нацепив на руку красную нитку Рэйнальда. Тут дело пошло легче, и вскоре все мифриловые детали валялись на земле, а Рисин, поддерживаемая Вэлдрином, опираясь на стену, разминала руки и ноги.

Убедившись, что с ней все будет в порядке, вор подошел к стойке с мечем. Вложенный в обгоревшие ножны, клинок выглядел точно так же, как и несколько веков назад, когда он оставлял его в храме Иивы после изгнания. Слегка трясущейся рукой Вэлдрин потянулся к нему, но на середине пути уперся в сплошное невидимое препятствие.

— Нравится меч? — Поинтересовалась Рисин. — Я назвала его Данте, в честь одного старого знакомого. Мы о многом успели поговорить, пока тебя не было. Но если хочешь,

бери, он не против. — Вор медленно обернулся к демонице, но ее лицо было абсолютно серьезным. — Что? Я полгода просидела одна в клетке. Думаешь у меня был разнообразный досуг?

— Его имя Бонхеаль, или Серебряный Лотос, хотя когда-то люди звали его Иггдрасилем. — Наставительным тоном произнес эльф. — Бонхеаль связывал своими корнями множество миров, и хотел собрать и защитить всех братьев и сестер под своей могучей кроной. Но когда богиня отринула нас, от короля Мэлорнов осталось лишь это — бледная тень былого величия, как и наш народ.

— Ваш народ? В этом мире не только люди живут? — Ошарашено переспросила Рисин.

— Боюсь мы жили здесь задолго до вашего появления.

— Ну не знаю, нам об этом не рассказывали. — Демоница задумалась. — Вообще первое посещение Земли у меня получилось каким-то неудачным. Сразу же посадили в какую-то клетку. А я, между прочим, генерал Ада, представляешь? — Она повернула к нему лицо, раздосадовано всхлипнув.

— Ничего, будет время исправить впечатление. — Задумчиво пробормотал эльф.

— Что? — Переспросила она, но тот махнул рукой, прося не отвлекать.

Продолжая движение ладони, эльф спустил руку по магической стене до самого основания, где она пересекала деревянную подставку. Сев на корточки, он приложил к ней ладонь, и сосредоточился.

Рисин заглянула через его плечо. Глаза вора медленно разгорались изумрудно-зеленым светом.

— Что ты делаешь? — Спросила она, но тут из поверхности подставки, стали прорастать ростки. — Э-э. — Добавила она, желая что-то спросить, но передумала, и стала наблюдать.

Продолжая активно расти, ветки стали медленно заполнять всю внутреннюю защитную сферу, окружавшую меч, пока не уперлись в нее окончательно. Тут же растительность стала меняться. Зеленые листья пожелтели, а потом начали опадать, а ветки, потемнев, иссушаться, медленно трескаясь, и распадаясь вместе с деревом подставки. Когда Бонхеаль стал терять опору, Вэлдрин протянул руку, и перехватил меч у границы внешней магической сферы.

— Вау. — Сказала Рисин. — Это было очень красиво, пафосно и абсолютно непонятно.

— После изгнания темные эльфы развили свою способность к управлению растениями. Не самая приятная сила, но иногда приходится пользоваться. — Пояснил Вэлдрин. — Она ускоряет развитие настолько, что весь цикл жизни проходит за мгновения. — Он замолчал, удобнее устраивая в руке меч. — Ну что, готова?

— Конечно. Ух как не терпится отсюда убраться.

— О, погоди, чуть не забыл. — Сказал он, и подошел к одной из полок, на которой стояли урны. — Летите! — Воскликнул он, снимая с них крышки. Четыре стайки стихийных духов сначала облепили Вэлдрина со всех сторон, но потом, немного повозившись, отстали, и разлетелись в разные стороны.

— Ты странный. — Сказала ему демоница. Эльф пожал плечами. — Как будем выбираться?

— Вон там под потолком есть вентиляционная отдушина, которая ведет в смежное помещение. Там зал, из которого можно выйти на противоположную лестницу, ведущую прямо к стене. Сможешь через нее пролезть?

— Легко. — Сказала Рисин с загадочным лицом. — А ты-то как?

— Прямо за тобой. — Просто ответил он.

— Хм, ну ладно. — Демоница ссутулилась, ее кожа покрылась всполохами адского огня, а потом в тусклой вспышке из потока дыма вылетела снежно-белая сова, вспорхнула вверх, и, зацепившись лапками за уступ, перебралась в другую комнату. Спрыгнув оттуда вниз совой, на ноги она встала уже в истинном обличье, красиво трансформировавшись в полете.

— Ну что, тебя ждать? — С усмешкой спросила она, оборачиваясь к оставшейся за спиной стене. — А-а-а! — Резко выкрикнула она, уперевшись лицом в грудь Вэлдрина, стоявшего прямо у нее за спиной. — Ты как тут оказался? — Эльф медленно покосился на отверстие под потолком. — Да знаю я что через него, но почему так быстро? Как ты вообще туда пролез? Тут до потолка три твоих роста, а в дыру даже голова не пролезет!

— Века практики. — Равнодушно ответил он.

— Пффр. — Махнув рукой, демоница сдулась. — К черту все.

— Слушай, а ты не могла бы принять более обыденный вид?

— М-м? — Переспросила Рисин.

— Ну, знаешь, на улицах не часто встретишь краснокожую девушку, у которой костяные пластины вместо одежды. — Задумчиво произнес эльф.

— А! — Воскликнула она. — Это можно. — Добавила демоница и зажмурилась. Грива огненных волос медленно гасла, белея, и принимая нормальный вид. Костяные пластины и рога втянулись в кожу, которая тоже медленно приобрела естественный, а потом и немного бледный оттенок. Миниатюрный рост, идеальное телосложение, маленькие ладошки с тонкими длинными пальцами, и ангельски-прекрасное кукольное лицо с резными чертами, большими глазами и курносый носиком дополнялись длинным снежно-белыми волосами. Только цвет глаз, карий с танцующими на дне зрачков адскими искрами, выдавал в ней что-то похожее на демона, которым она была только что. — Ну как тебе? — С победоносным выражением лица спросила она. Даже ее голос потерял inferнальные нотки и стал звучать очень мило.

— Прекрасно. — Подхриповато ответил Вэлдрин. — Только, э-э, тебе бы одеться.

— Ой. — Сказала девушка, заступорившись.

— Ничего, я предполагал, что так будет, держи. — Сказал он, передавая ей матерчатый сверток с плеча, и отворачиваясь.

— Спасибо. — Ответила девушка, разворачивая его. — Ого, как красиво. — Добавила она, разворачивая светло-серое льняное платье, вышитое замысловатым узором. Осмотрев обновку со всех сторон, она сразу нацепила ее на себя. — Еще и подходит идеально! Как будто мерки с меня снимали. — Добавила она, проводя по ткани рукой. — Где ты его взял?

— Сам сшил. — Ответил эльф, от чего у Рисин тут же отвалилась челюсть. — Чему сскуки не научишься. — Прокомментировал он.

— Эмм, но, ты же всего раз меня видел. — Недоверчиво уточнила она.

— Ага, но в памяти ты отпечаталась намертво. — Спокойно ответил эльф. — Так что проблем с мерками не было.

— О-о-о. — Порозовела она.

— Есть только одна проблема. — Сказал он, протягивая ей деревянные башмаки. — Как ни старался, не смог найти ничего лучше.

— Ка-а-р. — Прозвучало из-за окон громкое воронье карканье.

Вскоре, когда Рисин смогла продолжать путь, парочка двинулась дальше. Сначала Вэлдрин пробрался к преподавательской лаборатории, что располагалась через стену от зала. Замок не отнял у него много времени, и они двинулись дальше, в предрассветном сумраке огибая шаткие столы, уставленные аппаратурой. Выйти из этого лабиринта оказалось сложнее, двигаться приходилось аккуратно, но быстро и четко. Со стороны могло показаться, что в лаборатории, будто в окружении причудливых декораций, эти двое слились в загадочном танце.

Дверь с другой стороны оказалась не запертой, и Рисин выскочила на лестницу, приглушенно хихикая. Уже в конце пути она слегка выбилась из ритма, и зацепила подставку, с которой на пол тут же полетела какая-то склянка с мутной жидкостью, и, если бы не молниеносная реакция эльфа, который перехватил ее у самого пола, на их долю могло выпасть еще одно испытание.

— То, что ты не человек, многое объясняет, Вэлдрин. — С улыбкой сказала девушка, когда ее спутник прикрыл за собой дверь, поравнявшись с ней на ступенях. — Ты знаешь, мы ведь не всегда были, — она провела рукой, очерчивая над головой рога, — такими. Когда-то все демоны были ангелами. — Добавила она с грустью. — Мы любили людей, и мечтали помогать им и оберегать. Но потом Создатель изгнал из Рая тех, кто последовал за Люцифером, а я была одной из первых. Ад создан не только для людей, мы в нем тоже отбываем свое наказание. Этот облик его часть, но кроме того, чтобы мы не пытались сделать для людей, это всегда приводит к страданиям. Некоторые сходят с ума, и начинают ими упиваться, но среди генералов таких не много. Мы же все еще любим каждого встречного человека, но все наше естество теперь заставляет нас причинить ему как можно большую боль. Это наше наказание, Вэлдрин. — Последние слова прозвучали со смесью отрешенности и решимости. — Поэтому я предпочитала не появляться в материальном мире. Но к тебе я не чувствую этой потребности. Я не чувствую ни одной навязанной Богом мысли, только... свои. Это так, — она на секунду задумалась, прикусив губу, — необычно. Впервые вселенная дала мне возможность выбирать самой, и я думаю, что выберу тебя, загадочный взломщик. Давай отправимся дальше вместе? — Закончила она, резко обернувшись, и уставившись Вэлдрину в глаза.

— Ага, — ответил он. — Сам хотел предложить. — Добавил он, и, положив руку на резные перила, продолжил спуск. Лицо демоницы вытянулось.

— И все? — Удивленно обратилась она в пустоту. — Так слушай, ты... — Начала она, бегом догоняя его, и хватая за плечо. Но, когда Рисин потянула его, разворачивая эльфа лицом к себе, тот сам обернулся, и одним плавным движением руки закрепил в ее волосах ярко-алый цветок лилии. По инерции она пролетела вперед, и тот подхватил ее.

— Тебе идет. — Задумчиво произнес он. — С твоими волосами прекрасно сочетается.

— Где ты его взял? — Спросила она, ощупывая цветок ладонью. Вэлдрин сунул руку в карман и показал ей горсть семян.

— Пошли, — мягко добавил он, — не отставай. — И продолжил свой путь.

Лестница была длинной и извилистой. Вэлдрин знал, что потайные пути создаются замком по собственной воле. Каждый раз, когда он пробирался сюда, ступени вели его разной дорогой, но вот самого момента изменения направлений эльф не видел. Однажды он даже спрятался и целый день просидел в одном из пролетов, ожидая, что лестница начнет меняться, но ничего не произошло, так что он ушел, решив, что замок слишком

стеснительный, чтобы преобразаться на глазах. Сейчас же крепость вела их совсем ломаной дорогой. Ступени то шли вверх так круто, что приходилось карабкаться, то резко спускались вниз, и тогда они скатывались с нее, будто с горки, но большую часть маршрута приходилось идти вниз по широкой дуге.

Прошло какое-то время, прежде чем в конце спуска замаячил отблеск рассветного солнца. Парочка вздохнула с воодушевлением, потому что темнота колдовских лестничных пролетов навивала тоску сильнее коридоров склепа. Преодолев последние сажени на одном дыхании, двое вырвались, наконец, наружу, и с наслаждением принялись вдыхать свежий утренний воздух.

— К черту эти замки. — С трудом дыша сказала Рисин. — Надеюсь мы будем жить не в нем. — Вэлдрин приглушенно рассмеялся.

— О, не переживай, мы будем жить в полной противоположности. — Загадочно ответил он.

— Э-э, — осторожно начала она, — домик на дереве?

— Канализация. — С улыбкой припечатал эльф.

— Чего? — Резко переменилась в лице демоница. — А может все же...

— Берегись! — Резко крикнул Вэлдрин, оттолкнув от себя девушку, и дергаясь назад. Она вскрикнула и махнула руками, чтобы удержаться на ногах, а в том месте, где недавно была ее голова, просвистела стрела. Вэлдрин развернулся в направлении стрельбы. В сотне шагов от него стоял среднего роста мужчина в тяжелом шерстяном плаще, натягивая тетиву короткого лука. Стрелок перевел оружие, направляя его на эльфа. Вэлдрин удобнее перехватил ножны левой рукой, и запустил под плащ правую. Человек задержал дыхание и спустил стрелу. Одним движением Вэлдрин согнул колени, широким взмахом отбивая стрелу ножами, в тот же момент выкидывая правую, из которой в сторону противника полетел метательный нож. Запоздало пригнувшись, человек убрал голову с траектории его полета, но вместо того, чтобы просто промахнуться, тот слегка чиркнул по самой верхушке лука, где тетива крепилась к плечу. С громким треньканьем она лопнула, бессильно повиснув на древке. Резким жестом лучник откинул ставшее бесполезным оружие, и двинулся вперед.

— Отойди с дороги, человек. — Сказал Вэлдрин. — Мы не хотим тебе зла. — Твердо встав на ноги, Рисин приняла боевую позу, переводя взгляд с эльфа на медленно шагающего к ним мужчину.

— За нарушение закона Божьего, равно как и человеческого, — тихим шепотом начал мужчина, — вы проговариваетесь к смерти. — Добавил Охотник себе под нос. Вэлдрин напрягся. Подойдя еще ближе, мужчина замер, а в следующую секунду молнией бросился к Рисин, выхватывая из-за пояса короткий меч, нацеленный ей в грудь. Вэлдрин дернулся ему наперерез, но тут из взгляда девушки пропала вся растерянность. Она подгадала время, и шагнула на встречу противнику, резко взмахивая рукой. На середине движения из ладони Рисин полилось багряное пламя, оформляющееся в меч, на который она полностью приняла удар, и, напрягшись, откинула человека в сторону. Не ожидая такой силы, Охотник несколько раз перевернулся через себя по траве, но в конце гибко вскочил на ноги, тяжело дыша. Он поднял взгляд. Рисин. По ее волосам медленно перебежали сполохи, огненный меч трещал и плевался искрами в ее руке, а кожа приобретала вулканический оттенок. Вэлдрин замер, контролируя его путь к демонице.

— Уходи, парень, я не хочу вредить тебе, но мы будем защищаться. — Снова обратился

он к Охотнику.

— Я преследую врагов моих и настигаю их, и не возвращаюсь, доколе не истреблю их! (Псалтырь 17:38). — Прорычал Охотник, осеняя себя крестным знаменем. Вор и Рисин переглянулись, и в ту же секунду мужчина скинул плащ, перехватил другой рукой топорик, до того висевший на поясе, и снова перешел в атаку, целясь перекрестным ударом в горло эльфа. Чуть отклонившись, Вэлдрин подставил ножны, принимая на них сокрушительный удар, и подсек ведущую ногу противника, но тот вместо того, чтобы просто упасть, взмахнул локтем, целя эльфа по лицу, но не смог дотянуться. Воздух рассек росчерк огненного хлыста, и охотник снова оказался отброшен, но на этот раз уже не рухнул, а остался на ногах, оперевшись спиной о крепостную стену.

— Господь испытывает праведного, а нечестивого и любящего насилие ненавидит душа Его. (Псалтырь 10:5) — Выкрикивал он все громче, а с его лица медленно сходили шрамы и оспины. Вэлдрин хотел снова воззвать к его рассудку, но тут глаза Охотника озарились небесно-голубым сиянием, и эльф понял, что для разговоров уже поздно. Неестественно медленно отталкиваясь от стены, и принимая боевую стойку, человек не переставая шептал под нос молитвы, будто не замечая ничего вокруг.

— К черту! — Выкрикнула Рисин, и снова взмахнула плетью. Огненная линия устремилась к охотнику, но тот даже не дернулся. Подкинув в воздух меч, он перехватил его лезвие зубами, ловя кончик хлыста освободившейся рукой. Рисин удивленно дернула оружие назад, но полоска пламени не шевельнулась. И тогда Охотник пришел в движение. Резко дернув кнут на себя, он отпустил его, разжал зубы и побежал навстречу демонице, перехватывая свое оружие в полете. Вэлдрин шагнул ему наперерез, преграждая путь охотника ударом ножами и прямой ладони, но человек, пригнувшись, и оперевшись о землю руками, увернулся от обоих атак, и продолжил движение к Рисин. Та взмахнула ладонью, и, подчиняясь ее воле, хлыст сжался в ее руке, превращаясь в меч. Ее глаза стали полностью алыми. И когда противники сблизилась на расстояние удара, завязался бой.

Охотник наносил короткие серии ударов, то сближаясь, то отступая, и смещаясь по кругу, чтобы не оказаться между Вэлдрином, подоспевшим на помощь, и демоницей. Рисин, в начале без особых усилий державшая удары, вскоре начала сбиваться с ритма, а потом и вовсе перешла в отступление. Улучив момент, эльф юлой вернулся в драку, но охотник уже не пытался обороняться. Он планомерно напирал на них, озаря пространство вокруг свечением глаз, а над его головой уже начал оформляться бледный нимб. С каждой секундой боя его движения становились быстрее, а в удары он вкладывал все больше силы. Вэлдрин понял, что уже не может атаковать, а лишь блокирует ножами удары, пытаясь отвлечь внимание человека от Рисин.

— Дос-с-стань меч и бей уж-же. — Крикнула Рисин Вэлдрину. Воспользовавшись тем, что она отвлеклась, охотник, изловчившись, оттолкнул эльфа в сторону, и напрыгнул на девушку, перехватив руку с огненным мечем, отвел ее в сторону, и с размаха ударил топором. Вэлдрин дернулся, но тут одежда вспыхнула на теле Рисин, и он увидел, что топором застряло в костяной пластине, закрывшей ее грудь. Демоница полностью вернулась в изначальное состояние. Она выкрикнула какую-то фразу, и человека снесло на траву потоком пламени. Так все трое оказались в отдалении друг от друга. Рисин стояла на поле боя, сжимая в руке огненный меч. Ее пылающие волосы развивались на ветру, рассыпая искры, красная кожа и костяные пластины излучали жар, а за спиной развернулась пара опаленных крыльев. Вэлдрин несколько мгновений рассматривал ее, не в силах оторвать

взгляд. Охотник лежал на траве в неестественной позе, походило на то, что он вообще не сможет подняться, но не тут-то было. Рыча, и бормоча что-то, уже совсем невнятное, он поднялся на ноги, шатаясь, и трясясь всем телом. На контрасте с этим его лицо сделалось ангельски прекрасным.

Они переглянулись. Секунда, еще одна, и все трое ринулись навстречу. Человек, казалось, был на пределе, но тут Вэлдрин понял: Рисин не сдержит эту атаку. Прозвенела сталь, топор устремился к костяным пластинам, щели в которых уже заросли. Демоница подняла свой клинок, но вместо того, чтобы встретиться с ним, оружие охотника прошло насквозь. Стоящий рядом Вэлдрин перехватил взгляд Рисин, наполнившийся в один момент отчаянием. Эльф мысленно выругался, и большим пальцем надавил на круглую гарду клинка, выдвигая меч из ножен.

Рисин зажмурилась. И в следующие мгновение услышала щелчок меча вкладываемого в ножны. Распахнула глаза, и увидела, как Вэлдрин, стоящий прямо перед ней, возвращает оружие в ножны с этим звуком, и тут же Охотник врезался спиной в деревянную стену замковой пристройки. Он непонимающе оглянулся. Было заметно, что он сам не понимает, как оказался в таком положении. Его топор валялся в другой стороне поля боя, но меч все еще сжимала правая рука. Он попытался отодвинуться от стены, но Вэлдрин, сгорбившийся после использования меча, взмахнул рукой, и одежду охотника по контуру пронзил целый веер метательных ножей, не давая вырваться. Рыча, охотник принялся вырваться, разрывая плащ.

— Рисин. — Тяжело дыша сказал эльф, кивая в сторону человека. Демоница кивнула, и меч в ее рука снова изменился: удлиняясь, он струился к земле, а затем, извиваясь, принялся опутывать тело охотника. Когда большая часть ножей вместе с кусками плаща остались позади, человек неровной походкой сделал шаг вперед, а Рисин потянула хлыст на себя. Узлы, образованные им на теле человека, затянулись, и к концу шага на землю свалилась гора кусков мяса, обильно заливая траву кровью. Демоница и эльф переглянулись.

— Что, на этот раз все? — Недоверчиво спросила она.

— Надеюсь. — Все еще тяжело дыша ответил он. — Спасибо. Я не убиваю людей.

— Обращайся. — Нервно улыбнувшись, сказала Рисин, развеивая меч и возвращаясь в человеческий вид. — Ну что, идем?

— Подожди. — Сказал эльф. — Возьми. — И протянул ей снятый с плеч плащ.

— А что такое? — Переспросила она, и осмотрелась. Обожжённые кусочки платья редкими лохмотьями свисали с ее плеч. — О, черт, прости. — Расстроено воскликнула она.

— Ничего, пошли, потом еще десять сошью. — Сказал он, накидывая плащ на плечи девушки. — Это ваэ, реликвия моего народа, он защитит тебя от любой угрозы.

— Ого! — Воскликнула Рисин, заворачиваясь в плащ. — Очень приятный на ощупь.

Схватив ее за руку, Вэлдрин потянул девушку в сторону потайной двери, обнаруженной еще в первый день. Она оказалась открыта: видимо человек тоже прошел этим путем. Они вышли ко рву, в котором все еще плескался вампирский туман.

— Ты перелетай, а я пройду через мост, и встречу тебя в лесу. — Быстро сказал он и развернулся.

— Подожди, — сказала она, — баргесты — родственники адских гончих, но очень их боятся. Мы пройдем мимо них с помощью моих мальчиков. — Закончив фразу, Рисин щелкнула пальцами, и из-под ее ног вырвалось облако огня и дыма, из которого вышли два высоких трехголовых пса. В холке они доставали эльфу до живота. Короткошерстые, со

снежно-белыми зубами, они выдыхали снопы искр из носа. Увидев Вэлдрину, псы зарычали, но по команде Рисин тут же замолчали и сели на землю рядом с ней. — Все, идем. — Пробормотала она и потянула за собой эльфа. Псы шли по бокам от пары, и туман, будто в ужасе, отступал от них, давая проход.

— Кто это? — Удивленно спросил эльф.

— Церберы, причем лучшие из лучших. Знал бы ты как тяжело было их достать! — Гордо произнесла она. — Почти у всех остальных генералов есть только гончие, а я купила церберов, да каких! Их мама и папа греются у ног Люцифера. Знал бы ты, сколько я отдала за это душ...

— Подожди. — Остановил ее эльф. — Почему ты не вызвала их раньше, они бы решили исход боя в два счета.

— О-о-й, — вздохнула она, — ну и как же тогда ты смог бы меня так романтично спасти? — Спросила она, и поцеловала Вэлдрину в щеку. — А ты думал, что все само по себе происходит? Да я могла закончить драку в любой момент, но ждала спасения, чтобы сделать тебе приятно. Дурашка. — Добавила она и рассмеялась. Вэлдрин покачал головой. — К тому же, собачки могли пораниться.

Отряды гвардии Святого Престола

Полоска солнечного света медленно ползла по траве от границы леса, где стояли люди. Запал, заданный инквизитором, потихоньку стихал. Замок стоял перед ними скалой, обездвиженный и абсолютно бесшумный. Темный камень широких стен резко диссонировал со свежей зеленью травы и стеной леса, как гнойный нарыв на теле этого мира. Ожидание тянулось невероятно томительно. Каждая секунда прибавляла страха: вдруг Хенкер не сможет заблокировать магию колдунов? Конечно, про него говорили, что он всегда выполняет задачу, но одно дела слушать, а другое участвовать. Солдаты не могли использовать благословения, как охотники, этому учились долгие годы, и то не всегда хватало. Но минимальному набору умений борьбы с волшебниками их обучали, так что даже в худшем случае победа останется за ними. Правда тогда вряд ли выживет хотя бы один или два десятка людей, которые смогут рассказать об этой славной битве. Кто-то покосился на повозку Рихтера с завистью: хорошо, наверное, быть постоянно защищенным от колдовства. Господь защищает своих слуг, пока те несут слово Его суда. Будь то судьи, или инквизиторы.

Полоска света преодолела уже половину пути до рва, заполненного туманом, когда от замка до солдат донесся смешанный с шелестом листвы крик боли. Он был негромким и далеким, люди сразу принялись разглядывать высокие башни в поисках его источника, но безуспешно. После этого все стояли в ожидании еще каких-то знаков, но замок молчал, пока вдруг уже перед самым началом атаки оттуда не донеслись громкие звуки битвы. Они длились недолго, но в них смешались и гул бушующего пламени, звон стали и крики. Рихтер вышел из своей повозки, и сам принялся всматриваться. Люди видели, как Охотник, отправленный с ними, отделился от отряда какое-то время назад и двинулся в сторону замка один. И теперь, похоже, за него оставалось только молиться. Инквизитор побледнел и нервно закусил губу.

Словно проснувшись от этой шумихи, замок ожил. Из окон выглядывали люди, кто-то выбежал из дверей. Стало ясно, что провести операцию тихо не выйдет. Но самое главное — в той битве явно применялась магия, все это почувствовали. Значит Хенкер не справился?

— Защищайте ворота только по эту сторону замка. — Заговорил Рихтер. — На

противоположной туман останется во рву еще на несколько часов из-за стен и леса, никто не сможет там сбежать.

И тут... свет коснулся границы рва, и продолжил уверенно продвигаться вперед, вытесняя туман, и загоняя его под землю.

— Воины. — Резко выкрикнул Рихтер. — Действуйте наверняка! Ваша сохранность важнее всего, Ватикан не может позволить себе терять людей. Вперед, разящие мечи церкви, да прибудет с вами Бог!

— Аминь! — Вторил ему неоднородный вопль, и армия пришла в движение.

Сохраняя боевое построение, солдаты достигли замка одной перебежкой. Затем на предельной скорости спустились в ров, пересекли и вскарабкались к стене, а потом ринулись к подъемному мосту, рядом с которым располагались небольшие ворота. Из задних рядов вперед передали подготовленный ночью таран, и солдаты принялись выбивать створки из петель. Вскоре преграда рухнула. В открывшийся проем тут же уставились ряды арбалетов, а потом, пригнувшись, ринулись люди. Никакого сопротивления не было: учеников застали врасплох, нападения никто не ждал. Над замковой лужайкой разнеслись свист болтов и крики умирающих людей. Маги не могли оказать никакого сопротивления, сначала еще пытаясь обороняться и хоть как-то драться, но вскоре сдавшись. Ученики валились на землю, всюду звучали плач и мольбы, но карающий меч был неумолим. Солдаты же внутренне ликovali: «Хенкер справился! Легенда и правда существует!». Скоро трава покраснела от крови, и отряд разделился на три части: одни контролировали ворота и стену от беглецов, другие закрепились на лужайке, и между постройками, а третьи отправились защищать отдельные здания. Время жизни академии было сочтено.

После того, как третья группа покинула здание общежития, туда направились двое солдат, выбранных Рихтером. Пройдя мимо выломанной двери, они вошли на первый этаж. На каменном полу лежали изрубленные и утыканные арбалетными болтами тела, с которых густыми ручьями в расселины между плитами стекала кровь. В самом центре, сжав одного из бойцов в смертельные объятия, лежал толстый парень в растянутой мантии, больше похожий на подушечку для булавок. Двое поднялись выше, на каждом этаже картина была схожей: распахнутые настежь двери, кровь, тела сопротивлявшихся в коридоре.

— Ну что, эта? — Спросил Йорген, остановившись напротив одной из дверей. Второй сверился со схемой, нацарапанной на куске бересты.

— Анка. — Прочитал вслух Мартин. — Получается, здесь. Ну что, кто открывает?

— Давай ты, я никогда не работал с Охотниками. Говорят, там каждый второй маньяк, а лучше Хенкера свое дело знает только Себастьян.

— Трусишь? — Ухмыльнулся Мартин. — Не стоит сравнивать никого с Себастьяном. Ладно, давай разберемся с этим быстрее, проверим труп и вернемся к остальным. — Подойдя к двери, он уверенно потянул на себя ручку. Йорген зажмурился и отвернулся.

Уверенно шагнув вперед, воин замер. Прошла секунда, потом еще, и он согнулся в рвотном позыве.

— Твою, — тяжело дыша сказал он, — мать. Твою мать, твою мать, твою мать! — Затараторил он, пятясь назад.

— Что там? — Спросил Йорген и заглянул в проем. Комната внутри выглядела как кошмар наяву. Стены, пол, и даже потолок были залиты бурыми пятнами высохшей крови.

Переломанная мебель валялась кусками, разорванная перина повисла на шкафу, теряя пух. Но самое жуткое находилось в центре комнаты. Целая груда мяса, костей и внутренних органов лежала вперемешку, и только ее контур отдаленно напоминал обезображенную фигуру человека. — Господи, что здесь произошло?

— Кажется ведьма защищалась. — Отдышавшись, выдавил Мартин.

— И как мы проверим тело? — Заикаясь спросил Йорген?

— А что, похоже, что эту гору мяса можно идентифицировать? Хочешь, иди, ковыряйся в ней, ищи ведьмину бошку, а я сваливаю отсюда. — Мартин несколько раз перевел взгляд с комнаты на сослуживца, и, захлопнув дверь, отошел в сторону.

— Мать божья, что же после себя оставляет Себастьян? — В ужасе выговорил солдат. — Надеюсь, никогда этого не узнаю.

Хенкер

Он резко распахнул глаза, и тут же зажмурился от ярких солнечных лучей и боли, которой в ту же секунду отозвалось все тело. Обвел взглядом пространство вокруг, и понял, что лежит в той же области, где исчезала в огненном урагане Ребекка.

«Иронично?» — прозвучал в голове насмешливый голос. Охотник внутренне согласился и тут же встряхнул головой.

— Какого? — Тихо пробормотал он.

«Соскучился?» — послышалось следом, и голос громко захохотал: «Привыкай, мы теперь надолго соседи, если, конечно, не хочешь добровольно сдаться прямо сейчас. Одно слово и никаких страданий, как тебе? Согласен?». «Заткнись» — мысленно ответил Охотник, и, тяжело дыша, стал подниматься. «Зря, зря. Но если надумаешь, говори, я рядом».

Охотник встал в полный рост и осмотрелся. Солнце уже значительно поднялось над деревьями. Взгляд скользнул к стенам, и далее — воротам. У леса стояли повозки, подъемный мост был опущен, а все пространство между зданиями замка занимали солдаты, парами патрулирующие окрестности. Мысли шевелились в голове вяло, охотник прищурился. Ватиканские рыцари спокойно расхаживали везде, кроме пространства вокруг главной башни. У ее основания разбился целый импровизированный лагерь: видно кто-то из волшебников успел занять оборону. С одной стороны — плохо: в башне явно есть кто-то боееспособный. А с другой... Хенкер размял ноющие плечи и ноги. С другой — он сможет сам выполнить свою работу. Никто больше не будет сомневаться в нем, когда он выйдет из башни с головой Завулона. «А силенок хватит?» — вновь прозвучал голос. Охотник раздраженно встряхнул головой и сделал несколько шагов назад.

Прикинув расстояние, он рванулся вперед, разгоняясь до предела возможностей, и, достигнув края крыши, перепрыгнул на соседнюю. Нога скользнула по черепице, но он успел ухватиться. Опять повезло. Он поднял злобный взгляд вверх. До башни предстояло добираться через три здания. Можно было и спуститься, но объясняться с вояками и инквизитором сейчас не хотелось, да и ворота здания выглядели неприступно.

Он карабкался и перепрыгивал между зданиями, благодаря вампиров, которые забили домами почти все свободное место внутри кольца стен. Совершив последний рывок, охотник повис на перилах небольшого балкончика перед окном башни. Снизу закричали, но он не обращал внимания: арбалетные болты не летают на такую высоту. Подтянувшись, он уперся ногами в край площадки, и одним движением перемахнул ограду. Уже вставая на ноги, краем глаза охотник заметил по ту сторону стеклянной преграды какое-то движение и

изогнулся, меняя траекторию полета. С оглушительным звоном бьющегося стекла из витража вырвался крупный камень, и только благодаря реакции Рейнальда пролетел мимо, не сбросив его вниз.

Охотник разогнулся. В широком помещении перед ним стоял человек.

— Ты что тут делаешь? — Крикнул он. — Возвращайся откуда залез, мы будем защищаться! — Голос парня предательски дергался, было видно, что он напуган до полу смерти.

Охотник молча шагнул вперед, отодвигая крикуна рукой в сторону: до учеников ему не было дела. Но вместо того, чтобы уйти с дороги, парень схватил его за руку, и дернул к себе. Продолжая его движение, Рейнальд толкнул его, выбивая из захвата руку, и заламывая оппонента в ответ, а когда тот, по инерции пролетев дальше, упал на колени, и изогнулся, схватил того за горло, глядя в глаза. «Убей» — прошептало в голове. «Дави, души, ломай. Давай уничтожим каждого в этой комнате» — не замолкал он.

— Заткнись! — Рывкнул охотник, и парень мелко затрясся.

Охотник толкнул его на пол, разжимая руки, и тот кубарем покатился в угол. Он оглянулся. Всю комнату занимали другие ученики. Они жались друг к другу, забиваясь в углы. Множество испуганных глаз уставились на него, загнанные, сломленные и залитые слезами. В глубине души ему стало их жаль, но он проигнорировал это, и зашагал к двери в коридор.

— Стой. — Раздалось за спиной, когда он потянулся к ручке. — Дальше ты не пройдешь. Я не пушу. — Охотник обернулся.

Из одной из кучек учеников поднялся и вышел вперед длинноволосый блондин. Рейнальд вспомнил его по турниру. Встав напротив, тот поднял руки на уровень груди, и напрягся. Воздух закружился вокруг, формируя в ладонях парня ледяной меч. «Духи» — пронеслось в голове охотника: «ему помогают духи, на которых моя руна не действует». Вряд ли он мог наколдовать что-то кроме меча, но оставлять за спиной даже потенциально опасного врага не хотелось. Охотник принял стойку и достал из-за пояса нож. Так же поступил и блондин, выставив перед собой меч. В глазах учеников заблестела надежда. Рейнальд молчал. Поймав взгляд противника, он поднес нож ко лбу, и отсалютовал вверх. Тот слегка улыбнулся, и начал свой фирменный ответный жест. Охотник ждал. Вот он приложил меч ко лбу, теперь к груди, и начал поклон, в самом низу которого блондин отвел глаза, устремив их в пол. А когда начал разгибаться, под нарастающие крики людей в воздухе просвистело. Подняв меч вверх, блондин пошатнулся, и замер с ножом, торчащим в шее. Его руки разжались, ледяной клинок полетел на пол, разбиваясь на мелкие осколки, а сам парень рухнул на колени, в недоумении водя руками у рукоятки ножа. Ученики закричали. Кто-то бился в истерике, пытаясь залезть в самый дальний угол, кто-то просто рыдал. Ни на Охотника, ни на блондина больше не обращали внимания. Рейнальд подошел к противнику, во взгляде которого не было ни страха, ни злости, только обида. Он уперся рукой в его плечо, и одним движением выдернул нож, и убрал его за пояс, отправив тело волшебника на пол. Тот упал, заливая все вокруг ритмично вырывающимися потоками крови. Больше никто не пытался помешать Охотнику выйти.

Он быстрым шагом двигался по лестницам и коридорам, оставляя за спиной залы занятий и комнаты отдыха. Редкие люди, встречающиеся по пути, с пустыми взглядами проходили мимо. Охотнику так же не было до них никакого дела. Один раз он застал группу вооруженных всем, что попало под руку, учеников, которые перебежали из одного зала в

другой, и собирали из мебели импровизированные баррикады. Они попытались-было остановить его, но вскоре бросили затею, решив не тратить время. Рейнальд и сам торопился: от того места, где он залез в башню до кабинета Завулона было приличное расстояние, а попасть туда непременно надо было раньше солдат. Стоило разобраться и с Марной, но ее кабинет еще более неприступен, чем стены крепости, а отчет о смерти Архимага окажет на мнение Папы куда более благоприятный эффект.

«Ты так беспокоишься о мнении старого хрыча, приятель» — прошептал в голове едкий голос: «Может просто устроим здесь кровавую баню, а потом разберемся с каждым умником, отдающим приказы?»

— Молчи. — Машинально сказал охотник вслух.

«Как ты держишься? Год за годом занимаясь ненавистным ремеслом? Но знаешь, мне нравится твой стиль. Мы станем идеальной командой: огромная сила, идеальная техника и никаких моральных устоев. Ты будешь делать то, что умеешь лучше всего, но начнешь получать от этого удовольствие».

— Закрой. Свой. Рот. — Прорычал Хенкер, заворачивая в очередной безлюдный коридор, и, отвлекшись, врезался в кого-то, идущего в противоположном направлении.

— Черт бы тебя побрал, смотри, куда прешь. — Раздалось в ответ. Хенкер поднял голову. — О, это ты, отлично. — Перед ним стояла Марна собственной персоной. В глазах женщины читалось нетерпение, она явно спешила. — Завулон занят, парень, мы с ним удерживаем башню, чтобы эти ватиканские идиоты не смогли пробиться. — Охотник молчал. — Я ищу Анку, ты ее не видел? — Спросила она, подступив ближе. Хенкер отрицательно покачал головой. Марна шагнула в упор, и положила руку ему на плечо, заставляя посмотреть в глаза. — Почему молчишь?

Чего-то такого он и ждал. Сжав руку ведьмы, он выхватил нож, и тут же продолжил движение, целя ей в горло. Лезвие уже почти коснулось кожи, когда Марна щелкнула пальцами. С громким металлическим звоном нож отлетел к стене и раскололся на множество частей. Сила, дернувшая оружие, потянула за собой и Хенкера, от чего тот отклонился в бок, и потерял равновесие. Попытался быстро вернуться назад, но Марна, подловившая момент, широко замахнулась, и встретила его мощным ударом в челюсть. Охотник отлетел в стену как тряпичная кукла, с грохотом врезался в нее, и повалился на пол.

— Значит, старик опять оказался прав? — С отдышкой спросила Марна, разминая кулаки и плечи. — Черт бы побрал вас обоих. — Застонав, Охотник попытался подняться, опираясь на стену. Марна шагнула ему на встречу, и замахнулась снова, целя в голову. В последнюю секунду он резко развернулся, и закрылся руками. Но ведьма, казалось, не замечала этого. Раздался громкий хруст, и кулак Марны впечатал затылок охотника в камень стены. Вскрикнув, он вновь повалился на пол, согнулся пополам и застонал. Ведьма сделала шаг назад.

Охотник, сквозь вой и слезы, подтягивая себя левой рукой, принялся ползти к стене. Марна окинула его полным отвращения взглядом.

— И что в тебе нашла моя внучка? — Он наконец добрался, и вновь начал помогать себе рукой, закрывшись спиной от ведьмы. Всклипнув, он поднялся на колени, сгорбился, подхватив правую руку, которая почти перестала его слушаться. Марна, решившая, было, добить противника, приостановилась на пол пути. — Ой, да перестань. Не заставляй меня тебя жалеть. Давай разберемся с этим быстрее. В Аду обсудим, кто был прав. — Мрачно прокомментировала она.

— Так, не из праха выходит горе, и не из земли вырастает беда. — Заикаясь, и с трудом шевеля переломанной челюстью, забормотал он.

— Ты что там делаешь? — Удивленно выгнула бровь ведьма.

— Но человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх. — Продолжил он, подхватив правую руку левой, вскрикнув от боли и трясаясь, принялся водить ею перед собой, выводя крестное знамение.

— Ты помолиться перед смертью решил? — Удивленно уточнила ведьма. — Валяй, не поможет. Я пробовала, и ни раз. Твоему богу насрать на наши проблемы, парень. Так что ты либо находишь силы сам, либодохнешь в канаве, сетуя, что Вседержитель не соизволил шевельнуть пальцем, чтобы подкинуть тебе еды, пока ты пух от голода.

— Но я к Богу обратился бы, предал бы дело мое Богу. — Не замечая ведьму, продолжал охотник более уверенным голосом. Его спина выпрямилась, а мандраж в теле утих. — Который творит дела великие и неисследимые, чудные без числа. — Закончил он ровным, лишенным эмоций голосом, и уперся в стену лбом, замерев. Расслабленные руки безвольно свалились на пол. Марна хмыкнула и подошла еще ближе.

— Что, сдох? — Спросила она. Охотник молчал. — А-а, черт с ним. — Закончила она, и направила добивающий удар в голову противника.

Теперь уже ее удару не суждено было достигнуть цели. Ведомый неизвестной силой, охотник плавным жестом прижал голову к плечу, от чего кулак Марны врезался в стену, выбив из нее несколько осколков камней. В тот же миг вверх взлетела его левая рука, целя ведьме в локоть. Марна охнула: конечность с ощутимой болью и хрустом выгнулась в обратную сторону.

— Ах ты... — вскрикнула она, и проворно отскочила назад, уклоняясь от второй атаки. Ведьма зашипела. Ее глаза наливались красным светом, а поверх одежды вспыхнул слой твердого пламени. Она перехватила руку, и с противным звуком вправила ее на место, размяла пальцы. Рана на локте затягивалась на глазах, и только сморщенное лицо Марны указывало на то, что она испытывает дискомфорт. Ведьма развела в стороны ладони, и между ними стала формироваться огненная сфера.

Тем временем не естественно пошатываясь, на ноги поднялся охотник. Он все еще стоял спиной, но начал медленно оборачиваться. Ведьма пробормотала что-то, и в его сторону рванулся поток пламени, полностью скрыв с глаз. Она продержала его несколько секунд, потом выдохнула, и отпустила. В зареве развеивающихся языков пламени стоял Охотник, держа перед собой сложенную в двоеперстие ладонь. Марна шокировано уставилась на противника. Видно было, что огонь не нанес ему никакого вреда. От былой слабости и боли казалось не осталось и следа. Он стоял, глядя на нее взглядом светящихся призрачно-голубым сиянием глаз, наполненных сочувствием, а с покоряемого о камни лица медленно пропадали изъяны. Он сделал неуверенный шаг вперед, и ведьма поняла, что ситуация полностью вышла из-под контроля.

Отступая назад, она прошептала заклинание, и подняла указательный палец на противника. Из стен, пола и потолка вырвались куски камней, и устремились к Охотнику. Тот неожиданно пригнулся, сжался как пружина, и резко рванул вперед, пригибаясь, и уворачиваясь от каменного града. Ведьма смотрела на него с ужасом: висящая плетью правая рука, отрешенное, застывшее, словно маска, выражение прекрасного лица, и нереальная скорость и точность движений диссонировали друг с другом. Прорвавшись сквозь камни, он подскочил к ведьме, и нанес удар. Она закрылась руками, но, хотя тот бил одной рукой,

Марне с трудом удержалась на ногах.

Они кружились, осыпая друг друга короткими сериями ударов. Охотник жал ее к стене, не давая времени подготовить заклинание, а ведьма пыталась вывести из строя вторую руку оппонента, но тот, казалось, с каждой секундой становился все сильнее и быстрее, а лицо делалось все более идеальным.

— Ньярлатотеп! — Крикнула она, уличив момент. — Помоги! — Охотник рванулся, чтобы закончить начатое, но его оттолкнуло назад. Он поднял на ведьму задумчивый взгляд. Марна выгнулась, развернула плечи, и за ее спиной распахнулась пара огненных крыльев. Она подняла в его сторону руку и сделала вращательное движение. Ее лицо покрылось морщинами, а кожа высохла. Казалось, она постарела сразу на десяток лет. Охотник приготовился отражать очередное заклятие, но ничего не произошло. Он постоял несколько секунд, сделал шаг вперед... и врезался в стену. Встряхнул головой, присмотрелся к ведьме, стоящей в паре шагов с противной улыбкой, и попытался сделать еще один быстрый шаг, но пол ушел из-под его ног, и он кубарем покатился вниз, ударяясь о стены и пол. Лишь замерев, охотник осознал, что не сдвинулся с места. Ведьма усмехнулась и прислонилась к стене, заживляя раны. Охотник знал, что раны начинают мешать. Он прикрыл глаза и попробовал чуть продвинуть ногу, но вместо этого снова упал на пол. Любое движение приводило к калейдоскопу стен, в которые он врезался. Но вскоре он заметил, что как бы его ни мотало, Марна всегда стояла строго впереди. Собравшись с силами, Рейнальд закрыл глаза, шагнул вперед, и, дождавшись, пока очередной удар придется на ноги, распахнул их, поймал ведьму взглядом, оттолкнулся, совершая прыжок, и приземлился напротив нее.

Злоба смешалась на лице Марны с отчаянием. Не давая прийти в себя, она метнулась влево и нанесла удар по правому боку. Вскинув голову, Охотник поднял правую руку, выгибая ее так, чтобы выпрямилась сломанная часть, и принял удар. Ведьма почувствовала, как под кулаком трескается, крошась, кость. Пальцы противника вывернуло в обратную сторону, но на его лице по-прежнему не было никаких эмоций. Только глаза стали сиять еще ярче. Воспользовавшись тем, что ведьма вложила в атаку все силы, и потеряла равновесие, охотник коротко подсек ее ногой, заваливая на пол. Упав, она развернулась, чтобы попытаться встать, но тут же пропустила удар по лицу. Дернулась, но охотник навалился сверху, придавливая ее коленом.

— Чтоб ты. — Прорычала она, и получила еще один удар. — Сдох. — Добавила ведьма, тяжело дыша. Последнее, что она увидела, это сияющее изнутри нечеловечески-красивое лицо, глядящее на нее сочувствующим взглядом. Охотник замахнулся, и вложив в удар всю силу. Поддаваясь напору, под ним хрустнул череп. Полилась кровь. Окинув окрестности взглядом, он подобрал с пола острый камень, отломившийся от стены, и за пару точных ударов отсек голову от тела ведьмы. По замку пронеслась волна горячего воздуха, и он услышал, как с грохотом на нижних этажах с петель слетает тяжелая дверь. В башню ворвались солдаты.

Он медленно шел по коридору, подтягивая за собой ушибленную ногу. До кабинета директора оставалось еще немного, но ноги уже едва слушались. Боли он не чувствовал, но понимал, что она от этого никуда не девается, и вернется, как только благословение перестанет действовать. А судя по количеству крови на одежде, и осколкам кости, торчащим из правой руки, ему этого не пережить. Тело не выдержит болевого шока. Он внутренне улыбнулся этой мысли.

За стенами кричали люди, слышался свист арбалетных болтов. В одном из коридоров он наткнулся на чье-то тело, проткнутое мечом. Уперевшись ногой, выдернул его, и пошел дальше, пока путь не перегородила одна из баррикад. Обойти ее было негде, возвращаться назад — некогда, охотник и так еле плелся. Он тяжело вздохнул, зажал ногами меч, и положил на стену ладонь.

— Проведи меня к Завулону. — Тихо прошептал Охотник. Замок завибрировал, но не ответил. — Проведи. Меня. К Завулону. — Повторил охотник, чувствуя, как под рукой зашевелился камень. — Проведи! — Крикнул он, и подкрепил слова ударом кулака по стене. Нехотя кирпич зашевелился перед ним, открывая новый проход, в который он тут же направился.

От неожиданности Завулон подскочил на месте. Одна из стен его кабинета рухнула, выпуская внутрь сгорбленного человека. Охотник шагнул вперед, сверля архимага пристальным сияющим взглядом. Тот попытался отскочить в сторону, но Охотник взмахнул рукой, отправляя в полет меч. С глухим стуком он попал в цель, прибивая мужчину к стене, как иголка бабочку. Рейнальд подошел ближе. Завулон отчаянно корчился, силясь вытащить из себя железку. Из уголка его рта текла кровь, фиолетовые глаза бегали из стороны в сторону, а лицо кривилось в гримасе злобы и боли. Хенкер схватил рукоять меча, надавил на ребро, и обломил кусок, торчащий из стены. Архимаг взвыл, и стал медленно съезжать вниз. Охотник приставил обломок к его шее.

— Один-ноль парень. — Хрипло прошептал он. — Я веду. — Дослушав его, Хенкер надавил на лезвие. Хрустнули позвонки, и голова слетела с плеч колдуна. Отбросив бесполезный обломок в сторону, охотник поднял трофей за волосы, приказал замку открыть проход наружу, и отправился прочь из замка.

Он вышел прямо к разбитому во дворе лагерю. Солдаты тут же рванулись к нему, но заметив голову в руках замедлились. Кто-то что-то выкрикнул, вперед вышел инквизитор. Охотник уже почти не соображал. Мир перед глазами выцвел, глаза залила кровь, в которой он был вымазан с головы до ног, а в ушах стоял сплошной монотонный шум. Из последних сил он поднял вверх голову Завулону и громко закричал. Его вопль поддержали солдаты. А когда он попытался пойти вперед, сразу четверо подбежали, чтобы помочь.

— В телегу его, быстро! — Скомандовал Рихтер, размахивая руками. Хенкер почувствовал, как его куда-то тащат. Он не сопротивлялся. Оказавшись на деревянном полу повозки, он уже не мог ничего видеть, но понял, где находится. Время пришло.

— К Раймонду его. Быстрее! — Выкрикнул инквизитор возничему. Хенкер улыбнулся. Наконец-то можно будет спокойно спать, зная, что с сестрой все в порядке. Он был уверен, что Папа сдержит слово. «Прощай, Вера» — подумал он: «наконец-то я увижу родителей, а однажды и тебя». Собравшись с силами, он усилием воли снял благословение, и почувствовал, как сознание наполняет бушующий океан боли.

«Нет-нет-нет» — вдруг прозвучало в голове: «от меня так просто не отделаешься. Я уже успел к тебе привязаться, парень, так что окажу одну услугу: дам шанс согласиться на мое предложение позже. Уверен, настанет тот момент, когда ты не выдержишь».

Охотник бесшумно кричал. Боль вернулась в полном объеме. Сам он не умирал, но и в сознании до конца не был. Замерев где-то между, он чувствовал все, что было заблокировано благословением до этого, не в силах избавиться от этого, или хотя бы дать кому-то знать.

Повозку размеренно трясло. Слышался стук колес о камни, ржание лошадей и вопли возничего, подгонявшего животных что было сил. Первый раз они остановились, когда пересеклись с колонной телег, едущих навстречу. Мужчина с тяжелой поступью и властным голосом потребовал с парня объяснений, но, когда услышал переданный из уст в уста приказ инквизитора, незамедлительно пропустил их, и приказал своим людям отодвинуть телеги с дороги. Стук колес и тряска возобновились, но охотник воспринимал это отстраненно, и чем дольше поездка продолжалась, тем хуже ему удавалось различать долетавшие до ушей звуки, глаза же вовсе не слушались его.

Второй раз остановились под вечер. Возничий соскочил с козел, и зашлепал сапогами по вязкой грязи, но вскоре вернулся, сопровождаемый второй парой шагов.

— Матерь Божья. — Шокировано воскликнул подхриповатый голос стареющего мужчины. С него натекала целая лужа крови, ты бы хоть раны ему перебинтовал.

— П-п-простите, сэр Рихтер велел нестись во весь опор.

— Ко мне? — Удивленно переспросил мужчина, и задумался. — Беги в часовню парень, кликни конюха, скажи, что я отправил за сменой лошадей. Отправь этих в стойло, и приведи новых, понял? — Быстро отдавал приказы мужчина.

— Д-да. — Неуверенно ответил тот, и засеменял прочь.

— Во что же ты снова вляпался, Рей? — Раздосадовано пробормотал мужчина, оставшись с Охотником наедине. — Неужели ты забыл все, чему я тебя учил? А если нет, то что могло сотворить с тобой такое? — Охотник отдаленно почувствовал касания по всей площади тела. — Эй, Яков! — Крикнул мужчина куда-то в сторону. Сбегай за алтарь, принеси две склянки: прозрачную, с надписью AV и дымчатую с MV. — Ответа охотник не услышал. — Еще и гадость какую-то подцепил. — Горестно добавил он. — Столько лет прошло, а ты все пытаешься помереть. — Носа Рейнальда коснулся аромат воска. — Господь во святом храме Своем, Господь, — престол Его на небесах, очи Его зрят; вежды Его испытывают сынов человеческих. — Зашептал мужчина, вода над телом руками. С наслаждением охотник почувствовал, как притупляется боль. — Давай сюда темную. — Сказал мужчина подбежавшему пацану, и по коже Хенкера полилась обжигающая жидкость, по ощущениям напоминавшая кислоту, от которой все тело пробрало морозом. — Теперь вторую. — Продолжил тот, и теперь в поры охотника стала впитываться бархатистая жидкость, оставляющая чувство тепла. От этого контраста стало еще легче, и он стал медленно проваливаться в пучину сна. — Истратил на тебя последние запасы, приятель. Попробуй только не дотянуть до дома после такого. — Грустно добавил он.

Неподалеку раздалось ржание распрягаемых и сменных лошадей.

— Вези его в Святую Ольгу так быстро, как сможешь. Я сделал все что мог, но даже так он не протянет до рассвета. Теперь его спасет только чудо, так что его судьба на половину в твоих руках, а на вторую... — Мужчина многозначительно промолчал.

— Понял. — Ответил возница, взбираясь на козлы.

— Тогда с Богом. — С грустью закончил он. — Да освятит он ваш путь.

— Сюда его... Быстрее, что стоишь?.. Вези-вези, за поворот... — Отрывистые кусочки фраз долетали до Охотника с неохотой. Отступившая было боль вновь нарастала.

Щекочущий нос запах свечей и ладана навивал мысли о монастыре. — Ставьте, ставьте... Все, зовите Веру! — «Вера?» — пронеслось в голове Рейнальда, но он не смог сосредоточиться на этой мысли. Громко хлопнула дверь.

— О Боже! — Воскликнул приятный женский голос. А потом он надолго потерял связь с реальностью.

— Дайте нож... Разрежь здесь... Хорошо, шов... Теперь сюда... — Время текло то слишком быстро, то очень медленно. — Давай это сюда... Узел туже!.. Все, не могу, смените меня... — Охотник не мог понять сколько прошло с момента, когда он покинул замок, но эти разговоры, казалось, тянулись уже целую вечность. — Прости, Вера, мы сделали все, что могли.

— Я понимаю, отец, идите. — Отрешенным тоном ответила девушка.

— А ты, дитя? — Жалостливо переспросил старик.

— Я останусь, посижу рядом с ним еще немного.

— Он называет тебя сестрой, — вздохнул голос, — мне всего знать не положено, но я видел, как он к тебе относится, и понимаю, как тяжело его терять. Господи, помоги. — Несколько пар ног застучали по каменному полу, удаляясь прочь.

— Ну почему? — Прошептала девушка, и охотник почувствовал на своей руке прикосновение ее ладони. — Почему ты никогда не можешь просто прийти сюда, спросить, как у меня дела? Просто поболтать в саду, как делают нормальные люди? — С ее щек скатились крупные слезы. — Почему каждый раз я встречаю тебя полуживым, а потом, забываясь от страха, вытаскиваю с того света? Ты когда-нибудь думал, что станет со мной, если ты умрешь, а? Что если чуда однажды не случится? Я ведь это не контролирую. Или ты планируешь однажды появиться на пороге монастыря уже мертвый? — Девушка всхлипнула, и Охотник услышал шорох рукава, которым она вытирала слезы. — Господи! — Громко произнесла она. — Услышь мою молитву!..

Анка

Было темно. Неимоверно тяжелая голова ужасно болела, а тело казалось ватным. В нос пробивалась омерзительная вонь. «Я что, вчера напилась?» — подумала Анка, и принялась восстанавливать в памяти прошедший день, и тут... Она резко дернулась, но не смогла подняться из-за придавившей к полу тяжести, попыталась распахнуть глаза, но это тоже не вышло: они накрепко слиплись. В панике она вырвала руки из-под липкой массы, и принялась тереть веки, срывая с них, вместе с ресницами, затвердевшую корку. Но когда ей все же удалось раскрыть глаза и оглядеться, она тут же пожалела об этом. Все вокруг было в засохшей крови, а сама она лежала под грудой мяса. От неожиданности Анка закричала. Задержав конечностями, она скинула с себя несколько особо крупных кусков, и подскочила к углу комнаты, чтобы опорожнить желудок. Тяжело дыша, и утирая слезы, она продолжила осмотр: ночная рубашка на ней пропиталась кровью насквозь, мебель разрушена, а обрывки форменной одежды разбросаны по всему помещению. Она, пошатываясь, подошла к шкафу, отодвинула поломанную дверь, и, с облегчением, вытянула из него чистое платье, глянула на дверь, и обнаружила, что та приоткрыта. Обходя центр комнаты вдоль стены, она добралась до двери, и вырвалась в коридор, захлопывая ее за спиной.

— Может это кошмар? — Прошептала она себе под нос, глядя на дверь. — Создала его,

пока спала? Надо срочно найти Марну. — Сказала Анка и решительно обернулась, но тут же вжалась в дверь спиной.

Большая часть комнат были нараспашку открыты. Кровь, вытекающая из некоторых из них струйками, собиралась в ручей, ведущей к лестнице. Всюду царила разруха, живых видно не было. Немного постояв, девушка взяла себя в руки, и подошла к одной из дверей.

— Нет... — тихо прошептала она, — Чтоб тебя, Генрик. — В конце помещения сидел, приколоченный двумя арбалетными болтами к стене, парень. Ее сосед, ученик боевого факультета. Его поза и внешний вид говорили о том, что он попытался оказать сопротивление, но, безоружный, не смог ничего противопоставить арбалетам. Она всхлипнула, и пошла дальше, заглядывая в помещения. В нескольких комнатах картина была похожая. Она перешла на бег, и ворвалась к Ребекке, но там было пусто. Это внушало надежду. Потом добежала до комнат Генрика и Микулы, находившихся этажом ниже, но там тоже не было ничего. Сначала она воодушевилась этим, решив, что Генрик мог помочь друзьям, но потом вспомнила его ночной визит, ту кровавую кучу под которой лежала, и ее снова вырвало, а слезы полились с удвоенной силой.

Так она и сидела на кровати в пустой комнате. Рыдала, сжавшись в комок, обхватывая колени руками, пока вдруг девушку не посетило странное чувство того, что за ней наблюдают. Будто пара пристальных глаз сверлила ей спину. Она оглянулась, но никого не заметила. Посидела еще, но это чувство не давало покоя, так что она поднялась, и осторожно пошла вниз по лестнице — во двор.

Пока она шла между деревьями, ощущение присутствия все нарастало, так что девушка ускорила шаг, двигаясь к главной башне. Трава была вытоптана до основания, тут и там лежали обломки арбалетных болтов и обрывки ткани. В вечернем сумраке было тяжело разглядеть что-то конкретное, но походило на то, что солдатам пришлось быстро сворачивать лагерь и уходить. Она подобрала с земли лоскут ткани, но тут за спиной что-то хрустнуло. Выронив его на землю, она рванула к дверям что было сил. Тяжелые каменные створки были заперты, но при ее приближении стали медленно открываться. Недолго думая, она прыжками взобралась на лестницу, втиснулась в щель, и тут же полетела на пол, врезавшись в чье-то широкое плечо. Прокатившись по скользкой поверхности, она остановилась у первых ступеней, ведущих на верхние этажи башни.

— Кто здесь? — Нервно выкрикнул низкий мужской голос.

Анка в ужасе приоткрыла глаза. Двое мужчин с обнаженными мечами стояли напротив нее у открытых створок, и нерешительно перешагивали с ноги на ногу.

— К черту ее, давай сваливать, хрен ее знает эту дверь, вдруг опять захлопнется. — Сказал один из них, и потянул второго за руку, но тот одернулся, и оттолкнул напарника.

— Нельзя оставлять колдунов за спиной. — Сказал он и шагнул на встречу девушке. Анка, подтягиваясь руками и ногами отползала дальше. Все заклинания выветрились из головы, и она никак не могла собраться с мыслями, чтобы решить, что делать. И тут она заметила еще кое-что: мимолетное движение за воротами. Мужчина сделал еще шаг, замахнулся, и тут к обоим солдатам с улицы метнулись призрачные тени. Девушка вскрикнула, и быстро подскочила на ноги. Тени молниеносно обезвредили солдат, которые не успели даже пискнуть, повалили на колени, и нависли над ними. Уже запрыгивая на лестницу, Анка заметила, как облаченные в дряхлые обноски фигуры впиваются мужчинам в глотки.

Всю дорогу вверх по лестнице она слышала за спиной противные хлюпающие звуки текущей крови, а потом быстрые легкие перестуки шагов по камням. До самого верха она добралась на пределе возможностей, чувствуя гнилое дыхание в затылке. По какому-то наитию дернула на себя ручку двери, и захлопнула за собой дверь кабинета Марны. Тут же послышался почти синхронный удар в стену, с другой стороны, а потом вампиры принялись водить руками, в поисках прохода, в котором исчезла жертва.

— Прекрасно, дорогая. — Раздался в комнате скрежещущий голос.

— Бабушка! — Радостно воскликнула Анка, и обернулась. Комната была пустой. Она закрутила головой, но не смогла увидеть родственницу ни в одном углу.

— Не ищи, — флегматично произнес голос Марны, — мое тело валяется где-то в коридорах замка, я недооценила твоего приятеля.

— Что?

— Генрик, или как его там звали. Мы встретились в замке уже после нападения. — Задумчиво ответила ведьма. — Он нанес первый удар и почти умер сразу после него, но потом в него как бес вселился. Такого я не ожидала, надо было просто пройти мимо. К тому же моя магия удерживала двери от захватчиков, так что, когда он победил, они ворвались внутрь. — С горечью добавил голос. — Зато я заперла кучу вояк внутри, как только пришла в себя.

— Э-э... — непонимающе протянула девушка, — а с сейчас ты...

— Здесь! — Гордо усмехнулась Марна. — Я давно поняла, что спокойствие после смерти мне не светит, а Завулон явно темнил, так что сделал все, чтобы моя душа оставалась в этом мире как можно дольше. Можешь считать меня личом, а замок — моей филактерией. Технически я мертва, но в Аду окажусь не скоро.

Тут замок медленно загудел и начал вибрировать. Анка подбежала к окну, и увидела, как все пространство за ним медленно затягивает туман.

— Хозяева замка проснулись. — Задумчиво протянул голос. — Готовься к худшему, девочка. Вам предстоит много работы.

— Нам? — Переспросила она, и тут из фонтанчика в углу комнаты вырвалась небольшая волна, формирующаяся в женский силуэт. — Ариана! — Радостно воскликнула Анка, бросаясь на подругу.

— О, Анка, как я рада, что ты жива. — Вторила ей русалка, и подруги молча обнялись, шморгая, и утирая слезы.

— Соберитесь! — Вскрикнула Марна. — Мы отправляемся в Чистилище, вотчину вампиров. К счастью для вас, я заставила замок изолировать эту комнату, так что без моего одобрения сюда не попадет даже князь вампиров. Но за дверью нас с распростертыми объятиями не примут, так что ближайшее время мы ограничены этим помещением. — Глаза Анки полезли на лоб. — Захочешь выбраться раньше — вперед, учись создавать порталы. Повезло, что ты застряла здесь с лучшим в мире учителем.

— А есть мы что будем? — Обреченно переспросила она.

— О-о-о. — Марна горько усмехнулась. — В Астральном мире нельзя умереть от недостатка еды или воды, девочка. Он в этом смысле статичный, ты тут как бы вне времени. К несчастью, чувства голода и жажды это не отменяет, так что готовься, просто не будет. — Анка медленно оглянулась на окно, за которым уже не было видно ничего из-за тумана.

— Мама... папа... — обреченно прошептала она. Ариана подошла ближе, и положила руки на ее плечи.

Сэр Рихтер Балдер

— Слишком складно, Германн, слишком. — Задумчиво говорил инквизитор, приближаясь к монастырю. Лошади остались за спиной в стойле, а яркое солнце приятно щекотало нос, но сам Рихтер был мрачнее тучи.

— Мне кажется вы самого себя передумываете, сэр. — Ответил слуга, сжимая в руках стопку документов. — Вы не считаете, что это мания? — Добавил он с насмешкой. Инквизитор кинул на него суровый взгляд.

— Подумай сам, такой исход слишком хорош для обоих. — Начал рассуждение инквизитор. — Рейнальд теперь герой. Остатки ватиканских солдат готовы жизнь за него отдать, другие Охотники уже боготворят его, кто-то в пол голоса шепчет, что он-де сильнее Себастьяна и скоро сам станет Первым Охотником, а это говорит о многом. — С напором пояснил он. — Теперь Завулон. Никому не придет в голову искать его после того, как Охотник вынес из замка его голову. Уверен, у архимага были способы обыграть что-то этакое. К тому же нет ни одного свидетеля их драки, вдруг ее вообще не было? Просто представь себе сговор величайшего мага, и... крайне амбициозного Охотника. Это слишком опасная смесь, чтобы скидывать ее со счетов. — Задумчиво припечатал Рихтер, отмахиваясь от мухи.

— Присмотритесь внимательнее, сэр. — Вздохнул Германн. — Рейнальд, по вашим же словам, выбрался из замка одной ногой в могиле, и только чудом не оказался в ней двумя. Следов Завулона нигде не видно, хотя прошло уже две недели. — Он перехватил документы по удобнее. — Более того, думаете он бы справился с целой толпой вампиров? — Он поднял на инквизитора уставший взгляд, но тот лишь махнул рукой.

Тем временем пара подошла к воротам, и охранники, нервно переминающиеся с ноги на ногу, потянули на себя створки. Инквизитор со слугой, подождав, вошли на территорию монастыря, где их уже ждал престарелый иссушенный настоятель, призывно махнувший им рукой.

— Как он? — Коротко бросил Рихтер.

— Вашими молитвами. — Ответил настоятель с сильным германским акцентом. — Когда он попал сюда, Вере пришлось собирать его по кусочкам. Если бы не Раймонд, думаю, вашего Охотника не смогло бы спасти даже чудо. Ни одной целой конечности, правую руку вскрывали, и составляли кусочки костей. Одежда на столько запеклась, что ножом с кожей срезали. — Причитающим тоном перечислял старичок. — Не знаю, что у вас произошло, но из-под завалов людей целее вытаскивают. Кровь лилась ручьями, Вере пришлось переливать ему свою. Наши лучшие врачи почти сутки не отходили от его кровати. Но даже этого не хватило, с такими повреждениями он бы не смог держать меч, и скорее всего, даже ходить. Очень удачно, что Вере вновь удалось совершить чудо, и Господь откликнулся на ее молитвы. — Настоятель пытался говорить будничным тоном, но сквозь него вполне ясно слышалась настороженность. — Я не совру, если скажу, что мы восстановили его тело, а она вернула в него жизнь. Осколки костей и лоскуты кожи срослись как влитые. — Настоятель утер пот со лба платочком.

— Вера? Наслышан о ней, но никогда бы не подумал, что сказки о чудотворцах не врут. — Пробормотал инквизитор. — Я думал это просто очередное смазливое личико, помогающее вам собирать пожертвования. — Настоятель обиженно оглянулся на него. —

Бог с ней, где он лежит?

— А, да, об этом. — Старичок почесал затылок. Сделал еще несколько шагов, и указал рукой за колонну, в арку. Инквизитор ускорился, зашел за поворот, и замер от удивления. В просторном внутреннем дворе, сжимая в руке меч, двигался Рейнальд, тяжело дыша, и выписывая в воздухе удары и блоки.

— Какого хрена? — Выдавил из себя Рихтер.

— Я тоже говорил больному, что ему нужно оставаться в кровати, но он не послушался. — Залепетал настоятель. — Он так и крутился здесь, колотил кулаками воздух несколько дней, и я отправил стражника, чтобы тот его утомил и вернул в постель.

— И что?

— Теперь он упражняется с мечом, а мой охранник лечит растяжение. — Обреченно закончил старичок.

— Оставьте нас, я хочу с ним поговорить. — Постепенно приходя в себя, сказал инквизитор, забирая стопку листов из рук слуги.

Охотник медленно шагал вперед, плавно вращая мечом. Когда инквизитор пересек границу двора, тот зашипел от боли. Одна нога Хенкера подвернулась, и он стал заваливаться на землю, но в середине падения уперся плечом о стену, проскользил вдоль, прикрывая голову, а потом, у самой земли, разогнулся, как пружина, выкидывая лезвие в голову воображаемого противника. Инквизитор невольно уважительно кивнул: не даром Рейнальда считают одним из лучших. Даже изнывая от боли, и находясь в безвыходной ситуации, он нашел способ разыграть ее на полную.

Было видно, что сражение с колдунами не прошло для Охотника даром: глаза выцвели, стали отрешенными, сам он не мог стоять ровно, постоянно трясясь и пошатываясь, на лбу проступили морщины, но самое главное — волосы. В каштановых прядях просвечивала редкая седина.

— С чем пожаловал? — Отдышавшись спросил Рейнальд, с облегчением прислонился к стене и уперев в землю меч.

— Чем ты занимаешься? Чудом выкарабкался с того света, и решил вернуться? — С нажимом спросил инквизитор. Охотник в ответ усмехнулся, но тут же дернулся от боли, и улыбка скривилась в гримасу.

— Раз ты здесь, значит отдыхать мне осталось не долго. — Флегматично ответил он. — А когда я вновь окажусь в толпе врагов, они не станут интересоваться моим здоровьем. — Рихтер фыркнул. — Ватикан прислал тебя. — Произнес он задумчиво. — Жаль.

— Это еще почему? — С долей обиды поинтересовался Рихтер.

— Ну, ты не единственный инквизитор в папском престоле, даже не единственный, относящийся к операции в академии. — Терпеливо пояснил он. — Но только ты не покрываешься салом как свинья, сидя на теплом месте, только ты продолжаешь тренироваться, и совершенствуешь свое фехтование, и только ты всегда носишь при себе оружие. — Он выразительно кивнул на рукоять фальшиона, торчащую из ножен на его поясе. — В общем, трудно было бы найти даже двух или трех инквизиторов, кроме тебя, кто смог бы за себя постоять. Следовательно, папа Римский передает мне твоим присутствием сообщение. — Инквизитор непонимающе выгнул бровь, а Рейнальд слегка разочарованно вздохнул, и продолжил. — Он говорит, что интересуется моим состоянием, хочет знать, когда я вернусь к исполнению обязанностей, но не доверяет до конца: «если будешь

сопротивляться, вот тот, кто быстро поставит тебя на место». Вот что ты означаешь. — Констатировал Охотник. — Кого-то другого я бы мог и поколотить, если бы он стал диктовать условия, а тебя... не в таком состоянии. — Рихтер хмыкнул.

— Не придумывай лишнего. — Рейнальд только молча пожал плечами в ответ. — Я хотел поинтересоваться твоим состоянием, но, думаю, что ответ исчерпывающий.

— Что было после того, как я отключился? — Спросил Охотник, сползая на землю, разогнав тем самым стайку капустниц. — Тогда, в замке. — Инквизитор тяжело вздохнул.

— Расскажу только тебе. — Он оглянулся, проверяя, что никто не подслушивает. — Сначала все шло хорошо. Мы планомерно захватывали здание за зданием, обезвреживая магов, лишенных сил. Потом наткнулись на эти закрытые ворота в центральную башню, и нашли останки Бейнира, которого орден отправил тебе на помощь. — Инквизитор поморщился. — Беднягу как через мясорубку пропустили, ужасное зрелище. Провозились у них кучу времени, а потом, когда они открылись, солдаты ринулись внутрь. Нижние этажи захватили даже слишком легко, а с потом стало туго: преподавателей твое магическое блокирование только ослабило, как ты и предупредил. — Нехотя признался Рихтер. — Кстати, рассказ о том, как ты это провернул, жду в письменном виде. — Охотник поморщился. — В общем, с середины башни мы стали нести потери, до верха добралось чуть больше половины. Но стоило только начать сворачивание операции, как ворота башни закрылись вновь, отгородив выживших. Кто-то попытался выбраться через окна, но они будто окаменели. И в этот момент разрухи, как гром с ясного неба, на нас напали вампиры. — Инквизитор раздосадовано сжал кулак. — Чертовы кровососы вырывались прямо из-под каменного пола, выскакивали из стен. Слава Богу, нас было больше, и многие солдаты тренировались сражаться с нежитью: мы потеряли еще людей, пока седлали коней и разворачивали повозки. Пришлось бросить на съедение упырям часть пленников, чтобы жертв среди наших не стало еще больше. — Рихтер облизал засохшие губы. — А потом, когда наши разведчики вернулись туда, чтобы проверить состояние замка, его не оказалось на месте! Долбанные вампиры снялись с Якоря, и исчезли вместе с замком. — Горько добавил он. — Ни малефиков, ни наших ребят, ни ценных знаний о враге — мы остались с пустыми руками.

— Значит, ни им, ни нам... — Задумчиво произнес Рейнальд. — Забавно, как судьба вносит в идеальные планы свои коррективы, даже иронично. — Охотник снова поморщился от боли. — А тот парень, Бейнир, видимо полез-таки на Вэлдрина в одиночку. — Губ Хенкера коснулась еле заметная полуулыбка. — Зря, я говорил, что это мертвый номер. — Закончил он, и над двориком повисла тишина.

— Вот тебе сведения о предстоящей работе. Все, как всегда: как прочитаешь — сожги. — Охотник горько усмехнулся, и взял стопку бумаги в руки, всем своим видом как бы говоря: «Об этом я и говорил». — Если коротко, то у Ватикана проблемы с разбойниками. В деревне, через которую мы возим золото, поселилась шайка бандитов, под руководством атамана по имени Мате. Они уже ограбили два каравана. А недавно до нас дошли сведения о том, что недалеко от поселения появилась ведьма. Подробнее прочитаешь там.

— Сколько у меня времени? — Спокойно уточнил он.

— Следующий караван пройдет через три недели. Отчитываешься передо мной. — Мрачно ответил Рихтер.

— Понятно. — Ответил Хенкер, теряя интерес. — Увидимся, инквизитор.

— Увидимся. — Сказал Рихтер, и зашагал прочь.

Часть 2. Черный Василек. Глава 1. Мелодия

— Итак, Королева, что вы думаете об этой милой девушке? Именно ей вы обязаны воскрешением своего сына, так как те несчастные обстоятельства, в которых он существовал, едва ли можно назвать жизнью. — Придавая голосу интонации могущества, говорила девушка, водя жесткой щеткой по свиному боку. Завороженная рассказом хрюшка ловила каждое ее слово. — Если бы не она, вы бы никогда не увидели своего принца снова и ему бы навечно пришлось остаться в той ужасной форме, в которую он превратился. — Продолжила она, подняв указательный палец в наставническом жесте. — К счастью, нашлась дева, чья добродетель и храбрость, — она плавно провела рукой в сторону, — оказались такими же изумительными, как и её красота. — Она вернула ладонь на место и отвесила хрюшке полупоклон. — Однако, есть некоторые сомнения в том, что вам будет приятно видеть своего сына в роли мужа этой девушки, которой он обязан своим возвращением к жизни. Они очень сильно любят друг друга и только ваше согласие сделает их поистине счастливыми. Откажете ли вы им? — Свин возмущенно хрюкнул, а пасущаяся неподалеку соседская корова подошла, и ткнулась в девушку носом, отчего та едва не упала, но от того лишь рассмеялась. — Тоже хочешь послушать? Ну подходи, правда осталось не много. — Она погладила ее по лохматой морде, уселась удобнее, и продолжила. — На эти слова Королева нежно обняла Красавицу и воскликнула: «Я буду рада дать согласие на их союз, моё собственное счастье зависит от этого. Милая и обворожительная девушка, перед которой я в неоплатном долгу, скажи мне кто ты и кто та королевская чета, которой посчастливилось дать рождение такой совершенной принцессе?». — Старательно выговаривала девушка властным тоном королевы. — Моя госпожа, — скромно ответила Красавица, — моей матери уже давно нет в живых, — пролепетала она, прижимая к груди руки, — а мой отец лишь купец, более известный в мире своей честностью и невзгодами, обрушившимися на него, чем каким-либо дворянским титулом. — Корова сочувственно что-то промычала. — Услышав такие прямолинейные речи, изумлённая Королева отступила назад и сказала: «Что! Ты всего лишь купеческая дочь! О, великая Фея!». — Воскликнула она, и замолчала. Звери вокруг замерли.

Девушка поводила по свиному бочку рукой, проверяя его чистоту, и, оставшись довольной, прищепнула хрюшку, чтобы освободить место для следующей. Та удивленно хрюкнула, и, отойдя на пару шагов, стала тыкаться в ее руку пяточком.

— Нет, Рудольф, я больше не могу рассказывать. Вы слушаете сказку с самого рассвета! Имей совесть, у меня уже пересохло в горле. Дослушаешь завтра. — Рудольф жалобно хрюкнул в ответ, а корова поддержала его мычащим поддакиванием. — Ану хватит! — Возмутилась она. — Вы вот мне ничего не рассказываете. К тому же Рудольф вчера имел наглость испачкать загон. — Она подняла тон, и услышала многоголосое осуждающее блеяние-мычание-хрюканье вокруг. — Да, представьте себе. Так что вечером рассказывать я вам тоже ничего не буду. — Свин принялся слезливо хрюкать, а остальные лишь неодобрительно молчали. — У меня не получается следить за вами постоянно, но сами же вы друг у друга на виду все время. Так что соблюдайте приличия. Вы же приличный свин, Рудольф? — Тот принялся активно хрюкать в ответ. — Тогда ведите себя соответствующе, и в таком случае, можете не сомневаться, продолжение истории не заставит себя ждать. — Свин понуро хрюкнул, и уступил место чистки следующему. Медленно и другие животные

вернулись к щепанию травы, рытью земли и вдумчивому жеванию.

Дневное солнце щекотало нос, и приятно грело руки, было еще долго до того момента, когда оно начнет немилосердно жечь, и девушка наслаждалась этим чувством. Летняя трава густым ковром стелилась под ногами, но она все равно старалась держаться мест, где пару дней назад паслись коровы, чтобы ненароком не потеряться в густой траве, как это уже однажды случилось несколько лет назад, когда она решила отнести отцу в поле ужин. До первых рядов пшеницы девушка дошла нормально, но потом будто оказалась в сплошном море одинаковых жестких стеблей. После того случая ей не разрешали приближаться к пшенице, вязать лапти и шить у нее тоже никак не получалось. Вот и вышло, что из всей работы по хозяйству девушка могла заниматься либо уборкой, либо выпасом скота, либо вырезанием ложек (последнее получалось у нее особенно хорошо). Когда родителям нужна была помощь, ее еще просили обрабатывать овощи, но она так сильно рисковала пораниться, что занималась этим лишь в крайнем случае. К печи или костру ее не подпускали и подавно. Подумав об этом, она машинально потеряла давным-давно обожженные ладони и вздохнула.

Дел у нее и правда было не много, так что, посоветовавшись, жители деревни решили, что она будет пасти всех животных сразу, чтобы у других было больше времени на остальную работу. Никто и не был против. Скотины на все дома набиралось не то, чтобы много: три коровы, полтора десятка овец, и вот недавно кто-то купил еще пять свинок на разводенье. Были еще куры, но они шатались по деревне безо всякого контроля. Сама она согласилась сразу, родители подумали какое-то время, но потом тоже одобрили идею. Тут же всплыли на поверхность ее таланты: четвероногие слушались ее беспрекословно, не терялись, не пытались убежать. Однажды она даже сняла брюшную боль корове, которая мучилась и не ела несколько дней, поговорив с ней, и погладив.

— Али-иса-а. — Раздалось издалека. Девушка радостно обернулась на женский голос, подскочила, бросив не дочищенную свинью, и принялась ждать. — Что, опять рассказывала скотине сказки?

— Ма-ам. — Надула она губы. — Ты же сама говоришь, что нужно проявлять уважение, когда разговариваешь. — Кто-то в толпе согласно хрюкнул.

— Ой, точно. — Усмехнулась она. — И что же сегодня благородные господа изволили слушать?

— Благородные господа и Рудольф, — с нажимом выделила она последнее слово, — сегодня слушали про Красавицу и Чудовище, но я рассказала ее только до середины. Остальное услышат завтра, потому что один негодник с пяточком себя очень плохо вел. — Женщина обняла ее, и провела рукой по волосам.

— Только не говори об этом никому в деревне, милая. Неправильно выставлять друзей в дурном свете. — Добавила она как-то нервно, и прижала дочь сильнее.

— Что-то случилось? — Удивленно спросила Алиса, уловив интонацию.

— Ничего. — Пространно ответила она. — Боже, какой же красивый лес в это время года, деревья словно одеты в изумрудные ожерелья.

— Ого! — Мечтательно ответила девушка. — Расскажи еще.

— Солнце скачет по росе, отражается от иголок и свежих листиков, и само будто принимает их цвет. Весь лес лучится этим зеленым заревом. Будто свечу зажгли в шкатулке из самоцветов. — Завороженно описывала женщина. — А птицы? Их пение лучше любой музыки, что играют на пышных балах в украшенных замковых залах.

— Здорово. — Немного грустно добавила девушка. — Тот человек из столицы приехал к нам, чтобы это увидеть? Я так хочу расспросить его о жизни в городе.

— Нет. — Резче, чем требовалось сказала женщина. — Не стоит разговаривать с людьми из церкви, от них всегда жди неладного.

— Но наш священник...

— Никаких но! — Оборвала ее женщина, но, помолчав, продолжила спокойнее. — Собирайся давай, пора обедать.

— Может тогда не пойдём домой, раз он такой страшный? — Пробормотала девочка.

— Не прятаться же нам по лесам всякий раз, как очередной напыщенный гусь приедет к нам поглазеть на жизнь крестьян? — Скептически ответила женщина. — Так от каждой тени шарахаться будем, а жизнь-то продолжается. Тем более, не понятно, сколько он у нас пробудет.

— Ага. — Ответила Алиса, и принялась собирать с земли вещи. Повозившись немного, она помялась, и продолжила. — Знаешь, я тоже хотела бы побывать в какой-нибудь сказке.

— Так хочешь найти принца? — Усмехнулась женщина, радуясь переводу темы.

— Вовсе нет! — Смущенно ответила девушка. — Но если это обязательно, то я не против.

— Ах-ха-ха. — Рассмеялась мама.

— Что? — Переспросила Алиса. — Я разве что-то не то сказала?

— Не-а, просто представила, как тяжело тебе будет привыкать к жизни в прекрасном замке, окруженной слугами. — Девушка замерла, не донеся щетку до сумки, и задумалась.

— Пойдем, принцесса. — Сказала женщина, взяла дочь за руку, и потянула за собой.

Далеко отсюда...

— Ей, Венс, подойди, толкни этого школяра. — Толстый трактирщик плюнул на тряпку и тщательно протёр ею дно и стенки стакана.

— А с шиво ты взял, шо он учёный, Мате?

— А кем он ещё может быть, дубина? — Слабоумие вышибалы, казалось, прогрессировало день ото дня, и хозяин уже сам иногда жалел, что поддался искушению и нанял самого глупого здоровяка из всех. — Он одет в рясу, рядом с ним лежит огромный этот, как его там... короб евойный для бумажек. Но главное, дурень, что он спит там, где порядочный человек должен есть.

— Ооооо. — Крепыш многозначительно протянул, подошёл к спящему и принялся потряхивать его из стороны в сторону. — Ануу!.. подыма-айся!

— А? — Парень открыл болотно-зелёные уставшие глаза, обрамленные синяками, и, улыбнувшись, недоумевающе оглянулся. — Простите, любезнейший, кажется, я заснул.

— Ба! — трактирщик взмахнул руками — Венс, да он профессор. — Стены помещения дрогнули от смеха, которым разразился весь зал. Смеялся и парень, искренне и задорно, что не ушло от внимательного глаза хозяина.

По правде говоря, трактирщик ошибся, приняв одежду гостя за рясу. Это был её укороченный и сильно изменённый вариант с упором в удобство носки. Сам же человек роста был среднего, телосложения такого же, да и вообще в глаза бросались только хорошие ботинки и ящик, который он носил с собой. Лицо его было выбрито не очень гладко и не очень ровно, а впалые щёки и острые скулы местами покрывала грязь. В этом плане путник вообще весь был несколько запылён.

— Это не общественная спальня, а мой постоянный двор. Заказывай чего, али выходи вон, чтоб места не занимать. — Мате аж раздулся, хотя было заметно, что он смягчился и подобрел.

Парень обвёл взглядом полупустое помещение, в котором, помимо его были заняты только две лавки.

— А что в вашем заведении нынче подают на обед? — Парень окинул стойку, за которой стоял Мате голодным взглядом.

— Ты, умник, не ёрничай, давай. Деньга-то есть? А то по одежке не скажешь.

— Деньги? Есть, почему нет? — он достал из-под балахона мешочек и мелодично им потряс, от чего лицо трактирщика разгладилось вконец.

— Вот оно как. Ну что ж, тогда, чего изволите?

— А известно ли тебе, юноша, что чревоугодие это грех? — насмешливо спросил Мате, окидывая взглядом горку пустых блюд, оставшуюся перед гостем.

— Я, господин, если вам интересно — посетитель вытер губы какой-то тряпкой, извлечённой из кармана, и сыто откинулся на стену, — ученик семинарии, потому разбираюсь в этом как бы не больше вашего. Но, к счастью, — он оглянулся на притихших мужиков, с интересом вслушивавшихся в диалог, — я всё ещё послушник, — стены повторно вздрогнули от смеха.

— А как вас зовут, уважаемый? — хозяин подождал, пока прекратятся смех и ехидные замечания.

— Моё имя Генрик, и родом я из села Рид, что в Айхштеттской епархии.

— Далече. — Корчмарь что-то прикинул в голове. — Отсюда дней 20, ежели пешком, или с десятков по реке. Мой брат в том направлении ходил, с обозом, так сказать, а у сестры в Айхштетте родился первый муж.

— Этот, што гход тому как приставился? — просипел кто-то из сидящих.

— Да, Абель, именно тот.

— А путь куда держите? — Мате опять повернулся к Генрику.

— В Кишбайч. Хочу попытать счастья в большом городе. — Юноша мечтательно улыбнулся.

— Ну, хах, в пути вы, видимо долго, а конца-края ему так и не видно. Отдохнуть бы Вам, послушникам же женщины не запрещены?

— А как же? Не запрещены, конечно. — Гость маслянисто улыбнулся. — Господь же сам говорил: «Плодитесь и размножайтесь!». Так что вы все, господа, — Генрик опять повернулся к другим постояльцам, — когда бабу на сеновал тащите считай, святым делом занимаетесь и прославляете имя Его.

— Ахахахаха, — мужики в корчме едва не задохались, — мы шо, поштай пошти что швятые. А давай к нам в церковь, вместо Алисандера, или как его там. Его побьем, а тебя посадим. Аххахаха.

— А что, денег хватит? Ты, вроде не богач. — Трактирщик, единственный, оставшийся серьёзным, явно заинтересовался клиентом.

— А у тебя вроде не столичный бордель. — Генрик насмешливо выгнул брови и кинул хозяину в руки мешочек.

— Тебе считай, повезло, парень. — Ухмылялся Мате. — В нашу паству прибыла свежая кровь, послушник. Правда, в чужой монастырь со своими порядками не суются, так ведь? А

вот наша юная леди так не считает, так что, боюсь, придётся тебе организовать для дамы проповедь о послушании.

— А вы, я смотрю, подкованы не только в мастерстве чашек и мисок. — Генрик по-новому взглянул на корчмаря. — От просвещения заблудших я, конечно, не откажусь, — он улыбнулся, — в конце концов, это мой долг будущего сановника.

— Эй, Вэнс. — Мате подождал, пока вышибала к нему повернётся. — Отведи гостя на верх, в ту самую комнату.

— Ту самую? Ага. — Вэнс подумал с пол минуты, потом резко хватанул гостя и поволок к лестнице.

— Эй, парень. — Корчмарь окликнул гостя, когда тот уже был на лестнице. — Как твоя эта штука называется, с бумажками?

— Тубус, господин. — Генрик, задыхаясь, подёргал предметом в воздухе. — Тубус.

Марика шла по коридору. В последнее время её всё реже по нему тащили, остатки гордости в ней почти замолчали. Тем более что к комнате, которую заботливый корчмарь изнутри оббил войлоком и завесил коврами от шума, она уже привыкла. Того, с кем придётся провести ночь, она заметила ещё в общем зале. Слышала, что он говорил, и как на это реагировали другие люди, но от этого становилось только противнее: богатенький горожанин думает, что за свои деньги имеет право купить чью-то жизнь, пусть и не на долго. Хотя, происходящее сейчас — только подтверждение его правоты. Здоровяк вышибала шёл сзади, тяжело переваливаясь с ноги на ногу и то и дело хлюпая носом. Уже перед самой дверью она вдруг поняла, что тогда, в зале, не увидела лица нового постояльца.

Дверь, единственная на весь постоялый двор смазанная лучше, чем никак, открылась без скрипа. Свет из коридора выхватил силуэт гостя, которой, отвернувшись к окну, стоял на коленях. «Молится, что ли?» — удивлённо подумала Марика. Но развить эту мысль не успела.

— О, спасибо, что доставил её прямо сюда, любезнейший. — Сладости тона повёрнутого спиной человека могли позавидовать пчёлы. — А теперь, будь любезен, оставь нас наедине. А ну как она вразумлениям предаваться будет только через силу. Али вообще бесноватой окажется? Тогда и экзарцизмы придётся применять. Так что, лучше тебе к нам не заглядывать. Понятно?

— От шево ж не понятно? — Пробубнил громила, толкнул девушку в помещение и, закрыв дверь, был таков.

Зашелестели шторы. Он закрыл окна, так, что только свеча перед ним освещала комнату. Накинул капюшон на голову, покрывая пепельно-серые волосы, среди которых проглядывались отдельные каштановые штришки, и, встав с колен, повернулся к свету спиной, развалившись на стуле. Марика замерла.

— Ну что, ещё посидим, или ты уже начнёшь? — В голосе гостя зазвенела сталь.

Девушка испуганно вздохнула, но взяла себя в руки и шагнула вперёд. Он тут же вскинул руку в останавливающем жесте.

— Точно, совсем забыл о нашей ситуации. — Сказал Генрик устало. — Пожалуй начну я. Тринадцать дней назад, вы, госпожа, во время исповеди упомянули щекотливую ситуацию,

связанную с вашим возлюбленным.

— Что? — Марика не поверила своим ушам.

— Тогда же отец Александр уверил вас в том, что поможет. И, как вы можете убедиться, не обманул. — Тень, образованная горящей свечой в помещении, лишённом другого света, надёжно скрывала лицо говорившего. — Итак, что вы можете мне сказать, дабы я мог подобрать более... действенное, — в голосе Генрика проскользнула задумчивость, — решение.

— Но... как я могу вам доверять? — Девушка была совершенно сбита с толку. — Кто вас послал, и зачем?

— Рим. — Расплывчиво ответил человек. — Римская курия послала меня помочь жителям этого поселения. В том числе и вам. — Человек не то злился, не то издевался, говорил пространно, не внося ни капли понимания.

— И что мне, просто в это поверить?

— Хватит болтовни. — Резко бросил Генрик, и девушка вжалась в стену. — У вас нет другого выбора, так же как у вашего многоуважаемого суженого. Либо ты говоришь, и завтра утром вы вместе умчитесь покорять свою мечту, либо ни один из вас вообще не доживет до завтра. — Закончил он холодным тоном.

— А... стойте... я не... — Марика испуганно подняла глаза на недвижимую фигуру, кажется, лишённую всякого сострадания, и вообще эмоций, и, сдавшись, заговорила, — три недели тому как с Гюри стали происходить странные вещи. — Она уже окончательно перестала что-либо понимать, ответы гостя вызывали только больше вопросов, а угроза совсем не казалась пустой. Сам же он расслабленно откинулся в кресле, всем своим видом показывая, что готов слушать. — Сначала он только приходил стал реже, думала, заболел что ли. Потом как-то совсем пропал. Я в поле иду евойное, где он работает... чу, а его там и нет. По всему селу бегу: ни у друзей, ни в корчмах — нигде родимого не найду. Уж чего только не думала, и что убёг, и, что, прости, Господи, помер. Только на третий день пришёл он ко мне, худой, побитый весь, и говорит: «Не ищи меня боле, потому как не человек я отныне, а оборотень в зверя лесного». — Она запнулась, опять взглянув на странного гостя. — Ну я за голову схватилась, да гляжу...

— Короче. — Резко прервал слушатель. — Говори по делу.

— По делу? Это можно — Марика призадумалась. — Поговорили мы с ним простились, да так он в лес и ушёл, жизнью звериной жить. Да вот только не послушалась я, и нашла его по следам. — Он молчал. — Гляжу однажды, в кустах: зверь зверем, — девушка уже говорила как заведенная, — да вот только разговаривает человеческим голосом, бранится, да скулит. Верите, а? Господин. — Она никак не могла решить, как обращаться к загадочному собеседнику.

— Верю, Марика, верю. — Подбодрил он.

— Не надо его убивать, он... — она запнулась, — он все слышит, всё понимает. Он только с наружи зверь, а сам человек.

— Это уже другим не вам разбираться, госпожа. — Он помедлил, наблюдая за испугом девушки. — А не знаете ли вы, кто мог околдовать Гюри, ведь, известное дело, что люди сами по себе животными не обращаются. Или он сам это с собой сделал?

— Нет-нет, вы что. Он бы не когда. — Марика что-то вдруг осознала и на ее глаза навернулись слезы ужаса. — Живёт здесь одна, молва о ней худая ходит. Говорят, будто детей демонам предаёт, и на метле на шабаша летает. А ещё в том году у нас градобитие

небывалое было, так тоже, если верить, её работа.

— Да, об этой ведьме я наслышан. — Голос гостя опять изменил интонацию. — А ни принимала ли ты её услуги, не звала ли в дом, не нанимала ли повивальной бабкой?

— Нет, господин, Господь хранит.

— Хорошо. — Он задумался. — Тогда слушай и запоминай, что я скажу. Иди на рассвете к своему жениху в дом, возьми его самую чистую рубашу и красными нитками вышей на ней «Иисус Назарянин Царь Иудейский». Сделай это так, чтобы надписи образовывали крест. Потом принеси эту рубашку ему, и, когда он её наденет, перекрести и произнеси: «Слово плоть бысть» три раза. — Коротко и внятно произнёс он. — Тогда чары спадут, и твой суженый станет человеком вновь.

Девушка заторможено покивала головой, потом обдумала сказанное, и взглянула на собеседника уже куда радостнее, но все еще растерянно.

— Спасибо. Спасибо вам...

— Тихо, — Генрик раздражённо отмахнулся рукой, — это ещё не всё. Тайнство, которое я рассказал, только снимет внешнее проявление чар, а значит, если не довести дело до конца, то эффект повторится, и человек опять обратится зверем. — Он призадумался, и Марика сразу же попыталась задать наводящий вопрос, но собеседник не дал. — Пусть околдованный, приняв человеческий вид, первым же делом пойдёт в церковь, и очистится полной исповедью. Так же, согласуйте с отцом Александром продолжительность и строгость поста, который вашему жениху нужно будет блюсти. Работы на благо церкви так же назначаются святым отцом. Так и только так вы сможете его исцелить.

— Спасибо. — Куда более сдержанно поблагодарила Марика, переваривая всю полученную информацию.

— И ещё одно, — вдруг добавил гость, уже поворачиваясь к ней спиной, — после того, как всё закончится, не забудьте исповедоваться сами. Перескажите Александру наш разговор, и добавьте, что Хенкер сделал что должно.

— Хен-кер? Это такое имя? — Марика вдруг задумалась.

— Прошу вас, не забудьте ничего из того, что я вам сказал, и исполните в точности, как только проснётесь утром. — Проигнорировал он вопрос.

— Конечно я не забуду, это же мой жених. Вообще-то, услышав это, я не собиралась спа... — Она не успела договорить. Охотник резко развернулся, скользнул к ней, выходя в бок из поля зрения, и надавил пальцем на шею в середине фразы.

Пламя свечи танцевало на фитиле, отбрасывая отблески всех оттенков красного и золотого на стены. Света было мало, но глаза Охотника привыкли, и потому он работал быстро. Сначала свинтил крышку с тубуса, и вытащил всё, что лежало сверху: пару тряпок, скомканную бумажку, и обломок пера. Обычно дальше этого досмотр не заходил: деревенские работяги сторонились письменных принадлежностей как огня. Никому не хотелось пылать на кострах инквизиции за подозрение в ереси. Простые люди во все времена отличались редкостной практичностью. Следом из тубуса Охотник достал оружие, которым его снабдили перед заданием прямо у ворот Святой Ольги какие-то посыльные Рихтера. Повертел его в руках, внимательно вглядываясь, как отсветы танцуют на лезвии. Последняя разработка учёных церкви — невероятно удобный для такого вот скрытого ношения в тубусе, или чем-то подомном, меч. Главной его особенностью была гарда, которая сейчас плотно прилегала к лезвию с обеих сторон. Рейнальд вытянул, провернул, и

снова сжал рукоять, раздвигая гарду до её обычного состояния. Достал со дна свёрнутые эластичные ножны из вываренной кожи, и пристегнул их за спину. До рассвета ещё есть несколько часов, нужно было кое-что успеть. Он затянул завязки на рукавах и корпусе, превращая рясу в удобную тканевую накидку. Последним штрихом Охотник снял капюшон, отстегнул с его внутренней стороны плотную матерчатую полумаску, и, накинув назад, пристегнул, скрыв лицо до носа.

Рейнальд собрал все оставшиеся вещи назад в тубус, и, прежде чем затушить свечу, посмотрел на лежащую на кровати девушку. Она проснётся, когда он уже будет далеко отсюда, и никогда больше его не встретит. По крайней мере, так было бы лучше для нее. Такие как он возвращаются только за тем, чтобы забрать еще одну жизнь. Потухшая свеча полетела в закрывающийся тубус. Охотник с усилием распахнул окно, и выпрыгнул, мягко приземлившись на согнутые в коленях ноги.

«Первым делом найти травника» — подумал Охотник, вспомнил карту посёлка и отчеты информаторов, и уверенно направился к неприметному дому на углу. Деревянной землянке крышей служил навес из сухих трав, который даже от света защищал плохо, что уж говорить про дождь. К счастью для торговца, обитавшего тут, работал он только летом, когда сухих дней было в большинстве. Рейнальд подошёл к землянке, постучался, и, не дожидаясь ответа, вошёл.

В прямоугольном помещении, всего раза в два большем, чем монастырские кельи, по середине стоял прилавок. Стены и пол помещения были противного коричневого цвета и уже явно подгнивали. Но самую примечательную стену в помещении, конечно же, занимали травы. Охотник обвёл уважительным взглядом полки, полочки, шкафы, тумбы и мешки, набитые разными растениями. «Даже Марна бы не побрезговала», — подумал он.

— Чего изволите, сударь, в столь поздний, — поднявшийся из-за прилавка юноша смачно зевнул, — или уже ранний час, — он задумался и почесал голову.

— Терновый веноч. — Коротко произнёс Охотник.

— Ага, — парень улыбнулся, — терновый ве... что? — Он замер, не донеся лучину до свечи. — Простите, у меня такого нет. — От тарабанил он.

— А документы на торговлю и травы есть? — Рейнальд не собирался тратить время и вытягивать из собеседника сведения.

— Конечно. — Он зажёл свечу, затушил лучину, и оглядел гостя на свету, с интересом остановившись на рукояти меча, торчавшей из-за спины, и полумаске. — А кто интересуется моим скромным делом? Я честный торговец, ересей не распространяю, колдовством не интересуюсь. Все травки для сведущих людей да докторов.

— Святая инквизиция. — Припечатал Охотник, выкладывая на прилавок тяжёлый перстень с гравировкой — последний козырь в его рукаве мирного урегулирования вопросов.

— Кхм. — Парень поперхнулся, взбледнул, и попятился. Расслабленная улыбка сползла с его лица. — Я ничего плохого не делал. Ни против светских властей, ни против веры, и я...

— Молчи. — Рейнальд сделал жест рукой. — Сболтнёшь ещё что лишнее. Я тут не по твою душу, нэрд. — Градус напряжения в воздухе явно снизился. — Как представитель инквизиции, я имею право потребовать у тебя терновый веноч.

— А ну как перстень у вас не настоящий. А вы на самом деле колдун? Займётесь сейчас оккультными искусствами, а меня потом сжигать придут. — Нервно уточнил торговец.

— Да ты наглец. — Охотник удивился, но не мог не признать правоты парня. — Хотя

тебе всё едино, скажешь, видел перстень и ничего тебе не сделают. Тащи давай.

Юноша ещё немного помялся, но всё-таки ушёл копаться в мешках и трясти полки, сказав, что заказ надобно ещё изготовить. Через сорок минут ожидания Рейнальд всё-таки получил желаемое, расплатился, на радость торговца, и, едва ли не на большую радость, ушёл.

Ночь бархатным полотном укрывала землю. В траве трещали насекомые, а прохладный воздух временами рассекали росчерки светлячков. Мягкая трава едва слышно шелестела, проминаясь под подошвами высоких ботинок. Ночной мир жил и дышал, принимая гостя как равного себе. Охотник любовался окружающим пейзажем. Он любил ночь. Ночь честна со своими обитателями. День же врёт. Когда на небо восходит светило, все, даже самые мерзкие вещи кажутся замечательными. Конечно, благодать Господня раздаётся всему на земле в равной мере. Но день смешивает краски, и Рейнальд думал, что это не честно. Ведь мало знать, что Божья милость есть во всём, её надо уметь увидеть. День помогает в этом. Он помогает даже в том, в чём помогать не должно. Отражённый от предметов свет ослепляет глупцов, а иногда и оглушает их. Они верят, что мир такой, каким он выглядит днём и ошибаются, вечно живя не в нём, но в его иллюзии. Ночь не такая. Лунный свет не ослепляет собой, а только высвечивает очертания, а темнота даёт глазу свободу и не предвзятость. Это позволяет разглядеть не внешний вид вещи, но её суть, а это важно. Тьма честна к своим обитателям, и они отвечают ей тем же. Только умелый и опытный человек сможет не просто выжить в ночи, но и жить в ней. Так думал Рейнальд, бредя по луку к редкому лесу, где, как он выяснил, обитал тот самый заколдованный крестьянин. Естественно, Охотник относил себя именно к таким ночным жителям.

Когда он вошёл в лес и поднялся на холм, стоящий не вдалеке от убежища околдованного, уже начинало светать. Девушка придёт сюда и начнёт обряд, когда солнце проделает ещё четверть своего пути. Охотник оглянулся и опустился на колени. Снял ножны со спины, и положил меч перед собой. После короткой молитвы он сложил два пальца и освятил себя крестным знаменем. Потом поднял голову вверх и чётко произнёс: «*Verbum caro factum est*». Мир вокруг привычно потерял в красках и стал немного выцветшим, а в висках слабо загудело. После прошлого раза сталкиваться с ведьмой, не подготовившись заранее не хотелось, хотя шанс встретить в такой глуши кого-то, сравнимого с Марной и мизерный. В прошлый раз его спасло даже не одно чудо, а целый каскад. Злоупотреблять таким не стоило. Благословение, которое соединяло душу охотника с его ангелом-хранителем, было самым трудным навыком для послушников. Требовалось ввести себя в особое состояние единения с божественным, и многие из них использовали строки молитв, чтобы привязать это ощущение к ним. Тогда достаточно было всего пары строк, произнесенных вслух, чтобы воспроизвести нужное состояние. Хотя некоторые охотники могли входить в него одним лишь усилием воли. Таких, правда, были единицы, на пример легендарный охотник Себастьян. Зализывая раны в монастыре, Рейнальд много думал о том, чтобы разузнать у него, как это делается: в замке Ломеион это бы сильно помогло.

Каждый человек чувствует магию, колдовскую силу, разлитую в местах свершения оккультной ереси. Но восприятие разнится от одного к другому так же сильно, как походка, или речь. Рейнальд, на пример, чувствовал колдовство как запах. Ни с чем не сравнимый аромат демонического естества. Именно таким способом он и собирался выследить свою жертву. Ведьма из окрестностей Кишбайча слишком долго топчет грешную землю. Тонкий

след колдовства нитью Ариадны тянулся от логова околдованного, до обиталища самой колдуньи, но поиски этого следа были бы ужасающе долгими, если бы только Рейнальд не мог усилить свои чувства. К счастью, он мог, заказанный у травника артефакт как раз обладал таким свойством. С земли Охотник поднялся, уже надев на голову терновый венок, и снова скрыв лицо капюшоном. Ножны взметнулись вверх и утвердились у него за спиной. Он втянул утренний воздух носом, и, выбрав направление, двинулся в глубь леса уверенным шагом.

Конечно, ведьма могла затаиться, но, когда её чары начнут спадать с бедолаги, чёрт не даст колдунье спокойно сидеть на месте. И тогда магией завоняет так, что Рейнальд разыщет её, где бы та ни пряталась.

Частокол леса расступился неожиданно. Охотник выскочил на полянку, стоящую в окружении подтопленной местности. Дом старухи обнаружился тут же. Полу покосившееся жилище будто воплощало собой детские сказки. Замшелая крыша, прогнившие стены. Городские ведьмы куда больше сельских ценили комфорт. Возможно, именно поэтому они горели на кострах, или умирали в собственных крепостях, а не лежали, посечённые, на земле, как колосья в жатву. Рейнальд остановился и снял с головы венок, потому что вонь начинала сводить с ума, и облегчённо вздохнул. Чудотворный эффект подобных артефактов не имеет с магией ничего общего, а потому и защититься от него нельзя. Судя по положению солнца, чары с жениха Марики уже спадали, а потому чёрт донимал ведьму изо всех сил. Осталось только ее дожидаться.

Ждать, кстати, пришлось не долго. Он успел только отдышаться да воткнуть меч рядом с собой, чтобы было сподручнее доставать, как слева из-за кустов появилась ведьма. Скрюченное тело било конвульсиями, и церковный некромант-чудотворец легко разглядел бы рядом с ней беса, висящего в воздухе, и оживающего её невидимой плетью. Левый глаз ассиметричного лица казался ощутимо больше правого, а изо рта вытекала тонкая струйка слюны.

— Ты, жалкий, мелкий чельвь явлс-ся ко мне? — Голос старухи ощутимо отдавал безумием, взгляд был направлен куда-то в бок. — Поисему я не чувствую сваей полчи? Посиему он ходит как челавек? — Её голова повернулась на Рейнальд, а голос изменил свой тон. — Каждому должно быть из-звес-стно, что переш-шедш-ший мне дор-рогу не жилец-с. — Медленно проговорила она, глядя Охотнику в глаза с широкой улыбкой. — А-а-а. — Снова меняя тон закричала старуха, и черты её лица на секунду изменились, делая её гораздо моложе и красивее. — Пощади, человек, со мной покончено, чёрт не отпустит меня никогда-а-а-а! — И снова назад.

Рейнальд плавно вытащил меч из земли, нацелил его лезвием колдунье в грудь, и медленно пошёл вперёд, внимательно следя за каждым движением.

— Имеесь на-агльсть меня слить? — Её руки неестественно вывернулись с противным хрустом. — Я отпр-равлял с-сотни с-смертных в Ад, и поверь, ты не годиш-шьс-ся и худш-шему из-с них в подмётки. Я тебя уничтожу! — Ведьма резко взмахнула открытыми ладонями, и с неба, прямо в метнувшегося вперёд человека ударила молния.

Охотник, не сбавляя скорости, сложил левой рукой двуперстие. Чара озарила округу колдовским светом и врезалась ему прямо в голову. Только чтобы рассыпаться снопом искр, не нанеся никакого вреда. Мир перед его глазами уже потерял многие краски, и вместо болезненного разряда он почувствовал только накатившую апатию. Захотелось свалиться

перед ведьмой на колени, бросить оружие, разрыдаться и раствориться в подчинении всемогущей личности ее хозяина. Но он уже привычно перебарывал эти позывы. В крепости он чувствовал гораздо более ужасные эмоции.

— Не умер-р? — Удивлённо изменился голос женщины, когда Рейнальд нанёс размашистый удар сверху. С нечеловеческим проворством тело ведьмы бросило в сторону. — Ну ничего, тогда я тебя так, р-руками пор-рву. — Ведьма скакнула в бок, целясь когтистой рукой в печень.

Охотник отшагнул в сторону, широко прокручивая меч, чтобы не дать колдунье сильнее сократить дистанцию. Завершив движение, он оказался у неё ровно за спиной. Шаг вперёд, резкий укол. Ведьма скакнула так, будто у неё и за спиной были глаза, развернулась, и громко рассмеялась безумным смехом. Охотник сделал ещё один шаг, целясь кончиком меча в голову, но в последний момент резко рубанул по ногам. Ведьма вскрикнула, метнулась назад и юлой завертелась на месте. Рейнальд ринулся было вперёд, но тут колдунья с диким воем взметнулась в небо, и выгадав момент, спикировала, желая порвать врагу горло. Охотник кувыркнулся вперёд, отмахнувшись мечом, и развернулся, ожидая нового пике. Ведьма заложила вираж, с хохотом развернулась, выбирая новое место для атаки. Но тут, зафиксировав женщину в поле прямой видимости, Рейнальд перехватил меч левой рукой, а правой осенил её святым крестным знаменем. На середине полёта ведьма будто потеряла опору, мешком свалилась на землю, и по инерции проехала пару футов вперёд. Сейчас она должна была чувствовать что-то похожее, но, в отличие от охотника, не смогла этому противиться. Не дожидаясь, пока она опомнится, Охотник подскочил, и, перескакивая над пытавшейся схватить его рукой, пригвоздил ведьму ударом в сердце к земле. Она резко дёрнулась всем телом.

— Да кто ты вообще такой? — прохрипело тело, от которого отлетал тёмный дух.

Охотник промолчал, поднялся в полный рост, и, подождав немного, высвободил меч из тщедушных останков, принявшись стирать с него кровь листом лопуха, который ведьма оборвала, размахивая руками.

— Добрый человек. — Услышал он вдруг, когда уже собирался уйти. — Рейнальд развернулся назад. — Спасибо тебе, добрый человек, что освободил меня от власти беса. — Слабо произнесла миловидная девушка, в которую после освобождения превратилась старуха. Демоническая сила ещё плескалась в ней, не давая умереть, но время её подходило к концу неумолимо. — Помоги мне, прошу. Ты же из церкви. Не откажи мне в предсмертной исповеди, освободи от греха. — Рейнальд молчал. — Освободи, прошу, — колдунья заплакала, — помоги сократить мои адские муки, ибо не по своему желанию я в этом погрязла. — Он молча повернулся к ней спиной, и, дождавшись, пока окончательно стихнут тихие мольбы, двинулся прочь.

Лес вокруг зашелестел радостным смехом довольного беса. Он получил то, чего добивался: душа мёртвой грешницы-еритички на вечно отправилась в его inferнальные руки.

Отойдя на приличное расстояние, Охотник осенил себя крестным знаменем в обратную сторону, и облегчённо выдохнул. Мир вокруг ещё недавно был совершенно двуцветным, а гул в голове ощутимо мешал. Он зашёл в тень дерева и сел, давая отдых перенапряжённому телу. Человеческое тело не приспособлено к чудесам, за вмещение ангела приходится платить, и Рейнальд знал об этом как никто.

Птицы заливались пением, где-то вдалеке журчала вода, а тёплый ветер перебирал листву деревьев. Охотник наслаждался вновь обретенными чувствами, как в первый раз рассматривая сочную зелень травы, и переходящий в лазурь ультрамарин неба. Возможно, что-то хорошее в дне и солнечном свете и есть. Но только тогда, когда видишь это впервые. Моменты отдыха напоминали ему о трех прекрасных неделях в монастыре, рядом с сестрой. Словно награда судьбы за все, что было перед этим. Она, правда, долго его избегала, и накричала при встрече, но охотник бы соврал, если бы сказал, что не был счастлив в тот момент, и следующие вечера, когда они разговаривали о всяких мелочах, прогуливаясь по монастырскому парку. Вера даже попыталась уговорить его остаться, когда он собрался уходить, но тянуть дальше не было смысла, и охотник отправился в путь, мечтая о моменте, когда сможет снова вернуться в Святую Ольгу.

Немного отдохнув, он поднялся с земли, немного отряхнулся и двинулся в путь. Ему оставалось ещё что закончить.

Первым делом Рейнальд отправился в разрушенную часовню. Здание стояло на отшибе от деревни, и когда-то функционировало на равне с церковью, но потом, в одну из междоусобных войн, проходящее мимо войско решило пожечь поселение для поднятия боевого духа солдат. Всё, что осталось после того дня в целости, собрали вернувшиеся из убежища в лесу крестьяне, а остальное приняла земля. И только эта полуразрушенная постройка ещё стояла, не пожранная землёй и не разнесённая ветрами.

Именно там Рейнальд оставил коня и снаряжение. Среди деревенских работяг о часовне ходила дурная молва, и приходить туда не стал бы даже самый отчаявшийся. Спустя час ходьбы, здание показалось из-за холмов, и уже скоро Охотник здоровался со своим товарищем. Высокий, почти в сажень ростом конь чёрной масти ощутимо проигрывал рыцарским скакунам в тяжести и грузоподъёмности, зато был по быстрее, выносливее некоторых, а главное достался ему в уплату долга. Характером питомец походил на своего хозяина, поэтому на его приближение отреагировал вяло, и, повернувшись, окинул Охотника слабо заинтересованным взглядом, разыскивая еду, но, не обнаружив, снова отвернулся и занялся своими лошадиными делами. По мнению Рейнальда, они с Перикулумом были настоящими партнёрами, и, если в определённое время один из них не нуждался в услугах другого, то тот был волен считать это время своим собственным, и заниматься чем ему заблагорассудится. Коня это правило вполне устраивало, по крайней мере, Охотник не помнил, чтобы тот жаловался, пропадая в чащах месяцами и неделями. Например, весь прошлый год от него не было ни слуху ни духу, но вот, выйдя за ворота Святой Ольги, и дойдя до границы леса, охотник увидел между стволами знакомую иссиня-чёрную морду.

— Жаждался? — Конь иронично фыркнул, подняв на хозяина один глаз, и отвернулся. — Ты мне поумничай еще. — Пробормотал охотник. — Верну, где взял, будешь землю пахать до конца дней, с вот таким плугом на горбу, понял? А вместо отдыха в лесах будешь в повозках таскать палатки. — Конь насмешливо заржал, и Рейнальд пошел дальше, походя, с улыбкой, почесав ему между ушами.

Сумки ожидаемо обнаружили там же, где он их и оставлял: в яме под большим валуном. Он вытащил их оттуда на более-менее целые доски пола, раскрыл, и принялся доставать всё, что может пригодиться в пути. За двадцать минут он накиннул на спину ваз, сменил перевязь с мечом на поясные ножны со своим излюбленным оружием — индийскими катарами, выкованными, правда здесь, в Европе, кузнецами — монахами по

чертежам учёных церкви. Вибхиджак и Йоджак. Оба треугольной формы с обоюдоострыми, но не очень широкими, под ладонь Рейнальд лезвиями. Стальная рама оружия доходила ему до локтя, а рукоять он дополнительно обернул кожей, чтобы руки не так скользили. Был в них и один секрет: клинок, сделанный под левую руку после известных манипуляций, разъезжался, образуя три лезвия, что позволяло лучше парировать удары мечей и кинжалов. Охотник помнил, как его смуглый учитель боя, называл подобную конструкцию «джамахар дуликанех». Так же, за спину, на пояс, Рейнальд повесил сумку с несколькими шариками — ещё одним новшеством, которым снабжали Охотников учёные. Говорили, что технология изготовления этих сфер прибыла в Европу из далёкой страны, но история экипировки мало интересовала тогда ещё безымянного послушника. Куда больше его вдохновляла эффективность.

Мате был зол. Нет, он не просто злился, как в те времена, когда испытывал случайную неудачу, или когда понимаешь, что торгаш обвесил его на рынке, уже придя домой. Нет, Мате был в настоящей ярости. Началось всё с того, что странный школяр, которого братва уже решила ограбить, исчез. Конечно, корчмарь понимал, что тот выскочил в окно и был таков, но сам факт скрывшейся наживы вымораживал. Его и в оборот-то не взяли сразу только потому, что хотели убедиться в том, что у него вообще есть, что отбирать, и потому, что боялись хвоста и подставы. До Корчмаря дошли слухи, что за гостями его заведения стали следить информаторы святой инквизиции, которые, видимо, о чём-то догадались. Была, конечно, ещё одна причина: дочери самого Мате давно было пора узнать своё место. Мало того, что она чуть не сбежала из его дома к своему горе-женишку. Это старый атаман воровской шайки смог пережить: бунтарская натура у его семьи в крови, это каждому известно. Но даже побитая и оставленная размышлять над своим поведением, Марика не бросила попыток побега, а потом наговорила такого, что он не услышал бы от злейших врагов. В результате старику даже пришлось рискнуть своей головой и репутацией, чтобы заплатить ведьме, жившей в окрестностях. Благо, это помогло, и вскоре дочь всё реже и реже стала выходить из корчмы, ставшей ей домом.

Так думал он, стоя за прилавком и рассматривая собравшихся гостей. Вчерашнее собрание банды прошло плохо: караваны через это селение давненько не проходили, кто-то распустил дурные слухи. Вообще парень пришёл в необычное время, сразу дав понять, что он не местный: каждый житель деревни знает, что по пятницам в таверну лучше не заходить. Что-то во всём этом заставляло Мате насторожиться. Странный человек приходит в странное время, а за тем пропадает. Так ещё и Марика сбежала на следующее после этого утро, чего не было уже довольно давно. Видимых причин для волнения, конечно, не было. В конце концов, парень из себя угрозы не представляет, тем более что в корчме постоянно дежурят полтора десятка вооружённых парней. Но волнение всё равно не отпускало старого атамана, и это выводило его из себя.

Дверь в таверну распахнулась неожиданно. Ставни там обыкновенно были закрыты, поэтому свет с той стороны резанул по глазам, выделяя контур вошедшего. Мужчина, чуть выше среднего, в плотном плаще, штанах из вываренной кожи и высоких, ботинках, скрывал своё лицо под капюшоном и тканевой полу маской. На поясе с двух сторон висели странные ножи, но разглядеть их не давал свет.

Гость, пригнувшись, ступил внутрь, закрыл дверь, и медленно произнёс: «За»

преступления против светской власти, ровно как против святой церкви» — Перешёптывания в помещении окончательно стихли. «За душегубство, укрывательство еретиков и их покровительство, ватага Мате из Кишбайча приговаривается к смерти» — секундная тишина повисла в пустом зале, но как только атаман потянулся к тяжёлому арбалету, вечно заряженному под стойкой, человек резко выбросил руку вперёд, отправляя в полёт громко свистящий шар. В тишине свист сферы привлёк к себе внимание каждого, и два десятка голов синхронно повернулись, следя за полётом странного предмета. Этого вошедший и добивался. Спустя мгновения полёта сфера грохнула, озарив окружающее пространство ярчайшей вспышкой. Мате ослеп и выронил арбалет, а когда пришёл в себя было уже поздно.

Синхронно с броском Охотник выхватил катары с пояса, закрыл глаза, и, отсчитав известное время, вновь открыл и принялся за дело. Трое ближайших к нему бандитов умерли, не успев понять, что с ними произошло, пока тёрли глаза и шипели от боли. Рейнальд, перерезал три плетки за доли секунд. Гибким прыжком он оказался в центре помещения, и завертелся смертоносной мельницей. Люди, едва опомнившиеся от слепоты, умирали, не успев сделать и одного взмаха ножом, или топором. Меньше чем за минуту весь пол корчмы залило кровью, а стены окрасились алыми брызгами. В помещении образовалась толчея, но Рейнальд сёк всех, кто пытался сбежать. Мате опомнился только когда очаг обороны переместился ближе к его стойке, и человек с ножами на руках перешел к агрессивному нападению. Трясущимися руками корчмарь поднял арбалет и попытался поймать мечущегося противника на прицел. Охотник видел, что в него собираются стрелять, и ввинтился в группу врагов, оставшись один против четверых. Эти люди уже пришли в себя достаточно, чтобы дать ему бой, но из-за малого пространства, страха и злости мешали друг другу. Разворотом Рейнальд ушёл от укола в бок, параллельно отбив рамой катара удар топора в голову, и отвел локтем в сторону руку третьего бандита. Замерев на мгновение, он перенёс вес на другую ногу, и закружился в обратном вращении, уходя в бок из зоны атаки четвёртого. Вывернув запястье, он полосонул по горлу человека с ножом, сильным ударом рамой в голову выдавил второго на лестницу, и, пригнувшись, ушёл от удара в спину. В этот момент корчмарь наконец-то поймал цель в прицел, и ухнув, нажал на спуск. Охотник, ожидавший этого, повис на дезориентированном противнике, и, за мгновение до встречи с арбалетным болтом, толкнул контуженного себе за спину, а сам повалился на лестницу, перекатываясь в лево. Болт прошёл беззащитного насквозь, и врезался в лестницу на две ступеньки выше головы Рейнальда. Образовавшаяся в этот момент дистанция и заминка со стороны противников позволила ему перегруппироваться и вскочить на ноги, находясь несколько выше своих врагов. Человек с топором был явно бывалым воином, а вот второй парень с тесаком едва ли дрался хоть раз. Размахивая своим оружием, он завизжал и попытался было взбежать по лестнице вверх, но пропустил удар по руке и повалился на землю. Оставшийся внизу намеревался дать бой Охотнику на ровном месте, и тот не заставил себя долго ждать. Противники сошлись и зазвенела сталь. Разбойник ловко орудовал топором, выкручивая обманные финты и всячески пытаясь сбить с толку, но он был гораздо медленнее и хуже обучен. Его смерть оставалась только вопросом времени. Рейнальд уличил момент, и уже собрался прикончить оппонента, как вдруг со спины на него бросился лежавший до этого человек с палахом. Он схватил Охотника за голову ровно в тот момент, когда две его руки были в низу, и он оказался беззащитен к атаке сверху. Топор взметнулся, и уже начал падать. Рейнальд дёрнул руку вверх, прокрутив катар на запястье, и вставил стальную раму между лезвием и топором, поймав в зажим оружие врага. Тот

попытался вырвать топор из стальных тисков, но не смог. А Охотник, не обращая на него внимания, сбросил с себя второго, и левой рукой насадил его живот на катар. Парень удивлённо посмотрел на пядь стали, ребром вошедшую в плоть, а Рейнальд, сделав пол шага к нему, провёл рукой вверх, потроша противника как рыбу. Смотрящий на это топорщик опустил голову и мысленно принял свою судьбу, отпустил своё оружие и не сопротивлялся, когда катар перерубал его шею.

Мате шокировано стоял и смотрел на человека, стоящего в луже крови. Кровь вообще была по всюду, и ещё недавно она принадлежала его непобедимым бойцам. По какой-то иронии судьбы, отряд, давший отпор местному рыцарству, полёг от одного человека. Да ещё и на своей родной земле. Корчмарь стоял с открытым ртом, и хватал воздух. Охотник огляделся вокруг, опустил руки, и подошёл к стойке.

— Да кто ты вообще такой? — в оцепенении прокричал Мате. — Рейнальд промолчал.

— Ааааар! — Зарычал кто-то сверху.

Охотник мгновенно оценил ситуацию, развернулся к громиле лицом, и поднял руки на уровень груди. Огромная туша с воем понеслась на него с самого верха лестницы, выставив вперёд тяжелый геден-даг на манер копья. Рейнальд стоял хладнокровно. За секунду до удара он крутанулся, опустив левую руку в низ, а правую подняв вверх. Гигант проскочил мимо... и тут же упал на колени, проехавшись вперёд. Увернувшись, Охотник продолжил движение, перерубив противнику сухожилия на обратной стороне ног левой рукой. Время для Мате будто замедлилось. Венс поднял голову и пересёкся с ним взглядом: «Мас-тер». Корчмарь потянул к нему свою руку. Рейнальд повернул вращение до конца, и завершил движение, под чистую срубив голову косым ударом правой руки сверху вниз. Гигантская обезглавленная туша с грохотом упала на пол перед стойкой, импульсами выплёскивая на пол литры крови. Мате шокировано уставился на труп. В воздухе повисла тишина. Оторопело он вертел глазами, все еще не веря в произошедшее. Тяжело вздохнул и пересекся взглядом с заляпанном кровью человеком, стоящем в центре комнаты... и заорал, переходя на стон.

Рейнальд сдул со лба слипшиеся волосы, стер каплю крови со щеки, и обвел изучающим взглядом зал, не замечая оглушительного визга. Удостоверившись, что кроме корчмаря внизу никого не осталось, он зашагал по лестнице наверх, и по очереди проверил все комнаты. Спустился, и, не перебивая атамана, принялся методично добивать уцелевших. Когда со всей бандой было покончено, Охотник поймал, и стал связывать Мате руки.

Из таверны бывшего корчмаря выгнали пинками, ими же загнали на небольшую повозку и повезли непонятно куда.

— Кто ты такой, зачем сюда пришёл? — слабым голосом спросил он. — Почему не убил меня вместе с ними?

— Тебя, как начальника шайки и покровителя еретиков будут судить. — Рейнальд шёл рядом с конём, размышляя о чём-то своём. — Тогда инквизиторы и светские судьи решат, что для тебя больше подходит.

— Генрик? — Мате слабо передёрнулся, узнав голос говорящего. — Охотник промолчал.

Глава 2. Пути

Алиса

Шум деревни медленно приближался, за спиной топали копыта, а длинные волосы девушки перебирал ветер. Здесь она уже могла идти без помощи матери, и отпустила ее руку. От домов пахло дымом, несмотря на середину лета, печи топили всюду. До ее ушей доносились отдельные слова и крики. Вскоре ее ладонь коснулась знакомого забора, и, безошибочно выбирая направление, Алиса добежала до дома.

— Одумайтесь, люди! Вы продолжаете славить своего бога, приклоняетесь перед ним, возносите молитвы, но он остается глух, надеетесь на наставление, но он нем! Вы смешны в своей глупости, и я справедливо насмехаюсь над вами! — Сиплый, но хорошо поставленный и абсолютно безумный голос отчетливо доносился со стороны площади. Алиса поежилась. — Что вы как ни черви, ползающие у него под ногами в жалкой надежде на подачку? Пришло время отбросить старые убеждения, и принять единственного Бога, который немедленно ответит на ваши молитвы! Давайте же вместе восславим имя ее, Ишкуина!

— Пошли быстрее, старик становится все хуже с каждым днем, скорее бы его кто заткнул, пока всем не досталось. — Поторопила мама.

— Он меня пугает. — Пробормотала в ответ девушка.

Алиса провела рукой по двери, и, схватив ручку, потянула ее на себя, уперевшись в стену коленом. Дверь нехотя поддалась, и медленно начала открываться. Мама помогла, распахивая перед девушкой створку. Тяжело выдохнув, она с победоносной улыбкой шагнула внутрь. Дверь за спиной громко хлопнула, обдавая спину Алисы потоком воздуха. Она замерла в коридоре, пропуская маму вперед. Пахло углем, сеном и капустой, как и всегда. Не обычной в этом сочетании была легкая примесь ладана.

— Отлично, что вы пришли. — Раздался подскриповатый голос. — Проходите, леди.

Алиса качнула головой, улавливая источник. Она хорошо знала говорившего, поэтому сразу расслабилась, и шагнула в сторону большой комнаты со столом, где семья обычно ела.

— Что вы здесь делаете, Аристарх? Тем более в такой час. — Удивленно спросила мама.

— Нам нужно срочно обсудить кое-что очень серьезное, Мэри, и, боюсь, другого времени для этого не будет. — Голос мужчины излучал тревогу.

— О нет. — Шокировано ответила женщина. — Подожди, я уведу дочь.

— Не стоит. — Остановил ее мужчина. — Это касается вас всех, так что присаживайтесь. — Добавил он приглашающим тоном, хотя сам находился в гостях. — Ваш муж уже любезно встретил меня, и развлек беседой, так что перейдем сразу к делу.

— А где наши сыновья? — С нажимом спросила Мэри.

— Отправились за дровами, дорогая. — Прозвучал нервный голос отца. — Иди сюда, Алиса. — Девушка поежилась, и по привычке пошла вперед, медленно переставляла ноги, пока не уперлась коленом в перекладину лавки, протянула руки до стола, и, оперевшись, перешагнула ее и села. Устроившись, она развернула голову к гостю.

— Здравствуйте. — Культурна произнесла она. В комнате повисла тишина.

— Доченька. — Кашлянула мама. — Наш гость в другой стороне.

— Ой. — Смущенно сказала Алиса, разворачиваясь в другую сторону. — Простите.

— Ничего, дитя. — Тепло сказал священник, и девушка почувствовала сухую ладонь у себя на макушке. — С горькими новостями пришел я к вам. — Продолжил он со вздохом.

Алиса прислушалась. Помимо голосов до ее ушей доносилось еще что-то. Это был треск горящей свечи. «Странно» — подумала она: «обычно их зажигают только ночью, разве что отец закрыл ставни».

— Сегодня у меня был представитель святой инквизиции, друзья. Сейчас он изволил удалиться для выяснений каких-то обстоятельств, но сказал, что вернется к вечеру. Так что я решил перестраховаться. — Аристарх немного пожевал губами, подбирая слова. — Вести о нашей чудесной девице дошли до Рима. Уж не знаю, был ли то один из жителей, или кто-то, бывший у нас проездом, но церковь обратила на нас свое внимание. — В комнате раздался печальный стон Мэри. — К счастью, пока там нет единого мнения о природе вещей, происходящих с Алисой, так что святой престол ограничился лишь инквизитором, который намерен провести расследование.

— Боже правый, Аристарх. — Пробормотал отец. — Куда уж хуже.

— О, поверьте, у Папы есть не мало особых людей, куда более опасных нежели чем инквизиторы, и, если появляются они, значит прольется кровь. — Мрачно отметил мужчина. — Поэтому пока все указывает на то, что проблему еще можно решить мирно. — Алиса почувствовала ложь в словах старого священника, ложь, в которую он сам очень хотел верить, но промолчала. — Этот человек не прославился своей жестокостью, алчностью или фанатизмом, не стоит ждать от него необдуманных поспешных выводов, но вам нужно решить, что делать. В этой деревне каждый знает об... особенности вашей дочери, так что момент, когда это выяснит дознаватель, остается лишь вопросом времени. — Он старался говорить уверенно и ровно, но голос предательски подрагивал. — Я хочу, чтобы вы знали, что в худшем случае опасность может грозить всем жителям, а не только вашей семье. С другой стороны, я обещаю выиграть вам столько времени, сколько смогу. Об этом человеке известно так мало, что я не могу предложить ничего гарантированного, так что действуйте на свое усмотрение. — Мужчина тяжело вздохнул. — Старайтесь не делать ничего подозрительного, и думайте быстрее, дети мои. Да хранит вас Господь.

В комнате повисла тишина, прерываемая лишь потрескиванием свечи. Девушка молча переваривала услышанное, не в силах подобрать слов.

Хенкер

Семь долгих дней добирался он до оговоренного города. Охотник считал свои нервы железными, но Мате усердно выводил его из себя. Атаман неустанно выл, кричал, и звал на помощь, пока Рейнальд не заставлял его умолкнуть силой. Умолял, угрожал и предлагал взятки. Каждую ночь он пытался сбежать, а когда понял, что пленитель был обязан доставить его живым, стал распугивать дичь, мешая ему охотиться, и Рейнальду приходилось отдавать пленнику значительную часть и без того скромных личных запасов. Охотник не испытывал к Мате личной неприязни, он понимал, что тот цепляется за жизнь всеми силами, но сама ситуация раздражала. Он почти не ел, и, если бы не верный конь, едва ли мог бы спать: Перикулум дежурил у пленника половину ночи, и немедленно будил хозяина, когда Мате пытался скрыться. В результате к утру седьмого дня, когда на горизонте показались долгожданные стены, Охотник, готовый уже если не выколоть, то залить уши

воском, мысленно вскинул руки в благодарной молитве.

Даже разбойник, заметив их, притих, а на подъезде к воротам слезливо попросил Рейнальд помочь его дочери, и передать ей место, где спрятал для нее приданое. Охотника искренне поражала способность Мате уперто пытаться разговаривать человека, который напрочь его игнорировал в течение многих дней, и даже ни разу не обернулся в его сторону без веской причины.

Подойдя к высокому зданию, принадлежавшему инквизиции, он сдал дрожащего пленника на руки страже, и блаженно развалился на скамье, прикрыв глаза, ожидая, пока Рихтер позовет его для отчета. С инквизиторской кухни тянуло приятные ароматы жареного мяса, вареной картошки и квашеной капусты. Охотник с трудом удерживал слюну, и уже стал дремать, когда за ним пришли. Писарь-прислужник провел его узкими коридорами и лестницами, как на зло проходящими мимо столовой, из-за чего он едва не свернул голову, заглядывая внутрь. Провожатый раскланялся у тяжелых дверей кабинета и ушел по своим делам. Дождавшись, пока тот скроется за поворотом, Охотник потянул ручку, и вошел в просторный кабинет.

— Вы припозднились. — Вместо приветствия сказал стареющий мужчина, сидящий за столом в центре помещения. Огромное окно за его спиной слепило вошедшего, не давая нормально разглядеть собеседника, но он и так знал, кто перед ним сидит.

— Германн? Рихтер назначил мне встречу, я должен отчитаться о последнем задании. — Охотник был слегка обескуражен тем, что вместо хозяина кабинета его встретил слуга, но сопротивляться не стал.

— Форс-мажор, господин, — ответил тот ровным голосом, — на днях прибыл посыльный из Ватикана, и передал два распоряжения от Папы. Одним из них сэр Балдер был отправлен на проведение срочной инквизиции в каком-то прибрежном городе на юге Священной Империи. — Слуга задумчиво помолчал. — Господин оставил меня принять тебя, и продолжить здесь его работу, пока он не сможет вернуться. — Охотник пространно кивал в ритм слов, которые произносил Германн. — Что-то вы совсем плохо выглядите. — С долей сочувствия произнес он.

— Как на счет одного-двух дней перерыва от дел? — Без особой надежды спросил Охотник. — Раз уж сэр инквизитор сейчас занят, и не может приказывать мне лично? Я из-за вашего пленника неделю нормально не спал. — Германн медленно покачал головой.

— К несчастью для тебя, второе поручение Папы касалось тебя. — Слуга дал время Рейнальду осознать услышанное и сосредоточиться на его речи. — Папа своей волей вызывает тебя к себе, сказал, что хочет ввести тебя в курс следующего задания лично. — Он с акцентировал на последнем слове внимание. — Большая честь.

— Может хотя бы до вечера посидеть у вас разрешите? — Спросил Охотник.

— Я бы с радостью, но сами понимаете, как Папа не любит, когда его приказов не придерживаются в точности. — Вздохнул слуга. — Нам не поздоровается, если кто-то узнает, что вы тут прохлаждались, вместо того чтобы нестись в Ватикан, сломя голову. — Охотник тяжело вздохнул. Синяки под его глазами приняла уже совершенно запредельные размеры.

— Тогда распорядись, чтобы мне снарядили какой еды в дорогу. Пленник умудрился сожрать все, что у меня было.

— Матерь Божья, Реймонд, надеюсь он не успел выпить вылакать все встречные реки, и

обязаться всеми веревками. — Рейнальд поднял на собеседника раздраженный взгляд. — Простите, не удачная шутка. — Извинился мужчина. — Ладно, все будет. Идите, я отправлю письмо сэру Балдеру и представителю Престола.

Выйдя наружу, он застал слуг, которые едва закончили распрягать и чистить Перикулума, который окинул его недовольным выражением осоловелых от удовольствия глаз. Махнул рукой парням, чтобы натягивали седло и сбрую назад, и уперся о стену, наблюдая за ними. Парочка недовольно переглянулась, но связываться с гостем сэра инквизитора никто не хотел. Когда к Рейнальду подвели коня, он запрыгнул в седло, и подвел его ближе к двери. Вскоре на улицу выскочил какой-то мальчишка-поваренок, и бросил в руки охотника сверток. Тот благодарно кивнул, и тронул Перикулума сапогами, отправляя вдоль дороги.

Рейнальд любил города. Из-под тени глубокого капюшона он смотрел на множество людей, бегущих куда-то по своим делам. Только находясь в таких местах он по-настоящему чувствовал себя в своей тарелке. Все эти леса, поля и горы не созданы для человека, думал он. Грязные улицы, от которых в воздух поднимался гнилостный смрад помоев, обильно разлитых по брусчатке, и втоптаных в щели между камней сапогами нэрдов были куда ближе людям, чем величественные сосны, подпирающие небосвод своими ровными мачтами, и распространяющие запахи хвои со смолой. Позолоченные статуи героев на фоне попрошаек, гениальные росписи на стенах церквей рядом с покосившимися вывесками безграмотных сапожников, гимнасты и танцоры в одном цирке с уродами и калеками. Мир, сотканный из противоречий, казался ему куда более чудесным, завораживающим и живым, чем вечная цикличность незыблемой природы. Только в таком месте человек становится человеком в полной мере, а посади его в лес, и он станет зверем, не пройдет и дня.

Выйдя за ворота, и выбрав нужный тракт, охотник развязал узел, и потянул на себя ткань свертка, с наслаждением вспоминая запах из столовой. И куда более разочарованно осмотрел его содержимое. Четверть каравая, половина головки сыра и сушеная мясная стружка. Он горько усмехнулся. Видимо повара передали ему рацион стражника, или полемойки. Хотя может и Германн так распорядился. Ему в общем-то не было разницы. Он отломил кусок хлеба, и принялся медленно жевать его, покачиваясь в седле. Псу не пристало жаловаться на хозяев, кормящих его объедками со своего стола.

Далеко впереди ехала одинокая повозка какого-то караванщика, Солнце приветливо грело кожу под плащом. Конь время от времени шевелил ушами, отгоняя от головы жирных и громко жужжащих мух, которых тут же приходилось гнать от продуктов Охотнику. Подковы звонко выбивали камни из-под копыт Перикулума, и Рейнальд понял, что засыпает от этой размеренности.

— Хорошо тебе, — сказал он пространно, — травки пощипал, и доволен, а если овса насыпят, то сразу в рай. — Конь обиженно шлепнул губами, а потом иронично заржал. — Не, спасибо, обойдусь своим. — Усмехнулся Рейнальд. Сунул в рот полоску мяса, и отломил еще кусок хлеба, который протянул скакуну. Тот благодарно принял его и с удовольствием зажевал. — Доедай. — Устало махнул рукой всадник. — От этого обеда аппетит пропал. — Конь заботливо прохрапел. — Не переживай, выплюсь, и приду в норму. По караулишь сегодня дольше? — Конь горделиво выдохнул. — Ну да, куда уж мне без тебя. Это ты у нас эталон самостоятельности.

Когда стало темнеть, Рейнальд свернул с дороги, взял коня под уздцы и повел в лес. Перекулум перемещался среди деревьев без труда, в отличие от многих других лошадей: с величественной грацией он ловко перешагивал поваленные стволы и пригибался под нависающими ветками. Несколько раз охотнику доводилось галопировать по лесу верхом. Повторять этот трюк еще раз совершенно не хотелось, но на крайний случай возможность была. Зайдя достаточно глубоко, Рейнальд отпустил коня, и принялся распрягать его, укладывая сбрую на землю. Отложив седло, он засыпал остальное еловыми лапами и мхом. Было уже довольно темно, и под сенью деревьев он едва мог разглядеть то, что лежало под ногами, так что, не теряя времени, Охотник вскарабкался на самое высокое дерево в округе, захватив седло с собой. Там он удобно установил его на ветки, потряс, чтобы убедиться, что не свалится, и устроился на нем, уперевшись спиной о ствол. Потом отцепил от застежки плащ, и закутался в него: тонкая ткань ваэ не позволит никому разглядеть его в темноте и защитит от ветра.

— Позовешь, как придет мой черед караулить. — Сказал Охотник, наклонившись вниз. В ответ донеслось фырканье. — Знаю я, но лучше не пренебрегать мерами предосторожности. — В округе и правда не было заметно никаких признаков опасности, но Рейнальд предпочитал всегда оставаться на стороже на всякий случай.

Конь внизу завозился, укладываясь на землю, и Охотник, устроившись по удобнее, поднял голову вверх, где из-под густой кроны виднелось звездное небо. В его комнате в замке Ломеион оно выглядело так же: мириады сияющих точек образовывали переливающиеся скопления, хаотично раскиданные по черному полотну ночи. Это напоминало ему море, в котором волны подняли в воздух снопы брызг, и он сидел так еще долго, наслаждаясь красотой, несмотря на усталость. Дома, на родине, он часто проводил так вечера, будучи еще совсем малым ребенком, а потом, в кельях монастыря Ордена, оказался этого лишен, так что созерцание небесных высот возрождало в нем сразу многие приятные воспоминания. Руки, ноги и ребра все еще исходили ноющей болью, которая особенно усиливалась по вечерам, так что ему пришлось покрутиться еще, чтобы уложить их более-менее комфортно. Можно было бы отправиться в Слезы на ночь, но он предпочитал по возможности появляться там как можно реже. Риск однажды не найти выхода из святыни пугал его сильнее риска ночного нападения. Где-то тяжело ухали совы, листья множества деревьев шелестели на ветру, слышался писк летучих мышей, а в воздухе витал неуловимый аромат еловых иголок. Размышляя об этом, Рейнальд уснул...

Тем временем во множестве других мест...

— Слушай, если это и есть та самая канализация, которую ты хотел мне показать, то я насмотрелась! — Рисин пыталась придать голосу гордости, но выходило очень жалостливо. — Тут сыро, ползают всякие крысы, какая-то гадость капает с потолка, а про запах я лучше промолчу. — Вэлдрин молча подошел к ответвлению коллектора, по которому они двигались, и заглянул внутрь. Просторное помещение, в которое не попадала вода, не использовалось. То ли дом на поверхности не достроили, то ли просто техническая зона — эльфа это вполне устраивало. — Нет, нет, нет и еще раз нет! — Вскрикнула девушка, понимая, к чему все идет. Если ты останешься жить здесь, я пойду в ближайшую таверну, выплюсь, а потом найду мага, который вернет меня в Ад, потому что даже там атмосфера радостнее. — Вэлдрин хмыкнул, и положил ладонь на стену коллектора.

Он прикрыл глаза. Редкие пятна мха внутри зала стали быстро расширяться, покрывая

все каменные поверхности. Рисин, готовая разразиться очередной триадой, замолчала, и с проснувшимся любопытством заглянула внутрь. Мох же тем временем разросся до состояния густого высокого ковра ярко-изумрудного цвета. Вэлдрин достал из кармана горсть желудей, которую насобирал в дороге, и широким жестом разбросал ее по полу. Они тут же скрылись в растительности. Эльф глубоко вздохнул, положил левую руку на рукоять меча, и из-под его век стал пробиваться бледный зеленый свет. В комнате же опять начались метаморфозы. Из поверхности мха стали подниматься тонкие ветви, сплетающиеся в стены и мебель, а с вершины проема в стене, который отгораживал ответвление от основного коллектора, стали спускаться какие-то тонкие и гибкие, как лианы, побеги. Достигнув пола они перестали расти, слегка раздались в ширь, и начали покрываться мхом с внешней стороны. Когда конструкция превратилась в сплошную стену, мох стал активно жухнуть, потом почернел, и, наконец, стал каменеть, вскоре превратившись в серую корку. Рисин подошла ближе и провела по ней рукой: по цвету и фактуре перегородка почти не отличалась от камня коллектора, ощущалась же чуть иначе, но, если не знать, где искать, найти такую дверь было бы невозможно. Эльф еще немного постоял, потом с облегчением убрал руки от стены и рукояти меча.

— Прощу. — Устало сказал он, отодвигая мшистую преграду как шторку, и пропуская Рисин внутрь.

— Черт возьми. — Оторопело сказала она, оказавшись внутри. Закрывшаяся за спиной штора полностью отсекала звуки канализации, а пахло внутри как на цветочной поляне, какие-то шарообразные растения свисали с потолка, заливая помещение светом. Рисин скинула башмаки, поставила их у входа и побежала по залу, утопая в мягком ковре мха по щиколотки. Помещение оказалось разделено деревянными стенами на три части: центральную, со столом и парой кресел, и боковыми, в которых не было ничего видно из-за таких же мягких перегородок, свисающих с потолка, вместо дверей. — Так, подожди. — Сказала она серьезно. — Почему только два кресла?

— Это только жилье, заказы будем принимать в другом месте, так что лишние кресла ни к чему. — Флегматично ответил эльф.

— Это же дом, Вэл, куда будут садиться гости? — Возмущенно спросила Рисин.

— Ты ждешь гостей? — Удивился эльф. — У меня их не бывает.

— Ну у тебя же есть родственники, друзья? Если тот мальчик из замка придет проведать тебя, на пол его посадишь? — Девушка, казалось, искренне не понимала эльфа. — Ко мне может тоже кто-то явится, и я не хочу ударить перед бывшими коллегами лицом в грязь. — Вэлдрин махнул рукой, спорить из-за такой мелочи не хотелось. Он положил руку на стол, и из поверхности пола понялись, свиваясь в еще пару кресел, новые побеги. — Во-от, так лучше. — Улыбнулась девушка, и окинула эльфа придиричивым взглядом. — Так, а это что? — Воскликнула она, и ткнула пальчиком в ноги Вэлдрина. Тот опустил голову.

— Что не так? — Спросил он.

— Кто ходит дома в обуви, а? О небеса! Я прожила всю жизнь в чертогах преисподней, но знаю о домашнем уюте больше тебя! — Вор слегка понурился, и поставил свои сапоги рядом с обувью Рисин. — Вот, другое дело. — Удовлетворенно сказала она. — Ладно, мелочи потом исправим, а сейчас скажи, где кровать? — Эльф указал рукой на перегородку слева. Рисин кивнула, и зашагала туда. Отодвинув перегородку в сторону, она обернулась. — Тебя ждешь?

— Ага, сейчас, сделаю кое-что и приду. — Рисин кивнула и скрылась за завесой мха.

— Кстати, про все это. — Неуверенно сказал эльф. — Ты не собираешься возвращаться в Ад?

— А что, не можешь дождаться, когда избавишься от меня? — Язвительно переспросила Рисин, выглядывая из-за завесы.

— Наоборот. — Серьезно ответил Вэлдрин. — Надеюсь задержишься по дольше.

— О-о, это очень мило! — Растрогалась девушка. — На самом деле мне порядком надоела вся тамошняя суета. Подготовка к вторжению совсем не оставляла мне времени заняться собой! К тому же разбираться во всяком оружии и назначать военачальников мне вот совсем не хочется. Однажды я участвовала в ритуале усмирения одного особенно дикого демона. — Вэлдрин шагнул в сторону и с заинтересованным выражением лица оперся о стену, сложив руки на груди. — Его звали Данте, и когда-то был человеком, но нагрешил за свою смертную жизнь так, что простого заточения в Аду Создателю показалось мало. Данте подвергли тому же преобразованию, что и падших ангелов, так что он превзошел по силе многих генералов, но то, что получилось в результате... Его нельзя было контролировать. Вообще. Он рвал и метал, крушил все, что видел, и с каждым днем становился все более и более яростным. — Эльф мерно кивал головой, словно делая для себя пометки. — Вместе с ним в Аду появился и новый легион демонов, но Данте они были безразличны, и вскоре армия стала пожирать саму себя, пока ее генерал уничтожал чертоги подземья. Я тогда была членом Совета. Не легионер, но и не генерал. Несмотря на то, что к Люциферу присоединилась одной из первых, сил мне это не прибавило. Но мне было больно видеть, что происходит с легионом, так что я обратилась к Совету с предложением уничтожить Данте. — Девушка вздохнула, было заметно, что она часто обдумывала это решение. — Мы многое перепробовали, но проклятый монстр казался неуязвимым. Тогда я нашла... другое решение. Ритуал, который мы провели, стер демону память. И каждый раз, когда он пытался что-то вспомнить, или обдумать, это происходило снова. Мы силой перевели его в человеческую форму и выперли прочь из Ада. Решением Совета его легион перешел мне, а меня назначили генералом. Но знаешь, мне этого не хотелось. Ни тогда, ни сейчас. А за все прошедшие годы я лишь сильнее устала. Так что не переживай, назад меня не тянет. Демонам вольно делать что вздумается, пускай сами с этим разбираются.

— Хм, тебя, наверное, там очень уважают. — Сказал Вэлдрин с отдаленной тоской.

— Не-а, — протянула Рисин, — в Аду ценят только силу, а я лишилась большей части своей, зачаровывая Данте. Заслуга, конечно, велика, и мне не могли смеяться в лицо, но за спиной часто подшучивали. В бездну их. — Продолжительно зевнула девушка. — Пусть теперь обзавидуются мне, пока я наслаждаюсь жизнью с остроухим красавчиком. — Договорила она, окончательно исчезая в спальном помещении.

Вэлдрин улыбнулся и прошел в другое помещение. Оно было меньше остальных: большой высокий стол в центре, и множество крепежей, торчащих из стен — вот и все, что было там. Он скинул с плеч плащ, повесил его на один из крючков, снял куртку из тонкой вареной кожи, придирчиво осмотрел, и разложил на столе: надо будет зашить несколько дыр, потом снял рубаху и кожаные наручи, из которых вытащил отмычки. Одежда отправилась к плащу на стене, а инструменты скрылись в полочке стола. Перевязь с метательными ножами положил на столешницу, вытащил пару лезвий, и оглядел. Со вздохом убрал назад, сделав мысленную пометку о том, что нужно купить точило, маленькую наковаленку и молот, а может и еще каких инструментов. В частых переселениях его беспокоило лишь то, что мастерскую раз за разом приходилось наполнять с нуля. Закончив с

раскладкой, он вышел, и отправился в комнату к Рисин.

Девушка, посапывая, лежала на деревянном подиуме, покрытым теплым мхом. Такие кровати были у них на родине. Такой же выращенный валик под головой и одеяло сверху. Купленное у первых встречных крестьян платье висело на крючке у занавеса. Вэлдрин покачал головой: оно ему откровенно не нравилось, но не идти же ей через пол Европы, кутаясь в одно ваэ? Он пообещал себе сделать для нее нормальную одежду, как только появятся первые заказы и деньги. Потом перевел взгляд на Рисин и улыбнулся: хоть она и хорохорилась, он видел, как ей было тяжело. В истинной форме девушка не нуждалась ни в еде, ни во сне, но в человеческой голод и усталость одолевали ее немилосердно. Путь, запланированный Вэлдрином на две-три недели, они преодолели за полтора месяца, а если бы Рисин не выкладывалась по полной, дорога бы заняла еще раза в два больше, так что ничего удивительного, что она сейчас спит без задних ног. Эльф поднял глаза к потолку, раздумывая над тем, сколько дней понадобится ей, чтобы выспаться. «Интересно, что бы сказала Иива, увидев меня сейчас?» — неожиданно для себя подумал он: «Столетия одиночества заканчиваются именно так? Неужели даже тот, кто был дважды изгнан, заслуживает найти свой дом?». Понаблюдав за спящей Рисин еще немного, он повесил свою одежду рядом, лег, накрывшись мшистым пледом, и тоже заснул, пока дыхание демоницы раздувало его волосы...

— К черту, я больше этого не вынесу. — Анка, сжавшись в комочек сидела в углу комнаты.

Первые несколько дней прошли нормально, первые две недели терпимо, но сейчас девушке казалось, что ее жизнь превратилась в форменный ад. Голод и жажда не давали покоя ни на секунду, мешая сосредоточиться, непонятные разговоры и шаги вампиров доносились из замка и со двора постоянно, ведь бестиям не нужен сон. Кто-то периодически терся у двери, простукивал стену и всячески пытался пробиться внутрь. И, хотя Марна уверяла в том, что это невозможно, волнения от этого меньше не становилось: тяжело существовать в паре дюймов от верной смерти. Помещение шесть на пять шагов они с Арианой исследовали досконально, и делать в нем уже было нечего. Слабую надежду внушали книги, тройными рядами заставляющие высокий шкаф, но даже думая о том, что на ближайшие годы в ее распоряжении не будет ничего, кроме них и этого помещения, Анка начинала сходить с ума. Усугубляло ситуацию то, что спать приходилось на каменном полу. Она успела понять, что в Астральном Мире нельзя простудиться, но камни продолжали впиваться в кожу через платье, состояние которого ухудшалось с каждым днем. Бабушкин стол был заставлен стопками бумаги и учебными материалами, к тому же, как Анка не пыталась, улечься удобно на нем было невозможно, а из единственного кресла девушка постоянно падала, как только засыпала. Вообще сон был и благословением, и проклятием. В отличие от пополнения ресурсов организма, в отдыхе для мозга девушка нуждалась несмотря на пребывание в Чистилище. И, хотя с засыпанием были проблемы, и не малые, сами сновидения давали хотя бы минимальную разгрузку, отвлечение и отдых. Все остальное время она либо училась, либо страдала в плену своего положения, пока Марна исследовала замок в поисках вампирской библиотеки, о которой мечтала даже после... если не смерти, то потери тела.

— Ну, не плачь. — Медленно сказала Ариана, утирая ей слезы ладонью. Анка и не заметила, как та подсела к ней в угол. Она завидовала подруге, которая ночевала в большой

чаше с водой, вмурованной в стену, не испытывая трудностей. Ее одежда и волосы всегда оставались в идеальном состоянии. Ариана обняла ее, и стала медленно водить рукой по волосам, прижимая подругу к себе. — Опять задумалась об этом, и испугалась? — Анка утвердительно хлопнула носом. — Не думай, лучше расскажи, что будешь делать, когда выберешься отсюда.

Анка тяжело вздохнула. Она и правда раздумывала над тем, чем займется, когда сможет убраться прочь из проклятых стен Ломеиона.

— Сначала нагуляюсь. Пойду куда глаза глядят, и буду идти, пока не упаду без сил. — Анка сквозь слезы мечтательно закатила глаза. — А потом найду Генрика.

— Зачем? — Спросила русалка удивленно. — Что ты собираешься делать с ним?

— Пока не знаю. — Пространно ответила Анка. Злость, которую она испытывала к Охотнику, трудно было переоценить. Бабушка рассказала ей все, что помнила и слова Завуллона, так что двух мнений быть не могло. Картина складывалась ясная: бездушный маньяк на службе церкви, истинное зло, которое следует уничтожить при первой возможности. Но несмотря ни на что, глубоко в душе Анка не могла относиться так к бывшему другу. Как бы она ни старалась его ненавидеть, вспоминая мертвых по его вине друзей, перед ее взором всплывали усталые и измученные глаза на измазанном грязью лице, которые она увидела в первый день. — Не знаю. — Раздосадовано добавила она.

От ладони русалки исходило нежное тепло, глаза Анки стали открываться все реже, и вскоре она уже лежала, полностью облокотившись на подругу, и мерно посапывая.

— Сладких снов. — Мелодично проговорила Ариана, убаюкивая ее.

— Спасибо тебе, Ариана. — Раздался со вздохом скрипучий голос Марны. — Если бы не ты, девочке бы пришлось совсем туго.

— Она сильная. — Улыбнулась русалка. — Анка справится со всем, закончит обучение, и станет самой могучей ведьмой. Я верю в нее. И в вас тоже. — Девушка улыбнулась, заставив Марну горько усмехнуться...

«Еще одна жертва», — думал Рихтер, лежа в постели: «как же тяжело все-таки без Германна». О срочном переводе в Венецию он узнал от Папы неожиданно. Весть застала его во время подготовки к расследованию связи охотника Рейнальда с Завулоном. Слуга собрал в архивах нужные сведения, и инквизитор собрался-было уйти в бумаги с головой, когда гонец постучался в дверь. К сожалению, в том отделении святой инквизиции у Рихтера так же оставались дела, так что пришлось свалить все на слугу и в спешке отбыть. А здесь...

Прибрежный город встретил его недружелюбно. Престол уже успел начать свое расследование, и его ввели в курс дела. Без вести пропал человек, женщина пятидесяти лет, без друзей и родственников. Исчезла в ночь с воскресенья на понедельник. Пропажу обнаружил ее покровитель, пришедший забрать свою долю прибыли: жертва состояла в гильдии нищих и собирала милостыню у церквей, и, если бы не этот факт, о происшествии бы вряд ли вообще узнали. Инцидент бы так и остался без внимания, но вскоре до церкви дошли слухи еще об одном похожем случае. Пропал мужчина средних лет. Отец небольшого семейства отправился в город на заработки несколько месяцев назад. Друзьями обзавестись не успел. О его работе почти ничего не удалось узнать: несколько дней мужчина таскал кирпичи на стройке, а потом пропал, не получив расчета. Бригадир решил, что новичок не выдержал тяжелого труда, но беспокоиться не стал, ведь деньги остались при нем. Замену нашел почти сразу. Родственники же, не найдя главу семьи в городе, обратились к властям,

но остались ни с чем, так как стража не захотела заниматься проблемами приезжих. И тогда мать семейства обратилась в церковь.

Между двумя этими случаями прослеживалась некая связь. Спустя некоторое время делом заинтересовалась инквизиция, и почти сразу обнаружилась еще одна пропажа. Мужчина, двадцать пять, пропал по пути до дома из лечебницы, где оказался после попойки. Друзья жертвы были уверены, что он сгинул в какой-нибудь канаве, говорили, что он страшно пил, и частенько не мог вспомнить даже своего имени. Так что никто не удивился, когда парень пропал.

Когда дело пополнилось третьим инцидентом, инквизиция начала активную работу, и детали дошли до Папы, а тот, в свою очередь, направил в Венецию Рихтера. Первые дни работы не принесли результата, но сегодня из отделения пришел новый отчет: исчез старик, бывший военный без родственников. Его друзья давно умерли, и о пропаже узнали, опрашивая священников. Потерявший руку калека исправно посещал одну и ту же церковь много лет, но недавно прекратил. Сановник решил, что старик преставился, но тела дома не обнаружилось. Если до этого Рихтер еще раздумывал, то теперь убедился точно: четыре схожих случая это уже гарантированно система. Мужчина повернулся на другой бок. В его маленькой комнате не помещалось ничего, кроме тумбы и кровати, а из-за морского воздуха по ночам было весьма прохладно и сыро, так что он по долгу не мог заснуть, ворочаясь под колючим одеялом, пахнущем старыми нитками.

Пропало немало народа, и каждый случай удалось обнаружить только из-за оплошности преступников. Было очевидно, что исчезали только люди с самых низов, которых не стали бы искать в обычных условиях. В первой ситуации они не предусмотрели причастность попрошайки к гильдии. Значит, вполне возможно, пропало куда больше нищих, а с этой женщиной похитителям не повезло. Во второй... видимо не проверили связи мужчины вне города. А сведения о последних двух инцидентах уже чистая заслуга инквизиции. Из этого можно сделать вывод, что жертв может быть куда больше, и инквизитору это не нравилось. Вполне возможно, всплыли лишь несколько самых неудачных похищений.

Кому могли понадобиться люди? Инквизитор задумался. В крупном городе — много кому. Фанатики, ученые, которым нужен материал для опытов, маги, чудовища, работорговцы и бандиты. Но если рассуждать логически... не было найдено ни единого трупа, смертность в Венеции держалась в рамках нормы. Кроме того, все четыре жертвы обитали в разных частях города, так что бестии отметаются. Даже если бы это был вампир, который по долгу выбирает жертву, где-то нашлись бы тела. Но более того, Рихтер не верил в то, что такую гигантскую работу по проверке биографии жертвы можно выполнить в одиночку. Это точно организация. Работорговцы тоже сразу мимо, пропала только одна женщина, да и она была не в том состоянии, чтобы получилось кому-то продать. Пьяница и бездомный тоже не похожи на выгодных рабов. Для бандитов нет мотива, разве что фасовать что-то подпольно, обслуживать помещения, или заниматься доставками. Но чем тут поможет пьяница со стажем? Маловероятно. На магов тоже не особо похоже. Конечно, в некоторых заклинаниях не обойтись без жертв, но кто в здравом уме будет работать в компании с магом? К тому же таким, который приносит людей в жертву? Да и сами колдуны редко идут на контакт. А вопрос с одиночками инквизитор для себя уже решил: слишком много подготовительной работы для одного. Остаются ученые, либо фанатики. В первом случае преступников будет покрывать государство, во втором — какая-то секта или даже церковь (в худшем случае). По Европе уже давно ходило множество болезней, так что

возможно власти Венеции хотели создать уникальное лекарство в тайне от святого престола, или наоборот, вывести особенно смертоносный штамм. Хотя для чего в таком случае было красть стариков и пьяниц с заведомо плохим иммунитетом? Если это фанатики... Тогда дело виделось Рихтеру совсем скверно. Они могут прибегнуть к помощи магов, завербовать представителей дворянства и стражи, уповая на свои идеалы. Отлавливать сектантов в городе все равно что черпать воду решетом, к тому же, никогда не догадаешься, совершают они какое-то преступление из-за чистого безумия, или с какой-то конкретной целью. Инквизитор не мог представить, зачем каким-то сумасшедшим понадобилась бы куча людей. Если просто для ритуальных жертвоприношений, то это пол беды, но, если для чего-то еще... Инквизитор зевнул, и перевернулся опять. «Ориентироваться буду на фанатиков, но ученых тоже стоит проверить. Завтра нужно будет собрать все сведения про действующие секты и научные проекты, а уже потом будем думать, что дальше». Решив так, он еще раз глянул в окно, где натянутые с моря тучи закрывали звезды, и только бледный лунный свет пробивался через белое марево, прикрыл глаза, и медленно заснул...

— Отец, я прошу вас выслушать меня. — Голос Веры звучал звонко, контрастируя с ночной тишиной. — Я долго думала об этом, и теперь точно решила. — Она поправила светло-коричневые волосы, и подняла голову. Переодевшийся, и приготовившийся ко сну старик сидел за столом в своей комнате, оторопело глядя на девушку, стоящую на пороге.

— Неужто нельзя повременить с этим до утра, дитя? — С сильным немецким акцентом спросил настоятель, протирая глаза.

— Я надеялась на то, что уже утром вы отправите в Рим письмо, отец. — Слегка разочарованно сказала Вера.

— Ладно, присаживайся, рассказывай, что у тебя на уме. — Девушка шагнула внутрь кельи, прикрыла за собой дверь, и села на краешек кровати.

— Я живу в этом монастыре почти всю свою жизнь, отец. — Начала она, тяжело вздохнув. — По вашим же словам я не мало преуспела в медицине и других врачебных науках. Год за годом проводила я в учении и молитвах. Не редко к нам привозили больных разной тяжести, и Господу было угодно, чтобы мы спасали их жизни. — Настоятель мерно кивал. — Я видела ужасные вещи и исцеляла безнадежных. Но в последнее время их число возросло многократно. Я понимаю, что в Святую Ольгу попадают только особые пациенты, а потому мысли о том, что творится в мире за нашими стенами, пугают меня еще больше. Там бушует чума? Идет война? Катаклизм? — Воскликнула она. — Вы не расскажете, ведь вам не позволено. Но мне больно думать по ночам о том, что я спасаю одного из тысячи, хотя могу помочь сотням. Вы понимаете, к чему я клоню? — Поинтересовалась она.

— Пока не слишком хорошо, дочь моя, но это мне уже не нравится. — С горечью произнес он.

— Я хочу оказаться в пылу сражения, на передовой, в первых рядах. Хочу помогать людям так же, как это делает... он. — Добавила девушка слегка нерешительно.

— Ах, теперь все ясно. — Покачал головой старик. — Твоя связь с Охотником удивительна. Хочешь помогать брату?

— Абсурд! — Резко поднялась она. — Кому как ни вам знать это, отец. Вы лично забирали меня из приюта. Не думаю, что родители смогли отправить мне младшего брата с того света. — Сказала она жестко. — Неужто вы тоже поверили в сказку, которую он выдумал? — С долей высокомерия переспросила девушка. Священник, пожившись, молчал.

Вера фыркнула. — Как бы там ни было, Рейнальду нельзя отказать в его преданности. Вы ведь помните тот день, отец? Уверена, такое не забывают. Когда он спас наш монастырь от разграбления, несмотря на то что почти обрек этим себя на смерть. Тогда он защитил нас не потому, что ему приказали, или это было нужно ему лично. — С гордостью говорила она. — Рейнальд сделал это потому, что так было правильно, и его искреннее стремление к добродетели поражает меня до глубины души. Всю жизнь он защищает сотни и тысячи людей от напастей, несмотря ни на что. Оказывается здесь, едва живой после своих героических подвигов. — Девушка сжала губы. — Я думаю, что каждому из нас стоит взять у этого человека урок самопожертвования во имя высшего блага. Воистину чудесно отдавать всего себя служению простым людям, не требуя ничего взамен, ведь никто из тех крестьян, которым он помог избавиться от ведьмы или бандита, не знает ни его лица, ни имени. Ни рассчитывая на вознаграждение, он следует своему пути. Уперто, безрассудно и твердо. Потому, что это правильно, и он это осознает. — Вера направила свой взгляд на яркие звезды, сияющие за окном. — Мне хочется, чтобы однажды обо мне сказали так же, отец. Я глубоко убеждена в том, что спасти множество жизней, помочь многим людям можно только находясь в самой гуще событий, подобно ему. А потому, отец, я прошу вас не далее, чем завтра вечером, написать Папе письмо от моего лица с просьбой перевести меня туда, где более всего нужны умелые врачи. Поле боя, или чумной город — все едино. — Резко выдохнула она, и уперла в настоятеля тяжелый взгляд. Мужчина тихо охнул.

— Что ж, Вера, я давно думал о том, что однажды ты скажешь мне что-то подобное, но сейчас, я, право, потрясен. — Грустным голосом начал он. — Тем не менее, хоть мне бы этого и не хотелось, но причин отказывать тебе у меня нет. Папа предупредил меня о том, что придет день, когда стены монастыря начнут давить на тебя с удвоенной силой. Так что я удовлетворю твою просьбу, и пусть мудрейший из нас решает твою судьбу.

— О Господи! — Не веря своим ушам, подскочила Вера. — Спасибо вам, отец, спасибо!

— Не благодари меня раньше времени, дитя, ибо одному лишь Богу известно, к чему это приведет. — Сдержанно пробормотал настоятель.

Вернувшись к себе, девушка в приподнятом настроении легла в кровать. Этот разговор она планировала давно, придумала множество линий защиты, нашла прорву аргументов в свою пользу, даже репетировала, но представить, что все пройдет так гладко не могла. Радостная, она закрыла глаза, и повернулась к стене, сквозь наступающий сон фантазируя о грядущих приключениях в огромном мире...

— Куда собираешься? — Таниэль выглянула из-за двери в комнату. Араниэль улыбнулся, и завязал узел на горлышке заплечного мешка.

— Скоро нашему другу понадобится помощь. Но перед этим мне нужно уладить кое-какие вопросы с братом. — Пространно ответил он.

— Собираешься поговорить с папой? — Переспросила она.

— Нет, девочка. У нас с твоим отцом есть еще один брат.

— Да? — Удивилась она. — А он мне не говорил. — Раздосадовано добавила Таниэль. Араниэль покривил губы.

— Ничего удивительного, у нас не принято вспоминать Вэлдриэля после того, как он ушел. — Девочка непонимающе качнула головой, но потом ее глаза резко округлились и полезли из орбит.

— Тот самый?

— Да. Я никогда не был полностью солидарен с тем взглядом на жизнь, который распространяла Иива, а вот твой отец полюбил ее, хоть и не сразу. Но ничто не сравнится с тем, как ею восхищался Вэлдрин. — Задумчиво проговорил Араниэль. — Он был первым кто пошел за ней и сложил оружие, хотя до этого мы много лет сражались плечом к плечу, распространяя славу о роде Росомахи далеко на восток. — Он повернулся к племяннице лицом и шагнул на встречу двери. — Я долго игнорировал его. Думаю, пришло время навестить в гости и поговорить. — Таниэль машинально шагнула в сторону. — Ложись спать, милая. — Добавил он с улыбкой, и снял со стены две скрещенные фалькаты. — Не жди меня этой ночью, беседа может затянуться. — Клинки с негромким щелчком зафиксировались в ножнах за спиной. Эльф, не оборачиваясь вышел из дома, и скрылся в темноте ночного леса, оставляя позади подпрыгивающую от волнения племянницу...

Алиса лежала в постели. Их семья не могла позволить себе дом по больше, хотя многие завидовали и тому, что был. Мальчики спали на печи в главной комнате, а от своей родители отделили кусочек для нее. Места было немного, зато отдельно. У девушки не было окон, по крайней мере она их ни разу не находила, бродя вдоль стен, и скользя по ним ладонями. Был низкий стул и весьма высокий сундук. Последний заменял собою всю мебель: когда было нужно, она сидела за ним, как за столом, в нем хранилась одежда, несколько игрушек и постельное белье. Вечером она доставала его, раскладывала на поверхности крышки, и сундук превращался в кровать. Еще полгода назад Алисе приходилось просить маму или папу помочь, чтобы открыть его, но потом ей самой стало хватать сил. Петли на нем немилосердно скрипели, а некоторые доски наборной крышки прогибались. Мама говорила, что в нем ее родители собирали приданое, а когда он появился у них можно было только гадать. Она часто думала о том, как, наверное, замечательно он украшен, и как родители любовались им, пока он не перекочевал к ней.

Девушка зевнула и подтянула одеяло повыше: ночами в ее комнате было зябко от такого отдаления от печи. Братья возились и приглушенно спорили о чем-то за стеной. Они давно перестали приглашать ее в свои игры, и Алису это немного печалило. В деревне мало от кого она могла услышать что-то, кроме слащавой жалости, которая уже стояла у девушки в горле. Родители да Аристарх — вот и все, с кем она могла поговорить по душам. Раньше братья были отдушиной, но в какой-то момент им, как и другим детям в деревне стало неинтересно проводить с ней время. Сложно было придумать игру, в которой она бы была с другими на равных. Грустно, но Алиса не злилась: кто знает, как бы повела себя она на их месте? Более того, никто не стремился ее задеть или нарочно обидеть. За это она тоже была благодарна.

На улице трещали кузнечики, доносились ворчливые звуки дремлющих домашних животных, где-то подвывала собака. Она слышала все это приглушенно, через забитые паклей щели в бревнах стены. Запах сырой уличной травы смешивался с ароматом дыма от сгоревших бревен. Завтра настанет черед ее любимой части сказки, где Красавица и Чудовище, ставшее человеком, женятся, и счастливо живут до конца истории. Нужно будет встать пораньше, чтобы успеть рассказать все за один раз. «Тогда послезавтра начнем Колокольчик (Rapunzel)» — думала она. Девушка всеми силами пыталась не думать о дневном разговоре со священником.

— Не спишь тебе? — Тихо спросила мама. Алиса от неожиданности дернулась: сосредоточившись на уличных звуках она пропустила скрип половиц.

— Не спишь. — Ответила она. — Аристарх совсем сбил меня своими словами с

толку. — Она тяжело вздохнула, и сжалась под одеялом. — Я боюсь этого человека из города.

— Да, — печально ответила женщина, — инквизиторы и впрямь ужасны, и очень могущественны.

— Но вы же не отдадите ему меня, даже если он скажет? — С надеждой пробормотала Алиса, сдерживая слезы.

— Конечно нет, — уверенно сказала мама, — что за глупости. Засыпай, завтра подумаем с отцом, что с этим делать. — В голосе матери звучала уверенность.

Она развернулась и зашагала в соседнюю комнату. Алиса тяжело дышала, по щекам текли слезы. Ее руки мелко тряслись. Она почувствовала: мама врала.

— Господа, мы наконец-то собрались вместе.

— Это так, Яков, но с какой целью? Такие собрания опасны, если инквизиция схватит одного из нас это принесет существенные трудности всему предприятию, ты заставляешь нас рисковать.

— Не спорю, но тому есть причина. Ни для кого не секрет, что мы испытываем проблемы со средствами, так ведь?

— ...

— Вот-вот. К сожалению, мы не можем ни ждать, пока мануфактуры принесут достаточную прибыль, ни побираться, так что для исполнения наших планов весьма значительная сумма необходима нам прямо сейчас. Все согласны с этим?

— Предлагаешь связаться с магами?

— Именно. Это определенно не лучшая идея, но точно самая эффективная, а выбирать нам не приходится.

— Но даже если и так, золото могут создать всего несколько демонов.

— Вы правы, если говорить конкретно — семеро. Из них трое производят его более качественным. Но нам этого мало, необходима лучшая из возможных валют, с которой мы точно останемся на плаву.

— Ты опять обращаешься к той демонице, которая знает все тайны мира, и узнал у нее, где зарыт какой-то клад? Хочешь набрать команду?

— Нет... Рисин весьма помогла мне с планированием операции, если бы не ее предсказания, мы бы не продвинулись так далеко, но, видимо, не стоит больше рассчитывать на ее помощь. А жаль, было весьма удобно знать все шаги наших противников наперед. Что-то произошло с ней в Аду. Ее легион обезглавлен и сейчас Совет решает, как с ним поступить. Другие генералы в ярости, так что не думаю, что Рисин ждет теплый прием дома. Полагаю она это тоже понимает, и не рискнет вернуться. Хмм. Но, возвращаясь к нашему вопросу, есть лишь один демон, который нас во всем устраивает. Азазель, способный создавать голландское золото.

— Ты сошел с ума, Яков. Никому не подвластно ни договориться с ним, ни заставить силой выполнять приказы. Как ты собираешься это сделать? Ни один колдун не справится.

— У нас небольшая компания, господа, и потому я считаю, что новых участников в нее стоит вводить только в присутствии всех остальных. Есть кое-кто, кто сможет это сделать. Он готов присоединиться к нам за определенную долю дохода и во имя наших идеалов. Прошу любить и жаловать...

Глава 3. Гробовщик

— Вы же понимаете, что магическое воздействие такого масштаба не останется незамеченным? Нас тотчас обнаружат.

— Конечно, поэтому мне нужно время на подготовку и компания друзей. Один бы я на такое не решился.

— Мы обеспечим вас ассистентами и готовы подождать, но каковы условия?

— Один месяц, восемь надежных людей, которые не задают вопросов, и я забираю себе половину всех денег.

— Что? Ты хоть представляешь, сколько это? Куда ты денешь такую гору золота?

— Умный человек всегда найдет, куда удачно инвестировать капитал. К тому же из всех здесь присутствующих только один человек знает, как провести ритуал, так что условия ставлю я.

— ...

— Рад, что мы пришли к согласию. Итак, господа, ровно через месяц мы встречаемся здесь же, но вы должны подготовить пути отхода для себя и денег. Как только золото окажется в этой комнате, мы разбираем его и вывозим прочь. У нас будет немного времени, прежде чем Ватиканские ищейки сунут сюда свои носы. Надеюсь на ваше понимание того, что они не должны найти здесь ничего. Будьте разумны и соблюдайте чистоплотность: инквизиция не будет радушна к тем, кто наследит. О дальнейшем сотрудничестве договоримся подальше отсюда, терпеть не могу Венецию.

Хенкер

— Чирик, — Охотник медленно открыл глаза, — чирик, — еще увереннее повторила птичка, сидящая перед ним на ветке. Он несколько раз моргнул, пытаясь прийти в себя. Птица почистила перья и отвернулась, потеряв интерес к человеку, и улетела, а на ее место приземлилась большая ворона, и уставилась на него.

— Чего пялишься? — Хрипло пробормотал он сквозь дрему.

— КА-А-Р! — Широко раскрыв клюв прокричала птица, с соседних веток вниз посыпались воробьи, а охотник от неожиданности дернулся, едва не свалившись с места. — Ах ты, комок пернатый... — Он потянул в сторону птицы, но та без труда отпрыгнула и улетела прочь. Внизу галдели сороки. — Если она попадется мне, отдам вам после того, как поквитаюсь. — Прошептал он под нос, и оглянулся.

Солнце уже заметно поднялось над горизонтом, его нежные лучи заливали деревья, зелень покрылась росой, пахло хвоей и озоном. Все вокруг наполнялось звуками. Природа оживала по утрам, не в пример городам, бодрствующим в темноте. Но один звук был назойливее других. Охотник перегнулся, глядя вниз. Свернувшись дугой, и положив голову на холмик со сбруей, у основания ствола храпел конь. Охотник на секунду замер от шока. «Какого?..» — пронеслось у него в голове. Дернув головой, он слез с седла, подцепил его, и принялся спускаться вниз. Только когда он спрыгнул с последнего сука, за который держался, и приземлился в шаге от морды животного, Перикулум замолчал. Охотник бросил седло на землю, и сложил на груди руки. Конь опасно открыл один глаз, и оглядел снизу вверх фигуру хозяина. Потом медленно поводит мордой, осматривая окрестности, и обречённо уставился в пустоту.

— Ну и как это понимать? — Сурово произнес Рейнальд. — Мало того, что проспал, так еще и храпишь как... конь. — Перикулум фыркнул. — Не умничай. Развалился тут... Лошади вообще так не лежат. Если ты так в стойле заснешь, конюха удар хватит. — Конь тихонько заржал. — Ага, вставай, собираемся. Доверие мое подорвано, не ожидал от тебя такого, наобещал мне вчера. — Конь поднялся с земли и захрапел. — Выспался-выспался, — проворчал охотник, — но мне-то было где уставать, а ты последний год бегал по лугам и щипал травку, так что не отнекивайся. — Он разгреб кучу еловых лап, достал из-под них сбрую и развернулся, чтобы накинуть ее, а Перукулум, улучив момент, ткнулся хозяину мордой в ладонь. — Не умамливай меня, не выйдет. — Проворчал Рейнальд.

— Доброго дня, господин. — С тяжелым вздохом, полным усталости, сказала девушка. Она проговаривала эти слова старательно замедляясь, чтобы они не превратились в тарабанщину, из-за того, как часто она их произносит. — Если вам будет угодно отведать свежих кушаний, придется подождать, благородные господа заказали множество блюд, и все кухарки теперь заняты готовкой. — Она попыталась выдавить из себя извиняющуюся улыбку, но вышло дурно.

Охотник задумался. В таверне, где он стоял, заманчиво пахло свежей выпечкой, спиртным, ягодным вареньем и мясом. От мысли обо всем этом великолепии начина кружиться голова.

— Господин. — Со смесью неуверенности и раздражения повторила она, слегка помахивая рукой. Рейнальд еще немного помолчал, но потом дернул головой, приходя в себя.

— Да, прошу прощения, хозяйка. Осталось ли что-то из готового? — Откашлявшись, сказал он.

— Несколько пирожков с мясом, хлеб, каша с утра стоит, есть ряженка, тарелка солянки и четверть ягодного пирога, еще есть масло и местное вино. — Заученно затараторила она.

— Хлеб, пирожки и пирог, пожалуйста. — Девушка кивнула, отвернулась, и шагнула к кухне, но тут же развернулась и переспросила.

— Пирог с зайчатинной, или гусиной печенью? — Охотника резко передернуло.

— С зайчатинной. — Быстро ответил он. Девушка кивнула и собралась идти дальше. — О, наполните, пожалуйста, водой. — Добавил охотник, выкладывая два небольших бурдюка на стойку.

Девушка застучала деревянными подошвами по полу, скрываясь в глубинах кухни, откуда доносились негромкие пререкания. Спорили поварихи, тени, отбрасываемые ими на видимую от стойки стену в неярком свете печного пламени, дергались в призрачном танце — заказ, видно, был на столько значительный, что заставлял нервничать бывалых кухарок. Охотник развернулся к стойке спиной и облокотился на нее. Таверна вокруг была наполнена жизнью. Почти все столы заняли торговцы и свита наемников, нанятых для охраны. Напротив здания стояли ряды крытых повозок, не заметить которые на подъезде было невозможно. Охраны там не было, но кому придет в голову грабить караван, находясь в неполном дне пути до Рима. Он лениво водил глазами по сторонам и столкнулся с суровым взглядом одного из наемников. Все они были при ножах, другое оружие, видно осталось в повозках. Ели тихо, только ложки стучали, иногда с опаской поглядывая по сторонам. Торговцы, сидевшие поодаль тоже активно перебирали пальцами и бросались

подозрительными взглядами. Охотник мысленно пожелал путникам удачи. Если бы они двигались в город, то сейчас ели бы от пуза и орали лихие песни, отмечая скорейший финансовый рост, но они были весьма взвинчены, а значит ехали куда-то прочь от Римских стен. Сам Рейнальд был в дороге уже две недели. По старой привычке он избегал любых трактиров, перебиваясь охотой в чащах и рыбалкой в ручьях. Заниматься этим приходилось каждый день: клятва, принесенная Араниэлю позволяла ему брать от лесов ровно столько, сколько было нужно, чтобы утолить голод, даже про запас на завтра набрать еды бы не получилось, так что мысленно он благодарил Бога за то, что умел охотиться лучше многих. Но когда у горизонта показались первые крыши Римских домов, на такой способ добычи еды можно было уже не рассчитывать. Здесь везде свои рыбаки и охотники, вряд ли среди деревьев удалось бы поймать хоть какую-то дичь. Вот он и решил закупиться провизией, чтобы хватило добраться до Ватикана, а там уж посмотрим. Яркий солнечный свет заполнял помещение через дорогие слюдяные окна: хозяева явно не бедствовали, отстроившись у самого тракта. Да и поля с дереvушкой чуть дальше от дороги небось работали на обеспечение гостей едой. Несколько хмурых работяг сидели в самом углу, катая по столу пустые деревянные кружки. Печально, но простые нэрды не могут позволить себе вино, которое сами же дают.

— Ваши кушанья. — Окликнула его хозяйка. Охотник обернулся. У девушки были золотые волосы, ровные черты лица, приятный, хоть и сверх меры уставший голос, и едва ли не идеальная фигура, заметная под тонким платьем. Наверное, хозяева поставили за прилавок первую красавицу деревни. Грязный трюк наверняка крайне позитивно сказывался на продажах, но Охотник бы не удивился, если бы узнал, что после завершения рабочего дня девушка запирается в своей комнате за закрытыми ставнями, и до следующего утра не желает никого видеть. Бедные односельчане, пускающие по ней слюни, девушка вероятно хочет убить каждого, кто по пути домой оказывает ей знаки внимания.

— Спасибо, — ответил он, и принялся отсчитывать монеты из скромного кошелька, — этого хватит?

— Вполне. — Куда спокойнее ответила она. — Даже излишне будет. — Она покопалась под стойкой. — Кстати, тот прекрасный вороной конь с черной гривой, что стоит под окнами, ваш?

— Ага. — Пространно ответил Рейнальд, сгребая еду в узел, в который ему заворачивали мясо и сыр в начале пути.

— Вы с ним похожи. — Доверительно сказала она. — Возьмите тогда яблок, нам их много привезли в этом году, испортятся скоро. Угостите этого красавца. — Охотник поднял на нее удивленный взгляд, но девушка в этот раз улыбалась вполне искренне. Охотник молча пожал плечами и сгреб фрукты в поднятую полу рубахи. — Подождите, я схожу за сдачей. — Он качнул головой.

— Оставьте, это за яблоки. — Попытался отказаться он.

— Даже для корзинки яблок здесь много. — Насмешливо ответила она. — Поберегите деньги.

— Ну бери-и... ну давай-ай... ну пожалуйста-а... — Дверь с громким хлопком закрылась за спиной охотника, и он, сжимая в руках узелок с едой, свернул за угол, откуда доносились негромкие уговоры. К стене трактира с той стороны прилегала конюшня, где он недавно оставил Перикулума. — Да посмотри ты сюда! Первосортное, вкуснейшее лакомство! —

Сбоку от коня стоял молодой парень и изо всех сил пытался тыкать его мордой в бадью с овсом, но тот лишь флегматично отряхивался и вертел ушами.

— Никак? — Поинтересовался Охотник.

— Ваш конь упорно отказывается от еды, господин, никогда в жизни такого не видел. — С горечью произнес конюх. — Честное слово, я его почистил, а потом пытался кормить.

— Самоконтроль тренирует. — Ответил Рейнальд, и одним движением взлетел в седло. Конь одарил паренька насмешливым взглядом и развернулся к дороге. — Бывай. — Бросил охотник за спину, кидая парню самую мелкую монетку.

— Господи, как вкусно. — С наслаждением прошептал Охотник. — Последний раз ел пирог с ягодами года три назад, когда Вера собрала слишком много земляники. — Добавил он, и замолчал на некоторое время. — Не стыдно тебе? Сколько работяг ты уже лишил заработка? — Конюхи в подобных местах драли за овес втридорога, так что старались впихнуть как можно больше своего товара в каждое встречное животное, даже если путник останавливался у трактира только чтобы пополнить запасы воды

С Перикулумом такой номер не проходил, и охотник этому радовался. Не то, чтобы ему было жаль денег, просто он на дух не переносил людей, обогащающихся безо всякого труда, типа попрошаек, или вот таких живущих за счет чужой невнимательности прохиндеев. Работяги внутри — другое дело: один подарок судьбы на тяжком трудовом пути наполняет радостью и надеждой. А те, кто не пытается сопротивляться, и живут за счет подачек, очень скоро начинают относиться к ним как к данности. В конечном итоге таким суждено остаться на обочине жизни, и прогнывать изнутри, как отбросам, выброшенным на улицу из окна, так он размышлял.

У самих же Охотников тяга к деньгам пропадала раньше любой другой. Золото в казне ордена можно было брать в любом количестве любому, имеющему право свободно покидать его стены. Понимая это, почти каждый в начале срывался, нагребая полные карманы монет, но вскоре все они приходили к выводу о том, что делать с деньгами нечего. Чтобы вдоволь наесться, большого богатства не надо, оплачивая всевозможные развлечения рискуешь выдать свое инкогнито, подставиться под удар, или не дай Бог, рассекретить Орден, после чего разговор с тобой будет коротким. Жилье так же привязывало владельца к одному месту, так что выследить его становилось проще, дворцы и замки не купишь, будучи частным лицом, а лошадьми, экипировкой и оружием даже на самый заковыристый заказ охотников снабжала церковь. Целая армия портных, кузнецов, алхимиков и прочих мастеров своего дела работала на обеспечение различных секретных организаций Священной Римской Империи самыми лучшими и технологичными вещами. В результате Охотники вскоре начинали тратить выдаваемое им золото на улучшение условий своей работы, что было церкви только на руку. У Рейнальда, например, по всей Европе находились во владении неприметные домишки, обустроенные под перевалочные пункты с минимальным запасом долгоиграющей провизии и оружия, плюс там можно было переночевать, так что его работа почти в любом более-менее крупном населенном пункте не требовала от Ватикана дополнительных расходов, и он сразу мог приступить к работе.

— На вот, держи. — Сказал он, выехав на утоптанную дорогу, и протянул коню крупное красное яблоко свободной рукой. Перикулум, начавший оборачиваться с неохотой, почуяв запах угощения, едва не споткнулся, и почти вырвал фрукт из рук хозяина, принявшись

довольно хрустеть. Закончив с ним, конь благодарно заржал и потянулся за добавкой. — На меня не смотри, я бы тебя и прошлогодним снегом не угостил, но девушка из трактира что-то в тебе углядела. — Перикулум гордо фыркнул. — Странная она, ты сам-то себя со стороны не видишь, но сзади хрен тебя отличишь от коровы, а спереди — от свиньи, а уж когда храпеть начнешь. — Конь насмешливо прохрапел в ответ и захрустел очередным плодом. — Тут уел, — пробормотал охотник, — меня даже яблоками не угощают...

Когда алые черепичные крыши домов явно вырисовались в полуденном свете, а на светлых коробочках стен стали заметны очертания отдельных кирпичиков, охотник свернул в сторону. Сойдя с дороги, он направился к ближайшей роще, и, дойдя до первых деревьев, спешился, подхватив коня под уздцы. Дальше продирались шагом. С каждым метром становилось все тяжелее: трава будто оплетала ноги, ветки лезли в лицо и цеплялись за одежду, а теплый ветерок Рима сменился на свежий, на грани морозного, бриз, просачивающийся между листьев. Когда идти дальше стало практически невозможно, стволы расступились, открывая перед путниками чудесную картину. В окружении сплошной стены высоких дубов таилась поляна почти идеально круглой формы, рассеченная узким ручьем, едва журчащим кристально-чистой водой. Земля была покрыта ковром невысокой, по щиколотку, изумрудной травы, расступающейся в стороны от шагов кожаных сапог, и плавно покачивающейся волнами на гуляющем ветру, так что со стороны становилась похожа на водную гладь, идущую рябью. То тут то там росли плакучие ивы, чьи ветви достигали почти самой земли, надежно скрывая стволы куполами листьев. Лишь особенно резкие порывы ветра заставляли их длинные локоны развиваться в его потоках, и в такие моменты казалось, что вся поляна дышит как единый организм. Только две вещи выбивались из общей идиллии: небольшой пенек с неровно обломанным краем, торчащей вдалеке лужайки, и двухэтажный бревенчатый дом, сложенный из массивных стволов слева, на окраине. Последний вообще казался крайне инородным, будто вторгся в чужой мир против его воли. Рейнальд подошел к порогу, отпер дверь, быстро распряг Перикулума, унес в глубины здания сбрую, и вернулся назад.

— Пока можешь заниматься своими делами. — Заговорил он, глядя коню в глаза. — Сегодня переночуй здесь, если к утру не вернусь — загляни еще завтра вечером, а потом проверяй дом раз в неделю: спросишь у Света, не вернулся ли я, и в случае чего дождешься. Все понял? — Перикулум серьезно фыркнул. — Хорошо. Папа вызвал меня по особому распоряжению, так что не думаю, что освобожусь быстро, но ты все же не загуливай, чтобы как с ночным дозором не получилось. — Конь закатил глаза. — Ладно. — Охотник хмыкнул, и, разворачиваясь, зашагал назад. — До встречи. — Добавил он, вытащил из кармана два последних яблока, и, не глядя, кинул одно из них за спину, откуда тут же раздался довольный хруст. Рейнальд хотел-было присоединиться, но решил придержать свое до того, как вернется на каменную дорогу.

Прохладный воздух с непередаваемым ароматом полевых цветов, снега и коры покалывал легкие, но под одежду холод не проникал, сохраняя приятное тепло и уют. Он зажмурился, шагая в сторону стены леса, откуда пришел. Даже солнце здесь выглядело как-то иначе: его лучи, проникая сквозь сизые облака, листья дубов и ив, и отражаясь от травяного моря, приобретал голубоватый оттенок, наполняя пространство вокруг атмосферой потустороннего спокойствия. Впервые попав сюда несколько лет назад, он потерял дар речи от царившей красоты и отстраненности, будто ничто было не властно над

этим пятючком земли, который существовал по собственным законам вопреки всему прочему миру... Даже со всей своей ненавистью к лесам, Охотник не мог отрицать чарующего волшебства этого места. Но пора было возвращаться. С трудом протиснувшись через первые ряды стволов, охотник продолжил удаляться от поляны, оставляя Перикулума за спиной, и вскоре вернулся на вымощенную дорогу, ведущую прямо в город.

После зябкой прохлады поляны, жара ощущалась еще хуже. Охотник поймал себя на том, что до этого не замечал, насколько душным выдался день. Жаркий воздух будто обволакивал, просачиваясь через одежду. Безостановочное щебетание птиц смешивалось с жужжанием насекомых и методичными стуками шагов в причудливую какофонию. «Ненавижу лето» — подумал он, откусывая яблоко. То громко хрустело и истекало соком, но было слишком сладким, несмотря на преобладающий зеленый цвет. Неподалеку поскрипывали колеса повозки, раздавались негромкие голоса путников, производя снотворный эффект. «Зато Перикулуму наверняка понравились» — подумал он, выкидывая на обочину огрызок: «и ведь не скажешь по виду что он такой сластена». С каждым шагом гул приближающегося города все нарастал, пока наконец, не вытеснил собою все остальные звуки.

Артур Дансон, капитан специального отряда гвардии Святого Престола

Шум ложек, стучащих по тарелкам, напоминал жужжание улья. Небольшая столовая в это время суток всегда была забита людьми, но сегодня, словно на праздник, в помещение ломилась толпа народа, так что в обычной ситуации места было бы не найти. К счастью, для Артура и его подчиненных был выделен отдельный стол, который никто бы не подумал занимать. В разное время дня за ним завтракали, обедали и ужинали гвардейцы дюжины разных отрядов, каждый в отведенное время.

— Налетай, братва. — Высокий широкоплечий блондин с добрыми глазами и улыбкой от уха до уха сгрузил на длинный стол тяжелый деревянный поднос, заставленный глиняными горшочками с крышками.

— Наконец-то, Йорген, пока тебя дождешься — от голода сдохнешь.

— Хватит ворчать, Крис, если ты такой не терпеливый, мог бы сам сгонять за едой. — Артур тяжело выдохнул. Препириания Кристиана со всеми в отряде стало уже чем-то вроде традиции, на которую никто не обращал внимания. Бывало срывались, когда нужно было выпустить пар, но сегодня у капитана не было ни сил, ни желания этого слушать. Увидев выражение лица Артура все тут же затихли, пропустили здоровяка на его место, разобрали посуду и достали из-за поясов ложки.

— Что там сегодня? — Нетерпеливо произнес один из бойцов.

— Открой крышку, Хетиль, горшки одинаковые. — Пробурчали ему в ответ.

— Ладно, парни, времени у нас в обрез, так что налетаем.

Компания поспешно сорвала крышки с посуды и методично заработала ложками.

— Ребят, кхм, простите, я вас в казарме подожду. — Сквозь тяжелое прерывистое дыхание раздалось с противоположной стороны стола.

— Что такое, Мартин? — Артур вскинул голову на побледневшего соседа, с трудом сдерживающего рвотный позыв, а затем опустил взгляд вниз и всмотрелся в содержимое ложки и горшка. — Твою мать! — Рывкнул он. До этого мужчина жевал и глотал не задумываясь, но теперь разглядел что ел жаркое. — Опять? — Мартин закивал, поднялся из-за стола и быстрым шагом скрылся. Над столом повисла гробовая тишина. — Соберите ему

что-нибудь, что он сможет съесть. — Заговорил Артур, чуть успокоившись. — Голодный воин — это не воин, а нас и так не много... — «И с каждым разом все меньше» — добавил он про себя. — Мы не можем позволить себе терять людей еще и в мирное время.

— Это он все после того раза не отойдет? — Неуверенно спросил Хетиль.

— Да. — Коротко бросил Кристиан.

— Что там случилось-то? Который раз эта хрень с ним происходит, а вы мне ничего объяснить не можете. — Кристиан вопросительно посмотрел на капитана, но тот, казалось, окончательно ушел в свои мысли и не реагировал. — Йоргена спроси, они там вдвоем были, я ворота караулил. Хетиль обернулся к блондину. Тот поднял взгляд от миски, нервно дернулся и скривился.

— Такое словами не опишешь, Хетиль. Да слава господу, что нельзя. — Он тяжело вздохнул, отодвигая горшочек. — Одно могу наверняка сказать, в лечебнице тебя провидение удержало, и ты ему должен быть благодарен. Не знаю, что там другие скажут, но я бы многое отдал, чтобы все забыть. Артур и Виктор держали двор, пока третий отряд штурмовал башню, а пятый другие здания. Кристиан и еще несколько стояли у ворот. А нам с беднягой Мартином господин инквизитор дал особое задание. — Йорген с трудом проглотил слюну. — Надо было проверить как Хенкер выполнил свою работу. — Сказал он и замолчал, глядя в пустоту.

— И что? — Нетерпеливо проговорил Хетиль.

— Ничего... — Йоргену было тяжело говорить, его руки мелко тряслись, а сам он постоянно сглатывал слюну. — Нашли мы нужную комнату, и Мартин сразу внутрь рванул. Я только в дверную щель чутка успел увидеть, но мне и того хватило. Целая комната, мать ее, кровью залита, как будто он ее по всем стенам и потолку протащил, от мебели одни щепки остались, а в центре... — Он несколько раз открыл рот, но так и не произнес ни звука.

— Куча мяса была в центре, разорванного на куски. Вот после нее Мартин жрать нормально и не может. — Раздраженно перебил Кристиан. — Заканчивайте уже разговоры, дайте поесть.

— Кого «ее»? — Качнул головой Хетиль.

— Ведьму... — Пространно ответил Йорген. — И только все красное.

— У всех, кто там был, Хет, жизнь на две части поделилась. — Вдруг вклинился до того молчавший Виктор. — Одно дело чудовища, бандиты, или даже еретики, но здесь... — Его лицо передернуло. — Мне до сих пор детские крики по ночам снятся. Но видит Бог, это было хуже любых ужасов. Балдер говорил, что Охотник лишил колдунов их магии, но у некоторых она осталась. Мы убивали молодых ребят в одной части замка, пока в другой пятый отряд сходил с ума и уничтожал друг друга под действием чар. Их безумные глаза... — Взгляд мужчины расфокусировался. — Я нашел их командира, пытающегося отгрызть себе руку, в которой сжимал сломанную шею одного из старших магов. Почти никого от них не осталось. Обожжённые, замороженные, разорванные на части и безумные. Пятый отряд теперь набирают с нуля, и когда казалось, что все закончилось, из-под земли вылезли чудовища, и стали жрать всех, кто попадался им на пути. Благо к тому времени наши уже почти все ушли, я видел это с крепостной стены над воротами. Половину третьего отряда стерли за секунды неуязвимые твари. Их рубили мечами, протыкали стрелами, но они отряхивались и снова неслись в бой, без конца хохоча, как будто это была не война, а гробаное пиршество. Капитан третьего до сих пор в себя не может прийти, ездит по

монастырям.

— Так Артур выходит крестом. — Пробормотал Хетиль. Все замолчали, глядя на товарища.

— К черту это. — Вдруг выдохнул капитан и отодвинул от себя посуду. — Лучше бы я продавал свой меч королям в их непрекращающихся войнах. Спасибо Папе, мы покинем гвардию Святого Престола только в гробах, но видит Бог, был бы хотя бы один шанс исчезнуть, и я бы им воспользовался. — Остальные замолчали, пораженные неожиданной речью Артура. — Нам обещали службу на благо всего простого народа всех королевств, но мы сражаемся и умираем за инквизицию. Говорили, что мы будем помогать людям, а ими оказались Охотники. А по мне так если человека уже нельзя отличить от чудовища по его поступкам, то значит не осталось в нем ничего людского, а таких здесь хоть отбавляй и больше. — С омерзением выплюнул он. — Так зачем убивать одних монстров, пока служишь другим? Мы не должны делать между ними разницы. — Он встал из-за стола, и, под шокированные взгляды подчиненных, отправился к выходу. Настроение испортилось еще сильнее.

Сыпя про себя проклятиями, Артур протиснулся сквозь толпу посетителей, добрался до широкой двери, схватился за ручку, резко дернул ее на себя, и...

— Добрый день, — раздался вкрадчивый тихий голос, — не подскажете, что сегодня дают? — Парень, стоявший напротив, держал дверную ручку с другой стороны, явно желая войти, но Артур загородил ему дорогу. Он захотел-было что-то проворчать в ответ и послать собеседника куда подальше, но поднял взгляд и ругательства застряли в горле. Потухшие болотно-зеленые глаза, каштановые, с редкой проседью, волосы и отрешенное выражение лица. Артур попытался освободить проход, но шагнул не в ту сторону, и врезался в стену. — Что-то не так? — Спросил собеседник, и их взгляды пересеклись. На лице зеленоглазого что-то неуловимо изменилось: из устало-расслабленного оно резко сделалось настороженно-сочувствующим. Он прищурился, и одним движением сместился так, чтобы полностью загородить выход капитану. — Все в порядке, господин? — Переспросил он, медленно двигаясь вперед. Артур молчал, перебирая в голове все, что недавно сказал. Неужели из-за одной речи на эмоциях после долгих лет блестящей службы, к нему отправили убийцу?

— Н-нет, не думаю. — Прохрипел он. Конечно же он помнил эти очертания едва живого человека, вышедшего из замка. Его глаза не горели божественным сиянием, одежда не была насквозь пропитана кровью, но этот взгляд приходил к нему в кошмарах вместе с криками умирающих и звоном оружия. Так не смотрят на врага, солдата другой армии или оппонента на тренировке. Что тогда в академии, что здесь — он словно выискивал жертв, которым предначертано умереть. Артур часто слышал его прозвище, но только встретившись в живую понял, насколько оно ему подходит.

— Может мне проводить вас? Вы явно нездоровы. — Добавил он. Артура пробил мелкая дрожь и он вжался в стену еще сильнее.

— Господин! — Резко раздалось из коридора. Охотник обернулся. — Господин, это вы! Слава Богу я вас нашел. Мне доложили о вашем прибытии, но потом вы как сквозь землю провалились, ах-ах-ах. — Из-за спины охотника выглянул мальчик, подстриженный под горшок.

— Просто поесть захотелось. — Разочарованно выдохнул он.

— Ох простите, господин, сейчас никак невозможно, Папа уже ждет, мы и так задержались. — Затараторил мальчик, и вдруг заметил Артура. — О, капитан Артур, извините, если прервал вас, уверяю, ваш собеседник вернется, как только закончит дела с его Святейшеством.

— Капитан? — Задумчиво протянул охотник, окончательно расслабился, отпустил дверную ручку и развернулся, теряя к Артуру всякий интерес. — Выходит заочно мы знакомы. — Добавил он, скрываясь в коридоре вместе с гонцом.

Артур с облегчением вздохнул и обернулся. В столовой никто не заметил произошедшего, или не предал тому значения. Прейдя в себя, он наконец вышел за дверь и отправился в свою комнату.

— Черт возьми... — пробормотал он, запершись, и с облегчением развалившись в кресле, — случится же такое. — И церковь и орден держали информацию об Охотниках в строжайшем секрете, а потому опознать одного из них для простого человека было бы подобно подписанию себе смертного приговора. Артур был не из простых, но сегодня явно допустил непростительную ошибку, а значит, когда информация дойдет куда надо, за ним начнут следить и вынюхивать, вот тогда и всплывут все не осторожные речи. В сердцах Артур ударил по столу. «Время рвать когти?» — подумал он, и вдруг заметил что-то, прилипшее к руке. На столе лежало письмо, которое он точно не оставлял, да и дверь в его отсутствие всегда была закрыта на собственный ключ. Никому бы не пришло в голову вламываться к капитану специального отряда в комнату. Немного поразмыслив, он сломал сургучную печать без оттиска, и развернул бумагу, вчитываясь в ровные строки. — Мать Божья... — шепотом пробормотал он себе под нос.

Хенкер

Просторное помещение с высокими потолками было погружено в полумрак даже в это время года. В который раз он стоял в центре круглой мозаики на каменном полу, чувствуя, как ладан медленно проникает в легкие.

— Плохо выглядишь, Рейнальд, что-то произошло в дороге? — Размеренно-властным голосом спросил Папа.

— Меня встретили у порога, не дали поесть, велели срочно явиться сюда после того, как я десять дней загонял коня, чтобы успеть к вам вовремя. — Меланхолично перечислил Охотник.

— Вздор. — Глухо выдохнул Папа, но тут же взял себя в руки. — Прости моих скромных слуг за их чрезмерную расторопность. Многие из кожи лезут вон, думая, что это то, чего я жду от них. — Он немного помолчал. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь витражи, все так же создавал сияющий ореол вокруг наместника Божия, но морщины и седина красноречивее прочего напоминали о том, сколько прошло времени с их первой встречи. — Хотя мне просто хочется, чтобы все честно делали свою работу, не меньше — не больше. Я немедленно распоряджусь, чтобы тебя накормили, Рейнальд, и не беспокоили ни по каким делам ближайšie пару дней. — Он всмотрелся в лицо Охотника, но тот остался безучастным. — Что ж, не будем тянуть. Касательно дела, которое я хочу тебе поручить. Слышал когда-нибудь про Бирсану? Такая деревня в Валахии. — Охотник отрицательно покачал головой. — Ну да не суть важно, все узнаешь потом. Даю тебе неделю чтобы отдохнуть, и... — сановник помедлил, — с делами разобраться, если надо что. К сестре своей можешь съездить. — Рейнальд напрягся.

— Что там такое? — Нервно спросил он.

— Вампир. — Коротко ответил Папа не затягивая. На время в зале повисла тяжелая тишина. — Около двух лет назад мы стали получать странные сообщения из той области. Говорили, что там живет девочка-чудотворка, исцеляющая животных возложением рук. — Рейнальд хмыкнул, ни то пытаясь вспомнить что-то, ни то прикидывая что-то в уме. Папа продолжил, не обращая внимания. — Прошел год и стали болтать, будто она понимает зверей и разговаривает с ними. — Охотник напрягся. — Конечно, бывали у нас и более безумные заявления, которые оказывались пустышками, но тут мы уже не могли закрывать глаза на число сообщений. Чуть больше года назад я отправил инквизитора в деревню, чтобы тот разобрался. — Он не на долго замолчал, подбирая слова. — Сначала все было хорошо, но потом он сообщил, что обнаружил нечто более опасное, чем девочка-чудотворка. И это его письмо стало последним. — Охотнику показалось, что в голосе сановника проскользнули нотки сожаления. — А когда мы стали разбираться, в чем дело, оказалось, что из деревни вообще не приходит никаких новостей. Я было-подумал, что наши православные... братья решили силой показать, что католикам в Валахии не рады, но нет, о деревне никто ничего не знал, а все люди, которых мы отправляли, пропадали без вести. — Папа поднял глаза и упер взгляд прямо в Охотника. — И вдруг на границе инквизиторы выловили человека, по его словам, жившего в Бирсане. Более того, он застал многие события, имевшие там место. По словам консультантов из ордена, в деревне поработал вампир. Отправить армию к православным мы не можем, но и бросать людей в опасности не божье дело, так что работать будешь один. — Папа замолчал, ожидая вопросов или хотя бы какой-то реакции от собеседника, но тот только молча выгнул бровь. — Отдохни, Рейнальд, и как будешь готов, зайди в мастерскую, там готово все что ты просил, и еще немного от Данилы лично. Ровно через неделю тебя будут ждать у ворот Рима, возьми с собой все что понадобится. Понятно? — Охотник молча кивнул и развернулся, медленно шагая к выходу. — Да хранит тебя Господь. — Добавил он, под стук закрывающихся дверей.

Семь дней спустя

Вот и прошла неделя. Охотник размеренно топал по камням Ватиканской площади, поднимая в воздух небольшие облачка пыли. Четыре полных дня он трясся в седле, не давая Перикулуму толком отдохнуть. Но он и не возмущался, по крайней мере не сильно. Что-то коню нравилось в монастыре святой Ольги, и Рейнальд сильно подозревал, что это были монашки, не чаявшие в нем души. Монастырь вообще был единственным местом, где Перикулум безоговорочно отказывался покидать стойло, уперто торча в нем с момента приезда и до самого отбытия. Охотник долго наказывал девушкам не подходить к коню и ничего ему не давать, лично насыпая порцию овса, когда было нужно. Несколько лет назад, увидев Перикулума впервые, они просто проигнорировали предупреждения, и день за днем Рейнальд заставлял своего спутника в окружении десятка дам, вычесывающих и выглаживающих его до такого состояния, что тот бы мурлыкал если б мог. Вскоре это удалось пресечь, но неугомонные монашки стали пробираться к стойлу ночью. Охотник тоже свой хлеб ел не зря, быстро переловил всех нарушительниц и доставил к настоятелю на разбирательство. Затем побегушки вроде бы прекратились, но морда по утрам у Перикулума была до того издевательски-довольной, а шкура чистой, что казалось будто ночи на пролет он жрал яблоки в бане. И вот теперь Рейнальд уже не понимал: это девушки наловчились его обставлять, или конь посмеивается над ним в надежде вызвать паранойю.

В общем-то Охотник был вторым мужчиной после настоятеля, которому ворота монастыря были всегда открыты. Даже комнату отдельную выделили много лет назад. Местные обитательницы были единственными людьми в его жизни, которые, когда называли его Хенкером, делали это с гордостью, а не ненавистью или ужасом. Причины тому естественно были, но сам Охотник вспоминать о них не любил, и вообще поводом для особой гордости не считал.

Два дня с Верой были для него настоящим праздником: по его просьбе девушка приготовила ягодный пирог, а настоятель принес топленое молоко. Она поворчала для проформы, но даже не пыталась скрыть, что рада визиту Рейнальда, в кое-то веке оказавшемуся на пороге на своих двоих и совершенно здоровым. Девушка пару раз отвлекалась на тяжелобольных, но настоятель старался не беспокоить ее по тем вопросам, где могли справиться другие, а она засиживалась до рассвета, слушая истории Охотника из его путешествий. Они радовались и смеялись, но под конец второго дня Вера начала что-то подозревать, но то ли не успела до конца осмыслить, то ли не захотела портить воспоминания, и Рейнальд отправился в путь с улыбкой на лице, ничего ей не сказав.

На обратном пути заглянул в монастырь Ордена, где уже прознали про следующее задание Охотника. Проститься с Рейнальдом вышли все Охотники и учителя. Прощались не долго: настоятель поблагодарил за годы службы, наставники за усидчивость и мастерство, а остальные промолчали, прекрасно понимая, что любой из них мог бы так же стоять на его месте. Только Катарина чуть не расплакалась. А потом Рейнальд отправился в Ватикан.

«Вампир». К этому слову в Ордене было особое отношение. «Вампиры» так не пугали, пугало именно в единственном числе. Каждому Охотнику было известно, что кровососы бывают трех видов: низшие, обычные и высшие. К первой группе относятся только что укушенные люди, не пившие крови создателя. Они почти не боятся солнца, могут есть обычную еду и спать, но если не получают заветной жидкости от обратителя достаточно долгое время, то деградируют в упырей, и этот процесс уже необратим. Их реакция, сила и регенерация всего лишь немного превосходит человеческую, так что они часто сбиваются в стаи, справиться с которыми не составляет труда даже для одного Охотника. Обычные же вампиры уже испили крови создателя, с трудом они могут призывать стаи мышей и насекомых, но физические характеристики находятся гораздо выше человеческих. Такие чудовища могут залечивать даже самые серьезные раны, восстанавливать оторванные конечности, и безопасно существовать в тумане Чистилища, но ценой тому неспособность питаться ничем кроме крови, вечная жажда, боязнь света и прочие вампирские слабости. Обычные вампиры всегда принадлежат к одному из кланов, которые со временем настолько отделились друг от друга, что их особенности приходится изучать отдельно. Они куда реже ходят группами, и справиться даже с одним вампиром не простая задача для Охотника. Требуется длительная подготовка, чтобы справиться с ней. А высшие вампиры... Доподлинно не известно, сколько их и где они находятся. Никто точно не знает их способностей и даже того, как они появляются на свет, но ясно одно: высшие вампиры находятся на совершенно ином уровне.

О них узнали случайно, в самом начале существования Ордена охотникам, так же как сейчас поступило сообщение о вампире, что терроризировал австрийские деревни. Когда положение твари удалось определить, Орден начал действовать. Первый отправившийся туда человек пропал, не оставив после себя даже мокрого места. Вслед за ним отправили еще троих, но ни один не вернулся, тогда настоятель принял роковое решение, послав в

проклятую деревню девятерых, почти всех оставшихся воинов. Один все же смог вернуться. Едва живой, он доковылял до родных стен и сказал, что монстр отпустил его, когда понял, что Орден не успокоится. Вампир просил передать, что Охотники его утомили, и что он разнесет пол страны, если его не оставят в покое. Но самое главное, вернувшийся рассказывал о кровососе таком, что волосы вставали дыбом. Ни один из них не смог даже приблизиться к бестии, тот же раскидывал лучших из лучших убийц чудовищ как детей, путая их мысли иллюзиями, оказываясь одновременно во множестве мест, исчезая и нанося удары из их собственных теней, словно развлекаясь с игрушками, а не воюя всерьез. Решение тогда далось Ордену и Папе не легко, но вампира оставили в покое разорять поселения в надежде, что, насытившись, демон угомонится. Хвала Господу, так и произошло. С тех пор с Охотником, отправляющимся за вампиром, прощаются как с отходящим в последний путь, и больше одного не посылают никогда.

Предраассветный воздух приятно обдувал лицо. Пройдя мимо колонн, он завернул в неприметную дверь, по петлял по нарочито запутанным коридорам, и вышел к массивным деревянным воротам, спрятанным на нижних этажах. Назвал двум молчаливым охранникам пароль и спустился еще ниже, в самые недра Ватиканских подземелий. Верующим запрещено лишней раз спускаться под землю, но, видимо, проповеди это одно, а практичность и безопасность другое. Хотя может остальные и просили у Бога прощения всякий раз, когда ступали на эти ступени.

Нижние ярусы приветствовали гостя негромким топотом шагов по каменным плитам, отражающимся эхом по полукруглым аркам коридоров. Мимо проходили люди, в пол голоса обсуждающие свои дела. Охотник быстрым шагом следовал по знакомому маршруту. Здесь, внизу, не было строгих требований к одежде, и все ходили кому как удобно, не в пример «верхнему» Ватикану, который всегда у всех на глазах и потому должен держать марку. Даже местная охрана, набранная из гвардейцев, предпочитала не выделяться, хотя их попытки слиться с толпой казались Охотнику смехотворными. В прочем, ничего удивительного, ведь их учили сражаться и охранять, а не скрываться, выслеживать и устранять. Целью Рейнальда было обширное помещение, называемое местными «Мастерская», которое располагалось прямо под тронном Папы, правда на значительной глубине. Там Святой Престол разрабатывал и создавал самые продвинутые и совершенные шедевры инженерной мысли, воплощая в жизнь самые смелые мечты ученых со всего света. Он знал местоположение и предназначение едва ли дюжины помещений, включая святая святых ордена — Банк Проклятий, к которому обращались Охотники (и только они), когда другого способа справиться с заданием не оставалось.

— Ты смотри, кто к нам заглянул! — Неожиданно радостный голос вырвал его из раздумий. — Легендарный Палач почтил своим присутствием наше скромное заведение. — Охотник резко вскинул голову и огляделся, но в коридоре, где он шел, кроме него и собеседника больше никого не было.

— Не кричал бы ты так, Себастьян. — Тихо ответил он. — Охрана не так поймет.

— Ахахаха, — рассмеялся Себастьян, — эти-то да, ребята серьезные. Могут даже попросить не шуметь, если сильно разозлятся. — Он дружески хлопнул Рейнальда по плечу, от чего того качнуло, и протянул руку. — Ну здорова.

— Здравствуй, — с кивком головы, как бы намекающим на поклон, ответил он, — все маешься? — Рейнальд с трудом пожал огромную ладонь коллеги по Ордену, и отодвинулся

на пару шагов назад. Охотник Себастьян был живой легендой. Человек, лично уничтоживший полчище различных чудовищ, соавтор орденового бестиария, автор собственного боевого стиля и, наконец, герой, в одиночку остановивший мятеж охотников несколько лет назад. Ценой тому стало то, что содержимого в Банке Проклятий поубавилось, а сам Себастьян больше почти не покидал Ватикана, став личным Первым Охотником, и действуя под прямым руководством Папы. Глядя на него, сразу приходило понимание того, что такой человек способен на все. Себастьян выглядел как герой греческих легенд: атлетическое телосложение, будто ожила статуя одного из полубогов, косая сажень в плечах, рост, из-за которого тот едва не цеплял потолок коридора и невероятно умные, блестящие глаза, видящие собеседника насквозь. Создавалось впечатление, что оружие ему вообще не нужно, и монстров он может просто рвать голыми руками, но нет: Себастьян был гением ножевого боя, и в ордене говорили будто он одолел дракона одним только кинжалом (Рейнальд был уверен, что это ложь).

— Ага, совсем тут уже скис. — С грустью ответил тот, разминая плечи. Раздался громкий хруст. — Даю тебе фору, так сказать. Сейчас покروшишь пару вампиров, потом демонов, нашинкуешь дракона и может займешь мое место Первого Охотника, а я хоть ноги по разминаю.

— Все бы тебе веселиться. — Пространно ответил Рейнальд. — Мне сейчас вообще не до шуток.

— Зря ты это, Рей. — Неожиданно серьезно ответил Себастьян. — Бояться это нормально, нет тут ничего зазорного, но если всю жизнь в страхе жить, то едва ли такая жизнь будет лучше смерти. А когда смеешься, тогда не страшно. — Развел руками здоровяк. — Такова наша природа.

— Ваша? — Прищурился Охотник.

— И наша, — с нажимом произнес он, — тоже. Не ерничай.

— Не припомню, чтобы ты хоть раз был серьезным. — Задумчиво протянул Рейнальд.

— Делай выводы. — Усмехнулся Себастьян, и сделал шаг дальше по коридору. — Найди меня как вернешься, Рей. Хочется по душам поболтать.

— Неужели? — Ошарашенно переспросил он. — Ну, раз ты так говоришь, то сам Господь запрещает мне умирать.

— Да не нагоняй. — Махнул рукой Себастьян. — Всего-то один кровосос, просто еще одна запись в твоём послужном списке. — Он ухмыльнулся и исчез в глубинах коридоров.

Широкое помещение с высокими, не в пример другим, потолком, кипело жизнью. Огромное пространство делилось на сегменты деревянными перегородками, между которыми теснились столы, заваленные инструментами, деталями и приборами. Где-то что-то отливали, где-то вытачивали, собирали и обсуждали чертежи, перетирали, смешивали и звенели колбами. Освещалось все несколькими массивными люстрами, наполненными свечами, дюжиной жаровен и бесчисленным числом чадящих факелов и лучин. И везде сновали люди с бешеными взглядами светящихся глаз. Двое мужчин с трудом тащили по краю помещения латный доспех, без конца матерясь и останавливаясь, чтобы перехватить его по удобнее. Через это бурлящее море и шагал Охотник, разделяя человеческие волны. От шума звенели вески, нос резало запахами дыма, пота и серы. Вентиляционные отверстия в потолке и стенах едва справлялись, и от духоты почти сразу начинала кружиться голова. Здесь ковалось будущее.

— Рейнальд, это ты? — Вдруг раздалось из толпы. — Подожди! — Охотник чуть сгорбился и зашагал с удвоенной силой, делая вид, что ничего не слышал. Не помогло. Будто проходя сквозь людей, к Рейнальду подбежал невысокий мужчина со стрижкой под горшок, блестящим лицом и сальными волосами. Он нетерпеливо переваливался с ноги на ногу, сжимая в руках тяжелую на вид коробку. — Слава Богу я тебя заметил. — Радостно затараторил он. — Я ждал здесь каждый день после того, как Папа сказал, что ты зайдешь к нам, все время выглядывал тебя в толпе. — Несмотря на значительный возраст, его голос был как будто детским.

— Извини, Данила, я тороплюсь. — Отрезал охотник и отвернулся.

— Нет! — Вскрикнул мужчина. Но тут же хихикнул и взял себя в руки. — Мы трудились над этим два года, ты не можешь так уйти. — Он взмахнул рукой, и Охотник перевел взгляд в направлении этого движения. Там, в десяти шагах, стояли, всматриваясь щенячьими глазами в их диалог еще четверо ученых. Рейнальд вздохнул.

— Ладно, давай быстрее, что там у тебя?

— О, спасибо! Сейчас-сейчас. — Замельтешил он, перехватывая коробку, и открывая крышку. — Ты же все еще луком пользуешься?

— Когда приходится. — Ответил Охотник. Он не привык говорить о делах Ордена, но именно эти люди занимались их оснащением, так что секретничать, когда речь шла об инструментах, было бессмысленно. Они и правда использовали короткие луки, когда задание предполагало стрельбу. Они легкие и быстро стреляют. Рейнальд предпочитал это оружие новомодным ручным арбалетам.

— Вот, смотри, специально для тебя, экспериментальный образец, венец инженерной мысли! В остальном мире такое лет двести еще не появится. — Мужчину буквально разрывало от гордости. Охотник согнулся, заглядывая в коробку.

— Что это? — Коротко бросил он. Восторг ученого мгновенно сменился обидой, но он быстро успокоился.

— Пистолы с заводным механизмом, мы доработали терочный, и убрали все недостатки. Больше не надо зажигать фитиль, осечек почти не бывает, а благодаря конструкции, их можно спрятать. — Охотник придирчиво осмотрел две деревянные рукояти, с прикрепленными к ним железными трубками и сделал шаг прочь.

— Не интересуется, спасибо. — Коротко бросил он.

— Да стой ты! — Вскрикнул ученый, попытался схватить Рейнальда за руку, но чуть не выронил ящик. — Подожди еще немного. — Охотник вздохнул и обернулся. — Вот смотри, тут все как тебе нравится, — он достал из ящика мешок, — тут пули. — Он с трудом вытащил из него крупный шарик. — Эта простая, литое железо. Пробивает стальную кирасу с двадцати шагов. — Охотник скептически хмыкнул. Ему доводилось стрелять из пищалей, и если в то, что пробить доспех она сможет, он еще мог поверить, то в то, что из нее можно хоть на сколько-то предсказуемо прицелиться — нет, а в миниатюрной версии и подавно. Да и вряд ли это поможет, скажем, против толстого листа железа. Он перевел взгляд на пару мужиков, тащивших куда-то латы. Дойдя до центра помещения, они принялись надевать их на манекены из дерева и соломы. Ученый продолжил. — А вот тут, — он достал небольшой сверток из другого мешочка, — шрапнель. Знаешь, что это? — Охотник кивнул, из пушек стрелять ему тоже приходилось, так что о шрапнели он знал не понаслышке. — Хорошо, тут внутри одна порция, рвешь ткань и засыпаешь. Броню пробить не выйдет, но если попадешь в не защищенное место, то эффект будет фатальным! Такое попадание не пережить,

господин Рейнальд. — Охотник скептически молчал. Теряя уверенность, ученый продолжил. — А дальше все предельно просто, на крышке коробки даже инструкция приводится: в третьем мешке порох в порционных свертках, открываешь один, высыпаешь, выбираешь снаряд, заряжаешь его и взводишь механизм. Наводишь на цель и стреляешь. — Он радостно посмотрел на Охотника. — Сможешь брать дистанционное оружие в поле, стреляет в дождь, убойный эффект поражает! Берешь?

— Нет. — Бросил он, и отвернулся. Оружие, которое стреляет один раз за бой, при этом не пойми как, его не прельщало, да и ученый явно преувеличивал.

— Стой! Подожди! — Закричал Данила вслед, но бесполезно. Ученый тяжело задыхался, глаза забегали по сторонам, и тут. Он схватил заряженный пистолет, вскинул его, и...

«Ба-ам!» — громыхнуло за спиной Рейнальда. Он машинально дернулся в сторону, приседая на корточки и выхватывая длинный нож из-за пояса. В помещении повисла мертвая тишина. Охотник проследил за взглядами толпы. Оставшийся позади Данила стоял, сжимая в руке пистолет, направленный в стену, у которой находилось то, что еще недавно было манекеном в броне. В доспехе зияла широкая дыра, а из спины торчали вывернутые лепестки стали и обломки деревянного основания, сено, лежавшее до того на полу, медленно опускалось на пол. Шокированные мужики рассматривали все что осталось от их работы.

— ДА-А-А-НИ-И-ЛА-А! — Завопил один из них, оклемавшийся быстрее. — УБЬЮ! — И рванулся сквозь оглушённых людей к ученому. Данила же неловко развернулся в сторону и попытался ретироваться, но мужик настигал его семимильными скачками. — А-А-Р. — Зарычал он, замахиваясь кулаком, но вдруг напоролся на выставленную вперед ладонь. Данила так же замер, схваченный за ворот рубахи.

— О! Ты вернулся! — Радостно залепетал ученый.

— Да, я передумал. — Ответил охотник, отпуская его. Освободившейся рукой он вытащил из ладони Данилы пистолет, бросил его в ящик, элегантно движением хлопнул его, и вынул из руки ученого.

— Спасибо, спасибо! Ты не пожалеешь. — Продолжил радоваться ученый, утирая рукой слезы. Охотник улыбнулся ему и кивнул.

— Простите за задержку. — Учтиво добавил Рейнальд, убирая ладонь с груди грузчика. Глаза ученого округлились. — Советую вам не мешкать. — Сказал он, указывая взглядом на убегающего ученого. Пару секунд мужик хлопал глазами, но потом на его лице отразилось понимание, и он рванулся следом.

Когда Охотник подошел к нужному помещению в конце зала, жизнь в Мастерской вернулась в привычное русло.

— Папа сказал все готово. — Сказал Рейнальд, закрыв за собой дверь. В одном из нескольких помещений, ответвленных от основной Мастерской факелы и свечи всегда сияли так ярко, будто царил день. Кабинет начальника был лишен каких-либо запахов начисто. Деревянные стеллажи, забитые книгами и ящичками с бумагами, заслоняли собой боковые стены, а гигантский, обитый сталью сейф — заднюю. В центре комнаты расположился и сам хозяин кабинета, сидевший за массивным столом, перекрывающим почти весь проход.

— Как заказывал. — Грубо бросил в ответ смуглый мужчина с жесткой седой бородой. Охотник бывал здесь ни раз, и казалось, что начальник Мастерской не прибывал в хорошем расположении духа никогда в жизни. Господин Дерек занимался самыми сложными поручениями, контролируя их исполнение лично. Развернувшись на стуле, он повозился с

сейфовой дверью, и, под дребезг металла, распахнул створки, доставая на свет увесистый сверток. Вернувшись назад, он сдвинул в сторону бумаги и письменные принадлежности, и уложил ношу на стол. — Мы покрыли его благословленным серебром от яблока до кончика лезвия, выгравировали тексты молитв, и отдали в монастырь, где самые праведные монахи над ним молились. — Охотник замер, а потом с благоговением потянул вперед руку. Сверток состоял, по-видимому, из коровьей шкуры мехом внутрь, и был перетянут ремнями. Под настороженным взглядом Дереха, он со щелчком расцепил крепежи, и принялся разворачивать его.

— Мать Божья. — Прошептал Рейнальд, открывая свету полуторный меч. Лезвие в три пальца толщиной было сплошь залито застывшим серебром, поверх которого мелкими буквами тянулись тексты писания. Единственным украшением клинка была перекладина, выкованная умелыми кузнецами в виде двух переплетающихся терновых ветвей, а граненое яблоко в виде пирамиды без верха, разделялось на четыре лепестка с глубокой расселиной между ними. — Черный Василек. — Благоговейно добавил он. Начальник напрягся. Трудно было описать, насколько неправильно и не к месту смотрелось серебро, оставившее потеки, которые не вышло отполировать. Будто что-то, уже бывшее идеальным попытались зажать в пошлые, прямолинейные рамки. Но Охотник понимал, что затягивание момента чревато последствиями, и поспешил вернуть меч назад.

— Спасибо. — Сказал он, и начал заворачивать сверток.

— Подожди. — Резко оборвал его Дерек. Охотник замер. — Напомни-ка, где ты его взял.

— В горящем терновом кусте, — хладнокровно сказал Рейнальд, — я услышал глас Божий, что вверял мне это оружие. Он говорил, что с ним я сокращу его врагов.

— Я уже слышал эту сказку, парень. А теперь скажи правду. — Рывкнул он, отодвигая меч в сторону.

— У вас есть повод мне не доверять? — С нажимом в голосе произнес Рейнальд. — Или, может, вы не верите в чудо?

— Мы потеряли троих людей, пока вели с ним работы. — Сквозь зубы заговорил начальник. — Первый, кто взял его в руки, тотчас лишился рассудка, и до сих пор пускает слюни в лечебнице, рассказывая о том, что фея лезет к нему в голову, а у двух других отнялись правые руки, и их до сих пор мучают головные боли, которые ничем не остановить. Что ты к нам притащил?

— Разве я не предупреждал, господин, что что-то плохое может случиться, если кто-то другой дерзнет коснуться меча? — Тихо заговорил Охотник. — Не кажется ли вам, что божественное оружие предназначено лишь тому, кто его нашел?

— Так давай, докажи, что все, сказанное тобою, правда. Возьмись за рукоять, Рейнальд, и продержи подольше. Или может мне лучше вызвать сюда инквизицию? — Охотник мысленно выругался. Он предполагал такой исход, но надеялся, что до него не дойдет. Помявшись мгновение, он медленно потянул руку к клинку. — И не вздумай молиться! Увижу светящиеся глаза, сразу позову охрану. — Рейнальд выругался еще раз. Отключение чувств благословением было его основным планом.

— Что тут происходит? — Из-за спины вдруг раздался властный голос. — О, так ты уже получил, о чем просил. — Охотник молча кивнул. В какой момент в помещении оказался Папа Римский, для него осталось загадкой. Неужели настолько сфокусировался на мече? — Тогда собирайся, и выходи. Мне нужно поговорить с Дерехом лично. — С нажимом добавил

сановник. — Снаружи ждет послушник, скажешь ему, что еще нужно собрать. Меч и другие вещи тоже отдай, он сложит все вместе. — Произнес он, кивая на заплечный мешок и ящик в руках охотника. Тот, не теряя времени, принялся скручивать сверток.

— Подождите, ваше Святейшество, мне необходимо...

— Дерек. — Резко прервал его Папа. — Скажи, Охотники имеют право запрашивать доработки своих инструментов?

— Да, но...

— Он сделал запрос? — Начальник резко кивнул. — Ты выполнил его? — Тот молча опустил взгляд. — Тогда сиди и делай свою работу. У нашего гостя дела, которые больше нельзя откладывать. — Отчеканил он. — Господа! — Добавил он, и указал Рейнальду на дверь.

— Сейчас вы отправитесь к воротам, господин, там вас будет ждать повозка. — Тараторил слуга, следуя за Охотником по коридору. Заплечный мешок, ящик с пистолетами и меч явно были для него непосильной ношей.

— Лошади хватит. — Ответил Рейнальд.

— Конечно, господин, но Папа настоял.

— Ну? — Охотник вздохнул.

— Так вот, как подготовитесь к поездке и доберетесь дотуда, ваши вещи уже будут ждать. Ехать предстоит семь дней, дважды в день возница и лошади будут сменяться в населенных пунктах. Как доберетесь до границы Валахии, повозку поведет местный житель. С ним можете свободно говорить, он последний выживший из той деревни, будет договариваться с местными и введет вас в детали задания. Все поняли? — Охотник кивнул, и послушник тяжело выдохнул, перехватывая вещи по удобнее. — Тогда хорошей дороги, а я побежал. — Добавил он, скрываясь в другом коридоре.

Следующие несколько дней прошли для Охотника в нескончаемой тряске. Молчаливые возницы вместе с лошадьми занимали свое место и отправлялись в путь. Он не знал, был ли это приказ или предосторожность, но ни один так и не заговорил с ним. Охотник все равно не снимал с лица капюшона и полумаски. Пейзажи медленно сменялись за окном, в которое он смотрел через шторку, а уличный ветер приносил ароматы трав и шум камней, вылетающих из-под колес. Охотнику нравились затяжные поездки. Время в дороге — это то время, в которое, как ни крути, не получится заниматься серьезным делом, а потому в последние годы только в них он и мог отдохнуть. Сменяясь, извозчики приносили еду на следующие пол дня и давали Рейнальду пару минут размять ноги. Ел он в стороне, открывая лицо только убедившись, что никто не заметит.

Первый день он потратил на детальное изучение схемы устройства новоприобретенных пистолей, которые загодя достал из оружейной коробки и инструкции к ним. Механизм оказался довольно сложным и состоял из нескольких пружин,двигающих колесо, которое высекало искры на порох, соприкасаясь с кремнем на крючке. Вводилась пружина стержнем, который в одном положении служил предохранителем, а в другом ключом для взвода, подобно музыкальной шкатулке. Разобравшись с этим, он вытащил из коробки один из пистолетов, и, когда становилось совсем скучно тренировался заряжать механизм на скорость. Все остальное время он спал, прятался, когда они проезжали деревни, или смотрел в окно, погруженный в свои мысли. Это продолжалось до самой границы Валахии, когда

тройка лошадей сменилась двойкой, а на место извозчика сел хромой мужик в поношенной кожаной безрукавке поверх шерстяной рубахи.

— Вы значица деревеньку отбивать отправляетесь? — Хриплым голосом заговорил он на родном языке, когда карета отделилась от жилой зоны. Охотник промолчал. — Мне было велено все вам рассказать, так что тянуть не стану. — Продолжил он чуть погодя, шморгнув носом. — Дело так значица было: около года тому старик наш, который кладбищем заведовал, совсем стал плох. Дом его там же, на краю погоста по ту сторону от церкви, хоть и совсем обветшал. — Продолжил он, замедляясь, будто все сильнее погружаясь в воспоминания. Покачивающаяся повозка при этом производила впечатление, будто все находится в каком-то трансе. — Сначала думали, он от одиночества с головой распрощался, но потом началось такое, что отнекиваться больше никак не получалось. — Очередной порыв ветра распахнул полы безрукавки, и мужик закашлялся. — К тому, что старый богохульничал и поносил людской род все мало-помалу привыкли, но потом он начал кидаться на прохожих, пытавшихся его заткнуть. Дети на улицу выходить боялись, а кроме того, — голос возницы вдруг стал совсем хриплым, — он начал молиться какому-то богу с непроизносимым именем и говорить будто всех, кто не преклонится перед ним ждет смерть. — Мужик замолчал и некоторое время тишину нарушали только стрекот кузнечиков и стук колес повозки. — Что потом случилось я не знаю. Был я в деревне мельником. Поехал как-то в город муку продавать, — продолжил он с горечью, — а как вернулся — все. Подъезжаю к Бирсане, а там... огни не горят, на улице не души. И тишина такая... мертвая. — Он громко сплюнул на дорогу. — Я тогда сразу понял, что нельзя возвращаться, благо от домов меня река отделяла. Думал там разбойники похозяйничали, отправился опять в город, сообщил, да все без толку. Отрядили со мной мужиков, отправили дорогу показать, и те сгинули. Будто тьма сама сожрала, я и понять ничего не успел. Мой вам совет, мастер, — прохрипел он, — ночью туда даже не суйтесь, такое человеку не по зубам. — Он опять помолчал, но вскоре продолжил. — Когда вернулся в город в третий раз и сказал, что мужиков погубили, меня поколотили палками и посадили в яму. Подумали, что я людей к шустрилам подманиваю. А потом меня уже... — он задумался, подбирая слова, — ваши оттуда достали опосля моих рассказов.

— А что за девочка, говорившая с животными и лечившая их возложением рук? — Спросил Охотник после того, как молчание стало затягиваться.

— Девочка? — Задумчиво переспросил мужчина. — Ничего такого не знаю. Такого у нас точно не водилось. — Добавил он. — Кто это вам такое рассказал?

— Не ваше дело. — Коротко ответил Рейнальд. Ему было не привычно говорить на этом языке.

— Ну уж если бы в моей деревне кто-то со скотиной разговоры водил и врачевал, я бы знал точно. У нас вообще все про всех знали. — Горько добавил он. — Но вот те крест, слышу о такой в первый раз. — Охотник задумчиво замолчал. В отчетах не могли врать, но и на то, что мужик лгал похоже не было. И от этой нестыковки в душе Рейнальда шевельнулось мерзкое чувство, будто прикоснулся к чему-то запретному.

— Остановись подальше от Бирсана. Желательно на пустыре. — Возница пробурчал что-то в ответ, и охотник откинулся на спинку, быстро проваливаясь в дрему.

Попрощавшись, и пожелав всяческой удачи, мужик прохрипел, что до полуночи будет ждать охотника у парома на другом берегу реки, и поехал вперед, оставляя его вместе с ящиком на широкой поляне.

Дойдя до кромки леса, он бросил вещи и развернулся. Солнце еще только едва поднялось над горизонтом, но затягивать решительно не хотелось. Нет ничего хуже, чем столкнуться с вампиром ночью. Присматриваясь и раздвигая руками высокую траву, он принялся исследовать поляну в поисках чертополоха. Сначала он думал взять засушенный, но эффект отвара тем лучше, чем он свежее, а в таком деле любое преимущество на вес золота. Жужжали просыпающиеся мухи, а от деревьев доносилось пение соловья. Сколько себя помнил, он всегда испытывал проблемы с тем, чтобы заметить нужное растение, даже когда то находилось под носом, будто ягоды, грибы и прочая растительность пряталась от его взгляда. Конечно, можно было воспользоваться заговорами эльфов, но Охотник предпочитал избегать сверхъестественной помощи всеми силами. Никогда не знаешь, как тебе это аукнется.

Однажды Рейнальд слышал историю о степном народе. Говорили, будто их прекрасные девушки босиком танцевали на земле, призывая к себе травы. И чем более отвержено и яростно двигались они, отдавая себя этому танцу, тем богаче был урожай, потому что природе приятно, когда ее убажуют. Хотя местные жители обожествляли землю, и даже дали ей собственное имя, называя себя ее детьми, так что танцы эти носили скорее ритуальный характер, нежели просто дань уважения. Охотник искренне удивился, когда спросил об этом чудесном племени Араниэля. Он думал, что со степными жителями поделились знаниями эльфы, как произошло когда-то с людьми с далекого запада и востока. Но оказалось, что эльф о них вовсе не слышал. Неужто люди способны понять природу, услышать землю и жить с ней в гармонии сами? Для Рейнальда это было чудом. Он искренне боялся дикой природы, древней и неизведанной, и искренне считал, что уничтожение всего, что вызывает страх, лежит в основе самой человеческой сущности.

В какой-то момент, вороша траву, он наткнулся на резной лист, которым случайно уколол руку. Раздвинув колосья, он увидел желанный куст, а рядом с ним еще и еще. Сорвав один из них, он вернулся к ящику, и оставил чертополох там, набрал в лесу сухих веток и камней, соорудил на стыке поляны и леса, где не было толком ни трав, ни деревьев, небольшой костер. Откинув крышку ящика, он вытащил из него флягу из тыквы с водой и небольшой котелок, в который тут же перелил жидкость. Потом очистил растение от грязи, и, несколько раз сложив, целиком опустил в воду, закрыв сверху крышкой. Водрузив все это на огонь, Охотник вернулся к ящику и начал собираться.

Сначала пистолеты: один он привычными уже движениями зарядил простой пулей, а второй — шрапнелью. Взвел пружину, по плотнее забил порох и отложил их в сторону. Следом из ящика показался дублет из вареной кожи. На его плечах, поясе и подмышках были закреплены шнурки, а застегивался он на несколько пуговиц, которые сверху перекрывались одной из пол для надежности. Охотники добавляли высокие воротники почти ко всей своей экипировке, и этот дублет не был исключением. Рейнальду казалось, что за годы, проведенные в Ордене, он с ним уже сросся. Материал хорошо защищал от скользящих ударов, прорвать его когтями тоже было не легко, но при этом не такой тяжелый как доспехи и почти не шумит, если крадешься. Он надел его поверх своей рубахи, застегнул и спрятал пуговицы, и вновь нагнулся к ящику. Из матерчатого свертка он достал кольчугу. Двойное плетение, без рукавов, длиною по пояс. Оптимальное сочетание прочности и веса. Нацепив ее через голову, он закрепил ее шнурками дублета. Ворот то и дело упирался в

подбородок. Перекинул через плечи и закрепил перевязь с пистолями. Покрутился на месте, проверяя крепления и удобства, и остался доволен. Следующими наружу показались два крюка и скоба. Все три детали имели на обратной стороне специальные упоры, продеваемые через звенья кольчуги, а передние части были выплавлены с добавлением магнитной руды. Специальная разработка ордена для ношения длинных мечей за спиной. Крюки крепились на уровне плеча так, чтобы вложить в них перекладину, а скоба на уровне пояса, чтобы продевать в нее наконечник. Оружие хорошо держалось благодаря магнетизму, при этом достать из-за спины его можно было одним движением. Хотя о скрытности при этом не могло быть и речи. Повозившись, он закрепил детали, и снял крепежи со свертка шкур. Черный Василек, Наэкаэль. Меч-побратим ужасающего клинка Вэлдрина. Гномы как-то называли его «Ловец душ», и он оправдывал это название. Рейнальда бросало в пот всякий раз, как он вспоминал, что чувствовал, взявшись за рукоять впервые. Осторожно держа меч за лезвие, он вложил его в крепежи за спиной. «Надеюсь, мне не придется к тебе прибегать», — негромко прошептал он. Следом он закрепил на ремне поясную сумку с бомбами и ножны с длинным ножом. Окинул себя и стоянку придирчивым взглядом, и поправил штаны, заправленные в сапоги. Из пышущего паром котелка он палкой выкинул все, что осталось от травы, а густую, еле текущую жижу, перелил во флягу, которую тоже зацепил на пояс.

— С Богом. — Тихо шепнул он себе под нос, и, тяжело вздохнув, зашагал в сторону деревни.

До переправы добрался быстро, нашел привязанную лодку в кустах: видно денег на мост у крестьян не было, либо находился он в другом месте. Тихое журчание воды смешивалось с нескончаемым писком комаров и жужжанием оводов. Охотник вытолкнул лодку в воду, одним махом запрыгнул в нее и взялся за весла. Мимо проплыл по своим делам ужок, и с шорохом уполз в камыши. Солнце, отражаемое водой, жгло немилосердно, а грести в броне было неудобно, но предположить, что произойдет, когда его нога коснется другого берега было невозможно. Так что откладывать с одеванием было бы слишком рискованно. Низкие дома и землянки быстро приближались, и вскоре Рейнальд уже мог рассмотреть резьбу на ставнях. Еще немного и с глухим ударом корма плоскодонки уперлась в песок.

Липкое чувство дискомфорта появилось сразу же. Проклятая жара мешала думать, высокая трава, которую не косили уже бог-весть сколько — ходить, а сам Охотник не мог отделаться от ощущения того, что за ним наблюдают. Но больше всего настораживала гробовая тишина, не оставляющая сомнений в судьбе жителей деревни. Дорога среди крестьянских жилищ тоже заросла и проглядывалась с трудом, но даже эти колосья покачивались почти бесшумно. Некоторые растения уже перекинулись на бревенчатые стены и гнилые соломенные крыши. Тут и там в воздухе летали клочки пыли. Охотник медленно продвигался к первому дому, и вдруг услышал хруст. Наклонив голову, и поворошив траву, он достал на поверхность сломанный по середине кол и деревянный крест.

— Дьявольщина. — Пробормотал он под нос. Как Рейнальд ни старался, он не смог почувствовать вонии магии, что только добавляло загадочности. Плотный полог тайны пугает куда сильнее лика самой жуткой бестии.

Бросив безделушки назад, он поднял взгляд и заметил очертания церкви на горизонте. Присмотревшись, он понял, что деревянное здание с колокольной находится чуть поодаль, на возвышенности. А где церковь — там и кладбище. Охотник собрал волю в кулак, и шагнул

к первому дому. Оставлять врагов за спиной нельзя.

Все окна избы были закрыты ставнями, запертыми изнутри. Охотник обошел дом вдоль стен, но не нашел ни щелей в бревнах, ни хоть какой-то отдушины, ведущей внутрь. Каменная труба тоже не выглядела как надежный метод проникновения, и он вернулся к двери. Положив ладонь на ручку, он потянул ее на себя, и с облегчением выдохнул, когда она не поддалась. Он подождал еще немного, приложив ухо к двери, но в помещении царила мертвая тишина. Охотник тряхнул головой, прогоняя образ того, как хозяин избы сейчас стоит там в такой же позе, прислушиваясь к нему. Дернув дверь на себя еще раз, но уже сильнее, он отодвинул ее достаточно, чтобы заметить засов, на который она была заперта. Вытянув из-за пояса нож, он снова налег на дверь, и поддел засов лезвием, с напряжением сбрасывая с планки. Громкий удар железа о дерево разошелся эхом по деревне, разрывая тишину. Не мешкая, Рейнальд рванул дверь на себя, отскакивая в сторону, чтобы освободить солнечным лучам проход. Отражающееся от стен эхо угасло, и тишина снова воцарилась над домами. Он осторожно шагнул через порог, держа нож наготове.

Пол и стены покрывал толстый слой пыли, кое-где доски стали подгнивать, а мох, которым были забиты щели, покрыла плесень. Увидеть что-то можно было только до первого поворота. Охотник, пройдя вдоль коридора до увиденного снаружи окна, нащупал ставню и распахнул окно.

— Твою... — Прорычал он, одергиваясь. В центре большой комнаты, прямо на обеденном столе рядом с печкой, в ряд лежали три деревянных гроба. — Мать. — Добавил он, выдохнув.

Также вдоль стены он прошелся по всем помещениям, открывая ставни, но ничего другого в глаза не бросилось, и Охотник вернулся в просторное помещение. Бормоча под нос все известные ругательства, он подошел к центральному гробу, и поддел его крышку лезвием. На деревянном дне лежал бездыханный мужчина средних лет с закрытыми глазами. Длинная борода и широкие мозоли выдавали в нем крестьянина, но выбеленная кожа и островатые черты лица создавали впечатление благородности. Все указывало на то, что перед охотником находился вампир, но, чтобы убедиться точно, нужно было еще кое-что проверить. Рейнальд клинком подтолкнул голову мужчины и повернул ее на бок, прищурился, пытаясь разглядеть укусы в собственной тени.

— Ничего. — Прошептал он, и стал поворачивать голову в другую сторону, провожая взглядом щербатое лицо с бурыми глазами.

Он снова прищурился, фокусируясь на шее, и тут в голове молнией сверкнуло осознание. Резким движением он сделал длинный шаг назад, и в ту же секунду в том месте, где было его горло, мелькнула бледная рука. Пригибая голову и тихо рыча, из гроба поднимался бородатый мужчина. Охотник сделал еще шаг назад, вскинул нож, и в момент, когда тварь бросилась к нему, резко отскочил в сторону. Не рассчитав спросонья силы, кровосос врезался в оконную раму, перегнулся через нее, и с диким воплем стал рассыпаться в пепел, оказавшись большей частью тела на Солнце. Дергая руками и ногами, тварь пыталась вернуться в спасительную тьму, но разложение от тлетворного влияния светила протекало слишком быстро. Рейнальд тем временем переводил дыхание, облокотившись на стену и сморщившись от неприятного звука. Когда наконец какофония утихла, и от вампира не осталось и следа, он тяжело вздохнул, и решительно направился к оставшимся гробам.

Это заняло много времени. В первом же доме охотник нашел веревку, которую еще можно было использовать. Завязал на одном конце петлю, и, обматывая гробы, стал

вытаскивать их из домов, а потом открывать крышки. К счастью, лежали в них упыри, которых, видимо, наплодил местный вампир. С протяжным воплем и противным шипением бестии методично сгорали в лучах Солнца одна за одной. К середине дня в обозримом пространстве не осталось домов, которые он бы не посетил. За это время Охотник успел протоптать между ними некоторое подобие улицы, заваленное, к сожалению, деревянными ящиками, наполненными прахом. Впереди остались только церковь и кладбище, находившееся от нее сбоку, в низине.

Высокое деревянное здание в два этажа, казавшееся со стороны величественным, вблизи производило обратное впечатление. Бревна стен рассохлись, ставни то валялись на земле, то висели на остатках петель, покачиваясь на ветру и противно скрипя. Звук этот смешивался с глухим перезвоном колоколов с башни, которая пошатывалась, и, казалось, в любой момент рухнет. Тяжелые двери были слегка приоткрыты. «Слишком серьезные повреждения для такого здания», — подумал Рейнальд: «Либо оно и раньше на ладан дышало, либо кто-то ломился внутрь». Он вытащил из перевязи один из пистолетов, и с силой потянул створку на себя.

Свет, пробивающийся сквозь окна и щели в стенах, заливал помещение почти полностью, и Охотник с облегчением выдохнул. В голову закралась мысль о том, что, упившись крови, вампир покинул это место, оставив за собой проклятых вырожденцев забавы ради. Но все-таки вновь достал из-за пояса нож. Сразу с порога на полу его встречал засов, переломанный по середине. Кованые петли на двери еще держались, но по креплениям было видно, что церковь пала с боем. Сбоку лежали две перевернутые лавки, которые ставили у стен для стариков. В широком помещении летала пыль и одуряюще пахло елеем. Иконы, подставки для свечей и мебель хаотично лежали на полу. Охотник медленно шел через эту разруху, пока вдруг нога его не уперлась в что-то странное. Спешно одернув ее, и отскочив, он заметил, что под слоем пыли скрывались ручейки подсохшего масла, которое и производило этот аромат. Оглядевшись, он заметил несколько разбросанных бочек, покрытых трещинами. «Видимо, монахам было лень спускаться за елеем в погреб, и они держали его прямо в зале» — подумал он: «или же...» — Рейнальд тряхнул головой, решив не развивать эту мысль. Вскоре обнаружился и сам погреб. Охотник медленно спустился в темное помещение, готовый в любой момент принять бой, но крошечная комнатка оказалась полностью заставлена стеллажами с бочками разной формы и размера. Решив удостовериться, он подобрал одну из них, похожую на валявшиеся выше на полу, и поднялся назад. Получше оглядев ее на свету, он откупорил крышку ножом, и елеинный запах, который, казалось уже пропитал его насквозь, вновь резанул ноздри. Оставив бочку стоять у лестницы вниз, он двинулся дальше. Больше ничего подозрительного найти не удалось. На винтовую лестницу, ведущую в колокольню, он решил не подниматься, а когда подошел к алтарю, чтобы проверить помещения, скрытые за ним, его ушей коснулся странный далекий звук, напоминающий ни-то молитву, ни-то песню.

Кресты и могильные камни обветшали, но трава здесь достигала едва ли нескольких дюймов в высоту, будто сама кладбищенская земля не давала ей вырасти. Охотник споро продвигался между ними, следуя прямо к стоящему на краю дому гробовщика. С каждым шагом молитва становилась все отчетливее, он даже мог различить отдельные слова и целые фразы на латыни, но их значение неминуемо ускользало. Только раз за разом повторяющееся «Ишкуина» резало слух.

Рейнальд подошел к землянке. Сомнений в том, откуда исходит песня не осталось. Скромное строение с покрытой дерном крышей выглядело еще хуже, чем прочие дома в деревне, но в отличии от них не казалось заброшенным. Проверив пистолет, он подкрался к землянке так тихо, как смог. С треском он выбил дверь ногой, одним рывком спускаясь в недра землянки, и замер в легком недоумении.

В полумраке низкого помещения, в комнатке, заполненной гробами разной степени готовности, инструментами и прочим барахлом, за небольшим столом сидел горбатый старик, распевавший что-то, сложив руки в молитвенном жесте.

— Далеко ты зашел. — Тяжело прохрипел мужчина, прекращая молиться. Говорил он на латыни со странным акцентом. — Мне стоило бы тебя похва... — договорить он не успел.

Оглушительный грохот выстрела прервал монолог. Пуля прошла навывлет, разрывая череп на несколько фрагментов, и с хрустом застряла в стене. Тело мужчины откинуло вслед за ней, под веер кровавых капель, разлетающихся по комнате. С шумом он повалился навзничь, и в воздухе повисла тишина. Охотник шагнул назад, убирая пистолет в перевязь. Немного помедлил и протянул руку к следующему, но тут что-то тяжелое врезалось в его грудь, и понесло прочь. Он вылетел назад, по пути окончательно снеся дверь с петель спиной, и захрипел от боли. К земле его прижимал тяжелый стол. Собравшись с силами, он уперся в столешницу ногами, и отбросил его в сторону, но тут его взору открылась кошмарная картина. Пробив в крыше дыру, в воздух поднималось окровавленное тело старика. Взлетев немного выше тот задергался в конвульсиях и стал выгибаться, принимая нормальную позу. Охотник вскочил на ноги, сорвал с пояса флягу, и вытащил пробку. С противным хрустом костей горб старика выпрямился, кожа с шипением разгладилась, сперва приняв изначальный вид, а потом начав стремительно молодеть, и уже скоро гробовщик превратился в человека средних лет. Плавным жестом он подхватил разваливающуюся голову, и сжал. Сегменты тут же начали срастаться. Даже издававшему виды Охотнику поплохело, но тут вампир, все еще придерживая череп руками, развернул к нему лицо.

— Я знаю, кто ты такой, человек. — Прорычал он, как только челюсть достаточно восстановилась. — Но ты опоздал. Восемь лет я прятался здесь в этом мерзком теле, но теперь, когда Ломеион восстал, его жаркая кровь снова кипит в моих жилах! — Голос вампира густым басом разливался над кладбищем. Охотник торопливо разлил содержимое фляги по поверхности лезвия кинжала, и откинул сосуд в сторону. — Твои братья погубили моего друга, но я хорошо подготовился, пусть ты и смог проредить моих детишек. — «Высший?!» — промелькнула в голове охотника мысль. — Глупец! Думаешь, сам Князь снизойдет до тебя? Ты не достоин даже узреть его тени. — Мгновенно откликнувшись на мысли человека прокричал вампир. Стариковская хламица контрастировала с его совершенной внешностью. Он говорил, не переставая взлетать, и Охотнику было физически тяжело перестать его слушать. Стрелять шрапнелью с такого расстояния было бессмысленно, на перезарядку не было времени, и Рейнальд медлил в поисках пути отступления. — Но даже не надейся на то, что я буду драться не в полную силу. — Вдруг прошипел вампир. — Я уважаю мышей, дерзающих на котов. — Гробовщик находился высоко в небе, но голос звучал так, будто эти слова он прошептал охотнику на ухо. — Ишкуина!!! — Взревел он, проведя когтем по запястью. — Арман Ломеион зовет к тебе! Услышь мольбу своих первенцев! — Рейнальд пошатнулся, будто от сильного толчка. Капли крови вампира окропили землю, и трава под ними стремительно почернела, рассыпаясь в пыль. Развернувшись, охотник побежал назад, к деревне. Вампир не замолкал. — Дай мне

свою силу, и я верну троекратно! — Из кровавых пятнышек в почве струйками засочился туман, скручиваясь и вытягиваясь. словно щупальца они потянулись к Арману и оплели его с ног до головы. — Узри же силу Детей Луны! — Восторженно воскликнул он, когда охотник достиг первых домов.

И тут началось. Сначала земля содрогнулась, а потом во все стороны от зависшего в воздухе вампира поползла тень. Охотник стиснул зубы. Тьма двигалась слишком быстро, чтобы ее можно было обогнать. За считанные мгновения вокруг повисли густые сумерки. Воцарилась тишина, и Рейнальд почувствовал, как холодеет кровь.

— А теперь. — Тяжело дыша прорычал вампир. — Surge, servi. — Добавил он на латыни, и в воздухе один за другим раздалась хлопки распахи瓦ющихся гробов. — Взять. — Коротко бросил он, указав на Рейнальда пальцем.

Нежить повалила толпой. Упыри вырывались из могил, из-под половых досок домов и грунта дороги. Охотник на секунду оторопел, осознавая сколь малую часть этой орды он успел уничтожить раньше, и чем занимался старик последние восемь лет. Глядя на поднимающиеся над землей тела, он почувствовал накачивающую безысходность. Он был бы рад смерти, но души жертв вампиров вечно томятся в чистилище, неспособные найти дороги ни в Рай, ни в Ад, а потому... Охотник глубоко вздохнул, слыша гул множества приближающихся ног. Сегодня он не должен умереть.

Перехватив по удобнее нож, он рванулся вперед. Упыри, не обремененные броней, нагоняли, поднимались с боков, пытаясь взять в кольцо, но впереди их ряды были еще очень скудные. Продираясь через густую траву, он добежал до первого дома у входа в деревню, подпрыгнул, хватаясь за край крыши, и, оперевшись ногой в оконную раму, рывком залез наверх. Толпа нежити быстро взяла дом в кольцо и продолжила увеличиваться. Упыри толкались, лезли друг на друга и тянули к нему руки, щелкая челюстями. Подождав, пока твари не начнут забираться на крышу, он отошел назад, разбежался, и перепрыгнул на следующую. Шаг, еще один, и дальше. Охотник несся назад, к церкви, прыгая с одной крыши на другую, пока дома не кончились. Тогда он замедлился, вытянул два шарика из сумки с бомбами, и с силой ударил их, чувствуя, как состав внутри стремительно нагревается. Добежав до края, он бросил их вперед, досчитал до трех, и прыгнул следом, закрывая лицо руками. Прогремел взрыв. Рейнальда обдало горячим воздухом и липкими потрохами. В унисон раздался протяжный стон нежити. Охотник пружинисто приземлился, и не сбавляя темп ринулся дальше, сбивая оставшихся упырей с ног.

Шум погони не утихал, и он вытянул еще два шарика, и, ударив, бросил за спину по дуге. Раздался второй взрыв, и твари захрапели, спотыкаясь о повалившиеся на землю тела. Он молнией долетел до ворот церкви и ворвался внутрь. Захлопнул дверь, в которую тут же врезалось несколько преследователей. Благо, что безмозглые упыри не могли потянуть на себя ручку. Подхватил одну из лавок и вбил ее в пазы для засова. Тут же по доскам застучало множество рук. Охотник подбежал к погребу и пнул оставленную там бочку. Елей разлился лужей, смешиваясь с ручьями в зале и стекая по ступеням вниз. Раздался грохот. Скамья треснула, не выдержав напора, и поток нежити ринулся внутрь. Он развернулся и кинулся к винтовой лестнице, ведущей в колокольню, вытягивая последние два шарика из сумки. Щелчок, бросок, и бомбы отправились в полет. Охотник успел пробежать три витка ступеней, когда внизу раздался взрыв. Упыри завизжали вновь, наступая на загоревшееся масло, а линия огня быстро расползлась по помещению, вскоре достигнув лестницы и

спустившись в подвал. Рейнальд помедлил, столкнув вниз слишком расторопного кровососа и крепче ухватился за перилла.

— Бам! — Оглушительно прогремело из подвала. — Бам! Бам! Бам! — Вторило ему.

Ветхое здание затряслось, каждый взрыв будто вытряхивал из него душу. Из входа в подвал вырвался поток пламени, снося нежить на своем пути.

— Бам! — Прозвучал еще один взрыв, и колокольная башня переломилась на стыке с крышей.

Охотник, которого мотало из стороны в сторону, что было сил рванул вверх. Башня склонилась уже наполовину, когда он ее достиг. Подпрыгнул со ступени, схватился за край обломившейся доски, и, помогая себе ногами, вылез на внешнюю сторону колокольни. Взрывы внизу не заканчивались, церковь немилосердно трясло, а Рейнальд бежал по падающей стене, с трудом балансируя на ветхих досках. Под грохочущий аккомпанемент звучали грозные удары колокола и жалобные вопли нежити. Когда твердая поверхность начала уходить из-под ног, он из последних сил прыгнул в бок, группируясь в полете. Слово ядро он пробил соломенную крышу ближайшего дома, упал на стол и застонал от боли. Рядом рухнула, трескаясь по всей площади, колокольня, и Охотник увидел в открытое окно, как церковь складывается внутрь, хороня под своими горящими стенами упырей. Он тяжело выдохнул.

— Не дурно. — Раздался рядом грубый голос, и что-то могучим броском выкинуло его наружу. Охотник пролетел через окно и врезался в остатки колокольни, ополз на землю, и принялся ловить ртом воздух. — Встань! — Бросил ему Арман, и Рейнальд вскочил на не слушающихся ногах.

Вампир упер в него взгляд, и охотник почувствовал, как немеет все тело. Проклятая вампирская сила была по природе чем-то сродни гипнозу, и благословение от нее не спасало. Он мысленно выругался. — Встречай смерть с честью. — Добавил висящий в воздухе вампир, и спикировал к нему. Ситуация казалась безнадежной, но охотник далеко не в первый раз сталкивался с разрушительным влиянием на разум, и собрал в кулак всю силу воли. Единственное, до чего он мог дотянуться был нож, но этого было достаточно. Сосредоточившись, он выхватил его из-за спины, и неловко выставил клинком в сторону противника. Не обращая на это внимание, Арман налетел на охотника, целя клыками в шею. Когти закрипели по кольчуге, зубы впились в воротник, но тут вампир взвыл, напоровшись на облитое отваром лезвие, дернулся, и по инерции пролетел дальше, проломив доски, и скрывшись в недрах колокольни.

Охотник как кукла рухнул на землю, правая рука ударилась о стену и завалилась под голову. Сил сопротивляться влиянию вампира не осталось, но тот и сам стал ослабевать, отравленный чертополохом.

— Ты хоть... понимаешь... — раздалось из-за досок, — скольких... мне придется убить... чтобы вернуть... Ишкуине долг? — С треском ломаемой древесины из обломков показался вампир. Охотник сжал зубы. — Все эти смерти будут на твоих руках. — Добавил он, и, шатаясь, как пьяный, двинулся навстречу Рейнальду.

Однажды его пыталась свести с ума куда более опасная тварь, и тогда по чистой случайности он смог с этим справиться. Смог бы и сейчас, было бы чуть больше времени. Арман остановился, вырвал нож из живота, снова застонав, и с рычанием бросил его в охотника. Клинок щелкнул о звенья кольчуги и воткнулся в землю, а вампир снова стал медленно взлетать.

— Когда... ты уже... сдохнешь?! — Завопил он, теряя самоконтроль, и устремился к Рейнальду.

«Вот оно», — пронеслось в его голове. Вампир ослабил контроль, и охотник, зажмурившись, продвинул ладонь и схватился за рукоять меча.

Темный лес. Середина дня, но здесь черно как ночью. Ветер колышет ветки и листву. Волки рыщут. Они уже рядом.

— Ты тут? Ты меня слышишь?

— А-а-р! — Закричал от боли Охотник. Странное наваждение отпустило почти сразу.

От рукояти по нервам вдоль всего тела будто пустили расплавленный свинец. Боль сводила с ума, но она же очистила разум от постороннего влияния. Арман уже приблизился на вытянутую руку. Охотник дернулся назад, выхватывая из перевязи второй пистолет. Вампир схватил его, снова целясь в шею. Выстрел. Прямое попадание шрапнели и отдача растолкнули их в разные стороны. Арман орал, глядя на дыру в корпусе. Посеребренные шарики расползались по его телу, причиняя невыносимые страдания и не давая ранам заживать. Он поднял перекошенный взгляд на Рейнальда. Тот шагнул вперед, одним движением достал из-за спины меч и не давая прийти в себя срубил вопящую голову. С глухим стуком она упала на землю. Охотник отступил, уперся о стену дома, выронил меч и пистолет, и сполз на землю.

Из вампира стала медленно вытекать кровь, которая тут же превращалась в туман. Охотник напрягся, но сил уже не было.

— Нет! — Крикнула голова. — Нет! Не надо! Не на... — Договорить он не успел. Окружив его целиком, туман сжался в плотное облако, и останки вампира начало перемалывать будто в мясорубке. С кошмарными звуками Арман превратился в кровавое месиво, которое вскоре растворилось в тумане и полностью исчезло.

Охотник молча смотрел в пустоту, туда, где только что лежал его враг. Сумерки стремительно развеивались, и скоро над деревней снова сияло солнце. В стороне догорала церковь, словно по велению какого-то чуда, не задевая траву и дома ни жаром, ни искрами. Он тяжело вздохнул, лег на спину и закрыл глаза.

День плавно переходил в вечер. Ветер стар прохладнее. Он приятно ласкал кожу, перебирал стебли травы и раздувал угли догорающей колокольне. Дневная жара уходила, и на чистом небе появлялись большие облака. Охотник молча смотрел вверх. «Пирог хочется», — подумал он: «с вишнями и румяной корочкой». Широкая тень накрыла его и двинулась дальше. «Надо было стать пекарем», — пронеслось в его голове, и он рассмеялся. «Вкусные Вера готовит, совсем как мамыны», — он грустно вздохнул: «жаль родители никогда не пробовали вишню, брусника да земляника». Он полежал еще немного, но от воспоминаний его отвлек запах елейного дыма, пронесшийся в воздухе словно в знак того, что отдых закончился. Охотник нехотя поднялся, и принялся собираться.

Сначала осмотрел себя: кольчуга порвана в трех местах, на дублете царапины, но, если зашить — не заметят. На теле никаких повреждений, кроме ссадин и ушибов — кровососы не добрались, и поделом. Потом поднял меч, вернул его на место, покрутил в руках извлеченный из земли нож, вымазанный вампирской кровью, и убрал за спину на пояс. В Мастерской найдут применение это дряни. Еще раз огляделся и медленно затопал прочь.

Хаты сменяли друг друга, и Рейнальд уже собрался сплавляться назад, когда его взгляд зацепился за отдельно стоящий дом на отшибе. Что-то незримо отличало его от остальных, но ярче всего в глаза бросалась отчужденность постройки. Охотник тяжело вздохнул и двинулся навстречу строению. Больше всего он не любил оставлять за спиной врагов, Солнце, к тому же, было еще достаточно высоко.

Снаружи дом выглядел вполне добротным и менее всех заброшенным. Он обошел его по кругу: опрятный забор, калитка, широкие окна с красивыми ставнями вдоль стен и загон для скотины. Охотник дернул дверь, но та оказалась закрыта. Сначала решил, что опять придется работать ножом, но потом заметил замочную скважину и выругался. Пришлось лезть в недра дублета за отмычками и возиться с замком, но вскоре тот мелодично щелкнул и дверь приоткрылась. Охотник встал, отошел чуть в сторону, чтобы перезарядить пистолеты, и, вооружившись одним из них, шагнул внутрь.

Недра дома встретили его коридором. Правая сторона вела в крупное помещение, где свет выхватывал кусочек широкого стола, а левая уходила в комнаты поменьше. Охотник подергал ставни, но они оказались забиты намертво, и это уже настораживало. Входная дверь пропускала немного света, и разглядеть что-то дальше было физически невозможно. Пришлось вернуться назад, насобирать в проверенных домах ветоши, и соорудить из нее и досок импровизированный факел, благо ресурсов было в достатке. Вооружившись им, он снова подошел к развилке коридора, и шагнул в правую сторону. Свет озарил квадратную комнату с печкой, маленьким столом для готовки и большим обеденным, окруженным лавками. Рядом было окно, в одном углу стояла утварь, уложенная в короба и полки, а в другом четыре уже привычных гроба. Охотник закатил глаза, и решил было уже возвращаться за своей веревкой, но тут обнаружил еще одну, висящую вдоль стены.

Поставив факел в горшок, он накинул петлю на первый гроб, и потащил его наружу. Отработанным жестом откинул крышку, но тут... из деревянного ящика на него смотрела женщина средних лет. Лицо и кожа выглядели так, будто она просто задумалась и вот-вот очнется, но более всего удивляло то, что все оставшееся свободным место в гробу занимали подсохшие листья. Когда солнце озарило женщину, она рассыпалась сотней лепестков, не издав ни звука, не шевельнув ни одним мускулом. Только ветер разнес в стороны их и жухлые листья, утаскивая в небо цветную линию. Оторопело, Охотник перетащил на улицу оставшиеся гробы. Взрослый мужчина и два мальчика пребывали в таком же состоянии и развеялись едва солнце залило их тела, смешивая лепестки с листвой. Сначала он решил, что вампирская магия иссякла, и гули умерли сами по себе, но качество, в котором тела сохранились и непонятная метаморфоза слишком не вписывались в происходящее.

Убедившись в том, что в кухне ничего не осталось, охотник подхватил факел, и двинулся влево. Две комнаты не были ничем примечательны: кровати, еще одна печь поменьше, немного игрушек. Но та, что была посередине одним своим видом нагоняла жуть. Маленькая дверца, в которую взрослый мужчина едва ли протиснулся бы, была заколочена толстыми досками, местами в несколько слоев. Охотник сглотнул и развернулся в поисках подходящего инструмента. Не хватало только, чтобы там спал второй вампир. Повозившись немного, он отыскал молот, зубило и пару деревяшек. Снова поставил факел в горшок и принялся отдиравать доски. Стук и скрежет инструментов в потусторонней тишине помещения звучали как гром. Создавалось впечатление, будто весь дом находится в другом мире, и только тоненькая полоска света от входной двери сохраняла в сердце Рейнальда надежду. На середине процесса он замер, и почувствовал, как по спине прокатился

холодный пот. Он вспомнил, как обходил этот дом, и окон в этом месте не было.

В какой-то момент последняя доска с грохотом рухнула на пол. Охотник с сожалением оглядел очищенную дверь. Лучше бы они вообще не заканчивались. Но тянуть было некуда. Сжав факел в руке, он толкнул дверцу, и шагнул внутрь.

Небольшая комната и впрямь была лишена окон. Никаких признаков жизни в ней не было: ни звуков, ни даже запахов, но свет факела выхватил низенький стульчик и стоящий рядом с ним сундук средних размеров, на котором была расстелена постель, засыпанная почерневшими от времени васильками. У подушки лежали несколько кукол, сжимая между собой исписанный лист бумаги. Чувство тревоги усиливалось с каждой секундой, но он все равно протянул руку, и вытащил записку, поднес к ней факел и принялся читать.

«Ты на вечно в наших сердцах, дитя», — было выведено на латыни аккуратным почерком ученого человека: «Пусть твой путь всегда устилают цветы, что ты любила более всего. Теперь ты можешь видеть всех нас». — Записка закончилась. Охотник перечитал ее еще несколько раз, но так ничего и не понял.

— К черту. — Прошептал он, развернулся назад, и увидел внутреннюю сторону двери, которую случайно подсветил. — Сука! — Прохрипел охотник, машинально попятившись. Вся внутренняя поверхность досок была покрыта глубокими, но узкими царапинами, будто какой-то зверь пытался вырваться наружу, стесывая о дерево когти. Он шагнул вперед, но дверь резко захлопнулась, задувая факел потоком ветра. Охотник махнул рукой, пытаясь схватить ручку, но не смог нащупать ее, и вжался в угол, протягивая руку к мечу.

Потолок был настолько низкий, что ему приходилось прижимать голову к плечам. Факел сразу же полетел на пол, но в такой коморке с клинком было не развернуться, и он помедлил. Было омерзительно чувствовать себя загнанной крысой, но он не мог понять откуда ждать угрозы и от чего защищаться. Ситуацию ухудшала полнейшая тьма, в которой он был словно слепой. Но вот прошло мгновение, второе, а враг все не нападал. Рейнальд с трудом успокоил дыхание и бешено колотящееся сердце. Долгое время он был единственным источником звуков, но вдруг где-то на краю сознания услышал отдаленное хрюканье. Это было так неожиданно, что он вжался в стену, пытаясь понять, откуда он исходит. Звук нарастал, и вскоре он различил за стеной мычание коров и бляение овец, будто кто-то выгуливал стадо. Он прислушался еще сильнее, и вдруг услышал тихие перешептывания со стороны двери. Он приблизился к той стене, ведя рукой по бревнам, чтобы не сбиться, и с усилием попытался разобраться в звуках. Трое людей шептались о чем-то на кухне, он даже, казалось, понимал отдельные слова, но смысл все время ускользал. Он подкрался и приложил к двери ухо, и тут...

— ТУК! ТУК! ТУК! — Прогрели с той стороны кулаки. Охотник повалился на пол и вскрикнул. — ЧТО СЛУЧИЛОСЬ? — Кричал женский голос, прерываемый стуками и обеспокоенным мужским бормотанием. — ТЫ ТАМ? ЧТО С ТОБОЙ? — Охотник завопил ладонями по двери, стараясь нащупать хоть что-то. Стены и потолок невероятно давили. Впервые за очень долгое время он осознал, что чувствует ничем не прикрытый животный ужас. — ОТВЕТЬ! ОТВЕТЬ ЖЕ! ОТВЕТЬ! — Не унимался голос, и тут палец охотника попал в одну из царапин, которая оказалась глубже остальных. Он подтянулся к ней, и попытался открыть за нее дверь, но рука сорвалась. Он снова завалился на пол, и, окончательно теряя надежду, выхватил пистолет и приставив дуло к двери, выстрелил. Из образовавшейся дыры в комнату просочилась тонкая струйка света. Рейнальд прильнул к ней, и заглянул внутрь. С той стороны в него уперся пристальный взгляд изумрудного глаза.

— Ты меня слышишь? — Прошептал на ухо вкрадчивый голос, и Охотник кубарем вывалился из комнаты. Дверца покачивалась за спиной, свисая на одной петле. Он рывком вскочил и молнией понесся на улицу.

Только добежав до самой переправы он смог остановиться и отдышаться, более-менее взяв себя в руки. Солнце почти касалось горизонта, а на другой стороне стояла ожидающая его повозка.

Глава 4. Перекресток

Тем временем в Риме

Под темными сводами тоннелей журчала вода. С глухим всплеском он приземлился на кирпичи и бесшумно двинулся против течения. Потоки жидкости не касались его сапог, послушно растекаясь в стороны от подошвы. Пустившиеся-было в стороны крысы замерли и вскоре вернулись к своим делам, признав гостя не опасным. Мужчина двигался так размеренно, что казалось, будто он плывет в воздухе, а размытые плащом очертания, из-за которых он был едва заметен в темноте, могли бы произвести на свидетеля впечатление, что тот увидел призрака. Пройдя достаточно далеко в глубину, так, чтобы лишайники, мох и торчащие из щелей в камнях корни сплелись в однородное полотно, он остановился, и положил на стену ладонь. «Tenta» — прошептал он. В густой темноте ярко вспыхнули изумрудным светом два глаза, мужчина покачал головой в поисках дороги, и огоньки погасли так же быстро, как и зажглись. Дальше он двигался по тоннелям не раздумывая, безошибочно сворачивая в коридорах и уклоняясь от скоплений грязи. С расшатанных кирпичей падали капли, где-то возились крысы, а воздух насквозь пропитало зловоние. Все указывало на то, что это Вэлдриэль выбрал бы именно это место.

Он шел и шел, еще однажды остановившись, чтобы проверить дорогу, и вскоре оказался напротив стены, которая не отличалась почти ничем от прочих. Мужчина снял капюшон и подвинул завязки плаща так, чтобы ткань не закрывала доступ к рукоятям клинков за спиной. Он двинулся вперед, и кладка разошлась перед ним в стороны, оказавшись лишь ковром свисающих с потолка лиан, покрытых необычным мхом. Лучи яркого света ударили в лицо так, что ему пришлось прищуриться, и полог за спиной закрылся вновь, принимая вид сплошной стены.

— Зачем пришел? — Коротко бросил другой мужчина, стоявший в центре комнаты. Он был одет в широкие домашние штаны и серую рубашу без рукавов, которая не скрывала сильных, сложенных на груди рук.

— Почувствовал меня? — Ответил вошедший мелодичным голосом и отвел взгляд от сверлящего его глазами хозяина дома, с интересом окидывая им помещение. — *Aiya, Bonhealle.* — Учтиво произнес он, заметив у стены подставку с лежащим на ней мечом. Его зрачки ненадолго расширились, и он улыбнулся. — Все еще отказываешься разговаривать с ним, Вэл? — Он молчал, продолжая сверлить вошедшего взглядом. Пауза затягивалась, и Араниэль наконец решился ее прервать, делая шаг вперед. — Мне тепло от мысли о том, что эта невообразимая мощь находится в таких руках. — Произнес он, вытягивая ладони к рукоятям клинков за своей спиной. Вэлдрин медленно отступил назад, приближаясь к мечу.

— Ого, у нас гости! — Вдруг раздался восторженный возглас. Мужчина обернулся и с удивлением уперся взглядом в стоящую рядом с ним девушку. — Добро пожаловать! — Чуть громче, чем нужно было, добавила она, и впихнула в его ладонь деревянную кружку с чем-то горячим. — Вэлдрин, представишь нас? — Она обернулась к нему, и темный эльф заметил странное выражение ее глаз, будто она одновременно водила пальцем у веска и размахивала в воздухе руками, пользуясь для этого только взглядом.

— Кончено. Рисин, — медленно начал он, — это мой брат Араниэль. Араниэль, это Рисин. — Ровным голосом произнес он, отстраняясь от ножен, и снова принимая расслабленную позу.

— Твоя?.. — Протяжно продолжил Араниэль, явно надеясь на разъяснения.

Вэлдрин молча пожал плечами.

— Генерал Ада, в отставке. — С улыбкой произнесла Рисин, с силой пожимая не занятую руку гостя. Араниэль ошарашено обернулся к Вэлдрину, но тот только покачал головой.

— Рад встрече. — Возвращая невозмутимое выражение лица, проговорил гость. — Я зайду?

— Конечно! — Радушно размахнула рукой Рисин в приглашающем жесте. Араниэль занес ногу, чтобы шагнуть вперед. — Обувь! — Неожиданно жестко оборвала его демоница. Эльф замер. — Сапоги оставьте, пожалуйста, у нас тут ковер. — Он отступил назад к проходу, нашел взглядом стоящую на полу обувь, согнулся и принялся разуваться одной рукой, стараясь не расплескать содержимое кружки.

— А теперь к столу. — Удовлетворенно произнесла Рисин, указывая на предмет мебели пальчиком.

— Ты сделал стол для гостей? — Еще более ошарашено добавил эльф, подходя к нему. Рисин с победоносным взглядом повернулась к Вэлдрину, и ему показалось, что в голове прозвучало «Я же говорила!».

Темный эльф сделал шаг навстречу столу, и опустился в кресло, тут же выросшее из пола.

— Вэлдрин. — С нажимом произнесла демоница, и тот скорчился.

— Что? Он тоже умеет выращивать мебель.

— По-твоему это повод для грубости? — Вэлдрин вздохнул, и на противоположной от стола стороне из пола вытянулись ветви, сплетаясь во второе кресло.

— Ну не буду вас отвлекать, у меня еще свои дела. — С чувством выполненного долга пробормотала она, обулась, и, раздвинув полог, выскочила из помещения, напоследок одарив Вэлдрина серьезно-прищуренным взглядом.

— Что это? — Осторожно спросил Араниэль, глядя в кружку, легкие шаги демоницы скрылись в глубинах коллектора.

— Компот. — Коротко ответил вор. Араниэль сделал глоток и поперхнулся. — Рисин привыкает к жизни в человеческом теле и недавно увлеклась приготовлением пищи. Теперь носитя по трактирам, собирая рецепты людских блюд и повторяет их дома. — Вэлдрин задумчиво промолчал, давая брату прокашляться. — Правда, не все из них выходят удачно, но меня к кухне она все равно не подпускает.

— И чем вы тут... занимаетесь? — Спросил Араниэль, аккуратно отставляя кружку в сторону.

— Работаем. — Вэлдрин опять пожал плечами. — Рисин невероятно искусна в убеждении, — он помедлил, — как ты и сам смог убедиться. Она легко находит клиентов и берет заказы. А ее демонический талант позволяет ей узнавать, где находятся любые сокровища, о которых говорит собеседник, если они существуют. Ее называют «Рисин, ведающая клады». — Араниэль медленно кивнул. — Потом они договаривается о цене. Ну а я занимаюсь тем, чтобы заказ оказался у клиента в назначенный срок.

— Ты стал нуждаться в деньгах? — Спросил Араниэль. Вэлдрин медленно качнул головой.

— Это скорее... соревнование на интерес. Если заказ не возьму я, кто-то все равно украдет эти вещи, а так я сталкиваюсь с самыми изощренными устройствами и уловками,

которые придумывают люди, чтобы спрятать свои ценности. Это... весело... и помогает идти в ногу со временем.

— Мда, — протянул Араниэль, — второе изгнание не пошло тебе на пользу. Ладно, я пришел к тебе по делу. — Расслабленная поза Вэлдрина сменилась на сконцентрированную. — Полагаю, ты уже слышал про Наекаэль? — Вэлдрин кивнул. — Не буду ходить вокруг да около. Я много раз видел один и тот же сон. — Он тяжело вдохнул и продолжил. — Города. Огромные дома из камня и стекла, будто подпирающие собой небо. Они разрушены почти до руин. Всюду пожары и смерть, а посреди этого безумия сражаются люди и эльфы.

— Друг с другом? — С легкими нотками беспокойства спросил Вэлдрин. Араниэль покачал головой.

— Это остается мне не ведомо.

— Еще пару сотен лет назад я бы от тебя отмахнулся. — Сказал Вэлдрин. — Да что там, за три тысячелетия истории они не научились шить нормальные штаны и делать хорошую обувь. — Ворчливо продолжил он. — Но я вижу, как быстро люди прогрессируют, ведь еще недавно у них не было и этого. И потому я поверю тебе.

— Да. — Коротко ответил Араниэль. — Но одно я чувствовал наверняка: нашему народу грозит опасность, превосходящая все, что были ранее. — Вэлдрин поморщился. — Ты можешь отрицать свою природу, брат. Но мы все листья одного дерева.

— К сожалению моя ветка обломилась. — Подражая тону брата иронично ответил Вэлдрин.

— Не стану тебя переубеждать. — Араниэль стоически перенес щелчок по носу. — Время расставит все по своим местам. — Спокойно продолжил он. — Я просто хочу, чтобы ты не вмешивался. — Вэлдрин вопросительно выгнул бровь. — Люди опасны, и ты понимаешь это не хуже меня. — Вэлдрин снова скривился. — Когда опасность нависает над нашим народом, приходит время Хранителя.

— Но этот мальчик не может им быть. Я знаю это наверняка.

— Да, тебя называют Вечным Хранителем. Но ответь мне на один вопрос: кто сможет защитить нас от людей лучше всего? — Над столом повисла пауза. Вэлдрин молчал. Светящийся фрукт под потолком медленно покачивался. — Даже если настоящий Хранитель не он, если парень справится с мечом, то сможет защищать нас от растущей угрозы, пока не найдется истинный. Я уже позаботился об этом, скрепив наш союз клятвой. Пока Хранителем не найдется, он будет нашим щитом. Мы ничего не теряем.

— Бедолагу и так использовали всю жизнь, и вместо того, чтобы помочь, ты решил вогнать его в еще большую кабалу. — С нотками отвращения проговорил Вэлдрин.

— Когда моему народу угрожает опасность, — уверенно заговорил Араниэль, — я не буду раздумывать и пойду на все, что потребуется. — Вэлдрин усмехнулся.

— Как же странно все сложилось, брат. — Араниэль горько улыбнулся в ответ. — Как Таниэль? — Вкратчиво поинтересовался Вэлдрин.

— Откуда ты о ней знаешь? Тираэль держал ее рождение в тайне всеми силами. — Братья обменялись понимающими ухмылками.

— Весьма обидно, что от меня скрыли рождение племянницы, но винить вас за это не стану. Тираэль не нашел бы меня, даже если бы захотел, а ты, как всегда, решил не вмешиваться. — Вэлдрин понимающе кивнул. — Спасибо нашему человеческому другу, который мне о ней рассказал. Хотя я не являюсь частью народа, но остаюсь членом семьи,

так что хочу хотя бы узнать о ней по больше, раз не могу познакомиться лично. — Араниэль твердо встретил тяжелый взгляд брата.

— Прости, но Тираэль не станет меня даже слушать. Он и его жена не могут простить мне случившегося с Наэкаэль, — Араниэль поморщился, — хотя скорее того, что мы теперь бездомные изгои. Я бы и сам никогда не узнал о племяннице, если бы мы не жили под кроной одного дерева. А что касается Таниэль... Она унаследовала дар нашей семьи, Вэл. — Темный эльф откинулся на спинку кресла. — Вот уже несколько месяцев ей приходят видения. Из-за характера и возраста она еще не может их контролировать, но раз за разом в них она видит образ мальчика с голубыми глазами.

— Это все? — Поинтересовался Вэлдрин.

— Во всяком случае, это все, что она говорит. Друиды сказали Тираэлю, что его ребенок будет оракулом. Так что можно понять его одержимость сохранением тайны рождения дочери.

— Оракулы всегда предшествуют большой беде. — Пробормотал Вэлдрин. — Теперь я считаю, что просто обязан с ней встретиться. Возможно, девочке нужна не неизвестность, а наставничество и защита?

— Нет, Вэл, ты заблуждаешься. — Араниэль улыбнулся. — Куда сильнее ей нужны сверстники и друзья, а с этим у нас гораздо большие проблемы. Ребенку не сидится в четырех стенах, и ее можно понять. Мы все меньше связываемся с внешним миром, наш народ стареет. Едва ли не каждый день она спрашивает меня о том, когда Рейнальд вернется в гости. Пока маленький человек был у нас, она радовалась и веселилась каждый день. Так что лучшее, что ты можешь сделать — это просто прийти и поговорить с ней. Уверен, она выслушает твои истории с большим интересом и удовольствием. — Вэлдрин задумчиво кивнул.

Сэр Рихтер Балдер

Несмотря на раннее утро, солнце уже жгло и слепило глаза. Удушливый соленый воздух пропитал одежду еще две недели назад, а волосы слиплись на голове не успел он отойти от умывальника. Прожив в Венеции неполный месяц, он успел ее возненавидеть, в особенности за климат и темперамент местных жителей. Но не это доставляло сейчас самые большие трудности. С полуночи у Рихтера заболела голова и за следующие часы эта боль возросла многократно так, что к утру он не мог не то, что спать, а даже нормально соображать. Все люди чувствуют магию, кто-то лучше, кто-то хуже, но божественная душа однозначно указывает бранный плоти, когда в реальность просачивается демоническая энергия. Кто-то ощущает ее присутствие словно вкус или запах, иные покалыванием кожи или зрительными образами. Инквизитору же не повезло испытывать нарастающую головную боль по мере усиления чар.

— Мы все проверили, сэр. Ничего не трогали, как вы и просили. — Рихтер отмахнулся, сделал шаг вперед и толкнул дверь.

Когда его пальцы коснулись досок, голова разразилась такой резью, что он пошатнулся и заскрипел зубами. «Хорошо, что не завтракал», — подумал он.

Крошечное здание на краю порта обнаружилось на рассвете. Собрав отряд стражи и прихватив писаря, Инквизитор поочередно обходил все самые непривлекательные места города, пока не остановился напротив этой двери. Чудесный талант ни разу не подводил его, и потому сейчас Рихтер был уверен в том, что магия творилась именно в этих стенах.

— Германн, записывай! — Громко произнес инквизитор, шурясь от боли.

— Я Альберто, сэр. — Учтиво заметил писарь.

— Да хоть... — Инквизитор с трудом оборвал себя на середине предложения и отвернулся. — Делай что говорят. — Рывкнул он. Альберто скривился и достал из сумки табличку и мел. Рихтер продвинулся вперед, медленно обходя помещение.

— Портовой склад, деревянный, — делая паузы между словами заговорил он, — крайний с востока. Оставь свободное место. Узнай кто владелец и запиши туда. — Он остановился у самой стены и опустил на корточки, проводя по полу ладонью. — Глубокие царапины на полу по всему периметру помещения. Видимо мебель и товары вынесли перед ритуалом. — Он замолчал. Параллельные глубокие полосы. Больше всего было похоже на то, что здесь стояли стеллажи с чем-то тяжелым. Еще немного посидев, он распрямылся и пошел к центру комнаты. — В центре помещения доски расцарапаны до бела. — Он снова склонился и поводил ладонью по шершавой поверхности. Тут поработали лезвием или жесткой щеткой. Картина потихоньку складывалась. Инквизитор вытащил из-за пояса нож и поковырялся им между досками, но ничего там не обнаружил. Зато взгляд зацепился за другую деталь. — Среди царапин выделяется более темный квадрат, там скребли не так активно. — Он убрал нож и помассировал пальцами вески. — Следующее помещение. — Инквизитор медленно встал и подошел к двери в дальнем углу, толкнул ее и шагнул внутрь. Писарь и стражи напряглись. — Есть пристройка, два на два шага. — Приглушенно донеслось оттуда. — Мебели нет, пол без повреждений. — Инквизитор замолчал. — На досках серые разводы. — Его голос звучал задумчиво. Повисла пауза. — Так, а ну все быстро сюда! — Скомандовал он. Солдаты ломанулись вперед, отталкивая писаря. — И лом принесите! — Добавил Рихтер. Стражники застопорились, кто-то чертыхнулся, началась толкучка, но в конце концов один из мужчин побежал в город за инструментом. Прошло немало времени, прежде чем замыленный человек вернулся назад, победоносно неся инквизитору заветный лом. — Наконец-то. — Нетерпеливо пробормотал Рихтер и хлопнул того по плечу. — Теперь давай, вскрывай пол. — У стражника округлились глаза, и он молча принялся открывать рот, не в силах издать и звука. Он обернулся к своим товарищам, но те синхронно отвели взгляды в сторону, старательно его не замечая. Парень еще немного подергался, но вскоре обреченно сгорбился и принялся вбивать инструмент в прогал между досок. — А вы чего стоите как вкопанные? — Рывкнул Рихтер. — Вы тут до ужина отдыхать собираетесь? Быстро всем помогать ему, кому не хватает места идите искать еще инструменты, и не дай бог вам пробегать в поисках дольше него. — После этих слов склад пришел в движение. Как тараканы, стражники разбежались кто куда, а инквизитор привалился к стене, пытаясь всеми силами унять головную боль. Мимо него проносили доски и инструменты, гремели половицы и скрипели гвозди.

— Разобрали. — Через некоторое время сказал запыхавшийся стражник. — Дальше чего?

— Хорошо, все наружу и ничего не трогать. — Инквизитор дождался, пока солдаты покинут помещение. — А ты чего стоишь? — Спросил он у писаря. Тот удивленно покрутил головой. — Тебе по буквам продиктовать? — Прошипел он. — Развернулся и потопал наружу. — Альберто снова скорчился, но понуро вышел прочь. — Непрошибаемый кретин. — Прошипел Рихтер себе под нос, заходя в комнатушку. Из дыры в полу было хорошо видно песок вперемешку с камнями. Он наклонился над ним и начал медленно пересыпать через ладони. Еще только войдя в пристройку он заметил широкие зазоры

между половыми досками, в которые вполне могло что-то завалиться. Так он просидел долго, слишком долго по его мнению. Видимо парни ненароком перемешали то, что было под ногами. Но вдруг пальцев Рихтера коснулся небольшой круглый предмет. Он аккуратно подхватил его, и медленно достал наружу монетку, с которой осыпался песок. Поднеся находку к лицу, инквизитор присмотрелся и резко вскочил на ноги. Пенни. Теперь все окончательно встало на свои места. Первый раз войдя в помещение он обнаружил на полу зацепившийся за щепу в доске лоскут ткани, и для разгадки не хватало только этой детали.

— Вызывайте карету. — Скомандовал он, выходя на улицу. — Я возвращаюсь в Рим.

— Что? — Удивленно выдал писарь.

— Проверьте каждую лавку, каждый корабль, каждый дом в этом проклятом городе. —

Не обращая внимания на вскрик Альберто, продолжил Рихтер. — Мне нужна вся информация о хождении в городе голландского золота со вчерашнего вечера до завтрашнего утра. Если найдете у кого-то больше десяти монет — записывайте имя и дом, больше ста — берите под стражу, больше пятисот — отправляйте в Ватикан под трибуналом. Найдете на складе — закрываете и держите под надзором до распоряжений, хозяина в тюрьму, а список клиентов мне, на корабле — корабль под стражу, капитана в камеру, а мне бортовой журнал. Все ясно? — Стражники сбивчиво закивали.

— Но как мы передадим это вам, если вы уедите? — Поинтересовался писарь.

— Гонцом, курьером, да хоть почтовыми голубями, главное быстро. — Раздраженно ответил инквизитор. По рядам солдат прошел ропот, вид у них был явно сникший. — Кто зафиксирует хождение пятисот и более золотых за ночь, получит сто из папской казны, повышение, личную благодарность от меня и письменную от Папы Римского. — Как бы невзначай добавил он. На пару мгновений в воздухе повисла пауза, а потом толпа стражников развеялась как по волшебству, молниями разлетаясь в разные стороны. Инквизитор покачал головой. Эти из-под земли достанут что нужно, если потребуется, главное подобрать правильную мотивацию. На людей низших чинов такие слова оказывают наибольший эффект: они достаточно близки к простым горожанам, чтобы узнать от них правду и найти что нужно, при этом крестьянское прошлое их самих или их родителей хладным паром дышит им в спину, подгоняя ноги страхом наступающей на пятки нищеты.

Инквизитор еще немного отдышался и отправился к своему временному жилищу собирать пожитки. Наконец-то он мог вернуться в родной город и с комфортом работать в окружении компетентных людей и проверенного слуги, не отвлекаясь на грубиянов и влажный соленый воздух. Ситуация на складе казалась ему теперь вполне очевидной: колдун с помощниками арендовали его через третьих лиц. Мебель и товары вынесли, чтобы ассистентам было где стоять. В центре помещения был пюпитр, окруженный свечами, за которым колдун читал заклинания, утром воск отскоблили, из-за чего остались потертости, а в пристройке на полу начертили пентакль, застелив его сверху тканью, чтобы появившееся в процессе ритуала золото не просыпалось в щели между досок. К несчастью для малефиков несколько монет вывалились, когда кучу попытались унести. Теперь осталось понять только кто это сделал и куда ушли деньги, но на первый вопрос Рихтер уже почти наверняка знал ответ. Есть всего несколько демонов, способных создавать такое качественное золото, и еще меньше из них согласились бы сотрудничать с людьми. А значит, его худшие предположения касательно Рейнальда начинали сбываться. Он внутренне выругался. Стоило арестовать его еще тогда, как только тот вышел из проклятого замка. Ну ничего, этот вопрос будет первым, который он решит, встретившись с Папой Римским, который, очевидно, не сможет

противопоставить ничего однозначным выводам Рихтера. В конце концов, борьба с предателями для инквизиции — миссия гораздо более важная, чем уничтожение малефиков.

Погруженный в свои мысли инквизитор привычным жестом открыл дверь и зашел в свою комнатку. «Наконец попрощаюсь с этим чуланом» — подумал он и распахнул шторы. «Голова болела на столько, что забыл сделать это утром?» — пронеслось в его голове, когда входная дверь со скрипом захлопнулась за его спиной.

— За преступления против светской власти, ровно как против святой церкви. — Раздался сзади лишенный эмоций голос. Инквизитор резко развернулся. — За хранение и использование запрещенной литературы, Инквизитор Рихтер Балдер приговаривается, — Сбоку от закрытой двери стояла фигура в рясе. Лицо человек скрывал под полумаской, и, хотя он не держал при себе никакого оружия, инквизитора пробил холодный пот, — к заключению. — Так же холодно закончил он. — Сложите оружие, вас хотят видеть в Святом Престоле для приведения приговора в действие.

Анка

— Ньярлатотеп... — Медленно протянула Анка.

Она стояла на бескрайнем пустыре, наблюдая, как завывающий ветер перекатывает по земле песчинки непонятного грунта. Сплошной лист абсолютно плоской поверхности расходился во все стороны грязно-серым блином, разделяющим бездонную темень пронзаемого светом звезд неба. У горизонта (если это слово вообще было здесь применимо) виднелся ряд причудливо изгибающихся темных фигур, будто тени, искаженные преломленным светом, наделили объемом. Невообразимое существо, мерзкая расплзшаяся в пространстве клякса, сгусток тени, отброшенный самой идеей света, расположился перед ней. Из-за того, что форма существа постоянно менялась, понять расстояние до него было невозможно. В голове девушки раздался стрекочущий смех.

— Да-а, ты снова здесь. — Слова тянулись медленно, и сопровождались отзвуками, вслушавшись в которые можно было расслышать какофонию из стонов музыкальных инструментов, шелестов пергамента, хруста песка и черт знает чего еще. Голос демона все время казался до боли знакомым, будто Анка слышала его от куда-то только вчера, но вспомнить, откуда именно, было невозможно. — Что нужно тебе от меня?

— Мне? — Анка удивленно воскликнула. — Ты сам меня сюда затащил, как в прошлый раз!

— Который из них? — С издевкой спросил голос, и девушка поежилась. — Ты очень высокого о себе мнения, если считаешь, что я по своей воле отрываюсь от дел, чтобы ответить на твои вопросы.

— Но... я не хотела ничего такого. — Сбивчиво ответила Анка.

— Тогда вспомни, как ты попала сюда. — Анка задумалась и мимо нее пронесся поток полупрозрачных геометрических фигур разной формы.

— В медитации. Бабушка говорит, что мы сойдем с ума, если мозг не будет отдыхать, но в проклятом Чистилище почти невозможно заснуть.

— Мудро... — Клякса перетекла по воздуху в другое положение. — Если бы не исключительный ум, Марна давно пала бы жертвой моей крови и своих амбиций. Но это все объясняет, ты сама желала встретиться со мной, но... бессознательно. — Слова Ползучего Ужаса эхом отразились в округе. — Ты говорила про Чистилище, вы все-таки погибли? — В голосе демона послышалось любопытство.

— Нет. Хотя я уже начинаю об этом жалеть. — Не раздумывая ответила девушка. — Мы застряли.

— Вот как. Марна уже придумала, как вы будете выбираться? — Множеством ртов поинтересовалось существо.

— Бабушка... уже никак. Ее убили, но она как-то успела привязать свою душу к вампирскому замку. — С гордостью ответила девушка. — Говорит, что превратилась в лича, но вместо филактерии это ужасное строение.

— Понятно. — В голове Анки прогремел ужасающий хохот. — Девчонка думает, что обманула меня, и должен признаться, ход хороший. — Клякса снова пришла в движение, медленно нависая над Анкой скалой, скрывающей за собою небо. — К несчастью, она недооценивает Древних, я все равно получу ее душу. Может быть сегодня, может завтра, а может через миллионы лет, когда от вашего мира не останется ничего, кроме космической пыли, или миллиарды, когда и она окажется раздроблена на отдельные электроны черными дырами. Да, она отмечена моей кровью, а значит станет моей, рано или поздно, мы можем ждать очень долго. Ведь время для нас лишь одна из переменных. — Многозначительно пояснил он. — И тебе тоже не избежать этой участи. — На последних словах тело Ньярлатотепа полностью заслонило собой небо, погрузив все вокруг во тьму. Анка вдруг почувствовала накатившийся волной ужас, но с такой бесконечной отстраненностью, что даже не шелохнулась. — Но сейчас ты можешь спрашивать, дитя, я готов ответить. — Продолжил он, сжимаясь в едва заметную точку на самой границе горизонта.

— Марна говорит, я должна научиться открывать портал, потому что другого пути во внешний мир нет. — Несколько отрешенно начала девушка.

— Утерянные технологии древних. — Будто сам себе пробормотал Ньярлатотеп. — Тебе придется постичь их самой. Секрет успеха заключается в правильных углах, количестве и пропорции сторон контура. Древние могли провести сложнейшие расчеты в уме, так что не потрудились даже записать формулы. — Демон зашелестел и снова сменил форму. — Скажи спасибо хитросплетениям судьбы, я знаю все тайны мироздания, включая эту.

— Так расскажи мне! — Воскликнула девушка. — Научи создавать порталы!

— Ха-ха-ха, — а голове Анки раздалось что-то, больше всего напоминающее смех, — моя кровь течет в твоих жилах. Ты уже знаешь ответ, осталось только его найти.

— Что? Я не понимаю. — Раздосадованно взмахнула руками девушка.

— Было бы слишком просто, если бы я досконально разъяснял тебе все. В конце концов, имеет ли ценность победа, доставшаяся без труда или ее ценность равна упорству? — По голосу демона было не ясно, издевается он или говорит всерьез. — Как бы ты ни силилась, прочные цепи судьбы все еще плотно сковывают тебя по рукам и ногам. Печально.

— Анка... Анка... Анка! — Девушка дернулась, резко распахивая глаза. Спертый воздух кабинета замковой башни ударил в нос, и она повалилась набок, сраженная головокружением. Русалка пискнула и отскочила назад.

Анка прокашлялась и медленно закрутила головой, в глазах плавно разгорелось понимание.

— Какого?.. Что происходит? — Хрипло пробормотала она.

— Они там. — Мелко трясясь, Ариана указала пальчиком на входную дверь.

— Кто?

— Хозяева. — Насмешливо раскатился по помещению голос Марны. — С

пробуждением, Красавица.

— Кхм. При всем уважении, леди, я боюсь, что вы злоупотребили моим гостеприимством. — Бархатный баритон доносился из коридора через тонкие доски двери так, будто мужчина стоял совсем рядом. Анка вздрогнула от страха и рефлекторно отодвинулась к стене.

— Не дергайся. — Бросила Марна. — Он не может ни услышать нас, ни почувствовать. Видно, кто-то доложил упырю, что видел, как ты поднималась сюда. — Скрипучий голос ведьмы буквально излучал мрачную уверенность. — Небось бесится от этого еще больше.

— Хочу заметить, что это МОЙ замок, и подчиняется он только мне. — Как ни в чем не бывало продолжил голос. В голове Анки вырисовывался образ высокого длинноволосого блондина с аристократичными чертами лица и в древнем платье из сказок. — Когда я найду способ добраться до вас, уверяю, с-смерть будет очень долгой и очень мучительной. — Интонации вампира звенели сталью, но последние слова он будто промурчал.

— Карман держи шире, хмырина клыкастая. — Пробурчала Марна.

— Но, если вы выйдете сейчас, и расскажите, как именно вам удается скрываться от моего взора, обещаю, вас и пальцем не тронут, госпожа. Даю слово Князя, Габриэля Ломеиона. — Громко сказал он и по кирпичам замка прошла легкая вибрация, будто от маленького землетрясения.

— Не верь его словам, девочка. — Серьезно заговорила Марна. — Чего только не говорят о вампирах, но их честность не воспевают в сказках. Пока ты находишься в замке — ты в его руках. За границами этой комнаты, разумеется.

— К черту. — Резко донеслось снаружи, когда Князь понял, что ответа он не дожидается. — Буди фонтан, Влад, обратимся к замку напрямую.

Анка вздохнула, потерла пальцами вески и по стенке поднялась с каменного пола.

— Пора возвращаться к практике. — Отрешенно проговорила она, стараясь не вслушиваться в болтовню вампира.

— Прекрасно. — Ответила Марна. — Я отправлюсь дальше искать библиотеку. — Добавила она и вскоре ее голос затих. В углу комнаты охнула Ариана.

— Ну что ты? — Спросила Анка, кладя ладонь ей на плечо. — Не думай о них. — Русалка молчала. — Скоро я выгачу нас отсюда, вот увидишь. — Добавив, сколько могла, уверенности в голос, добавила она.

— Ты теперь говоришь в точности как бабушка. — С улыбкой сказала Ариана.

— Знать бы, как сейчас Гразина поживает. — Флегматично пробормотала девушка.

Хенкер

Тяжело перевалившись через борт, он вылез из лодки, и, обернувшись в последний раз, зашагал к расположившейся неподалеку повозке. Солнце, поднявшееся в зенит, обжигало спину, от жужжания прибрежных слепней гудела голова, но хоть трава с каждым шагом теряла в высоте. Вскоре его ушей достиг храп лошадей, а потом и взволнованные крики возницы. Тяжело переставляя ноги, Охотник двинулся дальше.

— Мать честная? Да что же это такое? — Запричитал старик, подбегая к нему.

Охотник шагнул к дверце, потянулся к ручке, но промахнулся и по инерции врезался в дерево кабины. Возница подскочил и торопливо распахнул дверь, помогая ему попасть внутрь.

— Возвращаемся. — Прохрипел Рейнальд, заваливаясь на бок, не в силах усидеть ровно.

Старик, не переставая, причитал, но послушно занял свое место. Скамья была узкой и не удобной, но, повозившись немного, Охотник смог улечься на ней более-менее приемлемо.

— Что случилось? — Воскликнул мужчина. — Сначала ночь наступила посреди дня, потом пожар, крики, треск и снова день. Неужто и наш скромный край не обошли проклятые колдуны?

— Трогай! — С нажимом повторил Охотник. Хотелось крикнуть, заткнуть назойливого старика, но головная боль и слабость в теле не позволяли сделать этого. Вески ломило так, что отдавалось в глазах. От лавки, оказавшейся на столько близко, разило вьевшимся потом.

Вскоре послышался свист хлыста и мерный топот копыт ознаменовал дорогу домой. Старик продолжал задавать вопросы, часто оборачивался и звал, в какой-то момент даже заплакал, то ли от страха, то ли от тоски по окончательно утраченной родной деревне. Охотника это заботило мало, и он сам не заметил, как в один момент умудрился уснуть.

— Вампир там был. — Прерывая затянувшуюся тишину сказал Рейнальд.

Остановиться решили как стемнело. Пробуждение выдалось не из приятных: уставшая от долгого пути лошадь резко встала, и Охотник полетел с лавки на пол повозки. К счастью, голова беспокоила теперь куда меньше, и контроль над телом наконец вернулся несмотря на то, что конечности затекли. Ночь выдалась темной: звезды скрылись под плотным покрывалом облаков, и только луна просвечивала размытым зеленоватым пятном. Потрескиванию костра вторили насекомые, совы и летучие мыши. Чуть поодаль отдыхала лошадь. Мужик совсем уж ушел в свои мысли, и даже Охотнику показалось что стоит разрядить атмосферу.

— Гробовщик ваш все это время в тайне нежитью был. — Рейнальд прожевал кусок вяленного мяса. — Прости уж, мужик, но, когда я пришел, некого уже было спасти. Но по тому, что я видел, точно могу сказать: без боя они не сдались. — Возница тяжело вздохнул. — Может я оттуда только благодаря ним живой и выбрался, ослабили они его значительно.

Над костром снова повисло молчание.

— Не справедливо это, мастер. — Пробормотал старик. — До коли простому люду помирать от того, над чем они не властны? Сколько мы еще настрадаемся от ведьм, нечисти и демонов? — Сквозь ком в горле горестно запричитал он.

— Кто знает. — Охотник пожал плечами. — Пока мое сердце бьется, я буду противостоять этому всеми силами. — Уверенно добавил он. Старик усмехнулся.

— Я Айоргу, кстати, мы так и не представились. А тебя как звать?

— Хенкер. — Односложно ответил он.

Когда стало светать, Охотник растолкал своего спутника и помог прибрать место ночной стоянки. Айоргу накормил лошадь и вскоре они уже двигались полным ходом, перекидываясь неторопливыми разговорами.

— Все завязано на сущности. — Охотник задумался, подбирая слова. — То, что греки называли “кай” — субстрат, текущий в вещи и делающий ее собой, энергия жизни, пребывающая в некотором осязаемом виде. — Тонем заядлого лектора объяснял Рейнальд. — Для физических объектов, вроде земли и камней кай статичен. Получив его при рождении, булыжник никак не сможет на него повлиять. Утратив его, он лишь обратится в пыль столь мелкую и легкую, что она уже будет не способна что-либо содержать. — Он

активно жестикулировал, дополняя объяснение. Айрогу размеренно кивал. — В деревьях и травах кай течет от корней до листьев вместе с соком. Растения способны черпать его и испускать, но лишившись, увянут, сгниют и в конце концов обратятся в прах. У живых же существ кай циркулирует по тончайшим энергетическим нитям души, вложенной в плоть Создателем. Мы не можем брать и отдавать его, но можем изменять самим ходом нашей жизни. — Он попытался продолжить, но повозку подбросило на крупном камне и слова застряли в горле. — Утрачивая кай, человек становится вялым и безразличным. — Продолжил он, отдышавшись. — И если процесс не остановить, то вначале несчастный станет совсем плохим, едва удерживаясь на границе с забвением, а затем и вовсе умрет, потеряв смысл жизни. Вампиры в этом плане паразиты. Лишенные кай от природы, они нуждаются в нем для существования, а потому обречены поглощать его из своих жертв вместе с кровью, с которой связана душа. — Айрогу понимающе хмыкнул. — Но несмотря на эту врожденную лишенность, они обладают способностью поглощать, испускать и изменять кай по своей воле, влияя этим на физический мир подобно малефикам и ведьмам, с той лишь разницей, что им не требуется посредничество магии. — Стрик, кажется, уже окончательно потерял нить монолога и просто машинально поддакивал. — Ангелы и демоны целиком состоят из кай, и потому вольны управлять этой энергией как вздумается. На самом деле даже физические воплощения этих божественных существ иллюзорны. Их души и тела монолитно связаны, из-за этого мысли демонов настолько реальны, что изменяют мир. Магия для них — это естество жизни, а нанесенные раны тут же затягиваются, лишь навивая усталость. — Рейнальд тяжело вздохнул. — Ни тех, ни других нельзя окончательно убить в обычном смысле этого слова, не лишив кай полностью. А нам, к сожалению, не известно способа это сделать.

— Я думал ты убийца. — Айрогу шморгнул носом и зевнул. — А ты выходит хренов профессор. — Добавил он и расхохотался. Охотник немного запоздало улыбнулся.

Дорога заняла еще несколько спокойных дней. Старик устраивал лагерь и ночлег, а Охотник добывал по лесам пропитание. Вскоре на горизонте уже показались знакомые крыши. Рейнальд раздумывал, что сделать сначала: сдать отчет о проделанной работе, или проведать Перикулума, но решил, что коню не впервой подолгу не видеть хозяина, и велел вознице двигаться к Престолу. Оставалось уладить только одну мелочь.

— Эй, Айрогу. — Кашлянув, начал он. Старик в ответ вопросительно хмыкнул. — Ты... — мысли решительно не желали складываться в подходящие слова, — эх, пойми меня правильно, приятель, я не смогу тебя оставить. — Айрогу чуть обернул голову, направляя на Рейнальда настороженный взгляд. — Ты видел мое лицо и знаешь, кто я такой. — Над повозкой повисла тишина, прерываемая только методичным постукиванием копыт.

— Что со мной будет? — Сглотнув спросил старик.

— Ну я не чудовище. — Ответил Охотник. — Ватикану всегда нужны люди, на которых можно положиться, даже повара и возницы. Церковь ведет торговлю во многих странах, а товары нужно перевозить. — Он как мог искренне улыбнулся. — Я порекомендую тебя руководству и тебя возьмут на службу. Ограничений, конечно, хватает, зато платить будут столько, сколько тебе и не снилось, старик. — Он замолчал и в воздухе снова повисла тишина.

— Выбор, как я понимаю, у меня не велик? — Безразличным тоном спросил Айрогу.

— Да. — Коротко ответил Охотник.

— Вляпался же на старости лет. — Раздосадовано пробормотал он.

К спрятанным за колоннами воротам они подошли вдвоем. На вопросительные взгляды стражей Рейнальд сделал шаг вперед.

— Этот со мной. Отведите его в столовую, накормите и передайте управляющему, пусть подыщут человеку работу. — Громылы нахмурились. — Под мою ответственность, разумеется. Вы сомневаетесь в благоразумии члена Ордена? — Скрипнув зубами, один из стражников распахнул тяжелую створку двери, и, подождав, пока прибывшие войдут, подхватил Айрогу под локоть, и повел вглубь темных коридоров. — Прощай старик, — добродушно махнул рукой Рейнальд, — дальше все зависит от тебя. — Возница, едва поспевая за своим новоприобретённым спутником, что-то буркнул в ответ и тоже помахал рукой.

Облегченно вздохнув, Рейнальд повернулся в другую сторону и зашагал к лестницам, ведущим на нижние этажи. Двери сменялись пролетами, а пролеты коридорами. Мраморные плиты стен заменил серый камень подземелий, а вместо светлых окон зачадили факелы. Народу становилось все больше, так что ему приходилось проталкиваться в узких коридорах. Жизнь на нижних этажах кипела не в пример верхним, куда у людей церкви был более свободный доступ. Где-то гремели тарелки, в другом месте раздавались тяжелые удары молота, а из глубины доносился высокий едва слышный волчий вой.

— Эй! Господин! — Вдруг перебивчиво раздался из-за спины женский голос. Охотник молча продолжил движение. — Господин! — Более настойчиво крикнули сзади. Он почувствовал, как кто-то схватил его за плечо и потянул назад. — Ты меня слышишь? — Рейнальд резко обернулся. В абсолютной темноте помещения сияла единственная приоткрытая дверь.

— Кхе-кхэ-кхэ. — Охотник резко сел на берегу реки, тяжело откашливаясь. Вода, наполнявшая легкие, выходила с неохотой, а головная боль разрывала череп на части. Полуденное солнце нещадно жгло, а поднявшиеся от жары слепни так и норовили укусить.

— Ты меня слышишь?! — Выкрикнул мужчина. Рейнальд пересилил себя и несколько раз кивнул головой. — Слава Богу. — Облегченно выдохнул он. — Мать Божья, и как вас угораздило? — Охотник дернулся, чтобы посмотреть назад и тут же в глазах потемнело от боли. — Вроде плыли-плыли и тут нате, на ровном месте за борт свалились! — Трясущийся старик, не переставая стенал. — Потрепала же вас эта тварь.

— Айрогу? Ты? — Охотник снова закашлялся. — Какого дьявола?

Откашлявшись и отдышавшись окончательно, Рейнальд, поддерживаемый возницей, доковылял до повозки и грузно свалился на скамью. От головной боли сводило зубы, мысли сбивались, мешая сосредоточиться.

— Вы не ранены? Все в порядке? — Не отставал возница.

— Скажи, старик... — Охотник прервался, сморщившись от очередного болезненного спазма, — какого черта произошло?

— Столько всего, что и припомнить трудно. — Замельтешил Айрогу.

— Постарайся. И в подробностях. — Со вздохом добавил Рейнальд, слова давались ему с трудом.

— Ну, сначала я услышал страшный грохот, потом побежал к берегу. — Старик откинул голову, усиленно вспоминая детали. — Полыхнуло так, что солнце затмило. В траве

кузнечики умолкли, даже слепни перестали летать. Гляжу, а на краю деревни у церкви колокольня обламывается, и крики дюже страшные. — Айрогу на секунду задумался, а Охотник сжался на неудобной поверхности и закрыл глаза в надежде хоть немного ослабить боль. — Потом в воздух взмыло что-то большое, я сперва думал орел, но видно мелко взял. Помню, как пару раз еще громынуло, я со страху аж назад к повозке припустил и спрятался. Посидел там слегка, а потом глядь! А вы уже от того проклятого старого дома идете до лодочки. Залезли как ни в чем небывало, за весла взялись, и уже почитай у берега были, как вдруг через борт в воду и перевалились, ну а я уже тут как тут, вытащил вас и в чувства привел. — Он облегченно замолчал и выжидающе уставился на Рейнальда.

— Что еще за проклятый дом? — Спросил Охотник.

— Дак тот, что на возвышенности слева стоит. — Старик махнул рукой.

— Ладно, катись оно все. — Рейнальд перевернулся на спину и посмотрел на старика. — Вези в Рим, так быстро, как только сможешь. — Разбираться в произошедшем не хотелось. Последние дни, проведенные в поездке, разговоры и стража Престола быстро выцветали в памяти, грозя стереться из нее полностью. Айрогу кивнул, быстро вскочил на козлы, и повозка тронулась с места. В щель, оставленную не до конца закрытой скрипучей дверью, Охотник молча наблюдал за медленно проплывающим мимо ветхим домом на возвышенности чуть поодаль деревни, решительно не зная, что с ним делать.

— Можешь подробнее рассказать про дом? — Спустя пол дня тряски спросил Рейнальд, нарушая тишину. Головная боль понемногу отступала, и он уже мог разговаривать, не мучаясь от приступов. Но только если говорил не слишком громко.

— Ну, — немного подумав начал старик, — у нас все знали, что место там не доброе, давно соваться туда никто не спешил. Всякое о нем говорили. Вроде как когда-то давно там семья жила с хозяйством значительным. И коровы у них были и свиньи, и птицы, вроде даже лошадь своя была. — Размеренный голос Айрогу, разносившийся под аккомпанемент стучавших о землю подков гипнотизировал. — Муж с женой да два сына. Так вот однажды взяли они к себе девочку, совсем маленькую еще из сироток. Никто не знал, чья она и откуда, да только скоро вся семья пропала.

— Как это, пропала? — Переспросил Охотник, перебирая в памяти всех известных ему чудовищ, подходивших под описание.

— Ну так. Проснулись как-то с утра деревенские, а в доме том уже пусто. Бегали, искали, да все без толку. — Он тяжело вздохнул. — А потом соседи ихние стали болеть. Мучились головой, кошмарами и страшными образами. — Возница украдкой обернулся к Рейнальду. — Так вскоре все, кто рядом жили, снялись и переселились подальше в город.

— Почему раньше к нам не обратились? — Картина в голове Охотника не складывалась.

— Да мало ли таких историй? — Пожал плечами старик. — Пойди по деревням, поспрашивай, и не такое расскажут. Чем дальше от городов — тем более жуткие сказки. Но ничего, привыкли.

— Не место людям там, где живут сказания. — Пробормотал Охотник.

На ночлег остановились уже затемно, с трудом стащили с дороги повозку и наспех развели костер. Рейнальд досушил одежду. Поужинали вяленным мясом и зачерствевшими лепешками, да так и легли спать. Треск сверчков убаюкивал лучше колыбельной.

— Эй, эй, парень, проснись! — Охотник резко пришел в себя от тычка в бок. На небе светила полная луна. — Парень! — Продолжил напирать Айрогу, и тут из глубины леса

раздался волчий вой. Рейнальд дернулся, вскочил и что было сил побежал прочь, в сторону дороги, чувствуя, как проваливается в нечеловеческий, животный ужас. — Э-Э-ЭЙ, СТОЙ! — Завопил старик из-за спины, срывая голос. — РЕЙНА-АЛЬД, ты меня слышишь? — Последние слова исказились, интонации сменились на более высокие и тихие, словно их произнесли шепотом прямо из-за спины. Охотник замедлился, чувствуя, как ноги увязают в рыхлой грязи колеи. Эхо шепота, многократно отражаясь от ночных деревьев переходило в гнетущий колокольный звон, пока Рейнальд окончательно не провалился под землю.

И тут же с грохотом свалился со скамьи на пол повозки. Тело ужасно ломило, из глаз текли слезы от нестерпимой головной боли. Словно молоты по наковальням по земле отбивали ритм копыта лошади, и эту inferнальную какофонию дополнял гул гремящих колес. Тяжело дыша и помогая себе рукой, он кое-как вскарабкался назад на скамью и сел. Повозка безумно тряслась. В окна лился тусклый алый свет закатной луны, но на темном небе нигде не было видно его источника. Лес пролетал мимо на бешеной скорости, словно повозка летела по воздуху. Охотник ошалело смотрел то туда, то сюда, пытаясь понять, что происходит.

— Эй, — медленно раздалось со стороны козел, — у тебя все в порядке? — Охотник повернулся к вознице и тут же вжался в стену повозки. К нему плавно разворачивался Арман, недавно приконченный вампир, смотря сквозь его фигуру красными глазами. — Может чем помочь? — Задумчиво спросил он, наклонил голову на бок, и та, не выдержав, сорвалась, повиснув на лоскуте кожи на месте удара мечом. Вампир отпустил поводья, и, схватившись за крышу повозки, стал медленно лезть внутрь. — Потрепала же тебя драка с этим назойливым дедом. Как его там звали? Айрогу? — Он подполз в плотную, вывернувшись всем телом. Ноги и руки двигались как у жука, слепо нащупывая точки опоры, а голова непослушно болталась на шее, стараясь сфокусировать на нем взгляд. Капли крови из разрубленной шеи уже попадали на одежду Охотника. — Успокойся, это уже в прошлом. — Добавила голова, которую вампир схватил одной рукой и стал направлять.

— А-у-у-у. — Раздался снаружи волчий вой, и повозка еще сильнее ускорила.

— Эй! — Вдруг рявкнул Арман. — А ну не отвлекайся! — Брызнувшая слюна попала Рейнальду на лицо. — Ты меня слышишь?! — Завопил он.

«Это сон», — вдруг пронеслось в голове у Охотника: «этого не может быть на самом деле, надо просто проснуться». — Он потянул руку к поясу и выхватил из-за спины кинжал. Вампир не переставая орал и вдруг, потеряв равновесие, навалился на него всем телом. Охотник перехватил оружие обратным хватом.

— Пошло. Все. К ЧЕРТУ! — Выкрикнул он и всадил лезвие по рукоять в правую руку. — А-А-А-А. — Завопил он от боли.

— А-а-а-а-а. — Прокричал он, вскакивая на кровати. В коридоре застучали легкие шаги и почти сразу хлопнула дверь.

— Что такое? Ты чего не спишь? — Рейнальд хлопнул глазами. Сильно болела рука, он утер слезы. — Сон плохой приснился? Ты моя лапочка, иди сюда. — Женщина села рядом на кровати и обняла. — Все хорошо, я рядом. — Голос звучал тепло и уверенно.

— М-мама. — Неуверенно пробормотал он, отвечая на объятия.

— Спи, милый, спи. — Нежно сказала она. — Папе с утра работать, а тебе сестра

сделала пирог с вишнями. Чем быстрее заснешь, тем раньше сможешь его съесть. — Уверенно говорила она;

— Х-хорошо. — Хлюпнул он и улыбнулся.

— Вот так. — Добавила она, укладывая его назад. — Закрывай глазки.

Рейнальд откинулся на подушку, зажмурился, слыша, как закрылась дверь. Сон накатывал быстро, и он подгонял его всеми силами уже мечтая о том, как будет отламывать куски пирога и с наслаждением уплетать его за обе щеки. Надо просто расслабиться и заснуть. Вот он, уже почти рядом, этот пирог. «Пирог», — пронеслось в голове. «Пирог», — что-то более настойчиво постучалось в мысли.

— Мама! — Резко выкрикнул он. — Какой еще к черту вишневый пирог?!

— А-у-у-у. — Донесся из-за окна далекий волчий вой.

Рейнальд подскочил на кровати, спрыгнул на пол и подбежал к двери.

— Гори оно синим пламенем, я больше не могу! — Прокричал он, и с силой распахнул дверь.

Перед ним простирался сплошной стеной лес, перед которым расположился небольшой импровизированный лагерь с костром. Влево и вправо уходила старая выдавшая виды дорога.

— А-у-у-у! — Раздалось вновь из глубины.

Он взял себя в руки и что было сил побежал вперед, раздирая лицо и руки об острые ветки, продираясь сквозь заросли и кусты, вперед к источнику звука, не чувствуя ни рук ни ног, только боль от сдираемой кожи и переполняющий давящий страх.

— А-у-у-у! — Раздалось из-за деревьев.

Рейнальд совершил последнее усилие, раздвинув в стороны мешающиеся растения, и вывалился на небольшую поляну с единственным высоким деревом посередине. От основания дерева расходился ровный сияющий белый свет.

— Ты меня слышишь. — Удовлетворенно произнесло сияние и разгорелось ярче, быстро поглотив все вокруг.

Он видел башню. Огромное черное строение уходило в небо так высоко, как он мог разглядеть. Повинуясь его воле, видение изменилось, и он полетел ввысь вдоль стены, пролетая мимо множества древних поврежденных кирпичей, пока, наконец, не остановился на против единственного окна. Внутри просторного помещения стоял маленький голубоглазый мальчик с черными волосами, задумчиво перелистывая тяжелую книгу на подставке.

— Снова ты? — Не отрываясь от страниц спросил он. — Уходи, я не буду играть. Видишь, у меня дела. — Рейнальд сдвинулся и попытался заглянуть в книгу, чтобы понять, что читает этот странный ребенок, но тот тут же одернул ее и отодвинул в сторону. — Не лезь! — Наставительно сказал он. — Это не игрушка, пораниться можешь. И вообще, чего ты пристала? — Он наконец поднял на Рейнальда взгляд. — Ох ты ж. — Удивленно пробормотал он. — И как это понимать? Что ТЫ тут делаешь? Проклятый меч научил тебя самой древней эльфийской магии? — Рейнальд попытался что-то сказать, но ничего не получилось. — Абсурд. — Констатировал мальчик. — Будь это так, ты бы меня в покое не оставил. Выходит, какая-то аномалия. — Рейнальд пожал плечами. — А плевать, я занят. Сделаешь так еще раз — пожалеешь, держи свои фокусы при себе. Не хватало мне еще одного постоянного гостя. — Рейнальд непонимающе дернулся. — Чего завис? Проваливай! — Мальчик махнул рукой. Рейнальд попытался двинуться, но ничего не

получилось. — Ну все, сам напросился. — Через некоторое время раздраженно добавил он и захлопнул книгу. словно безумный поток ветра подхватил Охотника, вытолкнул в окно и с огромной скоростью понес вниз. — И скажи Тане, чтобы больше не приходила, когда я работаю! — Прокричал он вдогонку. Земля неминуемо приближалась и Рейнальд попытался зажмуриться, но глаз у него тоже не было, так что удар о поверхность он встретил лицом к лицу.

Охотник медленно открыл глаза.

— Он живой! — Крикнул кто-то со стороны. — Смотрите, он проснулся!

— Что? — Выкрикнул немного знакомый женский голос. — Разойдитесь все, пропустите меня! — Он повернул голову на бок, и попытался рассмотреть, что происходит, но свет лившийся вокруг был настолько ярким, что ослеплял. — Вы... вы правда живы?! — Взволнованно повторила женщина, едва не плача. — Э-это правда? Вы действительно смогли оттуда вернуться? — Проговорила она, опускаясь рядом с ним на колени.

— Ирин. — Коротко бросил другой голос. — Отойди, кажется, он тебя не узнает.

— Нет. — Обреченно выдохнула она. — Это не правда. Не может быть так. Вы же помните меня, правда?

— Ирин, хватит. Никто не мог пройти через это и остаться прежним, даже он. — Холодный голос Араниэля он различил без особого труда, но не смог ничего ответить.

Рейнальд почувствовал, как сознание вновь ускользает, и под перебивчатый звон голосов растворился.

На секунду перед мысленным взором застыл образ. Множество драконов, сидящих в пещере с единственным отверстием под потолком, из которого лился свет, озаряя самого статного из них. Мужчина с острыми ушами эльфа и длинными белыми волосами водружал ему на мощную голову замысловатую стальную корону. А в глубине его глаз тлели два алых уголька.

Образ рассыпался как в калейдоскопе и собрался вновь. Длинные коридоры и высокие каменные стены, знакомые до боли в костях. Неведомая сила пронесла его по сложным лестницам и переходам и остановила напротив неприметной двери. Створки сами собой распахнулись, открывая его взору нескончаемые ряды забитых до основания книжных полок. Что-то дернуло его за собой, протащило мимо нескольких стеллажей, подняло вверх, затем вбок и в глубину, останавливая напротив одного единственного корешка с незнакомыми буквами. Он пригляделся и тут непонятные символы неожиданно стали обретать смысл. «Драконы и их запретные ритуалы», — прочитал он. Видение оборвалось так же резко, как и началось.

Глаза медленно открылись, голова качнулась в сторону. Солнце, зависшее в зените, просачивалось лучами через полуприкрытые веки. Прозвучал легкий свист. Охотник рефлекторно среагировал. «Щлеп!» — его рука перехватила летящую к лицу ладонь. Рывок на себя, удар кулаком в грудь. Зависшее над ним тело подкосилось и потеряло равновесие. Теперь подняться и добить. Он попытался вскочить, но остававшаяся незамеченной боль в мышцах взорвалась парализующей волной, и он рухнул на спину на середине движения. Тут же рядом грузно обвалился второй человек. Охотник наклонил голову.

— Айрогу? — Хрипло прошептал он.

— М-мать твою, парень, ты что творишь? — Болезненно прошипел старик. Рейнальд выдохнул и откинулся на спину. Возница свернулся калачиком, обхватив вывернутую руку, и заскулил. Охотник приподнялся на локтях и медленно отполз к деревянной стене, у которой лежал его меч. Вески ломило от головной боли.

— Так. — Стараясь подавить боль, начал Охотник. — Сейчас я буду задавать вопросы. — Добавил он, и провел ладонью по лицу. Маска сползла на подбородок, кажется, во время боя.

— Какие вопросы, ты ненормальный? — Выкрикнул старик, поднялся на колени и сделал шаг в его сторону. Рейнальд опустил руку на рукоять и подхватил клинок, упирая его кончиком в грудь старика. По нервам от пальцев до плеча прошла горячая волна, но он удержал оружие.

— Назад. — Он закашлялся. — Сядь. — Старик замолчал и семеня отполз подальше. За его спиной лежали обгоревшие остатки разрушенной колокольни. — Садись. — Тяжело повторил Охотник. Айрогу сел и оперся спиной о почерневший кусок доски. — Хорошо. — Добавил Рейнальд и с облегчением разжал ладонь, несколько раз вздохнув. С глухим стуком рукоять вошла в рыхлую почву. Он порывлся трясущимися руками в одежде и достал из перевязи пистолет, второй подтянул к себе ногой. Достал из-за пояса мешочки и принялся перезаряжать оружие.

— Ну что? — Непонимающе спросил старик. Охотник молчал. Руки едва слушались, и порох несколько раз просыпался мимо. Он достал очередной сверток, разорвал зубами и засыпал в ствол, утрамбовал шомполом и вложил пулю, потом взвел ключом механизм и зафиксировал боек. Повторил операцию со вторым и положил его на колени. Молча поднял и направил пистолет на старика. Тот продолжал хлопать глазами. Рейнальд секунду помедлил, потом перевел оружие в сторону, целясь в толстое бревно, лежащее неподалеку, и надавил на крючок. «Бам!» — оглушительно громыхнул выстрел. Голова тут же отозвалась пульсирующей болью, заставив его застонать. Пуля врезалась в дерево, разнося его поверхность в щепки. Старик завыл и зажал руками уши. Охотник отложил пистолет в сторону, отдышался, унимая дрожь в пальцах, поднял второй и снова направил на Айрогу. Когда тот перестал причитать и утер слезы, Рейнальд продолжил.

— Я буду задавать тебе вопросы. Отвечай быстро и четко, настолько подробно, насколько сможешь вспомнить, понял? — Хриплый голос Охотника искажался зубной болью, но собеседник его слышал.

— Д-да. — Заикаясь, ответил старик, съезживаясь под прицелом.

— Хорошо. — Выдохнул Охотник. Старик затравленно покосился в сторону своей повозки. — Не надейся, с лошадью я как-нибудь управлюсь без тебя. — Старик заметно осунулся. — Что ты здесь делал? — Немного помедлив, спросил Рейнальд.

— Вас долго не было, я пошел проверить, может смогу помочь. — Старик старался не подавать признаков страха в голосе. — Увидел вас из-за берега, вокруг никого не было, я немного подождал и решил подойти разбудить. — Охотник задумался.

— Хорошо. — Сказал он. — Что было после того, как я ушел. Со всеми подробностями. — Рейнальд устало опустил пистолет на землю, не в силах удерживать его навесу.

— Что было? — Полушепотом повторил Айрогу, мандражируя. — Сначала не было ничего. Я успел доехать до места, где мы договорились встретиться. Потом еще постоял и распряг лошадку. — Старик призадумался. — Солнце поднялось где-то на четверть, а потом

громыхнуло так, что я чуть заикой не остался. Теперь понимаю, что это вот это ваша... штука. — Он красноречиво посмотрел на пистолет. — Я подорвался, залез на холмик, — он кивнул головой в сторону пригорка на той стороне реки, — и тут почти сразу потемнело, как ночью. Не знаю, что там у вас происходило, оттуда было не видать. Зато я заметил границу этой колдовской ночи. Вон там она была — старик махнул рукой куда-то за спину Рейнальда, тыча во что-то пальцем, — ровно до леса стояла темень, а над деревьями все еще светило солнце, черт, как котелком деревню накрыло. Потом был взрыв, я заметил, как вспыхнул огонь и церковь развалилась. После этого громыхнуло еще раз, и ночь так же быстро развеялась, я пригляделся, а вы прямо тут, посреди развалин лежите. — Закончил старик и замолчал.

— Ясно. — Вдохнул Охотник, немного подождав. — Я больше никуда не ходил? — Уточнил он.

— Чего? — Переспросил Айрогу. — Сколько я вас видел вы тут валялись, я-было решил, что померли. — Старик смотрел на него как на сумасшедшего.

— Знаешь что-то про дом на холме вон там. — Охотник указал пальцем в сторону злополучного дома и замер, удерживаясь от того, чтобы не выругаться от удивления. На месте дома, который он, как отчетливо помнил, посещал, стоял пустырь и торчало несколько обгоревших досок.

— Там-то? — Старик обернулся. — Кто ж его теперь знает. Еще когда я ребенком был, о том месте только легенды ходили. Вроде как кто-то когда-то там раньше жил, но кто и когда уже не вспомнить. Но место дурное, селиться там при мне даже не думали.

— Сука. — Охотник откинул голову назад. Опять галлюцинация? Понять хоть что-то не получалось. Может он уже сошел с ума? — Ладно, помоги мне подняться. — Попросил он. Старик вздохнул, и заковылял к Рейнальду. — Прости, Айрогу, я боялся, что ты еще один вампир. — Старик махнул рукой.

Подняться сразу не получилось. Возница помог отвязать веревочки и стянуть кольчугу. Звенья были разорваны в лоскуты в районе живота, так что Охотник велел выбросить доспех в огонь. На толстом дублете так же виднелись глубокие порезы от когтей, но крови не было. Повозившись немного, он распахнул полы дублета и облегченно вздохнул: когти чудовища испортили одежду, но не добрались до плоти. Он развернул высокий воротник и с усилием разогнул деформированный стальной обруч, защищавший шею в подкладке, и отбросил его в сторону. Ворот тоже оказался подран, но свое дело сделал. Охотник подобрал пистолеты и убрал их в перевязь, подхватил меч и огляделся напоследок.

— Пошли отсюда. — Сказал он. — Хочу как можно скорее убраться из этого места.

— Кстати. — Вдруг спросил старик, когда они сели в лодку. — Откуда ты знаешь, как меня зовут? Я свое имя никому не называл. — На Охотника на мгновение накатил страх и жуткое чувство неправильности происходящего, будто он смотрел сам на себя со стороны из-за непроницаемой завесы. Закружилась голова и он чуть не рухнул в воду, но в последний момент удержался за бортики.

— В церкви. — Хрипло сказал он. — Знают очень многое о тех, с кем приходится работать. — Он поморщился. — В особенности то, что тщательнее всего скрывают.

До повозки добрались без происшествий, но давящее чувство тревоги и головная боль не отпускали его еще долго.

— Айрогу. — Коротко бросил Охотник, когда повозка подползла к Риму.

— М-м? — Протянул тот в ответ.

— Ты же понимаешь, что я не могу тебя просто так оставить? Ты слишком много знаешь, и что хуже, видел меня без маски и сможешь опознать. — В повозке повисла тишина. За окном трещали кузнечики, где-то стучала подковами по пороге другая лошадь, а от первых домов доносились голоса проснувшихся крестьян. Снова сознание будто расколосось на две части, одна из которых пристально следила за другой. Омерзительное ползучее чувство дежавю сводило с ума.

— Ну, выбор у меня не велик? — Несколько обреченно проговорил старик.

— Да.

К потайной двери за колоннами они подошли вместе. Охотник вышел вперед и дорогу ему перегородил молчаливый громила.

— Пропусти. — Сказал Рейнальд. — Этот со мной. — Кивнул он в сторону Айрогу. — Он знает. Отведите к дознавателю, пусть решит, что дальше с ним делать. — Старик нервно сглотнул. Один из охранников молча положил ему руку на плечо и толкнул внутрь здания.

«Теперь все зависит от тебя», — подумал Охотник, встретившись с испуганным взглядом своего попутчика.

Коридоры привычно сменяли друг друга, он безошибочно выбирал направления. Из столовой приятно тянуло жареным мясом и свежеспеченным хлебом, но, несмотря на голод, задерживаться он не стал. Ожидание очередного пробуждения от следующего витка кошмара давило здесь с удвоенной силой.

Мастерская жила своей обычной жизнью. Ученые и инженеры носились кто куда. Гомон разговоров не утихал ни на миг. Стеллажи ломились различного вида барахлом, а за столами кипела работа. Охотник шел мимо, направляясь к директору. Ни Данила ни Себастьяна по пути он не встретил. Подойдя к нужной двери, Рейнальд на секунду замер, но почти сразу взял себя в руки и надавил на ручку. Господин Дерек был на своем обычном месте.

— Что? — Не поднимая голову от бумаг, задал он вопрос в воздух. Вместо ответа Охотник открепил ножны с кинжалом от ремня и положил их на столешницу. Директор дернулся от неожиданности. — Что это? — Поинтересовался он, раздвигая исписанные листы.

— На нем кровь вампира. — Пояснил Охотник. — Арман из клана Ломеион. Думаю, вы найдете ей применение.

Сэр Рихтер Балдер

— Ведите его сюда. — Приказал Папа голосом, в котором звенела сталь. Рихтера пинком протолкнули в помещение и тут же поставили на колени ударом по ногам. Инквизитор зашипел, чувствуя, как растекается кровь по штанинам. Руки сводило от боли в скованных запястьях, даже ночью с него не снимали колодок. — Все прочь. — Добавил Папа. — Еретическая литература? Книги по магии? Ты что, совсем идиот? — Он перешел на крик, но тут же замер. — Я неясно выразился? — Прорычал Папа, поднимаясь на троне. — ВОИ! — Он эмоционально махнул рукой, подкрепляя свои слова и последних людей, оставшихся в помещении, сдуло как ветром. С глухим грохотом захлопнулись тяжелые двери зала. Ненадолго повисла пауза. Мужчина тяжело выдохнул и опустился на сидение. — Ближе, мой мальчик, — проговорил он, делая манящий жест рукой, — я не хочу кричать

через весь зал. — Рихтер замер в непонимании, задумался на пару мгновений, но быстро пришел в себя и уже более расслабленно поднялся с колен и прошел в центр помещения, остановившись в середине мазайчатого орнамента на полу. Солнце едва пробивалось через тяжелые витражи в этот ранний час, так что сановника инквизитор почти не видел. — Артур пропал. — Начал Папа, устало поморщившись. — Несколько его людей тоже. Знаешь что-нибудь об этом?

— К сожалению вплоть до этого момента у меня были проблемы... с доступом к актуальной информации. — Ответил Рихтер с иронией. — Можно снять колодки? — Аккуратно поинтересовался он.

— Валяй. — Папа махнул рукой. Инквизитор кашлянул.

— У меня ключа нет.

— А у меня он откуда? — Удивленно уставился на него Папа. — Хватит этой ерунды, Рихтер, дело серьезное. — Он покачал головой и заговорил напряженно. — Слишком много неприятностей произошло в один момент. Исчезновение Артура критично, он слишком много знает. Как бы им не хотели воспользоваться наши враги, проблем мы не оберемся. — Папа пожевал и задумался на мгновение, уперев подбородок в кулак. — Потом эти книги в твоём кабинете. А теперь из-за этого ритуала с пенни по Ватикану ползут слухи о том, что Хенкер помог колдуну в замке Ломеион. — Рихтер опустил взгляд. Желание признаваться в том, что едва ли не с тех самых событий подозревал Охотника в предательстве пропало. — Ты же понимаешь, что золотые пенни может достать не только Азазель, Рихтер? — С нажимом спросил Папа.

— Да. — Не поднимая глаз ответил инквизитор.

— Не думаешь, что враги могли симитировать колдовство и подкинуть монеты? — Поинтересовался он.

— Зачем?

— Чтобы вас скомпрометировать. А главное — сфокусировать общее внимание. — Раздраженно ответил Папа. — И когда мне приходится это объяснять, я начинаю сомневаться в том, что выбрал тебя правильно. — Рихтер съежился. Было обидно.

— В комнате Артура что-то нашли? — Попытался перевести разговор в другое русло инквизитор.

— Да. — Коротко бросил Папа. — Череп с гравировкой на столе и бумажный пепел в очаге.

— Вы думаете?..

— Сложно сказать. Но было бы очень трудно похитить его, провести... необходимые процедуры, а потом подкинуть в комнату его череп всего за один вечер. — Он отрицательно покачал головой.

— Что на гравировке? — Поинтересовался инквизитор.

— Memento mori. — Мрачно ответил Папа.

— Помни о смерти. — Пробормотал себе под нос Рихтер. — Пока не могу сделать из этого какие-то выводы.

Из-за двери донеслось копошение. Он обернулся.

— Сюда нельзя, не велено. — Заглушенный деревом голос стражника механически чеканил слова. Повисла пауза. — Папа запретил заходить, важные дела обсуждать изволил. — Гораздо менее уверенно добавил он.

— Попробуешь остановить меня? — Прозвучал спокойный тихий голос. Рихтер закатил

глаза. Что-то зашуршало, стихло, и, аккуратно закрыв за собой тяжелые двери, в помещение вошел Рейнальд.

— Вот поэтому я считаю, что ваш покой должны охранять Охотники, а не папская стража. — Красноречиво указал в сторону коридора инквизитор. Папа улыбнулся.

— Их и так у нас мало, лучше пренебречь моей защитой. — Он перевел взгляд на вошедшего. — Вижу ты вернулся. Одним мерзким вампиром меньше, поздравляю, Охотник. — Встав параллельно Рихтеру, Рейнальд склонил голову в поклоне. Папа махнул ладонью, и Охотник распрямился.

— Вампиром? — Недоуменно переспросил инквизитор и пересекся с Рейнальдом взглядом. Покрытая слоем пыли и наскоро заштопанная одежда, черные синяки под глазами и отсутствующее выражение лица. Волосы сваялись и отдельными прядями свисали до рта, а ладони мелко тряслись.

— Хватит разговоров. — Одернул Папа. — Рейнальд. — Он глазами указал на руки инквизитора. — Помоги. — Охотник вздохнул, ловким движением вытянул из рукавов отмычки и присел на колени, удобнее перехватывая замок колодок. — Очень удачно, что вы собрались здесь вместе именно сейчас, господа. — Его голос отдавал какой-то странной торжественностью. — Мне не придется повторять дважды. — Шарм мгновенно улетучился. — Как вы могли заметить, в последнее время нас активно очерняют. Запрещенные книги, воскресшие колдуны и наши лучшие солдаты, исчезающие прямо из-под носа.

— Вы же не думаете, что... — Договорить Рихтер не успел.

— Хоть ты не держи меня за идиота. — Раздраженно ответил Папа. — Если бы я не был уверен в ком-то из вас, он бы уже кормил червей. — Инквизитор поежился. — М-м. — Папа откинулся на спинку кресла и сжал пальцами нос. — Кто-то пытается вывести вас из игры, и судя по топорности, он либо торопится, либо не слишком старается, что настораживает еще больше. Возможно, копают под меня, очерняя лучших людей на глазах подчиненных. Как бы там ни было, с этим нам предстоит разобраться. — Он замолчал, сверля Рихтера взглядом. — К несчастью, ты не сможешь выйти отсюда тем же, кем вошел, инквизитор, это бросит тень на мою репутацию. Хоть обвинения не стоят и выеденного яйца я не могу их проигнорировать. — Рихтер начал-было что-то говорить, но Папа жестом прервал его. — Я разжалую тебя до экзорциста. — Рейнальд покосился на бледнеющего инквизитора. «Какая глупость», — пронеслось у него в голове. — Ты отправишься в Неаполитанское королевство. Мои источники утверждают, что менялы Неаполя стали активно обменивать пенни на серебро. Я читал отчеты, составленные писарем. Ты считаешь это зацепкой?

— Демоны не могут создавать серебро. — Пробормотал Рихтер. — Ничто не проходит бесследно, ваше Святейшество. При небольшом содействии городской стражи и властей я быстро их обнаружу. — Папа покачал головой.

— Никакой стражи, Рихтер. Официальной инквизиции не будет. Ты поедешь туда под видом поиска заработка и будешь действовать скрытно, на свой страх и риск. — Охотник тихо хмыкнул. — На этом направлении регулярно стали пропадать обозы с папским золотом, которые мы отправляем из Ватикана по... разным направлениям. Кроме того, там все чаще пропадают люди. Выяснишь в чем там дело — и я осыплю тебя золотом и восстановлю в должности, провалишь — и о через месяц о тебе никто не вспомнит. — Лицо Рихтера приняло стоическое выражение. — Но одного я тебя не отпущу. — Продолжил он и перевел взгляд на Рейнальда. Тот устало выдохнул. — Максимальная секретность, мой

мальчик, я надеюсь, ты меня понимаешь? — Охотник молча кивнул. — Я распорядился отрядить трех Охотников из ордена. Они будут тайно доставлены в город, а ты будешь координировать их действия и передавать приказы Рихтера. — Глаза Рейнальда полезли на лоб, но Рихтер опередил его и заговорил первым.

— Вы отправляете мне на помощь убийц? Лучше дайте моего слугу и пару людей, которые знают город.

— Твой слуга очень важен, он будет выполнять твои обязанности, пока ты не вернешь себе честное имя. — Папа прищурился. — Кроме того, тебе следует мыслить шире. Охотники уже давно не просто убийцы. Мало кто также умел в искусстве шпионажа и сбора сведений как они, и они уж точно лучше всех умеют скрываться от нежелательного внимания. Я даю тебе лучшие инструменты, что у меня есть. Рейнальд будет твоими руками, а трое других охотников станут ушами и глазами.

— Таких заданий еще не было в истории Ордена. — Заговорил Рейнальд, тщательно выбирая слова. — Понадобится значительное время, чтобы собрать подходящих людей и обучить их слаженно действовать в команде.

— Люди уже собраны. — Спокойно ответил Папа. — Уверен ваших навыков хватит, чтобы справиться с такой задачей.

— Вы отправляете еще троих помимо меня, наделяете полномочиями, но даже не интересуетесь моим мнением о составе команды. — Продолжил Охотник медленнее. — Чем я заслужил ваше недоверие?

— Никакого недоверия нет. — На лице Папы не дрогнул ни один мускул.

— Тогда позвольте мне выбрать команду. — С нажимом добавил Рейнальд.

— Одного. Можешь выбрать одного человека, двое других на мое усмотрение. Это будет справедливо. — Охотник проскрипел зубами, но ничего не сказал.

— Фурия. — Мрачно припечатал он не раздумывая. Папа удивленно выгнул бровь.

— Я не ослышался? Я надеюсь твой выбор не определили факторы... личного характера?

— Вы говорили, что испытываете ко мне доверие, ваше Святейшество. — Отметил Рейнальд. — В моих интересах его не подвести.

— Хм-м, да будет так. — С промедлением ответил Папа. — Я распоряджусь отправить гонца.

— Не стоит. Я сам ей скажу, мне все равно нужно будет заехать в монастырь перед походом. Лучше дайте грамоту о том, что отзываете одного из троих. — Папа покачал головой.

— В моем распоряжении было лишь двое. — Рейнальд замер, но потом тень понимания промелькнула на его лице, и он промолчал. — Отлично. — Голос Папы снова зазвучал гордо. — А теперь, когда с формальностями покончено, последний штрих. Демоны, малефики, предатели и шпионы — это слишком много для нескольких человек. — Загадочно начал он. — Я думаю, помочь здесь может только чудо. — Охотник напрягся. — Пока группа охотников направится в город, вы заберете девушку Веру из монастыря Святой Ольги. Соответствующее распоряжение уже направлено настоятелю. Она отмечена Господом, и пока она будет с вами, Бог будет на вашей стороне. Ее медицинские познания пригодятся если дело дойдет до боя, а чудесные таланты спасут в критической ситуации.

— Стойте! — Рихтер дернулся от неожиданного вскрика Рейнальда. — Вы же обещали... — Сквозь зубы прорычал Охотник, не находя слов.

— Я обещал, что Вера будет находиться под защитой церкви. — Раздражение сквозило в каждом слове Папы. — А кто ты, как не воплощение этой защиты?

— Это... не честно. — Прошипел Рейнальд. Инквизитор оторопел. За годы службы он впервые видел, чтобы Охотник потерял над собой контроль и вел себя настолько неоднозначно.

— Пусть нэрды рассуждают о честности, Рей. — Жестко оборвал его Папа. — Мы же лишь действуем, исходя из условий.

— Но... хотя бы остальная часть договора остается в силе? — С трудом взяв себя в руки спросил Рейнальд.

— Что значит хотя бы? Я никогда не нарушаю своего слова. — Возмущенно ответил Папа. — Но, — помедлив, продолжил он, — я понимаю, о чем ты говоришь. Конечно, все в силе. — Рейнальд коротко кивнул. — Хорошо. Я распорядился о том, чтобы вам собрали все необходимое. За воротами будет ждать повозка.

— В таком случае. — В голосе Охотника звучала тяжесть. — Мне нужно проклятие. — Лицо Папы дернулось, но он удержался и не стал повышать голоса.

— Почему? — Максимально спокойно спросил он.

— Слишком много сил вы бросаете на эту операцию. — Рейнальд будто размышлял вслух. — Если от этого зависит безопасность Веры, я хочу перестраховаться. — В помещении повисла тишина.

— Так тому и быть. — Когда молчание начало затягиваться произнес Папа. — Я отдам распоряжение. После необходимых согласований отправится курьер. Заказ получишь уже в городе.

— Благодарю. — Сказал Охотник и развернулся.

— Что тебе нужно? — Бросил Папа вслед.

— Ликантропия. — Не оборачиваясь ответил Рейнальд. Папа удовлетворенно хмыкнул и расслабленно откинулся на трон.

— Что это за Фурия? — Не выдержал инквизитор. После быстрых сборов их проводили наружу и предложили коней, но они отказались. Свою кобылу он оставил на конюшне, а Охотник, махнув рукой, сказал, что будет ждать его за воротами. И не обманул. Когда Рихтер покинул город, у дороги уже стоял Рейнальд, опираясь спиной на бортик повозки. С помощью церковных прислужников он с легкой горестью запряг Землянику и взялся за поводья. Несмотря на то, что он давно не правил сам, руки помнили дело, и, бодро подсакивая на кочках, они застучали колесами по дороге. Потом они долго ехали по загруженной, шумной колее молча, а когда солнце стало клониться к горизонту, свернули на безлюдную тропу, ведущую в лес. Дневная жара отступила, деревья приятно шелестели вокруг, но духота все еще продолжала давить.

— М-м? — Неразборчиво пробормотал в ответ Рихтер и протер глаза руками.

— Ты спишь там что ли? — Удивленно переспросил инквизитор и оглянулся. Охотник протяжно зевнул и потянулся, не поднимаясь с деревянного дна повозки.

— В последнее время выспаться не удастся. — Ответил он.

— И что, удобно? На досках? — Поинтересовался Рихтер.

— Лучше, чем на земле. — Он потянулся и прикрыл глаза ладонью. — Тем более нам тут собрали что-то теплое. — Сказал он, ерзая под спиной рукой. — Какие-то шкуры.

— Смотри не попорти. — Слегка ворчливо ответил Рихтер, Охотник усмехнулся. —

Уверен, что взял все, что нужно? — Из вещей у Рейнальда с собой был только небольшой заплечный мешок и какой-то длинный сверток, перетянутый ремнями.

— Мне все равно придется добраться до Ордена. — Расслабленно ответил он. — Заберу оттуда недостающие инструменты. — Инквизитор пространно хмыкнул и отогнал от лица надоедливую муху.

— Так что за Фурия, о которой ты говорил? — Рихтер решил вернуться к изначальной теме.

— Фурия? — Рассеяно переспросил Рейнальд и задумался. — А-а, вот ты о чем. — Он оглянулся, проверяя, что рядом никого нет. — Это прозвище, как и Хенкер, имя сказать не могу. Орден не любит распространять имена Охотников. — Он зевнул.

— Не знал, что в Орден берут женщин. — Монотонное покачивание и правда нагоняло сонливость.

— Никаких правил нету. Просто чтобы уйти на покой нужно найти ученика себе на замену. — Несколько нехотя заговорил Охотник. — Когда тот успешно завершит первое задание — ты сможешь уйти.

— Почему тогда так удивился Папа? — Тут же поинтересовался инквизитор.

— Ты не отстанешь, да? — Рейнальд тяжело вздохнул. — Ну, ты тут главный.

— Мы в одной лодке, парень. — Инквизитор пожал плечами. — Лучше избежать недомолвок.

— Ну... — Помолчав, заговорил Охотник. — Надеюсь это не выйдет нам боком. — Он откашлялся, словно готовясь к долгому рассказу. Инквизитор заинтригованно напрягся. — Фурия ни разу не была на серьезном задании. — Коротко бросил он.

— Что? — Удивленно воскликнул он чуть не уронив поводья.

— Ага. Вот примерно такая же реакция была у Папы. Разве что более сдержанная. — Охотник хмыкнул. — Не делай выводы раньше времени, инквизитор. Не все то, чем кажется, мне ли это тебе объяснять? — Он задумался. — Фурия попала в Орден позже меня, но была старше. Обычно детей такого возраста не берут в обучение, и используют как слуг, но Охотник Сареф, который ее привел, настоял на проведении испытаний. И она их прошла. Полностью. — Рейнальд поднял взгляд в небо, разглядывая звезды сквозь мелькавшую листву. — Таким из нас мало кто мог похвастаться. Я видел, как она выполняла команды, била соломенные чучела мечом и проходила полосу препятствий, и, если бы меня попросили объяснить, что значит «талант», я бы не раздумывая указал на нее. — В голосе Рейнальда проскользнули несвойственные нотки теплоты. — В общем, ее взяли учиться, а потом... Сареф покинул Орден. — Не желая развивать эту тему произнес Охотник.

— То есть талант? — Обдумав слова спутника, спросил инквизитор. — Точнее, то, что тебе показалось талантом, заставило тебя ее выбрать? — Скептически уточнил он.

— Слушай, я не лезу в твоё расследование. — Раздраженно заговорил Охотник. — Как насчет не лезть в мои методы защиты наших жизней? — На некоторое время над повозкой повисла тишина, прерываемая только скрипом колес.

— И все-таки? — Не сдержался инквизитор.

— Боже. — Тихо воскликнул Рейнальд. — Она гениальный мечник, инквизитор. Это повлияло на мой выбор. Надеюсь, тебе никогда не доведется видеть, как она фехтует, но, если это все-таки произойдет, ты сразу все поймешь. — Дневная духота окончательно уступила место вечерней свежести, запищали комары.

— Разве вы там не все... ну, хорошо деретесь? — Поинтересовался Рихтер.

— «Хорошо» — это довольно обширное понятие. — Охотник приподнялся и стал разминать затекшие руки. — Я хорошо дерусь, но почти все мое мастерство происходит из большого опыта сражений. Думаю, ты понимаешь, о чем речь. Она же совершенно из иного теста. — Охотник говорил ровным голосом, будто не описывал живого человека, а перечислял набор характеристик любимого арбалета. — Фурия родилась с мечом в руках, далеко на востоке ее бы назвали кенсаем. В дуэли с ней я бы не был уверен в победе, у нее прекрасная память и она делает успехи в точных науках. Других аргументов мне не нужно, тебя это так же волновать не должно. — Флегматично перечислил он, сдувая с руки насекомое. — Думаю, проблема в том, что никто в Ордене не знает, как применить ее таланты, в результате один из лучших бойцов в истории монастыря годами выполняет простейшие задания по охоте на деревенских чудовищ.

— Ну. — Задумчиво протянул инквизитор. — Я думаю, что...

— Хватит. — Оборвал его Охотник. — Не хочу больше об этом разговаривать.

Дальше поехали в тишине. Рихтер еще несколько раз пытался разговорить Охотника, но тот либо отвечал односложно, либо вовсе молчал. Постепенно наступал вечер. За все это время мимо проехали всего несколько путников, один старик прошел пешком, опираясь на кривую палку.

— Хотел спросить. — Снова заговорил инквизитор. — Ты хорошо знал Артура?

— Нет. — Охотник отрицательно покачал головой. — Сталкивался пару раз в Ватикане. — Он не на долго задумался. — Вроде бы входил в группу «уборщиков».

— Понятно. — Вздохнул Рихтер. Картина не становилась яснее.

Когда ехать стало тяжело, они распрягли лошадь и оттащили повозку в сторону. Инквизитор покопался в вещах, собранных им в дорогу в Ватикане, и нашел несколько лежанок и припасы для привала. Где-то в деревьях ухали совы, а над головой пищали летучие мыши. Спутники организовали лагерь, развели костер, и приступили к ужину. Тишина напрягала, но, памятуя о вечернем разговоре, инквизитор не спешил беспокоить Охотника.

— Хорошая кобыла. — Вдруг заговорил Рейнальд, когда инквизитор уже решил было собираться спать. — Как зовут?

— Земляника. — Ответил Рихтер.

— Красивое имя. — Уважительно протянул Охотник и по сильнее прижал к себе продолговатый сверток, который старался не выпускать из рук. — Ей подходит. — Добавил он, глядя на белую, будто светящуюся в лунном свете коренастую лошадь в светло-рыжих яблоках. — Где ты ее взял?

— Долгая история. — Ответил инквизитор и посмотрел на пламя. Костер весело потрескивал, выбрасывая в воздух снопы искр. — Забрал ее из конюшни в деревне, опустошенной ведьмой, во время инквизиции. Ужасное зрелище. — Инквизитор зябко подернулся. — Вместо домов одни обгорелые остовы, ни полей, ни леса рядом не осталось. Только черные хлопья жирной сажи и вонь горелого мяса. — Охотник понимающе кивнул.

— Знакомая картина.

— Ну да. Теперь-то меня уже таким не пронять. — Вздохнул он. — Но тогда я еще молодой был. Ходил по этим руинам, искал улики. А она вот спряталась в остатках постройки, зарылась в кучу какого-то мусора рядом с кормушкой. — Земляника оторвалось от щипания травы и посмотрела на спутников, будто услышав, что ее обсуждают. Рейнальд помахал ей рукой, и лошадь вернулась к трапезе. — Мы бы ее и не заметили, если б она

храпеть не начала, когда мимо проходили.

— Мы? — Переспросил Охотник.

— Инквизиторы обычно работают со слугами. Я проводил инквизицию, а Германн все считал и записывал. — Рихтер вздохнул. — Тяжело без старика, как без рук. — Спутники замолчали, думая о своем. — Жаль, что с нами не отправили Себастьяна. — Рихтер снова заговорил, когда за границей света костра пропала возможность хоть что-то разглядеть, а гул сверчков начал понемногу стихать.

— Папа выпускает его за стены Ватикана только когда проблему нельзя решить менее радикальным образом. — Задумчиво проговорил Охотник. — Знаешь, чем занимаются «уборщики»?

— Устраняют последствия деятельности малефиков, чтобы не смущать мирных жителей. — Уверенно ответил инквизитор.

— Не только. — Охотник вздохнул. — Когда Себастьян берется за дело, обычно остается много трупов... чаще всего, разбросанных по частям. Это тоже смущает мирных жителей, как ты выразился. — Он немного помолчал. — Так что людям типа Артура и его подчиненных приходится устранять последствия. Сам-то он не может... ты понимаешь.

— Из-за того, что он?.. — Рейнальд молча кивнул, глядя в землю. — Как это случилось?

— Проклятие. — Бросил в ответ Охотник. — Ваши уже давно исследуют вампиров, оборотней и прочую нечисть, и какое-то время назад научились готовить тинктуры на основе крови чудовищ. Ничего не слышал об этом?

— Нет. — Инквизитор поправил горящие бревна и оторвал кусок солонины. — Я занимался расследованиями и поимкой колдунов, алхимия и опыты не находятся в моей... зоне интересов.

— Понятно. — Рейнальд сделал глоток из фляги. — Наши организации тесно связаны, инквизитор, и Орден стал своего рода испытательным полигоном для ваших исследований. У нас существует правило: если задание, выполняемое Охотником, непосильно, он может взять одно из проклятий в пользование, для завершения миссии. — Сказав это он нахмурился, прикрыл глаза и откинулся спиной на дерево. Было видно, что слова давались ему с тяжестью. — Обычно это вампиризм или ликантропия. Они очень сильно отличаются: вампиризм дает более слабый эффект постоянно, но от него нельзя излечиться. Охотнику придется до конца жизни терпеть ужасающую жажду крови и испытывать дискомфорт на солнце, но если он выдержит и не сломится под этой тяжестью, то после смерти душа сможет попасть на Тот Свет. — Он сделал паузу. — Во всяком случае, так говорят. А ликантропия позволяет стать неубиваемой машиной смерти, но только во время превращения, в полнолуние. Вместе с тинктурой ликантропии Охотник получает противоядие. Вколыв его, можно избавиться от проклятия, но сделать это можно всего раз в жизни: противоядие дает иммунитет если инфицированный превращался не более одного раза. — Он снова замолчал, уйдя в свои мысли. — Однажды несколько Охотников решили предать Орден и сбежать. Карл, Аристарх, Сареф и Себастьян. — Инквизитор удивленно посмотрел на собеседника. — Беглых Охотников тяжело поймать, нас учат скрываться и действовать незаметно с самого вступления в Орден, чаще всего это невозможно. Тогда никто не знал, но за день до этого из хранилища пропала шкатулка с еще не до конца исследованной ликантропией. Охотники скрылись, и долгое время скитались вместе, пока в один вечер на небо не взошла полная Луна. Беглецы прятались в прибрежном доме, который был давно заброшен. В тот вечер они решили отпраздновать успешный побег: ели, пили,

веселились. — Тон Рейнальда принял мистические нотки. — Но Себастьяна с ними не было, он ушел наверх спать, что было в его характере. Они не знали, что там происходит, но, когда Охотники вышли во двор, чтобы продолжить гулять, дверь дома слетела с петель, а из-за нее за ними понесся огромный, жуткий зверь. — Он сделал еще один плоток, отставил флягу в сторону и принялся устраивать себе место для сна. — Себастьян втерся в доверие к беглецам, но не смог предотвратить побег в Ордене, и принял решение убить предателей. — Говорил он через плечо. — Так поступают со всеми, кто сбегает из Ордена... ну, почти со всеми. И можешь поверить, чудовище с навыками Охотника это самый жуткий противник, с которым ты можешь встретиться в жизни. Тогда не существовало противоядия от ликантропии, его изготовили позже, из крови самого Себастьяна. Но прошло слишком много времени, и он остался оборотнем навсегда. Когда он вернулся в Орден и обо всем рассказал, Папа вынес ему личную благодарность, и оставил при себе как самого верного и могучего воина. Вот и вся история. — Он с облегчением закончил говорить, улегся на кусок мешковины, который еще вечером нашел в повозке, завернулся в плащ и подвинулся ближе к костру.

— Удобно тебе так, на земле? — Спросил инквизитор, забираясь в повозку на сложенные шкуры.

— Привык. — Односложно ответил Охотник.

— Слушай, — со вздохом продолжил Рихтер, глядя в небо, — ничего личного, но я тебя подозреваю.

— В чем? — Поинтересовался Рейнальд.

— В том, что ты помог Завулону сбежать в тот день в Ломеионе.

— Черт, я принес его голову тебе в руки и едва не умер. Что мне нужно было сделать еще? — Со смехом, сорвавшимся на кашель, поинтересовался Рейнальд.

— Недавно что-то, подозрительно похожее на Азазель, создало в Венеции целую гору золота. — Глядя на луну, сказал инквизитор. — Некому было, кроме тебя. И как только доказательства появятся... решение я буду принимать беспристрастно.

— Дело твое. — Безразлично произнес Охотник и заелозил, удобнее устраиваясь перед сном.

— Кстати, что за договор у вас с Папой?

— Не бери в голову, — нехотя ответил Рейнальд, — старое дело.

— И все же? — Настоял Рихтер, но Охотник промолчал.

Где-то далеко отсюда

— Не поймите меня превратно, но мне все же крайне любопытно, неужто человек вашей силы испытывает стеснение в средствах так же, как простой смертный?

— Для жизни? Отнюдь. Для научных изысканий — весьма. Сам я существую очень скромно, если не сказать аскетично. К сожалению, работники, к услугам которых я прибегаю, едва ли согласны оказывать их на одной лишь идейной основе.

— Так значит и вы не всеильны?

— Я понимаю, к чему вы клоните, и, раз уж мы теперь сообщники, удовлетворю любопытство. И правда, многие тайны мироздания передо мной открыты. Жаловаться на недостаток сил или возможностей было бы ханжеством. К счастью, научное знание, как известно, не может быть полным, важно обладать источниками его получения. И вот один из них уже множество лет ускользает от меня.

— И что это?

— Скорее кто. Один из древнейших людей, живший, как мне думается, еще задолго до постройки пирамид. Знания, которыми он обладает, завораживают меня. К несчастью, он крайне нелюдим, отчего поиски превращаются в сущую муку. Зато каков азарт!

— Живой человек? Абсурд.

— Его зовут Лазарь. И да, возможно, именно тот, о ком вы подумали. К несчастью, кроме его имени в своих поисках я почти не продвинулся.

— Должно быть он уже дряхлый старик. Какая с него польза?

— Вот тут вы не правы. Те крупницы информации, которые мне удалось добыть, говорят о том, что на вид он юн, едва не младенец. С большими голубыми глазами. Не доводилось такого встречать?

— Города растут, деревни расширяются.

— Вот и я затрудняюсь.

— Неужели один этот человек настолько захватил ваше внимание?

— Я разгадывал головоломки, которые когда-то считались нерешаемыми. Можно сказать, Лазарь заочно бросил мне вызов. Битва умов. И я потрачу столько времени, денег и сил, сколько потребуется, но найду его. Надеюсь, мне не будут мешать?

— О, позвольте, нам это совершенно ни к чему.

— Прекрасно.

Снова у костра

Рассвет встретил Рихтера сырым воздухом и легким шумом листьев, перебираемых утренним ветром. Он зябко шевельнулся, плотнее укутываясь в шкуры. Повертевшись с боку на бок, инквизитор вдруг замер. Охотника не было на месте. Помедлив секунду, он подскочил и огляделся. Земляника дремала на поляне, а угли костра давно покрылись россыпью росы. Он присмотрелся: от места, где Рейнальд ложился спать, в лес вела узкая полоса примятой травы. Рихтер облегченно выдохнул и откинулся на пол повозки. Мало ли что заставило спутника покинуть место сна. Он уже собирался расслабиться и покемарить еще немного, провел рукой вдоль досок, в поисках меча, но не обнаружил его. Чертыхаясь, снова поднялся, вылез из повозки и принялся искать пропажу, но тщетно. Оружие исчезло.

Обстановка становилась все более напряженной. Поразмыслив немного, он отряхнулся, затянул шнурки на сапогах, и отправился по следам в лес. Скрюченные корни цеплялись за ноги, а колючие ветви лезли в лицо, норовя уколоть. Две большие, зелено-синие стрекозы с огромными глазами наворачивали вокруг него круги, мешая сосредоточиться. Рихтер отмахивался от них на бегу. Пропажа обнаружилась быстро. Раздвигая еловые ветви и листья папоротника, инквизитор вышел на небольшую полянку, образованную высоким завалившимся дубом. Судя по обугленным пятнам, в него ударила молния. Вокруг ствола находилось немного свободного места, поодаль лежали обломанные ветви, а по поверхности дерева передвигался Рейнальд, отрабатывая удары мечом по воображаемому противнику. Рихтер остановился в замешательстве. Один раз он уже был свидетелем чего-то похожего в Святой Ольге, но в куда более облегченной форме. На длинном лезвии полуторного меча сверху висела толстая цепь, заклиненная одним звеном о кончик и двумя о перекладину. Охотник наносил удары с видимой тяжестью, каждый раз удерживаясь, чтобы не выронить меч и не соскользнуть с покато́й древесины.

— Что ты делаешь? — Поинтересовался он. Рейнальд замедлился и тяжело выдохнул,

поворачиваясь к нему.

— А на что это похоже? Тренируюсь. — Он вытер рукавом свободной руки пот со лба. — И тебе бы следовало, если хочешь вернуться в Рим живым. — Он покачнулся, чтобы не упасть.

— Я уверен, что смогу за себя постоять. — Проворчал инквизитор. — К тому же, мечом махать не мое дело.

— Уверен? — Ровнее произнес Охотник. — Чтобы разрушить иллюзию неуязвимости достаточно одного удара.

— На что ты намекаешь? — Раздраженно ответил инквизитор, потянулся к поясу, но не нашел рукояти меча и чертыхнулся. Огляделся вокруг и схватил торчащую рядом ветку какого-то дерева.

— Ну попробуй! — Неожиданно выкрикнул Рейнальд. Инквизитор замер. В воздухе раздался громкий щелчок и цепь повалилась с меча на землю, а клинок уставился ему в грудь. — Еще одно движение и ты останешься без руки. — Рихтер сжал зубы. — Я не шучу. — Повторил Охотник с холодной уверенностью в голосе. Инквизитор медленно убрал ладонь от ветки.

— Что это значит? — Прорычал он. Рейнальд молча развернулся и спрыгнул со ствола на противоположную сторону, но почти сразу запрыгнул назад, сжимая в левой руке фальшион Рихтера. — Какого?.. — Не успел договорить он, когда Охотник бросил оружие ему в руки.

Инквизитор замолчал, приготовился и схватил клинок за рукоятку. Не оставляя времени, Рейнальд соскочил с дерева, перехватил свой полторник двумя руками и размахнулся, целя в голову. Рихтер хотел что-то сказать, но понял, что не успеет. Он отступил в бок, выдвинул вперед правую ногу и согнул колени, передвигаясь дальше от стены деревьев к свободному месту для маневров и резким движением отбил удар. Зазвенела сталь. Охотник замедлился и дернул корпусом, чтобы удержать равновесие, но все равно проехал подошвой по мху. Не упуская темпа, инквизитор шагнул вперед и нанес широкий удар из той же позиции, в которой оказался его фальшион после парирования. Рейнальд молниеносно отскочил назад, упреждая удар, и одним движением выровнял ноги, принял стойку, и направил клинок в грудь оппонента. Инквизитор отступил, чтобы разорвать дистанцию, но полторный меч давал Охотнику преимущество. Он сразу перешел в нападение серией из трех коротких шагов, сопровождаемых резкими уколами. От первого инквизитор отклонился, от второго отскочил, но третий пришлось отбивать мечом, открывая корпус. Эта брешь не осталась без внимания. Еще одним шагом Рейнальд сменил стойку и продолжил двумя рубящими ударами, окончательно уведя меч Рихтера в сторону. Инквизитор тяжело дышал. Времени вернуть фальшион назад не было. Ситуация выглядела критической, но у него был еще один козырь. Охотник снова отшатнулся, но тут же дернулся вперед, широко размахивая мечом на уровне головы оппонента одной рукой. Мгновение. Рихтер вывернул запястье и притянул фальшион ко лбу. Сталь изогнутой рукоятки, защищавшей ладонь, заскрипела, уводя полторник в сторону. Инквизитор поднял колени, целя в живот, но тут левая рука Рейнальда мелькнула у пояса, и Охотник влетел ему в плечо локтем, приставив к горлу кинжал. Инквизитор замер.

— Сдурел? — Рывкнул он. Охотник прищурился, глядя на злобное выражение его лица и надавил на рукоять. По шее Рихтера потекла струйка крови, а в глазах мелькнул страх.

— Вот такого. — Нейтральным тоном констатировал Охотник, резко отступая в

сторону. Инквизитор прижал ладонь к горлу, бормоча проклятия.

— Это было не честно, у меня всего один меч. — Прорычал он.

— Привыкай. — Ответил Рейнальд. — И помни, что такое может случиться в настоящем бою. — Он закинул меч на плечо, со щелчком складывая гарду. — Кстати, не один ты парируешь рукоятью. Враги тоже могут быть к этому готовы, хотя умение полезное. — Он одобрительно кивнул, пряча кинжал в ножны за поясом и наклонился за цепью. — Должен сказать, результат отличный для того, кто не тренируется каждое утро и не сражался годами. Я был о тебе худшего мнения, оказался не прав, извини. — Он улыбнулся.

— Пошел ты. — Пробурчал инквизитор. — В следующий раз фокусы тебе не помогут.

— Значит этот не прошел даром. — Охотник пожал плечами. — Идем. — Добавил он, направляясь к лагерю.

— Откуда у тебя эта цепь? Ты ее в мешке таскаешь? — Поинтересовался Рихтер у границы леса. Солнце уже приподнялось и в воздухе мельтешили первые мухи.

— А? — Отстраненно переспросил Охотник. — Ага. — Добавил он и сел у углей костра. — Сейчас мы разделимся, инквизитор. Пока что Ватикан еще близко, и можно не опасаться нападения на дороге, но с каждой верстой эта безопасность все эфемернее. — Охотник развязал свой худой мешок и вытащил из него скрученный в трубочку кусок кожи. — Сейчас мы находимся здесь. — Сказал он, сняв шнурок и развернув сверток.

— Ты носишь цепь вместе с картой? — Удивился Рихтер еще сильнее.

— Сосредоточься. — Раздраженно оборвал его Охотник и отмахнулся от мошки. — Поедешь дальше по дороге и попадешь аккурат в монастырь святой Ольги. Я пойду вот сюда, через лес. — Он провел пальцем по карте, указывая направление.

— Через эти заросли ты будешь продираться неделю. — Скептически отметил инквизитор.

— Я умею быстро пересекать леса. — Он махнул рукой. — В общем, выйду к Ордену, доделаю свои дела, и буду ждать вас здесь. — Он тыкнул на перекресток, расположенный рядом с озером. — Запасись провизией на несколько дней, — он посмотрел на кислое лицо инквизитора, — ладно, учить не буду, разберешься. Но пока меня рядом нет, за Веру отвечаешь головой, понял? — Рихтер закатил глаза. — Понял? — С нажимом добавил он. — Если с ней что случится, в Ватикан вернешься по частям, очень мелким частям, и плевать, что со мной будет потом. — В ледяном тоне Охотника не было угрозы или бравады, инквизитор вдруг понял, что он просто констатирует факты и поежился.

— Хорошо-хорошо. — Закивал Рихтер. — Вот пристал.

— Надеюсь. — Охотник тяжело вздохнул, свернул карту, и убрал ее назад в мешок, закидывая его за плечо. — Ну, я на тебя рассчитываю. — Добавил он, поднялся, и повернулся в сторону деревьев. — Ненавижу лес. — Мрачно пробормотал он под нос.

— Что ты вообще любишь? — Озадаченно произнес инквизитор, укладывая только что услышанное в голове. Как-то быстро Охотник стал указывать ему что делать.

— Ночь. — Задумчиво ответил Рейнальд и зашагал прочь. — Бывай.

Хенкер

Возня инквизитора медленно стихала за спиной. Утренняя свежесть почти улетучилась, насекомые надоедали все больше. А в лесном воздухе царил сладко-влажный запах цветов-

хлопушек. Он протиснулся между деревьями, стер с лица прилипшую паутину, и направился вглубь леса, переступая торчащие корни и раздвигая лезущие в глаза ветви. Дорога окончательно осталась позади, он привалился спиной к стволу облепленного трутовиками дерева, огляделся, и, убедившись в том, что его никто не видит, перевел дыхание, и шагнул в смыкающиеся ряды сосен.

Снова чувство сопротивления. Переход давался тяжело, иголки царапались и цеплялись за одежду, но вскоре он прорвался через живую стену и вышел на знакомую поляну. Здесь еще была ночь, луна виднелась над деревьями, окруженная легкой пеленой ажурных облаков. Высокая трава колыхалась сине-зелеными волнами, и еле слышно вдалеке плескалась вода ручья. Он вдохнул холодный, покалывающий лицо воздух, и зашагал к дому.

Тяжелая деревянная дверь открылась без скрипа. Он переступил через порог, подошел к стене и повесил цепь на место. Положил на пол меч и снял с плеча мешок, разминая руки. Очень давно он не радовался возвращению в Слезы, но сейчас, впервые за долгое время, он чувствовал облегчение. Оставив плащ, он снова вышел за порог, отошел на десяток шагов, лег в травяное море и зажмурился. После произошедшего в проклятой деревне у него так и не было возможности просто так остановиться и все обдумать. Сквозь прикрытые веки Рейнальд заметил опустившуюся на него тень и открыл глаза. Луну над ним загораживала голова Перикулума, сверлящего его вопросительным взглядом.

— Чего тебе? — Спросил Охотник. Конь многозначительно фыркнул в ответ. — Дай мне немного времени, и мы отправимся в путь. — Перикулум раздосадовано выдохнул ноздрями горячий пар ему в лицо, закатил глаза, и отошел в сторону.

Головная боль, пропавшая еще на подъезде к Ватикану, не возвращалась с того момента. Тем не менее, после пережитого, Охотник раз за разом ловил себя на мысли о том, что не до конца уверен в реальности происходящего, что пройдет еще мгновение, и он проснется вновь в новой версии прожитого кошмара. Рейнальд тяжело вздохнул. Никаких способов убедиться или опровергнуть истинность того, что он видит, не приходило ему в голову. Конечно, можно было послушаться Вэлдринна и оставить проклятый меч в покое, но тогда встречу с вампиром он бы вряд ли пережил. Хотя, пережил ли он ее? Охотник зябко поморщился и отмахнулся от этой мысли. В любом случае, однажды он уже пользовался этим мечом, и происходившее за несколько дней до этого, и следующие несколько дней после до сих пор были в его воспоминаниях как в тумане. Сейчас, кажется, все прошло не настолько плохо. Возможно, галлюцинации были и тогда, просто он их забыл? Как бы там ни было, Наэкаэль явно была благосклоннее к тем, кто пытался ее использовать, чем Бонхеаль, стершего из реальности бедолаг в Ломеионе. «Наверное Вэлдрину было ужасно тяжело заслужить его уважение» — подумал Охотник. К сожалению, меч никаким образом не давал ему понять своих пожеланий или претензий, так что ему не оставалось ничего кроме аккуратного использования оружия. Немного настораживали слова о том, что настоящий хранитель однажды найдет меч и тогда Рейнальду придется его отдать. Охотник задумался над тем, как может выглядеть тот, кто придет за клинком. Араниэль утверждал, что он и есть хранитель, но Рейнальду не верилось в это ни тогда не сейчас. Вряд ли незванный гость будет похож на Вэлдринна, он все-таки уникальный случай.

Рейнальд тяжело вздохнул: мысли о темном эльфе натолкнули на воспоминания о Ломеионе еще сильнее. Как там Анка? Не верилось, что она могла погибнуть, наверняка выбралась и залегла на дно в какой-то деревне неподалеку. Она умная девушка, хоть и слишком добрая для мира, в котором живет. Сине-зеленая трава качнулась на ветру, щекоча

лицо. В Слезах не было ничего живого, кроме гостей, так что можно было не бояться назойливых насекомых. Понезжившись в траве еще немного, Охотник поднялся, отряхнул рубаху от земли, и вернулся в дом. Пора было собираться.

— Перикулум! — Крикнул он, стоя у порога. Из-за угла дома показалась морда коня, а потом и он сам, вальжной походкой, шагающий к дверям.

Охотник накинул попону, закрепил ножны с простым мечом, который оставлял здесь на время боя с вампиром ввиду его бесполезности и прикрыл сверху тканью. На другую сторону повесил завёрнутый в шкуру Черный Василек, перетянутый ремнями. Дальше седло, сбруя, и небольшая котомка с несколькими нужными мелочами. Проверив крепления, и оставшись довольным, он застегнул заштопанный дублет, завязал подвязки с пистолетами, накинул ваз, продев в прорези руки, и, подхватив с пола заплечный мешок, зашагал в сторону леса.

Стена деревьев нехотя расступалась, в спину недовольно храпел Перикулум, но вскоре они уже стояли посреди обычной чащи, у которой они расстались с инквизитором. Облепленный трутовиками ствол приветственно заскрипел. Конь пригибался, прячась от веток и переминался с ноги на ногу, пытаясь не задеть кривые корни. Охотник положил ладонь ему на шею.

— Mentië. — Мелодично прошептал он, и спутники с облегчением встали в полный рост. В угольных глазах коня он увидел изумрудный блеск собственных глаз. — Пошли. — Добавил он, и они двинулись в путь. Деревья и кусты не мешали идти, так что к закату они уже вышли к стенам монастыря Ордена.

Молчаливые дозорные заметили их еще у деревьев. После короткой команды внешние ворота монастыря медленно распахнули свои створки. Под ногами Охотника пробежали напуганные мышки. Перикулум недовольно фыркнул и попытался отмахнуться хвостом. Между первыми и вторыми воротами глухо зарычали собаки, но, узнав пришедших, замолчали и вернулись к своим делам. Вторые решетчатые ворота поднялись вверх. Подошедший слуга тихо кивнул и увел коня за поводья. Охотник шагнул на знакомую площадь, проход за спиной захлопнулся. Добро пожаловать домой.

— Рейнальд? — Со смесью неуверенности и радости окликнул его кто-то. Он повернулся на звук. Несколько Охотников, оставив свои занятия, быстрым шагом приближались к нему. — Слава Богу, ты вернулся!

Его встретили тепло, теплее, чем когда-либо. Коллеги с интересом расспрашивали о схватке с вампиром, хватаясь за все мелкие подробности, хлопали по плечу и восхваляли. Возвращение с такого задания всегда было сродни празднику. Но, как и любой праздник, этот закончился быстро. Один из наставников, Гавриил, услышавших о прибытии Рейнальда, подошел поприветствовать его лично, а заодно и вернуть столпившихся учеников к их работе.

— Поздравляю. — Со сдержанной улыбкой сказал он. — Ты стал одной из живых легенд в столь юном возрасте. Это похвально. Орден видит в тебе живое воплощение своих идеалов. — Чуть более официально-приторно чем нужно закончил он.

— Благодарю. — С полупоклоном ответил Рейнальд, отвечая любезностью на любезность.

— Пройдемся? — Сморщенное лицо глубокого старика и убранные в хвост седые волосы резко контрастировали с крепким телосложением, сохраненным ежедневными

тренировками, и проницательным взглядом.

— С радостью. — Они медленно зашагали вдоль стены монастыря.

— Ты приехал по делу? Папа сообщал, что ему нужна помощь Ордена.

— Вам известно о предстоящей миссии? — Наставник медленно кивнул.

— Подробности ждут тебя в келье. Разберешься с ними сам. — Вкрадчиво проговорил Гавриил.

— Охотники осведомлены о миссии?

— Да, и активно готовятся.

— Отлично. — Рейнальд удовлетворенно выдохнул. — Ситуация осложнена сопутствующими условиями. — Продолжил он, подбирая слова. — Мне предстоит осуществлять поддержку... экзорциста Рихтера Балдера, пока он будет выполнять свое задание. В это время команде придется действовать автономно.

— Мы готовились к возможности кооперации между адептами еще со времен вашего обучения. — В голосе наставника не проявлялось никаких эмоций, но Рейнальд не на шутку удивился. — Сейчас же над этим работают более активно, они справятся.

— Не сомневаюсь. — Рейнальд кивнул. Если память ему не изменяла, все время подготовки им вбивали в головы работу в одиночку. — Вы не замечаете некоторого повышения вовлеченности верховного духовенства в нашу деятельность? — Задумчиво спросил он, отложив размышления подальше. На небольшом кусочке пространства, мимо которого они шли, группа из шести Охотников штурмовала собранный из тонких досок дом. Гавриил молча пожал плечами.

— Мы связаны неразрывно. Это тебя беспокоит? — Добавил он, окидывая Рейнальда изучающим взглядом.

— Ничуть. Просто подмечаю изменения в отношении к нашим в последнее время. — Наставник отвернулся и пригляделся к тренирующимся Охотникам.

— Что-то изменилось, пока ты был в магической академии. Что-то осталось прежним. Мы постоянно ставим друг другу условия, чтобы потом пойти на компромисс. Многим старожилам Ордена не нравится, что вместо изучения чудовищ и малефиков мы занимаемся чем-то, все больше похожим на политику. Но разве адаптация к окружающим условиям не главное качество Охотника? — На некоторое время в воздухе повисла пауза.

— Мне нужно сообщить Катарине о том, что она тоже участвует в операции. Я хочу, чтобы она контролировала взаимодействие группы. — Наконец произнес он.

— Папа уже сообщил, что она в деле. — Рейнальд удивленно обернулся, но тут же все понял. — Но если хочешь найти ее, то она на другой стороне, у северной стены, с новичками.

— Спасибо за помощь. — Охотник отвесил еще один полупоклон. — Я найду вас, когда соберусь в путь. — Гавриил в ответ кивнул, и, нейтрально улыбнувшись еще раз, удалился. Папа снова не упустил возможности указать Рейнальду его место.

Закатное солнце озаряло очерченную низким забором арену. Небольшой кусочек территории, отведенный специально для спаррингов. Алые лучи кидали блики на песок под ногами Охотников. Рейнальд тихо прислонился к стене монастыря чуть поодаль, оставаясь в тени, чтобы не мешать. В самом центре арены стояла девушка среднего роста в черном льняном костюме. Ее волосы были убраны под повязку на голове, руки сложены на груди, а катана и вакидзаша убраны в ножны на поясе. Ничто в ее расслабленной позе не выдавало

готовности к бою. Четверо других Охотников расположились у стены. Напряженные и собранные, в легкой кожаной броне, держащие свое оружие наготове.

— Напоминаю правила. — Громко проговорил инструктор, чеканя шаги вдоль периметра забора. — Отрабатываем нападение из засады. Катарина не двигается до сигнала, по которому вы атакуете, так что можете выбрать удобную для себя позицию. — Он затормозил рядом с одним из учеников и ткнул указкой в ногу. — Встань нормально. — Рывкнул он и продолжил. Охотник быстро изменил свою стойку на более подходящую. Рейнальд покачал головой. Даже сейчас можно было заметить, что один из четырех достиг своего потолка и вряд ли когда-то научится сражаться лучше. — Не жалейте сил, деритесь как в настоящем бою, потому что только так у вас появятся какие-то шансы. — Слова инструктора звучали не слишком оптимистично, но было бы тяжело сказать что-то более воодушевляющее, оставаясь честным с учениками. — Когда я скажу «стоп» все прекращают драться. Всем все понятно? — Охотники почти синхронно кивнули. — Отлично, я считаю до десяти, потом начинается бой. Вперед!

На счет «раз» ученики ринулись в стороны, затем заняли периметр, окружая Фурию. Перекинулись парой слов, определяя порядок действий. Еще немного времени ушло на то, чтобы изменить положения ног, рук и корпусов под условия боя. А в оставшиеся мгновения перевели дух.

— Бой! — Громко выкрикнул инструктор. Рейнальд с интересом подался вперед.

Ученики атаковали по двое крест-накрест с небольшой задержкой, чтобы не помешать друг другу рывками. Катарина опустила руки, двигая ладонь к рукояти меча, одновременно передвигая ноги и плечи в боевую стойку. Нескольких шагов, которые отделяли учеников от нее, было достаточно, чтобы позволить ей хоть как-то подготовиться, но явно недостаточно, чтобы вырваться из окружения. Рейнальд хмыкнул, он бы предпочел сначала выпрыгнуть из кольца противников, а драться уже потом. Она немного качнула головой, чтобы оглядеться, чуть сместилась в сторону и расслабила колени, опускаясь ближе к земле. В воздухе просвистела сталь: первый из нанесших удар взял слишком высоко и его лезвие просвистело над головой Катарина, лишь слегка всколыхнув повязку. Нападавший с другой стороны замедлил свой укол, чтобы не поранить союзника из-за переместившегося корпуса оппонентки. В этот момент двое других приблизились достаточно близко, чтобы атаковать, и ученик, стоящий перед ней, поднял меч в замахе.левой рукой Катарина немного переместила ножны и одним движением выхватила катану, делая рубящее движение вверх. В воздухе сверкнули искры и меч нападающего соскользнул в сторону. Девушка повернула запястье и согнула плечо. С глухим стуком второе лезвие врезалось в стальной набалдашник внизу ее рукояти. Продолжая это движение руки, она резко ударила локтем вниз, отбивая в сторону третий меч. В этот момент первый из нападавших совладал с равновесием, и, отодвинувшись чуть назад начал вторую атаку возвратным движением. Катарина опустила левую ладонь вниз с ножен меча и вытащила меч-спутник, коротким выпадом парируя атаку.

В этот момент стало очевидно, что нападение захлебнулось. Нападающим пришлось отшатываться от Катарина, чтобы иметь возможность бить, но этим они дали ей место для манёвра. Рывком она вернула катану на уровень груди и шагнула вперед. Ученики помедлили, замахиваясь для новых ударов. Резкий выпад вакидзаши вперед окончательно выбил одного из противников из равновесия. Фурия рванулась дальше, ускользя из окружения, пригибаясь ближе к земле и вслепую нанося размашистый удар мечом за спину. Новый сноп искр. Пинком она отбросила ученика, мимо которого проскочила, в сторону и

отбила еще один удар. Конец боя был очевиден. Улучив момент, Катарина вернула меч-спутник в ножны, перехватила катану двумя руками и начала смертельный танец. Не давая снова себя окружить, девушка порхала вокруг нападающих, вытягивая их в линию, так, чтобы всегда драться только с одним. Индивидуальные навыки фехтования не оставляли Охотникам шанса, и вскоре инструктор громко выкрикнул: «Стоп!». Рейнальд удовлетворенно улыбнулся. Катарине с лихвой хватило бы опыта и умения, чтобы раскидать четверку учеников и стоя в окружении, но это бы несло с собой хоть и минимальный, но риск, которого она решила избежать, доведя бой до победы наиболее надежным способом. Сам Рейнальд считал важнейшим качеством воина умение не умирать, что активно культивировал в них Орден.

— Разрешите отвлечь ее не на долго? — Тихо поинтересовался он, подойдя к арене. Хмурые ученики отряхивались от песка и стирали с одежды грязь, пока инструктор отчитывал их и готовил к разбору ошибок. Если эти люди научатся извлекать жизненно важную информацию из таких поражений, то у них будут шансы.

— Дождитесь завершения занятия. — Ворчливо начал мужчина, но, обернувшись, сразу одернулся. — А, Рейнальд, — он махнул ученикам рукой, — поприветствуйте старшего, — Охотник поднял взгляд на округлившиеся глаза новичков и загоревшиеся Катарины. Ученики принялись быстро кланяться.

— Голова закружится. — Не придумав ничего лучше заметил Рейнальд, и движения прекратились. Инструктор крякнул в бороду.

— Ты по делу? — Охотник кивнул. — Ладно, давайте, с ними я сам разберусь. — Фурия радостно метнулась прочь от арены. — Не думал как-нибудь задержаться и поделиться опытом с учениками? — Поинтересовался он. — Рейнальд покачал головой.

— С радостью, но руководство не дает продохнуть. — Пожаловался Охотник. — Честно говоря, я бы с радостью пошел по стопам Раймонда и сам стал инструктором.

— Понимаю. — Разочарованно ответил мужчина. — Большие шишки стали забывать принципы, на которых основан Орден. — Он грустно вздохнул. — Когда не останется учителей с настоящим боевым опытом здесь все загнется. Ладно, будь здоров. — Добавил он и отвернулся.

— Вы вернулись! — Радостно воскликнула девушка, когда они удалились достаточно далеко.

— Молодец, Кэт. — Уважительно произнес Рейнальд. — Ты стала меньше полагаться на рефлекс. Всегда помни, что они должны быть твоим козырем в рукаве, а не разменной картой. Кстати, давай на ты. — Добавил он. Катарина стянула повязку и тряхнула головой, расправляя копну шикарных огненно-рыжих волос.

— С чего такая честь? — Подозрительно спросила она. В Ордене было принято обращаться на «вы» к тем, кто завершил свое обучение или занимал должность наставника. — Вы поседели еще сильнее. — Заботливо добавила она, окинув Рейнальда взглядом.

— Насчет волос, — он машинально провел по голове рукой, — скромная цена за победу над таким противником. — Девушка покачала головой. — Дело, на которое нас отправляют, стирает границы. — Охотник вернулся к изначальной теме. — Не думай, что я преувеличиваю, операции такого масштаба еще не было в истории Ордена.

— А, вы об этом. — Рейнальд поморщился. — Гавриил передал сообщение от Папы.

Удивительно, что он... меня для задания выбрал. — Слова дались Катарине с трудом.

— Я выбрал. — Коротко произнес Охотник. Девушка повернулась к нему с немым вопросом на лице. Он вздохнул. — Мне нужен кто-то, кому я могу доверять, там, в городе. — Заговорил Рейнальд, понижая голос, когда дозорные прошли мимо них по стене. — Грядет что-то... я в этом уверен. — Неопределенно пробормотал он. Катарина вся обратилась в слух. — Думаю Папа что-то скрывает, политики, чтоб их. — Охотник сделал паузу, выжидая, пока несколько учеников пройдут мимо. — Одно я знаю точно, будет очень опасно. — Катарина кивнула.

— Я справлюсь. — Уверенно припечатала она. Рейнальд помедлил.

— Никто не удивится, если кто-то из учеников, только что завершивших обучение, бесследно исчезнет в ходе задания. — Пространно произнес он, будто размышляя вслух. Девушка подозрительно прищурилась, потом в ее глазах мелькнуло понимание, и она уже открыла рот, собираясь что-то сказать, но Охотник остановил ее жестом. — Подумай об этом, Катарина, очень хорошо подумай. — Сверху снова раздались шаги дозорного, и они двинулись вдоль стены дальше. — Помнишь, что я говорил тебе про имена? — Девушка промолчала. — Называйся новым именем каждый раз, когда будешь представляться незнакомому человеку. — Она нахмурилась и отвела взгляд. — Твоя роль будет ключевой, и у тебя есть все, чтобы исполнить ее идеально.

— В каком смысле? — Переспросила она, но Рейнальд продолжил.

— Ты будешь на острие, у всех на глазах. Ни в коем случае не раскрывайся, даже если от этого будет зависеть жизнь других Охотников, включая меня. — Рейнальд ненадолго задумался. — От тебя будет зависеть успех операции.

— Что мне нужно будет делать? — Не выдержав спросила она.

— Координировать коллег. Подробнее объясню утром, меня назначили руководителем вашей троицы. — Спокойно ответил Охотник. — Я пришел сказать тебе это лично, чтобы подчеркнуть серьезность ситуации и твоего участия. — Когда он договорил, они уже почти вернулись к арене. — Тебе пора, Катарина, тренируйся хорошо. Подготовка — это большая часть успеха. — Девушка кивнула и направилась к инструктору. — Кстати, — затормозил он ее, — Себастьян передавал привет. — Катарина тепло улыбнулась и ускорила шаги.

Родная келья встретила его такой же, какой он ее оставлял. Деревянная кровать, стол и стул. Даже слой пыли тот же. Охотник рухнул на простыню, едва раздевшись. Тонкая перина казалась ему райским ложем. Наконец-то время, отведенное только для сна. Без спешки и опасности.

Проснулся по команде вместе с остальным монастырем. Привычно оделся, привел себя в порядок, и зашагал в столовую. Словно и не прошло года в Ломеионе. Завтракал за одним столом с Катариной. Когда-то Сареф, Раймонд и Себастьян сидели здесь же. Молчаливо мимо протекали старые знакомые. Размялся на площадке с учениками, отчитался перед наставником и отправился по делам. Первым делом нужно было пополнить запасы бомб, смесей, настоек, и всего, что могло пригодиться в долгой миссии. Составив списки и передав их нужным людям, он отправился в башню, где избранные Охотники ждали его для инструктажа.

— Норман и Фрей составляют боевую группу. — В закрытую комнату одной из башен монастыря почти не проникал свет поднимающегося из-за горизонта Солнца, но только

такое расположение гарантировало конфиденциальность. — Катарина обеспечивает ваше информирование и взаимодействие со мной. — Рейнальд оглядел сосредоточенные лица сидящих перед ним людей. Конечно, не звери, готовящиеся к броску, но серьезные соответственно ситуации. — Вы читали описание своих задач? — Троица почти синхронно кивнула. — Хорошо. — Рейнальд тоже ознакомился с документами, и это его совсем не обрадовало. — Папа решил убить одним выстрелом двух зайцев. Сидя здесь сейчас, вы принимаете этот груз ответственности на себя. — Холодный ветер пробился в окно, пронесаясь по полупустому помещению переговорной комнаты. — Первая часть полностью на вас, я вам не помощник. Выберите себе оружие и снаряжение, которое нельзя спрятать в кармане и передайте Гавриилу. Его вы получите уже в городе от проверенных людей, чтобы не привлекать лишнего внимания. — Охотник прищурился. — По поводу ваших действий внутри города. Для Катарины я купил гончарную лавку на площади. Приобрел у дряхлой старухи через три колена родственников, Гавриил расскажет подробнее. Твоя задача — прибыть в лавку и открыться в положенный день. К этому времени ее полностью оборудуют. Вы двое, — он перевел взгляд на Нормана и Фрея, — составьте расписание посещений лавки, никогда не приходите туда вместе, оставляйте достаточно пустых дней, сбивайте чередование и время. Рассчитывайте на три месяца. Свои задачи вы будете получать у Катарины, ни в коем случае не встречайтесь друг с другом лично, никогда не действуйте самостоятельно. Это понятно? — Пристально присмотрелся к Охотникам Рейнальд.

— Да. — За всех ответил Норман.

— Наша задача — защищать инквизитора Рихтера Балдера, недавно разжалованного в экзорцисты и выполнять его поручения. — Он нахмурился. — Первое я беру на себя, со вторым понадобится ваша помощь. По мере необходимости я буду посещать лавку Катарины и передавать ей задания, которые она разделит между вами. — Он перевел взгляд на девушку. — Ты же должна очень внимательно слушать все, что будут говорить приходящие люди. Вежливость, учтивость, скидки и особые предложения. Процветающая торговля это и отличное прикрытие, и хороший источник сведений.

— Но... — Начала-было она, но Охотник ее тут же прервал.

— Никаких «но» никому из вас не позволено. — Мрачно припечатал он. — Все делают то, и только то, что я говорю.

— Хорошо. — С задержкой пробормотала Катарина.

— Права на ошибку нет. Исчезните, растворитесь в городе так, чтобы вас точно не нашли, замрите, но, когда начнете действовать убедитесь в том, чтобы наверняка и не оставлять свидетелей. Прошу еще раз, без самодеятельности. — Рейнальд вздохнул. — И да поможет нам Бог.

Инквизитор Рихтер Балдер, днем ранее

Земляника исправно тащила за собой телегу, размеренно покачиваясь по сторонам. Солнце весело отражалось от желтых яблок на ее боках. Даже мухи не донимали так, как в прошлый день. Дорога стала более оживленной, мимо то и дело проезжали повозки и проходили люди. А Рихтер, расслабленно откинувшийся на спинку на передке, правил поводья и размышлял о своей миссии.

Была ли связь между исчезновением Артура, расписанным черепом, пропажей людей и появлением золотых пенни? Золото и люди точно связаны между собой, пропажа Артура и череп тоже. Но есть ли общее между ними? Можно было бы предположить, что нет. В таком

случае с Артуром разберется Папская гвардия и проблема решится сама собой. Это уже не в его компетенции. С другой стороны, если взаимосвязь есть, то откидывать улики будет опрометчиво. Исходим из того, что это звенья одной цепи. Чем отличался Артур от любого другого капитана «чистильщиков» Ватикана? Репутацией. Даже напрягшись, инквизитор не мог вспомнить ни одного плохого слова об Артуре от своих знакомых кроме чересчур длинного языка. Его пропажа и правда сильно подрывает авторитет церкви и мораль людей. Что-то еще? Артур и его отряд активно взаимодействовали с Себастьяном, и за это получили известность. Но Себастьян сидит на цепи у Папы. Кроме этого, только их общая миссия в Ломеионе. Рихтер задумался. Мог ли череп быть посланием ему? Если предположить, что Завулон выжил (в чем он был полностью уверен), то теперь он возможно хочет отомстить и таким образом его пугает. В таком случае едва ли в спасении ему помог Рейнальд, ведь тогда инквизитор уже гнил бы где-то в канаве. Так же у него была возможность убить Папу, а затем ускользнуть с помощью той же магии, что спасла Архимага. Нет, слишком много допущений. Нет смысла создавать золото, когда хочешь скрыть себя и своего сообщника, если можешь на этом погаснуть. Если Архимаг и выжил, то теперь инцидент с золотом скорее оправдывает Охотника. Инквизитор выругался.

Мимо проехала повозка с клеткой, наполненной собаками на продажу. Те неистово лаяли и грызли решетку, протягивая зубы к Землянике, но кобыла, к большому уважению, лишь флегматично фыркнула и прошагала своей дорогой. Пропажа людей Артура связана с Рейнальдом. Что-то случилось в Ломеионе что привело к тому, что он и часть его отряда исчезли. В другом случае украли бы только его. Отсутствие следов борьбы. Он ушел сам? Едва ли стража выпустила бы незнакомцев с горой тел в руках. Он призадумался, и вывод почти сразу пришел к нему в голову. Сотни людей посещают эти стены каждый день. Входящих тщательно проверяют, но уходящих нет. Артур с людьми ушел сам. Но почему? Сложно ответить на этот вопрос, информации слишком мало. Почему именно в это время? Вариантов два: либо он это планировал, либо ему велели уйти в тот момент. Во втором случае против нас действует организация, в первом Артур простой дезертир. Будет ли разумный человек вслепую дезертировать, занимая такую должность? Он действительно знает слишком много, чтобы оставлять его в живых, и должен понимать, что Ватикан не пожалеет на это сил. Тогда он должен был готовиться к этому долгие годы, но его послужной список говорит о лояльности. Значит если он и сбежал сам, то в организации побега помог кто-то другой, что также приводит к причастности некой третьей силы. А если добавить к этому золото...

Инквизитор чуть не воскликнул от осенившей его мысли. С золотом все становится понятно. Неким личностям для их целей понадобилась свежая кровь, рабочие руки, информаторы или какая-разница-кто-еще. Люди — это всегда дорого, и им понадобились деньги. Вопрос в роли Артура в этом деле. Они ему платят, или только организовали побег? Слишком мало информации. Но точно понятно одно. Они в точности знают, как работает незримый Ватикан. Они знают про Охотников, чистильщиков, лаборатории и исследования. Нужно понять лишь то, имеются ли у них свои люди в церкви, или на них работает кто-то, кто раньше был непосредственным участником этой структуры. А если учесть, что о миссии в Ломеионе знали только посвященные, то круг поиска сужается до священников, инициировавших дело, инквизиторов, занимавшихся расследованием, и Охотников, получавших запрос на исполнение.

Когда он подъехал к воротам Святой Ольги, уже поднималась луна. Монастырь встречал его запахнутыми воротами. Сжимая в трясущемся кулаке фонарь, в них стоял престарелый настоятель. Как только Рихтер спрыгнул с повозки, пересекши порог, тот окликнул помощниц, которые, видно, тоже ждали его прибытия неподалеку. Девушки в белых робах попытались-было распрячь Землянику, но инквизитор остановил их, и сделал все сам, передав парочке уздцы лошади. Шушукаясь, и почесывая ее за ушами, они двинулись в сторону конюшни.

— Сэр Рихтер. — Поприветствовал его настоятель, подходя ближе.

— Людвиг. — Ответил он кивком.

— Прошу прощения, что не смогли подготовиться должным образом к прибытию святого инквизитора. — С горечью произнес старик. — В последнее время все больше добрых воинов получают ранения на дорогах, девушки стоят на посту в три смены, чтобы оказывать медицинскую помощь своевременно.

— Не переживайте, — мрачно проговорил Рихтер, — я больше не инквизитор. Где Вера? — Людвиг ошарашено оглянулся.

— Как? Что случилось? — Борясь с собой пробормотал он. — Чтобы вы...

— Папиными молитвами лишился должности вместо головы. — Он пожал плечами. — Давайте к делу.

— Ох. — Настоятель перекрестился. — Вера у себя, господин, собирает вещи или спит. Мы не думали, что вы решите покинуть нас так скоро. Мне отправить за ней? — Инквизитор задумался. Время, проведенное в повозке, не слишком утомило его, но общая усталость последних дней накопилась и сейчас неприятно давила. Кроме того, Рейнальд сказал, что будет ждать их завтра. Хотя в то, что он успеет вовремя не верилось. Нужно чудо, чтобы прорваться через сплошные леса на такой скорости.

— Не стоит, я что-то погорячился. У вас есть свободные комнаты? — Быстро меняя планы уточнил он.

— Конечно. — С улыбкой ответил Людвиг. — В гостевом доме на втором этаже подготовили специально для вас. Анна, проводи гостя, будь любезна. — Проходящая мимо девушка с тюком, полным постиранных тряпок, кивнула.

— Идемте за мной, господин. — Стараясь не кричать поманила его за собой она. Голос девушки был приятным, напоминал что-то забытое из прошлого.

— До завтра, Людвиг, я найду вас утром.

— Добрых снов, Рихтер, прошу, не забывайте про отдых.

— Мне нужно отнести эти вещи больным, но это в ту же сторону, вы подождете? — Слегка порозовев спросила девушка, когда Рихтер подошел к ней.

— Конечно. — Ответил он. — Вам помочь?

— Не стоит. — Она отодвинулась чуть в сторону, чтобы инквизитор точно не дотянулся до тюка. — Здесь у каждого своя работа, это будет не честно по отношению к остальным. — Рихтер хмыкнул, но пожал плечами и отступился. В чужой монастырь, как говорится.

Они молча дошли до широкого здания госпиталя в центре монастыря. Даже через стены оттуда слышались стоны раненых и отрывистые команды врачей. Девушка забежала внутрь и вскоре показалась снова, лишенная своей ноши.

— Готово, за мной. — Бросила она и засемила в сторону. Деревянные подошвы весело стучали по брусчатке, а раздуваемый воздушный подол создавал впечатление будто девушка парит над землей. Гостевой дом оказался неподалеку, вплотную прилегающим к

стене. Найти его самому было бы совсем не тяжело, чего нельзя было сказать о двери. Ее запрятали так, чтобы никто точно не нашел без подсказки. По крайней мере никакого другого объяснения такому странному расположению не было. Дверца сливалась со стеной и скрывалась в тени виноградных лоз, испускающих дурманящий сладкий аромат. — Ну вот. — Сказала девушка, указав на дверь. — Вам сюда, потом по лестнице наверх и направо, сразу ваша комната.

— Спасибо. — Улыбнулся он.

— Доброй ночи. — Добавила она, и, звонко стуча башмаками, убежала по своим делам. Инквизитор зашагал в обозначенном направлении.

Комната не была чем-то из ряда вон, но по размеру и обстановке явно превосходила кельи монашек и его приморский чулан. Инквизитор разделся, оставив одежду на высоком стуле и лег на удобную кровать с мягкой периной, едва не заурчав от удовольствия. Как давно он не спал с комфортом хотя бы в родном кабинете. Наконец-то его укрывало нормальное одеяло, а не старый вонючий плед, а из-за окна не воняло солью и морем. Он перевалился на другой бок, поправил рукой подушку, и провалился в блаженный сон. На такой кровати не хотелось даже думать.

Проснулся с первыми петухами. Монашки за окном, казалось, ни на секунду не прекращали своего бдения, копошась, как колония муравьев, только перебегая с места на место. Готовка, уход за скотиной, уборка, учеба и помощь больным. И молитвы где-то в свободных промежутках. Он расслабленно потянулся, поднялся с кровати и размял затёкшие конечности. Неторопливо оделся, и уже собирался уйти, когда заметил горшочек каши, большую деревянную кружку воды и кусок свежего хлеба на столе. С удовольствием позавтракав, он вышел во двор, направляясь туда, где оставил свою повозку.

Земляника ждала его уже накормленной, почищенной и запряженной. В кузов добрые монашки положили еще несколько приятно пахнущих свертков, а рядом стоял престарелый Людвиг, наставляя чудотворку перед ее путешествием.

— За кошельком следи! — Ворчливо проговорил он, когда инквизитор подошел. Вера. Высокая девушка с каштановыми волосами до плеч, большими голубыми глазами и правильными чертами лица была одета в простое коричневое платье и башмаки, что не слишком подходило для похода, но другого здесь, видимо не было.

— Вы готовы? — Спросил он, прерывая разговор. Вера готовилась ответить Людвигу, но от неожиданности замолчала.

— О, это вы? — Спросила она, оборачиваясь. — Несколько иначе я вас представляла. — Инквизитор опешил, а настоятель схватился за голову.

— Не груби господам, Верочка. — Запричитал он.

— Где ж я нагрубил? — Удивленно спросила она. — На этой повозке поедем? — Кивнула она в сторону Земляники.

— Угу. — Пробормотал Рихтер.

— Отлично. — Вдохнула она, и перекинула через борт крупный туго затянутый мешок, и куда более аккуратно поставила рядом деревянный кузов, перетянутый ремешками. — Я готова. — Добавила она, но в голосе не было той уверенности, которую она силилась изобразить. Инквизитор покачал головой, но говорить ничего не стал.

— Тогда отправляемся. — Бросил он, забираясь на передок, и беря в руки поводья. — Спасибо за теплый прием, Людвиг, надеюсь, свидимся еще.

— Типун тебе! — Пробормотал старик, махнув рукой. По его щеке побежала слеза. Инквизитор потянул поводья на себя, Земляника переступила с ноги на ногу, и повозка медленно двинулась вперед. Вера нерешительно шагнула туда же, но почти сразу остановилась.

— Спасибо вам, Людвиг. — Сказала она, резко обняв настоятеля. — Я очень ценю вашу заботу и все, что вы для меня сделали.

— Надеюсь это то, чего ты так хотела, дорогая. — Проскрипел он, похлопывая ее по спине.

От зданий монастыря побежали другие монашки, размахивая на прощания руками, выкрикивая пожелания и стоны грусти. Вера еще немного постояла на месте, девушки облепили ее, с многократно возросшей мощью потекли слезы. Инквизитор закатил глаза и притормозил. Еще немного помедлив, Вера отстранилась от подружек и резво побежала к повозке. Рихтер помог ей забраться, и процессия двинулась прочь от стен монастыря Святой Ольги.

— Так что вы говорили о том, что представляли меня иначе? — Поинтересовался инквизитор, когда знакомые постройки окончательно растворились за спиной. Колеса повозки поскрипывали, Земляника стучала подковами по камням, а на деревьях весело пели птицы. Вера, севшая на передок в начале поездки так и не перебралась в кузов повозки и пребывала в какой-то прострации.

— Слушайте, — со вздохом начала она, — я, конечно, все понимаю. Вы инквизитор, я послушница в монастыре, и все такое. Но, — она замедлилась, подбирая слова, — я врач, а не политик, понимаете? Мне сложно витиевато изъясняться, я не знаю, как разговаривают между собой... — Она пространно махнула рукой в его сторону. — Дворяне, и как простолюдинам типа меня положено к вам обращаться. Но, если я правильно понимаю происходящее, то нам предстоит сложная миссия вместе, поэтому может на время оставим сословия? — Девушка прищурилась. — Сможете вы пережить такое оскорбительное для своей персоны поведение хотя бы несколько недель? И сразу перейдем на ты? — Рихтер с плохо скрываемым удивлением оставил поводья и обернулся к своей спутнице. Немного помедлил, осмысливая произошедшее, а потом улыбнулся.

— Рихтер. — Ответил он с кивком. — Я тоже представлял тебя сильно иначе, чудотворка. Кроме того, я больше не инквизитор.

— Вера. — Девушка с облегчением выдохнула и ответила полупоклоном. — Как это произошло? — Поинтересовалась она с ноткой озабоченности.

— Ну... — протянул он, — заговор, предательство, ложные улики. — Перечислил он, загибая пальцы. Солнце постепенно входило в зенит. — В общем, Папа предложил разжалование вместо плахи и последующую возможность реабилитироваться — эту миссию. — Распространяться на эту тему не хотелось.

— Ты разговаривал с Папой лично? — Удивленно воскликнула Вера.

— Да. — Ответил инквизитор. — Твой брат тоже, Папа любит контролировать своих приближенных лично.

— Мой?.. — Она помедлила в раздумьях. — А, ты про Рея. — Девушка отвела глаза. — Он мне не брат.

— В каком смысле? — Шокировано переспросил Рихтер.

— В прямом. — Вера пожала плечами и откинулась на спинку скамьи. — Странно что ты не в курсе.

— Ну знаешь, — он почесал затылок, — Рейнальд только и говорит, что о работе и о тебе, создается впечатление, что ничто другое его больше не интересует. — Девушка тяжело вздохнула.

— Он говорил мне, что ты его... начальник что ли, решаешь, куда ему идти и что делать. — Крутя в воздухе кистью вспоминала она.

— Долгое время так и было. — Пробормотал Рихтер. — После Ломеиона все завертелось...

— После чего? — Переспросила она.

— Не бери в голову, — отмахнулся инквизитор, — ты что-то хотела узнать?

— Какова твоя роль в нашем задании? — В упор спросила Вера. Рихтер прокашлялся.

— Ну, я вроде как руководитель. Веду расследование от лица Римского Папы. — Без лишней гордости ответил он.

— Прямо так? — С недоверием уточнила она.

— Ну, очень близко к тексту. — Девушка вздохнула и заерзала, устраиваясь по удобнее.

— Ладно, надеюсь так оно и есть. Хотела понять, насколько можно доверять тебе тайны. С другой стороны, Рей бы не стал так хорошо отзываться о тебе, будь ты мерзавцем. — Она пожала плечами.

— Хорошо обо мне? — Каждая реплика спутницы все больше сбивала инквизитора с толку.

— А ты что, думал он тебя недолюбливает? — С насмешкой спросила она, рассматривая спутника.

— Если честно... — Начал-было он, но замолчал.

— Ты ничего не понимаешь в людях. — Констатировала Вера. — Хотя я бы на его месте за многое тебя поколотила. Ладно. — Продолжила она, упирая острый подбородок на кулак. — Знаешь, почему его называют Хенкером?

— Вроде бы в Ордене каждому Охотнику подбирают прозвище по его заслугам. — Она отрицательно покачала головой.

— Их заслуживают, если я правильно понимаю, вот у Рея как раз такой случай. — Девушка прокашлялась и набрала воздуха в грудь. Потом огляделась, проверяя, что никого больше нет на дороге. — Когда-то давно он сбежал из Ордена. — Заговорщицки прошептала она.

— Чего? — Чуть не выкрикнул Рихтер. Несколько раз он вызывал из Ордена досье Охотника, но ничего ни про какой побег в нем не видел. Новость была поразительной дважды, учитывая безупречную репутацию Рейнальда.

— Слушай дальше. — Остановила его она. — Я не разбираюсь в Охотниках и Ордене просто хочу разрешить это недоразумение с «сестрой». — Она прикрыла глаза и продолжила. — В общем, сбежал он еще ребенком, ему было, наверное, лет семь или восемь. — Она сдерживалась, чтобы не тараторить, но выходило не очень. — Потом долго скитался, я спрашивала, что он делал в это время, но он никогда не говорил. Но потом случилось что-то, из-за чего он решил вернуться, но не в Орден, а на родную землю, или что-то такое. — Лицо девушки приняло несколько страдальческий вид. — Я тогда тоже маленькая была, но постарше него, естественно. Когда он пришел к воротам монастыря, мне

было четырнадцать. На нем, как всегда, живого места не было. — Сквозь ее слова слышалась грусть пополам со злостью. — Не ел, наверное, неделю и шел пешком страшно подумать откуда. Одежда уже в отдельные лоскуты превратилась, от обуви одно название. В Святой Ольге мальчиков не брали, но тут решили сделать исключение из-за возраста. Поставили его какую-то работу делать, то носил что-то, то по хозяйству помогал. За пару месяцев не сказал ни слова, мы уж думали, что он немой. — Вера замедлилась. Слова давались ей с трудом. — А потом в один день на монастырь напали, прямо на службе. Какие-то уроды решили, что у нас там горы золота спрятаны. Ворвались в часовню, взяли в заложники несколько девушек и... меня тоже. — Она проглотила слюну и отвела глаза. — Бедного Людвига чуть не хватил удар, он с того дня такой дерганый. В общем, старик как читал свою Библию, так и продолжил только на родном языке. Рей в это время в подсобке был, раскладывал масло. И как раз на словах «Und alsbaldschickte hin der König den Henker» он свернул первому нападающему шею. — Вера замолчала, переводя дыхание. Но почти сразу продолжила. — Разбойников было больше, они были куда старше и вооружены, но падали замертво один за другим. Для него это тоже не прошло даром конечно. Когда последний бандит погиб, Рей и сам оказался на грани. Он подставился под удар ножом, защищая меня. В тот день я впервые вылечила безнадежного человека. Людвиг сказал я сотворила чудо. — Девушка горько усмехнулась. — А едва спасенный мальчик снова начал впадать в лихорадку и захиревать. И когда он вдруг открыл глаза и увидел меня, то сказал: «Сестренка, это ты?». И я сказала «да» толком не раздумывая, боялась, что он умрет, если не сделаю это. Только тогда он успокоился и заснул. Это были первые слова, которые я от него услышала в жизни. Сначала подумала, что будем держаться друг за друга, все-таки двое сирот, но он ушел, как только смог ходить без моей помощи, и вернулся только через год, изменившись еще сильнее. Не знаю, что тогда произошло, но он, кажется, верит в то, что мы на самом деле родственники. — Вера замолчала и погрузилась в собственные мысли. Рихтер оторопело молчал.

— Никогда не слышал о том, что на Святую Ольгу нападали. В то время я уже должен был быть в должности. — Девушка молча пожала плечами.

— Я рассказала, как оно было, выводы делай сам.

— Ну а ты-то сама? — Поинтересовался инквизитор после затянувшегося молчания.

— Не знаю. — Ответила Вера, дернув плечом. — С тех пор он почти никогда не оставлял меня в неведении на долго, и мы старались помогать друг другу по возможности, думаю это хорошо. Кстати, я думала, что ты куда более властный. — Вдруг сказала девушка. — И сморщенный. — Добавила она. — Инквизитор хмыкнул.

— А я, что ты похожа на Рейнальда, только очень правильная. — Искренне ответил он.

— А оказалось? — С любопытством спросила она.

— Оказалось, что вы просто очень похожи. — С улыбкой ответил Рихтер.

Солнце окончательно поднялось в зенит. Вера молчала уже долгое время. Людей на дороге прибавилось, поднялся гудящий шум, в котором странная компания попугачиков моментально растворилась. Жидковатая глина грунтовок сменилась плотной коркой из песка и сухой грязи. Их повозка выехала к обозначенному Рейнальдом перекрестку. Охотник обнаружился почти сразу. Он стоял чуть поодаль, привалившись спиной к стволу старого дерева. Рядом размеренно щепал траву черный конь. Поравнявшись с ним, Рихтер замахал рукой, подзывая Рейнальда к себе. Неизменный плащ непонятного цвета развивался по

ветру, Охотник подхватил Перикулума под уздцы, подошел к повозке и загрузил свои вещи в кузов.

— Где ты достал такого коня? — Вместо приветствия спросил инквизитор.

— У цыган. Долгая история. — Коротко бросил Рейнальд. Рихтер закатил глаза. — Рад видеть тебя, сестренка. — Добавил он. Вера очухалась, приходя в себя из дремы, перегнулась через борт повозки и заключила Охотника в объятия. — Как тебе мир за стенами монастыря?

— Пока не разобралась, но мы все еще ни во что не встряли, так что это успех. — Усмехнулась она. — А господин Рихтер оказался совсем не таким гадким занудой, как ты говорил. — Инквизитор возмущенно обернулся, но столкнулся с веселым взглядом карих глаз попутчицы и сам улыбнулся.

— Ничего, ты еще успеешь узнать его по лучше. — Пробормотал Охотник, запрыгивая в кузов и разваливаясь на полу повозки.

— Как не привычно встречать тебя целым и невредимым несколько раз подряд. — Девушка окинула Охотника критическим взглядом. — Мать Божья, что с твоими волосами? — Инквизитор обернулся и присмотрелся, неожиданно для себя понимая, что только сейчас заметил, что седина на голове его спутника стала куда гуще, почти не оставляя места каштановым прядям волосам.

— Вампир в заброшенной деревне. — Негромко ответил он.

— Ты точно вгонишь себя в могилу. — Раздосадовано покачала головой Вера.

— Что нам дали в дорогу? — Вместо ответа он схватил мешок, которым Рихтера с Верой нагрузили в Святой Ольге.

— Это припасы, куда руки тянешь? — Рыкнул инквизитор через плечо.

— Правда припасы. — Прохрустел в ответ Охотник.

— Ой, эти гостинца собирала Роза. Когда она узнала, что ты будешь с нами, то засела на кухне на всю ночь, чтобы состряпать самое вкусное. — Девушка обернулась к нему с озорной улыбкой. — Думаю девочка все еще грезит тем, что однажды ты украдешь ее из самой высокой башни Святой Ольги и повезешь под венец. — С придыханием продолжила она.

— Поражаюсь простоте ваших послушниц. — Прожевав, ответил Рейнальд.

— Ты что, грызешь яблоки? — Переползая на скамью к инквизитору воскликнула Вера.

— Угу. — Промычал он с набитым ртом.

— Это девчонки собрали для Перикулума. — Воскликнула она. Услышав свое имя, конь сунул морду к мешку через борт.

— Перебьется. — Охотник отпихнул коня в сторону. Тот разочарованно фыркнул. — Даже не начинай. — Отмахнулся от коня Рейнальд.

— Значит, Перикулум? — Поинтересовался инквизитор. — Как насчет помочь Землянике тащить повозку? Нас тут уже многовато для одной лошади. — Конь возмущенно заржал.

— Что? — Пожал плечами Охотник. — Господин Рихтер тут главный, так что давай, за работу. — Конь фыркнул в ответ исподлобья.

— Он что, сам себя запрягать будет что ли? — Инквизитор начал терять терпение. Вера прыснула в кулак. — Вылезай, и давай впрягай своего коня быстрее, мы спешим. — Перикулум победоносно фыркнул. Охотник нехотя отложил мешок с едой в сторону и прыгнул с повозки.

— Не зазнавайся. — Пробубнил он, снимая с коня седло и оставшиеся вещи. Быстро уложил их в кузов, подвел скакуна к Землянике и запряг рядом с ней. — Только учти, Рихтер, Перикулум не тягловое животное, может показывать характер. — Словно в подтверждение этих слов конь выгнул грудь и забил копытом, фыркая над ухом Земляники. — А ты не слушай, он бахвалится. — Добавил Охотник, почесывая лошадь за ушами. Потом вернулся в повозку к дожидавшийся его еде. Инквизитор тронул поводья, и компания двинулась вперед.

Дорога постепенно разгружалась, дневная жара раздражала путешественников и бродячих торговцев. В воздухе звучала какофония голосов всевозможных животных. Инквизитор помнил, что вскоре этот участок дороги сменится куда менее популярным и движение должно будет стать комфортнее.

— Так что там за история с Перикулумом? — Вновь заговорил он. — В столице за него бы отвалили целое состояние. Откуда у тебя такое чудо?

— Если у тебя есть свободное время, потрать его на дело. — Безразличным тоном ответил Охотник, дожёвывая пирожок.

— Ты сам ничего не делаешь. — Резонно заметил Рихтер.

— По опыту могу сказать, что сейчас он завалится спать. — Усмехнулась Вера. — Он постоянно так делает, когда приезжает к нам.

— Именно. — Не стал спорить Охотник и начал устраиваться по удобнее. Девушка развела руки. Инквизитор закатил глаза.

— И это наш защитник? — Иронично произнес он.

— Не критикуй мои методы. — Сонливо пробормотал Рейнальд. — Я же твои не критикую.

Следующие часы прошли в молчании. Охотник посапывал в кузове, укутавшись в свой плащ. Вера дремала на скамье, сморенная жарой.

— Эй, госпожа. — Вдруг донеслось со стороны. — Помогите, пожалуйста, кушать хочется. — Инквизитор повернулся на звук. Рядом с протирающей глаза Верой семенила девочка, дергая ее за платье. Девочка была маленькой, смуглой, в потертом грязно-бардовом платье и с испачканным лицом.

— Конечно, сейчас. — Спросонья кивнула головой девушка и опустила руку в складки одежды. Инквизитор не успел ее одернуть, когда чудотворка уже протянула девочке несколько мелких монет. Та радостно схватила их, и побежала-было в сторону, когда рядом с ней словно из воздуха возникла женщина и схватила за воротник.

— Чем ты опять занимаешься? — Выкрикнула она. Едущая впереди повозка как на зло замедлилась и Рихтеру пришлось затормозить. Окружающие их люди поспешно начали отворачиваться и отводить взгляды. — Сколько раз я тебе говорила не лезть к добрым людям. — Смуглая кожа и схожие черты лица выдавали в женщине мать попрошайки. Вера растерянно одернулась, прижимаясь ближе к инквизитору. — Позор на наш род. — Выкрикнула женщина и девочка начала хныкать. — Отдай деньги. — Приказным тоном заявила она. Девочка нехотя протянула руку и разжала кулачек. Мать вытащила горстку монет, и отвесила дочери звонкую оплеуху. — Все, топай к бабушке и молись за здоровье побеспокоенных тобой людей. — Она махнула рукой в сторону сидящей неподалеку в тени деревьев сухой старушки. Инквизитор прищурился, рассматривая сморщенное лицо и насмешливый взгляд человека, казалось, вообще не заинтересованного в происходящем.

Женщина же зашагала за ними вдогонку. — Вот, возьмите. — Извиняющимся тоном проговорила она, протягивая деньги Вере. — Простите мою дочь, ей явно не достает воспитания.

— Не стоит, правда, нет выше блага чем помогать нуждающимся. — Сбивчиво заговорила чудотворка.

— Себе бы помогли, госпожа. — Сказала жена с ироничной улыбкой. — Возьмите и отправляйтесь с миром, мы как-нибудь сами разберемся. — Вера оторопело забрала деньги назад и спрятала их в кошель. — Легкой дороги. — Еще раз улыбнулась женщина и зашагала прочь.

— Я же помочь хотела. — Пробормотала Вера.

— Ну, лучше так чем. — Начал-было инквизитор, когда в воздухе раздался еще один громкий хлопок. Они с Верой тут же обернулись.

— Верни. — Ровным голосом сказал Охотник, держа руку женщины в воздухе за запястье. Он сидел в повозке, прикрывая лицо капюшоном и глядя в пол. Медленное движение колес заставляло женщину периодически переступать за повозкой. Она пыталась вырваться, но хватка Рейнальда была железной.

— Пустите меня! — Выкрикнула она. — Я и так все вернула госпоже.

— Верни. — Не меняя интонации повторил он.

— Что это значит? — Воскликнула Вера, но инквизитор ее остановил.

— Я приличная женщина. — Продолжала она, дергаясь. — Оставьте меня, или я позову стражу. — Вооруженные люди и правда сновали то тут, то там, контролируя, видно, неожиданно возникший затор.

— Ту хохавЭса, мэ джинОм. — Вкрадчиво проговорил Охотник на незнакомом языке, но женщина вдруг замолчала. — Мэ тут мангАва. — Ее глаза забегали, но окружающим не было до происходящего никакого дела.

— Ладно. — Со злостью бросила она и положила в его ладонь кошель. Вера со вздохом начала проверять свои вещи. Кошеля среди них ожидаемо не было.

— Сыр тут кхарэн? — С вопросительной интонацией произнес он, убирая мешочек в длинный рукав платья женщины. — Можешь не отвечать, я узнаю сам. Но поверь мне, бароны не будут в восторге, если я приду просить их лично. — Его голос понизился до тихого полусшепота. Лицо женщины исказила гримаса злости. — Кармус катю. Слышала о таком? — Вкрадчиво поинтересовался он. Ярость почти сразу сменилась на страх.

— Эй, Гили. — Вдруг крикнула старуха. Женщина обернулась к ней. Бабуля повелительно махнула рукой. Смуглая понуро опустила плечи.

— Что там происходит? — Как гром среди ясного неба раздался голос стражника. Под неровный ропот толпы сквозь людей к ним продирался вооруженный солдат. Женщина затравленно оглянулась и отдала Охотнику другой кошель, тот ловко перехватил его и отпустил ее руку.

— Ничего, уважаемый. — Проговорил он, когда стражник подошел. Женщина выскользнула прочь, но Рейнальд перехватил ее за ткань платья и рывком притянул назад. На ее лице читалась паника. — Мои господа пожелали узнать историю этой бедной женщины. — Стражник недоверчиво окинул их взглядом. — Госпожа нашла ее горе весомым и соблаговолила облегчить ее судьбу скромным даром. — Продолжил он, отсчитывая монеты, которые Вера передавала девочке. — Мы честные люди. — Сказал он, вкладывая деньги в руку женщины, глядя в глаза стражнику.

— На эту женщину не первый раз обращают внимание. — Сурово произнес стражник. — Ее даже подозревают в воровстве.

— Глупости. — Уверенно произнес Охотник. — Они с дочерью достойные люди, которых толпа незаслуженно обижает. — Страж фыркнул и зашагал прочь, возвращаясь к патрулю.

— Ты заработала эти деньги. — Сказал он женщине. — Моя сестра решила отдать их тебе по своей воле. ТУтэ гОжо лаф, на дАрпэ. Все честно. Мы квиты. — Она медленно кивнула и зашагала в сторону старухи, которая провожала их взглядом с улыбкой на лице. Охотник молча передал кошель Вере.

— Спасибо. — Смущенно пробормотала она.

— Что это было? — Спросил инквизитор, когда повозка снова поехала на нормальной скорости.

— Цыгане. — С отвращением ответил Охотник, снова укладываясь спать.

Компания продолжала свое движение. Солнце перекаатилось через зенит. Повозки сворачивали в сторону, разъезжаясь по окрестным городам и селам, освобождая дорогу для Перикулума и Земляники. Все это время Вера нервно дергалась, не находя себе места, а Рейнальд, наоборот, продолжал опустошать мешки с припасами, самозабвенно хрустя в повозке или посапывал, кутаясь в плащ. Рихтер, не привыкший к работе в такой разномастной компании молча правил лошадей, погруженный в свои мысли. Всю жизнь он либо командовал подчиненными, либо обсуждал команды с другими. Успокаивать волнующихся женщин явно не входило в его компетенции.

— Я все-равно не понимаю, когда она успела? — Не выдержала Вера в очередной раз. Рихтер вздохнул.

— Цыгане известны своими воровскими талантами. Кто-то говорит, что их старухи практикуют злую магию, но я с таким никогда не сталкивался. Не стоит переживать об этом. — Он повернулся к ней и ободряюще улыбнулся. — Откуда ты могла знать? Ты же всю жизнь провела в монастыре. — Договорил он. Постное выражение лица Веры было красноречивее любых претензий.

— Не терпится увидеть тебя за работой, инквизитор. — Оторвавшись от еды, с ухмылкой сказал Рейнальд. — Пока все, что я от тебя видел, было либо грандиозным провалом, либо извилистой дорогой к нему.

— Пошел ты, умник. — Раздосадовано отмахнулся Рихтер. — Ты-то пока вообще ничего не делаешь кроме уничтожения наших припасов.

— Во-первых, я готовлюсь. — Серьезным тоном ответил Охотник, поднимаясь на локтях. — Во-вторых, мое дело — решать кризисные ситуации. — Он громко зевнул и снова завалился на бок. — И судя по динамике, без работы я не на долго.

Рихтер собирался сказать еще какую-то колкость, но тут раздался смех Веры.

— Вы хоть когда-то бываете серьезными? — Прикрывая рукой рот, спросила она. Охотник фыркнул, а инквизитор непонимающе дернул головой.

— Не держи на них зла. — Ровным голосом заговорил Рейнальд, когда Вера успокоилась. — У цыган не так много способов заработать себе на жизнь, традиции накладывают ограничения. Наверное, однажды они приспособятся.

— Так что, мне не стоило давать ей деньги? Как же любовь к ближнему?

— Дело твое. — Ответил Охотник. — Если ждать удара в спину от каждого встречного,

лучше вообще не выходить из дома.

— Это точно ты говоришь? — Удивленно переспросил инквизитор. Рейнальд промолчал.

— Магия цыган имеет с привычным колдовством мало общего. — Добавил Охотник. — Скорее форма какого-то гипноза.

— Ты многое о них знаешь. — Вера облокотилась на бортик, поворачиваясь к Охотнику. — Неужели в вашем монастыре были и цыгане тоже?

— Нет. — Коротко ответил он. — Но воровать меня научили они.

— Кстати, что означает «Кармус като»? — Поинтересовался Рихтер.

— Крысолов, если говорить коротко.

— И за что тебя так называли? — Продолжил он.

— Долгая история. — Безразлично ответил Охотник.

— У тебя все «долгая история», можешь просто ответить? Мы пока не слишком торопимся. — Раздраженно парировал Рихтер. Вера любопытно закивала в ответ. Рейнальд вздохнул.

— Я жил в таборе какое-то время, подробности к делу не относятся. — Рихтер собирался возразить, но девушка его опередила.

— Поэтому ты ее не выдал?

— Ага. — Коротко ответил он. — В деревнях свои законы и их нужно соблюдать. — Спустя некоторое время продолжил он. — Табор считай переносная деревня.

Хенкер

Солнце уже близилось к закату. Воздух потихоньку становился холоднее. Путников поблизости не было видно довольно давно. Рихтер тихо переговаривался с Верой, кони фыркали, но исправно тянули повозку. Пищали насекомые, а со стороны леса доносились звуки ночных птиц. Он перевернулся на спину и уставился в стремительно темнеющее небо. Сквозь тонкие облачка уже было видно звезды. Но что-то во всем этом спокойном умиротворении не давало ему покоя. Рука невольно потянулась к свертку шкур, нащупывая через его поверхность посеребрённой рукояти.

— Пора искать место для ночлега. — Чуть громче произнес инквизитор. — Скоро стемнеет, мы ничего не увидим.

— Для начала надо столкнуть повозку к лесу. — Ответил Рейнальд, поднимаясь на ноги.

— Вам помочь? — Спросила Вера. Инквизитор отрицательно покачал головой.

— Толкать повозку не дело для дамы. — Вера закатила глаза.

Пока Рихтер и Рейнальд распрягали лошадей, девушка выбирала место для стоянки. Когда повозка со крипом заняла свое место по соседству, а Перикулум с Земляницей разбрелись щипать травку, в центре импровизированного лагеря Вера уже сложила приличную кучу хвороста. Инквизитор уважительно хмыкнул. Вскоре над костром сверкнуло кресало, и окрестные деревья озарились всполохами пламени. Компания расселась по кругу, Рихтер вытащил мешок с едой из повозки и развязал его в поисках ужина.

— Ну и грызун. — Сдерживая злость выговорил инквизитор. — Это надо было постараться столько сожрать. Больше сегодня есть не будешь. — Охотник пожал плечами, а Вера опять рассмеялась в кулак. — Нет, ну посмотри сама. — Продолжил Рихтер,

протягивая девушке другой сверток. — Нам этого на всю дорогу должно было хватить. — Эй, ты меня вообще слышишь? — Спросил он, оборачиваясь к жующему Рейнальду. Слова больно резанули по слуху, и Охотник замер, глядя на него прищуренными глазами. С треском в небо поднялся сноп оранжевых искр.

— Что ты сказал? — Вкрадчиво выделяя каждое слово переспросил Рейнальд, отгоняя от себя комара.

— Ты меня слышишь? — Настойчиво повторил инквизитор. Охотник понял, что теряет связь с реальностью. Чувство будто он снова смотрит сам на себя со стороны заполнило разум. Его взгляд скользнул в сторону. Вера, Рихтер, Земляника и Перикулум: все молча смотрели на него. Словно вторя происходящему знакомо заболела голова. Он зажмурился, массируя пальцами вески. Что происходит? Вопросы один за одним проносились в мыслях, но тут из глубины леса донесся волчий вой. Не говоря ни слова, он рывком поднялся на ноги, выхватил горящий сук из костра и ринулся к деревьям.

— Что это было? — Шокировано выкрикнула Вера Рихтеру. Тот оторопело проводил растворяющегося в деревьях Охотника взглядом.

— Не знаю. — Оторопело, ответил он.

— Надо его найти. — Взволнованно сказала девушка, подрываясь с места и направляясь к стене деревьев. Рихтер одним движением вскочил, догнал ее и схватил за руку.

— Даже не думай, в такой темноте мы никогда не выберемся из леса.

— Но он...

— Он знает, что делает. — Громко сказал инквизитор, придавая своим словам максимум возможной уверенности. Хотя сам не понимал, что происходит, но отпускать Веру сейчас было безумием. — Видимо он что-то услышал или почувствовал. Не забывай, кто он. — Девушка недолго поколебалась, но вскоре понурила голову и зашагала назад к костру. — Хорошо, не потеряться — это лучшее, что мы можем сделать, чтобы ему помочь. — С облегчением добавил инквизитор, присаживаясь рядом.

— Что происходит? — Вторя его мыслям пробормотала Вера, закрывая глаза руками. Перикулум подошел ближе и опустил голову ей на плечо.

Охотник бежал сквозь деревья как заведенный. Огонек на краю зажатой в руке ветки продолжал гореть на честном слове. Нужные чары он произнес машинально, и сейчас корни и ветви привычно расступались, пропуская его вперед. В голове не было ни единой мысли. Только ветер, стук сердца и пульсирующие слова. «Ты меня слышишь?». Когда это уже закончится? Стволы мелькали мимо, зрения с трудом хватало, чтобы различить хоть что-то. Он уже представлял себе, как сейчас очнется в проклятой деревне, на небесах или в аду, Бог его знает где, может прямо в вампирском замке. Но останавливаться не было сил. Осталось лишь желание закончить это любой ценой. Впервые он серьезно подумал о том, что, возможно, Вэлдрин был прав, когда сказал, что лучше не прикасаться к мечу.

Брешь в лесу возникла так же неожиданно, как и волчий вой. Он едва успел затормозить, вылетев в центр поляны. Тяжело дыша, и стараясь справиться с пробудившейся от слов силы звериной натурой, он оглянулся. Небольшой кусочек пустого места окружал единственное высокое дерево, закрывающее своей кроной всю окрестность. В его центре к стволу было несколькими слоями веревки привязано нечто, к чему медленно приближались оскалившиеся волки. Он не раздумывал долго. Одним прыжком он вырвался вперед, загораживая дерево от хищников и выставил вперед горящий кусок дерева на манер оружия.

Волки замедлились. Вперед вышел самый крупный из них и низко зарычал.

— Ау. — С трудом вытягивая гласные, громко произнес Рейнальд. — Nia alme. — Хрипло добавил он. Волк замедлился и завыл. Потом снова зарычал, уставившись умными глазами. Все животные понимали язык эльфов. К несчастью, он язык зверей понимать не мог. Стая продолжила наступать. Охотник отшатнулся назад, пятясь к широкому стволу. — Ау. — Повторил он. Волк снова что-то зарычал.

Рейнальд вытянул из-за пояса кинжал, готовясь принять бой. Чтобы не произошло, такова судьба, хватит от нее убежать. Еще один шаг. Он дернулся, принимая боевую стойку и вдруг наткнулся спиной на то, что висело на дереве. «Тело» — пронеслось у него в голове. Волки пригнулись и приготовились к рывку. — Ау! — Выкрикнул он во весь голос. — Mak let. — Добавил он. В последний раз вожак стаи принялся что-то рычать, но тут его запястья коснулась холодная ладонь. Жидкий огонь пролился по всем нервным окончаниям. Охотник ахнул, едва не осев на землю.

— Даже если так, мы умрем от голода. — Неожиданно услышал он. Слова волка словно сразу переносились в его голову, минуя уши. — Ваших жилищ становится слишком много, охотники преследуют нас и травят псами.

— Стой! — Хриплым голосом сказал он. — Мои огонь и сталь убьют тебя.

— Мое племя лучше падет в бою с воином, чем позорно сгинет, пожирая само себя. — Тон и взгляд волка не оставляли сомнений в его намерениях.

— Если пища и выживание рода интересуют тебя, то я могу отвести вас туда, где нет смерти и вдоволь еды. — С трудом оборачивая мысли словами ответил Охотник. Большой волк остановился.

— Если ты не врешь, то сможешь уйти. Мы не хотим погибать зря.

— Тогда бегите за мной. — Сказал он, опускаясь на колени.

— Возьми того человека с собой, юноша. Если обманешь мы вас съедим.

Охотник одним ударом разрубил веревки и перехватил падающее тело руками. Оно было совсем легким, но темнота не давала толком его рассмотреть. А потом он обернулся в сторону леса.

— За мной. — Прорычал он, снова отдаваясь дикой натуре. — Придется вызвать Араниэля.

Вера уже почти потеряла терпение и надежду. Она наворачивала круг за кругом вокруг костра, не реагируя на увещевания инквизитора. Даже Периккулум пытался ее остановить, но тщетно. Вдруг под громкий треск ломающихся веток из леса появился Рейнальд. Тяжело дыша, и, двигаясь едва не на четвереньках, в круг света, создаваемого костром, вышел Охотник, неся на спине кого-то живого. Вера ринулась на встречу, едва успев увидеть молодое лицо и длинные волосы, когда Рейнальд без сил рухнул на колени, а затем свалился на бок. Девушка дернулась назад. Может, ей показалось, но его глаза испускали изумрудно-зеленый свет, который медленно угасал. Инквизитор быстро подбежал на помощь, и вместе они оттащили Охотника в сторону, освобождая спасенную им девочку.

— Рихтер. — Дрожь в голосе девушки на глазах утихала. — В повозке лежат мои медицинские приспособления в деревянном кузове, неси быстрее. — Инквизитор кивнул и побежал прочь, а Вера склонилась над землей, оценивая состояние пострадавших.

Красный свет пробивался через опущенные веки. Охотник сощурился еще сильнее, но

это не помогло. Тут же неподалеку раздался заливистый смех Веры, прогоняя остатки сна. Он открыл глаза. Перед лицом тлели угли потухшего костра. Откуда-то приятно пахло разогретой едой. Живот предательски заурчал. По травинке осоки напротив него полз муравей.

— О, проснулся. — Скрывая облегчение в голосе сказал инквизитор.

Охотник тяжело подтянулся, приподнимаясь на локти и присмотрелся к открывающейся картине. На наклоненной повозке сидели Вера и Рихтер, тихо переговариваясь о чем-то. «Хорошо смотрятся» — неожиданно подумал он. На лице сестры явно читалось облегчение. Видимо друзья не были уверены, что он проснется. И тут Рейнальда озарило. Он даже протер глаза, чтобы удостовериться, что они ему не врут. Вокруг был все тот же пейзаж, что и вчера. Никакой чертовой деревни, никакого Айоргу с его лошастью. От облегчения он не удержался и рухнул в траву, глядя на поднимающееся солнце, чувствуя, как по щеке скатывается слеза и улыбаясь как умалишенный.

— С тобой все в порядке? — Заботиво поинтересовалась Вера.

— Да. — Сдерживая дрожь ответил он. Неужели кошмар наконец-то закончился? — Кажется теперь да.

— Может тогда расскажешь, что все это значит? — Поинтересовался Рихтер, спрыгивая с повозки.

— О чем ты?

— Ни с того ни с сего ты сорвался в лес, ничего не сказав, а вернулся за полночь с... ней. — Закончил он, махнув куда-то в бок рукой. Охотник проследил за движением. На другой стороне лагеря размеренно дыша спала девушка. Там, в лесу, он подумал, что она совсем маленькая, но видимо так повлияли чары, ее чрезмерная худоба и темнота исказили восприятие. На вид ей было лет четырнадцать. Из-под тонкого пледа виднелось только лицо, измазанное потеками грязи и длинные волосы пшеничного цвета.

— Волки завывали. — Ответил Охотник, снова откидываясь на спину. — Я и побежал.

— Волки? — Недоверчиво переспросил Рихтер. — Ты слышала что-нибудь? — Обратился он к Вере. Та отрицательно покачала головой. — Не сходится что-то.

— Ну извини, как есть говорю. — Задумчиво ответил Охотник.

— Знаешь ее? — Вдруг уточнил инквизитор.

— Впервые вижу. — Ответил он без эмоций. Слово услышав их разговор, девушка завозилась на своем месте и резко чихнула. Рихтер, подошедший до этого ближе к ней, аж дернулся от неожиданности. Охотник повернул голову и увидел, как сначала открылись ее большие глаза водянистого цвета, а потом она резко поднялась на импровизированной лежанке.

— Где я? — Вместо приветствия громко сказала она. Голос был каким-то слегка сиплым, в нем слышались детские нотки, но эта особенность делала его то ли более взрослым, то ли болезненным.

— С друзьями. — Серьезно ответила Вера, спрыгивая с повозки, и направляясь к девушке. — Ты видно простудилась.

— Нет, прошу прощения. — Сказала она, сжимаясь и отодвигаясь немного в сторону. — Я хорошо себя чувствую. — Вера обвела вопросительным взглядом мужчин. Рихтер молча пожал плечами. Охотник присоединился к словам инквизитора.

— Можно узнать, как тебя зовут? — Спросила она, не двигаясь дальше и выбирая слова.

— Алиса. — Немного помедлив ответила она. — А вас?

— Вера. — С улыбкой ответила чудотворка.

— Что происходит? — Растерянно спросила девушка.

— Это мы хотели спросить. — Вклинился инквизитор. — Я Рихтер.

— Ничего не могу вспомнить. — Раздосадовано ответила она. — Хотя. — Алиса ненадолго задумалась. — Ох, точно. — С горечью в голосе добавила она, на глаза выступили слезы. — Родители отвезли меня в лес, чтобы... чтобы оставить. — Она всхлипнула. — Простите меня, видно я приношу несчастья.

— Что за вздор. — Раздраженно ответила Вера, и села рядом с ней. — Ужасно, что за родители обрекли бы своего ребенка на такое?

— Моим близким угрожала опасность. Из-за меня. — Неопределенно ответила Алиса. Рейнальд напрягся. — Я знаю, что это было правильно, вы не должны были...

— Хватит. — Остановила ее Вера. — Что сделано, то сделано. Лучше порадуйся, что наш рыцарь успел за тобой вовремя. — Алиса непонимающе качнула головой. — Вон он лежит, можешь сама сказать ему спасибо. — Она указала на Рейнальда рукой, но девушка никак не отреагировала.

— Где? — Переспросила она.

— Вон же, я показала. — Непонимающе сказала Вера, но тут же одернулась. С нарастающим страхом она провела ладонью перед открытыми глазами Алисы. Никакой реакции. — Матерь Божья. — Охнула она, зажимая рот рукой. — Ты что, ослепла?

— Да. — Застенчиво ответила девушка, снова краснея. — Сразу как родилась. — Вера облегченно выдохнула и закатила глаза, вознося молитву. — Видите, со мной одни хлопоты.

— Это многое объясняет. — Пробормотал Рихтер, и Вера тотчас одарила его испепеляющим взглядом.

— Ладно, давай сюда плед. Ночью я уж подробно вас осматривать не стала. — Заговорила Вера, вытягивая плед из рук Алисы. Та нехотя их разжала.

Серое платье девушки было грубым на вид, будто сделанным из использованной мешковины. Оно висело на узких плечах, из прорезей для рук торчали тонкие ручки, словно ее не кормили. Прорехи в ткани местами были с кулак, а потертости заметны даже невооруженным глазом. Деревянные туфли, стоявшие рядом в траве, были в лучшем состоянии, но все равно заметно поношены. Даже Охотнику, приученному к аскетичному образу жизни это показалось перебором.

— Кошмар. Видимо ветками ободрало. — Сочувственно сказала Вера. — А ну отвернитесь. — Приказным тоном добавила она. Рихтер послушно развернулся, а Охотник просто поднял взгляд в нежно-голубое небо. Интересно, как инквизитор относится к тому, что Вера теперь главная? — Снимай, я зашью дыры, а в ближайшем поселении мы купим ткани, и я сделаю тебе нормальное платье. — В воздухе раздались звуки возни.

— Вы уверены, госпожа? — Жалобно спросила Алиса.

— Так, давай уясним сразу. Ко мне обращайся на ты. А все эти выканья оставь для... настоящих господ. — Рихтер негромко усмехнулся.

Вскоре чудотворка оставила девушку в ожидании, надежно упаковав в шерстяной плед и вернулась к телеге, где оставила свои инструменты, включающие, как оказалось, и швейные принадлежности. Рихтер сразу вернулся к расспросам Алисы. Охотник удивленно проследил за ним взглядом. Что он надеялся у нее выведать? Еще немного повалявшись, он поднялся на ноги, присоединился к Вере у повозки, ковыряясь в снятой с Перикулума ноше и, достав из-под седла меч, разложил гарду, и отправился подальше в лес для утренних упражнений.

Чудотворка проводила его задумчивым взглядом, но ничего не сказала.

Что-то, настырно вертевшееся в голове никак не давало покоя. После разминки он огляделся, углубился в лес еще сильнее, и зашел в Слезы. Умылся в ручье, высушился, и вернулся назад к лагерю. Рихтер уже помешивал в котелке кашу. Спрятав меч, Охотник проследовал к костру и сел в ожидании завтрака.

— Ты что, родник нашел? — Скептически спросил инквизитор.

— Нет, мне попался куст в тени, все еще мокрый от росы. Везение. — Безразлично ответил Рейнальд. Рихтер хмыкнул. С другого угла леса к ним приближались девушки. Вера вела Алису за руку. Рейнальд прищурился, всматриваясь в их приближение. Что-то было не так, что-то, что не слишком явно бросалось в глаза, но все же успешно их мозолило. Когда они оказались ближе его осенило. Движения. Алиса двигалась плавно и экономно. Так начинают перемещаться бывалые воины после многих сражений. Кроме того, его не покидало чувство того, что девушка вполне смогла бы дойти до огня сама и не делала этого только из уважения.

— Ну что, все готовы? — Широко улыбаясь спросила Вера, присаживаясь напротив. Алиса опустилась на траву рядом с ней. Рихтер достал тарелки с ложками. Чудотворка хорошо справилась с дырами на одежде девушки, но едва ли платье от этого стало выглядеть лучше. Хотя вот ее лицо, отмытое от разводов грязи. Охотник напрягся еще сильнее. Тонкие кости и резные черты никак не коррелировали с крестьянским происхождением.

— Всем приятного аппетита. — Громко сказал Рихтер, и над костром застучала посуда. Алиса сначала ела медленно, но в какой-то момент не выдержала, и заработала ложкой на крейсерской скорости.

— Ты чего? — Одернул Рейнальда инквизитор. Тот непонимающе обернулся к нему. Рихтер указал ложкой на Алису, уставившуюся невидящими глазами перед собой, и толкнул его в плечо. Охотник отмахнулся, вызвав язвительный смешок у инквизитора.

К завтракающей компании незаметно подкрался Перикулум. Любопытно фыркнув, он просунул морду над хозяином и попытался сунуть ее в тарелку, за что сразу получил шлепок по шее.

— Куда полез? — Рыкнул Охотник. — Это моя еда. — Конь обиженно захрипел. — Нет, яблоки общие, а каша моя. Все просто. — Перикулум еще раз фыркнул и отвернулся. — У тебя под копытами вся трава в распоряжении. — Отойдя на пару шагов, конь свернул, обошел со спины Веру и полез в тарелку к ней. Та со смехом оттолкнула его в сторону.

— Ты что, тоже понимаешь животных? — Едва не уронив тарелку выкрикнула Алиса, заставив чудотворку дернуться. — Я тоже так могу, дома я рассказывала свинкам сказки.

— Понимаю? — Переспросил Охотник. — Ну мы с Перикулумом давно работаем вместе, так что я хорошо знаю этого лентяя и подлизу. — Конь, подтверждая слова хозяина, начал гладить Веру по плечу головой. — Ничего ему не давай.

— Вот как? — Со смесью легкой обиды и разочарования сказала девушка. Потом открыла рот, собираясь что-то добавить, но передумала и вернулась к еде. Охотника пробило холодным потом. Эльфийские чары плохо влияли на память, но теперь он вспомнил, что общался с волками на их языке. Сам он этого никогда не умел, так что вариантов было только два. Чудо, либо магия.

Не говоря ни слова, он оставил еду и зашагал к повозке, быстрыми движениями раскидывая в стороны вещи, пока на свет не показался затянутый ремнями сверток шкур. Почти синхронно щелкнули замки и под солнечным светом сверкнул серебром Черный

Василек. С дрожащими от нервов руками он почти бегом вернулся к костру.

— Алиса. — Сказал он. Вера и Рихтер уставились на него непонимающими глазами. — Пожалуйста, протяни руку. — Девушка помедлила, но отставила посуду в сторону и послушно вытянула ладонь. Охотник колебался. Воспоминания о пропавшем студенте Ломеиона не давали покоя, стереть невинную душу в пыль между мирами по ошибке совсем не хотелось. Он и сам каждый раз, прикасаясь к мечу, был на грани. Решив так, он развернул оружие клинком вперед, с замиранием сердца положив его на ее руку. Мгновение, второе, третье. Дятел все так же стучал по дереву где-то в лесу. — Чувствуешь что-нибудь?

— Вроде бы железо. — Протянула Алиса. — Холодное.

— И все? — С нажимом переспросил он. Девушка задумалась.

— Ветер холодный. — Рейнальд не скрывая облегчения выдохнул. Судя по словам Вэлдрина истинный хранитель должен был войти в симбиоз с мечом едва коснувшись.

— Что это значит? — Вкрадчиво поинтересовался инквизитор.

— Это значит, что в нашей компании появился еще один чудотворец.

— Немного обидно чувствовать себя самым заурядным из вас. — Пробормотал Охотник, покачиваясь на полу повозки. Лагерь убрали быстро, собрались и двинулись в путь, не дожидаясь, пока Солнце поднимется выше.

— Вы уверены? — Спросила Алиса. Девушка сидела у противоположной стенки, упершись в бортик спиной, и прижав ноги, словно стараясь занимать меньше места.

— Ко мне тоже лучше обращаться на «ты», среди нас только один человек благородных кровей. — Заговорил Рейнальд. Рихтер в ответ на это фыркнул. — Я слышал о разных Божьих чудесах. — Подбирая слова продолжил Охотник. — Умение понимать животных это одна из форм некромантии, которой владеет наш общий друг. Только вместо демонов ты можешь понимать земных тварей. Это также объясняет твою красоту. — Сделал вывод он.

— Мою красоту? — Заливаясь краской переспросила Алиса.

— Думай, что говоришь. — Возмущенно выпалила Вера, оборачиваясь к ним. — Охотник пожал плечами.

— Ты знаешь, как называлась твоя родная деревня? — Спросила она, обращаясь к девушке. Та отрицательно покачала головой.

— Я никогда ее не покидала, взрослые не видели смысла рассказывать мне, где мы живем. — Извиняющимся тоном протянула она.

— Ну может быть ты хоть что-то про нее помнишь? — Поинтересовался Рихтер.

— Помню, что селяне приводили мне скотину на выпас. — Алиса задумалась. — Со мной правда почти никто не общался. У нас был очень добрый священник. Он постоянно помогал моей семье. Однажды он сказал, что к нам отправили инквизитора, который будет искать кого-то, и родители решили увезти меня, потому что все знали, что я говорю с животными. — Охотник задумался, сопоставляя ее рассказ с прошедшими неделями жизни.

— Что, только священник и родители? — Сочувственно спросила Вера.

— Ну у нас еще был странный старик-гробовщик, который стал очень страшным на старости лет. Постоянно что-то бормотал, смеялся и сыпал проклятиями. — Рейнальд удивленно вскинул голову. Рассказ один в один совпадал с произошедшим в Бирсане, но ни место, ни время никак не могли подходить. Бирсана вымерла месяцы назад, и находилась совсем в другой стороне от Ватикана. Кем бы ни были ее родители, везти ее так далеко они бы ни стали, да и не могла она висеть на дереве столько времени. Он непонимающе замахал

головой.

— Куда же нам тогда тебя отвезти? — Пробормотал инквизитор.

— Не думаю, что меня теперь хоть где-то ждут. — Горько сказала она и снова предалась печальным мыслям.

— Слово «Бирсана» о чем-то тебе говорит? — Прямо спросил Охотник. Девушка ответила почти сразу.

— Нет. А что это?

— Заброшенная деревня, очень похожая на твою. Проезжал теми землями не так давно. — Пространно ответил он.

— Могу я поинтересоваться, кто вы такие? — Вдруг спросила она. — Я благодарна за спасение, но хотелось бы знать, в чьих руках моя судьба. — Вера начала-было что-то говорить, но Охотник ее перебил.

— Мы путешественники. Странствуем между городами, собираем истории и знакомства. — Алиса скривила тонкие губы. — Я музыкант, моя сестра танцовщица, — Вера шокировано выпучила глаза, — а тот забавный здоровяк наш шут. — Рихтер закашлялся на передке. — Такие истории рассказывает, можно со смеху преставиться.

— О-го. — Недоверчиво протянула девушка. — Сыграешь что-нибудь?

— Почему бы и нет. — Пожал плечами Рейнальд, развязывая свой заплечный мешок. К этому он был готов. Обучение в Ломеионе не прошло даром.

Вскоре в его руках оказалась красивая лютня с красными вставками вдоль грифа и по всему корпусу. Вера молча тыкнула Рихтера в бок и удивленно указала на музыкальный инструмент. Инквизитор так же обалдело пожал плечами и взмахнул рукой, намекая на то, что сам не верит своим глазам. Охотник коснулся струн, и начал крутить колки, настраивая инструмент.

— Кх-кхм. — Прокашлялся он. — Знаешь, кто такие русалки? — Добавив в голос таинственности спросил он.

— Да, это прекрасные морские девы. Мама рассказывала мне про них сказки. — Подаваясь вперед ответила она.

— В сказках не рассказывают главного. — Заговорщицки продолжил он. — Русалки — это речные духи, такие же как сальфины и кэлпи, но гораздо сильнее. Они могут превращаться в дивных женщин, а чары их голоса так сильны, что даже самые сильные воины не могут им противостоять. Поговаривают, что русалки могут передать силу управления водой любимому человеку, но процедура эта окутана тайнами, потому что никто из тех, кто был одурманен русалкой, больше не обретал здравый рассудок.

— Откуда ты все это знаешь? — Любопытно спросила она.

— О, я был знаком с одной из них. — С улыбкой ответил он, и начал перебирать пальцами струны. —

«Лунной ночью не загадывай,

Не терзайся понапрасну, храбрый рыцарь!

Не найти тебе покоя, знай,

Если Деву Озера увидишь — так случится.» — Струны послушно изгибались, наполняя воздух дурманящими звуками музыки. Скрип колес повозки и храп лошадей будто остались где-то далеко позади. —

«Воды распахнут свои объятия.

Но безвременье и смерть неразличимы

— Не зови её! Сильны заклятья

Одинокой и холодной белой ди-и-вы.» — В нотах будто смешались журчание воды и шелест лесных листьев. Охотник с удовлетворением заметил, как распахнулись рты у Веры и Рихтера, и как восторженно ловила каждую строчку Алиса. —

«Скажет: «Глупый. Не тревожь меня!

Год за годом, а проходят так столетья.

Вечна Дева Озера, и, кляня

Эту вечность, скачут рыцари по Свету».

«Лишь заслышишь голос Белой дивы,

То он тише, то настойчивее гонит...

Прочь... Древняя таинственная Сила

Манит, тянет и уводит за собою в но-о-очь...» (Дорога Водана, «Дева Озера») — Медленно закончил он, и положил инструмент на место. Девушка радостно захлопала в ладоши.

— Здорово! Я никогда такого не слышала!

— Значит в ваших землях никогда не проходил хороший музыкант. — Ответил Охотник. — Это известная песня, ее сочинил великий бард, по рассказам едва не попавший в ловушку русалки.

— Интересно, должно быть, вести такую жизнь как у вас. — С тоской сказала девушка. — Кстати, это же ты спас меня от волков? — Охотник напрягся.

— Да, как и говорила моя сестра.

— Я... правда хотела сказать спасибо. — С трудом продолжила Алиса. — Могу я узнать, как тебя зовут? Твои спутники не сказали. — Рихтер прищурено глянул на него через плечо.

— Конечно. — Легко ответил Охотник. — Меня зовут Ратибор. — Добавил он и замер в шоке. Слова застряли в горле, и он едва мог дышать. Определенно точно он собирался сказать не это. Что угодно еще, любое другое имя, но точно не это. Чары? Магия? Демоны? Мысли бешено металась в его голове. Где-то на границе сознания пробудился, шевелясь, демон из Ломеиона, словно силясь вырваться на поверхность. Рейнальд приложил усилия, стараясь загнать его назад. Неужели девочка ведьма, которая проверяла, подействовало ли ее проклятие, или что-то подмешали в его еду? Может она наемный убийца, посланный из другого Ордена чужой церкви, где практиковали такие чудеса? Теорий было слишком много, но все они сводились к одному.

— Какое интересное имя, никогда раньше таких не слышала. — Своим чуть сиплым голосом сказала она. Охотник откинулся на бортик, выхватывая из-под плаща пистолеты. Зажужжал, разматываясь, запал. Он мгновенно прицелился и синхронно вдавил спуск.

Глава 5. Ответы

— Ратибо-ор... — Ненадолго повисла тишина. — Ратибор! — Куда более настойчиво повторил знакомый голос. — Ты вообще меня слышишь? — Он дернулся на кровати резко распахивая глаза. — То-то, — удовлетворенно кивнула женщина, — Рада уж по дому хлопочет, беги ей помогай, отец едет. — «Отец» — пронеслось в его голове.

— Мама?.. — Неуверенно переспросил он, оглядывая знакомую комнату.

— А? — Обернулась она, задумчиво улыбаясь своим мыслям зелеными глазами. — Он вытянул руку на встречу ей и шагнул вперед.

Громко барабанил дождь. Тяжелые капли падали с неба, разбиваясь о его голову и собираясь в лужицу на дне телеги. Запястья, затянутые тугой бичевой, ныли от боли. Рядом тихо всхлипывала Радомира, а с другой стороны сосед Тиша. Плакать сил уже не было. Возницы переговаривались на незнакомом грубом языке, удаляясь все дальше от того, что осталось от их дома.

— Беги. — Прошептала ему на ухо Рада, убедившись, что никто их не слышит. Пламя костра громко щелкало, отвлекая внимание пленителей.

— Что? — Непонимающе тряхнул головой Ратибор. — Куда?

— Подальше отсюда. — С грустной решимостью ответила она и обняла его. — Отец же учил тебя как выжить в лесу и не заплутать. Едва ли там, куда нас везут будет лучше.

— Я обязательно вернусь с подмогой. — В его голосе вспыхнула искра надежды, но почти сразу угасла. — Но как мне это сделать, они точно хватятся.

— Беги. — Уверенно повторила она, отталкивая его в сторону. — Я их отвлеку. — Он поскользнулся, не удержав равновесия и шлепнулся в траву, скатываясь дальше в небольшой овраг. — Эй вы, остолопы! — Что было мочи выкрикнула сестра. — Чего рты поразевали? — Продолжила кричать она, пока он изо всех сил несея к ближайшим деревьям, скрываясь в непроглядной темноте.

Он сидел на тонкой ветке, прижимаясь к стволу высокого дуба почти у самой макушки, трясаясь от холода пополам со страхом. Преследователи не отставали, даже сейчас он слышал вдалеке шум долетающих разговоров и хруст трескающихся ветвей. Он зажмурился и утер рукой слезы. Есть хотелось невероятно, последний раз перехватить что-то удалось несколько дней назад, и с тех пор за ним шли едва ли не по пятам. Почему? Вопрос не оставлял его с самого побега. Голова кружилась, болело горло. Шанс на спасение казался все более призрачным еще и потому что со страха он заблудился. Ратибор тихо всхлипнул. «Неужели в целом мире нет никого, кто может мне помочь?» — колотилось в его голове.

Вдруг из густых кустов под ветви дуба вышел седеющий мужчина в легкой, местами подранной рясе. Он раздвигал листву посохом, сделанным, видимо, из оструганной ветки, подобранной где-то в лесу. Ратибор всполошился. Человек был совсем не похож на тех, кто напал на его дом.

— Уходите. — Стараясь издавать как можно меньше шума, прошипел он. — Прошу вас, сударь, уходите быстрее. Здесь очень опасно. — Давя слезы добавил он. Мужчина резко вздернул голову и внимательно посмотрел на него ярко-голубыми глазами.

— Прячешься? — Односложно спросил он, с трудом выговорив это слово. Ратибор быстро закивал. словно в подтверждение под громогласный треск сучьев к дереву вышли преследователи. Шестеро мужчин, одетых в меховые жилеты и вооруженные кинжалами и кнутами. Заметив человека в рясе, они, не сговариваясь, рассредоточились, беря его в кольцо. Ратибор тихо ахнул. — Не драться. — Проговорил человек в рясе, поднимая свободную руку в защитном жесте. «Тщетно» — подумал Ратибор: «они не понимают по-нашему». Вооруженные люди крикнули в ответ что-то на своем непонятном языке. — Уйду мирно. — Добавил мужчина. — Есть дела далеко. — Один из преследователей заорал громче прежнего, и не дожидаясь ответа взмахнул рукой. Ратибор уже видел этот жест. Судьба странного мужчины предрешена. Хотя... Он снова всхлипнул. Мама умерла, защищая его, сестра пожертвовала всем, что осталось, чтобы дать ему сбежать, и вот к чему это привело. Все без толку. Он снова утер слезы. Может хоть у этого странного незнакомца получится уцелеть, раз он сам такой недотепа.

— Эй вы! — Крикнул он со всех сил. — Меня ищите? Так я здесь! — Срываясь продолжал он, перепрыгивая на нижние ветви. Стоящие внизу тут же перевели на него взгляды. — Бегите! — Выкрикнул он, падая на землю и больно ушибившись. — Бегите скорее. — Добавил он, задыхаясь от удара о грунт, но все еще силясь переставлять ноги. Сердце бешено колотилось, прогоняя прочь страх. «Хоть одно доброе дело успею сделать в жизни» — подумал он. За спиной послышалась возня. Он сделал шаг, еще шаг и тут силы окончательно оставили его, он споткнулся о торчащий корень и повалился набок. «Никчемный из меня спасатель, сестра бы убежала далеко-далеко» — подумал он. Но ожидаемых ударов и боли не последовало. Он полежал еще немного и приподнялся на локтях, оглядываясь. У ствола дерева, окруженный сваленными как попало телами стоял седеющий путник в рясе, сверля его холодным задумчивым взглядом. В его руках не было ничего кроме оструганной ветви, на которую он опирался вместо посоха.

— Если лежать дальше другие догонят. — Спокойным тоном произнес он, у Ратибора перехватило дыхание. Мужчина сделал шаг навстречу, протягивая ему руку. — Хочешь уметь защищать себя сам? — Спросил он, помогая ему встать. «Неужели?» — пронеслось в голове Ратибора: «Неужели это правда?».

— Знаешь, почему мы тебе это показываем? — Восприятие вернулось резко, фокусируясь из смазанного пятна в одну точку, будто он на огромной скорости вылетел из темной пещеры. Тут же появилась боль. Болело все тело, так, что терпеть едва хватало сил. Он рефлекторно попытался вдохнуть, но с удивлением понял, что не может. Ни дышать, ни шевелиться. В ужасе он попытался открыть глаза. Бесполезно. Они уже были открыты. «Что за дьявольщина?» — пронеслась в голове единственная мысль. — Как унижительно. — В тягучем голосе, ровном и в то же время певучем, казалось, не было никаких эмоций, только бесконечная красота. — Успокойся. — Мягко добавил он, и Охотник, начавший было сходить с ума от удушья и боли, расслабился, и смог, наконец, оглядеться. Прямо перед ним, сверля невидящим водянисто-изумрудным взглядом, сидела Алиса. Дневное солнце ярко сияло над ее головой, а с аккуратного лица еще не успело пропасть любопытство. Вот только... — Знаешь, Он очень редко обращается к одному из вас напрямую. — У голоса не было пола, его возраст невозможно было оценить, он шел со всех сторон, вгрызаясь сразу в голову, но самое главное — говорила не Алиса. Тонкие губы девушки, сложенные в легкую, немного грустную улыбку, оставались неподвижны. И тут его осенило. Удушье и боль

никуда не пропали, он просто перестал их чувствовать. Охотник рванулся чтобы оглянуться, но не смог. Он и сам намертво застрял в неоконченном движении. Пистолеты, направленные Алисе в грудь, также остались на своем месте. Неподалеку в воздухе замерла крапивница, а чуть поодаль, не долетев до земли, завис выбитый из-под колеса телеги камень. «Кто ты?» — мысленно спросил пустоту он. — Наблюдатель, защитник, одни из многих. — Монотонно перечислил голос, вызывая приступ боли в висках. — «Покажись» — мысленно рявкнул он. На мгновение повисла тишина, после которой мир исказился. — Мы сделаем это, но не для потакания твоей гордыне, а для уничтожения невежества. — За спиной девушки с неба ударил ослепительный луч света. Зрение Охотника резануло пронзительной болью, но он, как ни старался, не мог отвести глаз. — Мы здесь, чтобы напомнить и сказать, — сияние набирало силу, ширясь и расходясь в стороны, — однажды, находясь в пучине отчаяния, один сын Адама взмолился о помощи, — с каждым словом голос звучал все громче, оставляя за собой эхо труб и свирелей, — Он услышал его, и послал раба своего Раймонда. — В столбе света стали проступать очертания воздушных одежд, отдельные блики сложились в призрачные крылья. — Однажды, находясь в пучине отчаяния, одна дочь Евы взмолилась о помощи, — свет стал столь ярким, что затмил собой и небо, и солнце, будто становясь единственным предметом реальности в мире, — Он услышал ее, и послал раба своего Ратибора, чтобы подарить возможность вернуть долг. — Фигура вдруг снова потеряла четкие границы и пропорции, искажаясь и перетекая в луче божественного света. — И так ты решил ответить на его дар? — Свет замер, на мгновение принимая четкий облик, но тут по всей его поверхности словно по команде распахнулись сотни пар разно-размерных глаз, уставившихся на него. А затем все вместе вновь пришло в движение. Фигура менялась, глаза то открывались, то закрывались, перетекая друг в друга, но все еще непрерывно сверля его взглядом. Охотник вдруг понял, что не может на это смотреть. Голова разрывалась от психоделической картины, не в силах осознать увиденное, кожа горела, опаляемая ангельским огнем. Он почувствовал, что тает заживо, словно истираясь из этого мира. «Я НЕ СТАНУ ДЕЛАТЬ ИЗ НЕЕ ОРУЖИЕ!» — неожиданно для самого себя ответ на увещания в нем вспыхнула ярость. — «Я ОТКАЗЫВАЮСЬ ПОСТУПАТЬ КАК РАЙМОНД!» — мысли сбивались в кучу и утекали прочь, он хотел добавить что-то еще, но не смог. — Ты и не должен. — Тихо пропели голоса. — Если бы Он хотел приказывать вам, то не сделал бы вашу волю свободной. — В пении голосов проскользнула тень древней тоски. — Ты помнишь, что твоей рукой не управляет Господь, но не забывай, что следы, по которым ты ступаешь во тьме, чтобы не сбиться с пути, оставил Он. Но больше Он не станет вмешиваться, чтобы ты не решил. Цени этот дар. — Последние слова словно грандиозный финал эпической баллады прогремели над землей и видение растворилось.

С облегчением Охотник ощутил, что снова может дышать. Он моргнул несколько раз, замечая, как медленно взмахивает крыльями бабочка. Щек коснулся прохладный чуть колкий ветер. До ушей донеслось отдаленное жужжание. Жужжание раскручивающихся запалов пистолетов. Осознание мгновенным ударом озарило его. Рыча от напряжения, он изо всех сил принялся разводиться сопротивляющиеся руки в стороны во все ускоряющемся мире. Миг. Бабочка унеслась в сторону. Миг. О землю щелкнул выбитый из-под колеса камень. Миг. И воздух разорвал синхронный гром выстрелов и свист пуль.

— А-А-А-А! — Закричала Алиса, зажимая ладонями уши. С громким хрустом обломилась тяжелая ветка старого дерева, нависавшая над дорогой поодаль. Заржала

Земляника, едва не встав на дыбы, но Перикулум вовремя схватил зубами ее поводья, прижимая к земле. Под грустный скрип древесины дробины пробивали доски повозки, оставляя неровные дыры и вырывая из бортов щепки. Рихтер подскочил на своем месте, едва успев подхватить хватающуюся за голову Веру, которая в панике чуть не упала на землю. Охотник расслабил ладони. Девушка продолжала кричать, когда пистолеты с глухим ударом приземлились на дно повозки. Ни одна щепка и ни одна дробинка ее не зацепили. Он закатил глаза и рухнул набок.

Только придя в себя с места сорвалась Вера, вихрем подлетела к Алисе и прижала к себе. Девушка плакала, хватаясь за ее руки.

— Какого черта ты делаешь? — Закричала она. Охотник молчал.

— Рей, мать твою, — прорычал, разворачиваясь инквизитор, — что это было? — Добавил он, угрожающе занося кулак.

— Потом. — Безразличным тоном ответил Охотник. — Мне надо подумать. — Пробормотал он, заворачиваясь в плащ. Сквозь заполняющую голову пустоту он слышал тихие всхлипы, в которые перешел плач Алисы, проклятия и слова поддержки Веры, пространные размышления Рихтера, осуждающее фырканье Пирикулума, далекую, мимолетную ангельскую музыку, и куда более близкий, почти забытый с нападения на Ломеион, но вдруг наполнившийся новой силой демонический шепот.

Вновь мерно скрипели деревянные колеса. Вечерняя прохлада принесла с собой аромат орешника. Трещали сверчки, то и дело доносились клекот птиц, уханье сов и писк летучих мышей. Телега покачивалась на ровной дороге как корабль на волнах. Забившись в угол, сопела Алиса, а за спиной, чтобы ее не разбудить, шепотом переговаривались Вера и инквизитор. Охотника разбудил комар, но он не стал даже отмахиваться от назойливого насекомого. Никогда еще он не чувствовал себя настолько бессильным. Одним из немногих преимуществ своего положения Охотник всегда считал как раз силу. Не в физическом смысле, а в некой независимости от разрушительных воздействий окружающих. Для убийцы чудовищ ничего не значил авторитет мирских господ, он не боялся того, что разбойники нападут на него ночью, не страшился воров, банкиров и колдуний. Было то, что его злило или расстраивало, но не пугало. Позаботься о том, что никто не ударит в спину и можно вообще ни о чем не переживать. Не трудно, учитывая, что чаще всего тем, кто бил в спину, оказывался именно он. Сравнивая себя с рядовым нэрдом, гнувшим свою спину с мотыгой в руках, он невольно радовался тому, что может не бояться перейти дорогу не тому человеку, или попасть под горячую руку лендлорда. Чудовища, демоны, колдуны и душегубы годами отправлялись в землю, укрепляя ощущение непобедимости. Рухнуло оно куда быстрее. Кого-то божественное вмешательство сделало бы фанатичным пророком, он же, хоть и легко, но от того не менее болезненно, принял то, что всегда найдется рыба крупнее. Ангел мог испепелить его на месте, а он не смог бы с этим ничего сделать. Все-таки похоже, что демоны не обладают и толикой божественной силы.

Алиса сморщила нос и, не просыпаясь, зевнула, подвинувшись на другой бок. Легко переносит стресс или переутомилась? Как бы там ни было, теперь все, кажется, встало на свои места. Божественная благодать меняет людей. Красота, сила, телосложение, ум — в чем-то такой человек да будет лучше myriad других с самого рождения. А если этот талант развивать... Вера никогда специально не занималась собой, как городские благородные дамы. Времени не было. С ее жизнью и спать удастся не всегда, что уж там до всего

остального. И тем не менее, невозможно не заметить тот ареол особой привлекательности, что окружал ее. Многие, видевшие девушку впервые отмечали, что она им с первого взгляда была симпатична, а харизмы ей тем более было не занимать. Не то, чтобы в этом вообще не было ее заслуги, но фундамент определенно был заложен благословением. Инквизитор же был вершителем божественного суда. Ни раз и ни два летописцы сохраняли данные о том, что даже самый юный и неопытный инквизитор, вынося приговор, неожиданно проявлял ораторский дар, каким бы похвастался редкий бард. Благословенные люди обречены всегда быть в центре внимания, буквально рождены быть великими. Вот только как поступить с этим величием решать уже им самим. Сам Охотник не обладал ни врожденным талантом, ни приобретенным благом, так что вынужден был умолять Господа поделиться своим чудом хоть ненадолго, для самозащиты.

В отличии от Веры, у Алисы благословений было по меньшей мере два. Чудотворцев, говоривших с животными, Охотник в своей жизни уже видел. Но вот то, что он не смог ей соврать... Удивительно, как такие таланты удерживались в хрупком смертном теле. Видимо, как раз за это она невольно расплатилась своим зрением. Все-таки смертная оболочка не выдержала. А теперь Бог отправил ангела, чтобы спасти ее от неминуемой смерти. Он почти усмехнулся, но смеяться не хотелось. Какой абсурд. Буквально сама судьба материализовалась чтобы поставить его на место. Еще и возвращение долга... Выходит Раймонд тоже оказался в том лесу не просто так, может даже видел ангела во сне или наяву, и решил, что лучшим способом защитить ребенка будет сделать его себе подобным. Оружием, неуязвимой машиной смерти. В груди снова всколыхнулась злость. Жесткая логика, хоть и вполне разумная. Только что он на своей шкуре ощутил, что бесполезно переть против высшей силы. Была бы у него возможность, хоть единый шанс... а в прочем, какой толк об этом думать. Как ни крути, Охотник не видел никакой возможности для себя кроме как беспрекословно подчиниться. Снова. Но не так как Раймонд. Учитель сделал многое для своего ученика, едва ли не все что мог, но для Рейнальда такое решение было неприемлемо. Своей жизни он не пожелал бы даже злейшему врагу. К тому же он не считал себя вправе лезть в чужую жизнь, меняя чужую судьбу. Пусть девочка сама решает, что для нее лучше, а пока... Охотник тихо вздохнул, поворачиваясь на спину. Пока он будет делать что должен. Не для восполнения метафорического долга, от упоминания которого становилось противно, или приказа немыслимого ангела, а потому что осознал, что после всего произошедшего понял Алису. В чем-то, возможно, и лучше ее самой и уж точно лучше кого угодно другого. Недоверие пропало. Бессмысленно не доверять тому, за кого заочно поручились высшие силы. Сейчас, глядя на девушку, заснувшую, забившись в угол напротив, он видел если не друга, то как минимум родственную душу. Не так уж плохо, чтобы поставить на кон судьбу.

Когда повозка остановились, небо уже освещали звезды. Их нежный свет выхватывал из ночной темноты силуэты деревьев, казавшихся в нем залитыми волшебным серебром. Хотя... настоящее волшебное серебро, которое называли мифрил, блестело иначе. Звезды же скорее походили на сказочный иней. Как только колеса перестали скрипеть, со своего места вспорхнула Вера и подбежала к мгновенно проснувшейся Алисе. Девушка уже не спала, но еще не подавала вида. Из вежливости должно быть. Инквизитор, не разворачиваясь, тряхнул Охотника за плечо.

— Распряги коней. — Буркнул он. Рейнальд неторопливо приподнялся, хватаясь за

бортик. Алиса машинально дернулась в сторону, к Вере, сверлившей его злобным взглядом. Он одним рывком перемахнул через стенку телеги и похлопал полы плаща, разглаживая складки. — Поужинаем тут, переночуем, а утром двинемся дальше. — Нехотя выдавил из себя Рихтер.

— Ага. — Пространно ответил Охотник, стягивая с Перикулума сбрую.

— Может объяснишь, что происходит? — Язвительно поинтересовался он.

— Может объясню. — Ровным тоном ответил он. — Потом.

— Потом, потом. — Передразнил его Рихтер. — Все время у тебя потом.

— Все равно не поверишь.

— Это не тебе решать. — Инквизитор еще немного постоял у него над душой, но поняв, что продолжать Рейнальд не собирается, махнул рукой девушкам и направился в трактир. Краем глаза Охотник заметил, как за ним протопала Вера, ведущая за руку Алису, и хмыкнул.

— Стой. — Выкрикнул он и подбежал к ним. Вера настороженно следила за каждым его действием. Охотник стянул с плеч плащ и защелкнул пряжку на шее Алисы. Девушка рефлекторно отшатнулась, но сопротивляться не стала. — Там в ткани прорези по бокам, просунешь руки. — Сказал он. — Лучше не привлекать внимание состоянием твоей одежды. — Добавил он, глядя прямо в глаза чудотворке. Та в ответ фыркнула, но промолчала.

Здание придорожного заведения было шикарным. Два этажа, широкие окна, пристроенный сарай для телег и конюшня для лошадей. Место богатое, на широкой дороге. Неподалеку расположилось окруженное забором небольшое хозяйство. Вряд ли здесь кого-то выращивают, скорее содержат до... употребления. Отогнав вместе с подоспевшими слугами повозку чуть в сторону, он прикрыл ее рогожкой, которую на такой случай взяли с собой. Сарай оказался полон.

— Присмотри за вещами. — Понизив голос сказал он Перикулуму на прощание. Тот вопросительно фыркнул. — Вон она, голову повернешь увидишь. Специально для тебя поставил. — Конь качнул головой и вопросительно засипел, глядя на хозяина. — Не обращай внимания. — Охотник махнул рукой. — Высшие силы погрозили мне пальцем. — Перикулум иронично выгнул бровь. — Умный? — Вкрадчиво спросил Охотник. Конь тактично промолчал. — Вот и молчи.

В заведении горел свет. Дорогие свечи, установленные по всему помещению, едва чадили, наполняя обеденный зал уютом. Ставни уже давно закрыли. Длинные столы в три ряда были заполнены посетителями на половину. Люди пили, ели и весело разговаривали. Богатая одежда и слуги выдавали в них торговцев и мелких дворян, о чем можно было бы догадаться и по одному виду таверны. Менее богатые постояльцы ее бы просто не потянули. Пахло вином, мясом, лакрицей и фруктами. Сумасшедшее сочетание.

— Иди туда. — Окликнул его, отвлекаясь от спора с Верой, Рихтер. Он забыл, что должен был злиться, из-за чего голос его был веселым, пока не пришло осознание. Охотник кивнул и шагнул в сторону.

— Эй. — Крикнула в спину Вера. Он обернулся. — Лучше бы тебе извиниться. — Сурово произнесла она.

— Ага. — Рассеяно ответил он и продолжил движение. Девушка покачала головой и вернулась к прерванному диалогу с инквизитором.

Охотник шел в указанном направлении. Тяжелые доски пола легко поскрипывали под его сапогами. Люди вокруг не обращали никакого внимания. Хорошо. В дальнем конце зала за угловым столом сидела, нервно теребя тонкими пальцами локон длинных светло-льняных волос, девушка в наскоро заштопанном коричневом платье. Он молча обошел стол и сел напротив. Отличное место. Все помещение просматривается. Когда Охотник заскрипел скамьей по полу, она едва заметно поежилась, но руки расслабила и сложила на стол. Он откинулся на бревенчатую стену, окинув взглядом лицо девушки. Растерянность, непонимание, но ни капли страха. Великим людям не пристало паниковать ни в какой ситуации?

— Придется подождать. — Придавая голосу уверенности заговорила она через некоторое время, чтобы прервать тишину. — Госпожа Вера и господин Рихтер выбирают блюда на ужин. — Охотник внутренне улыбнулся, почему-то эти слова его рассмешили.

— Кто научил тебя так разговаривать? — Поинтересовался он. — Учителя? Родители?

— Родители. — Нехотя ответила девушка, повременив. — Мама была служанкой у графа, папа счетоводом у купца.

— Понятно. — Задумчиво протянул Охотник. — Не стоит говорить о них так официально. — Он огляделся, удостоверившись, что их никто не подслушивает. — Инквизитор еще пару раз тебя поправит, а Вера обидеться может.

— Хорошо. — Коротко ответила девушка. Снова повисла тишина. Он перевел взгляд на друзей. Они все никак не могли договориться, но теперь еще и заваливали вопросами бедную трактирщицу.

— Тебе было страшно? — Вздохнув, спросил он. — Там, в лесу среди волков?

— Что? — Ошарашенно переспросила девушка, удивленно уставившись на него незрячими бледно-зелеными глазами.

— Тогда у дерева, ты думала о том, как же несправедливо то, что в целом мире никто не может тебе помочь? — Внимательно глядя на собеседницу поинтересовался Охотник. Лицо девушки затвердело.

— Что вам с того? — Сиплым голосом поинтересовалась она.

— Ничего. — Он пожал плечами. — Однажды я был в точно такой же ситуации. Кочевники разграбили и сожгли мой дом, убили родителей, пленили друзей. — Охотник перечислял события своей жизни монотонно, без эмоций. — Благодаря сестре мне удалось сбежать от нападавших, но через неделю они загнали меня в угол, я был на грани, и думал точно о том же. — Он прокашлялся, прочищая горло. — Тогда мой будущий наставник спас меня от смерти. — Охотник замолчал, нечаянно углубившись в воспоминания.

— Ужасная участь. — Сочувственно ответила Алиса.

— Как сказать. — Хмыкнул он. — Я жив, в отличии от многих. В общем, — он вздохнул, подбирая слова, — днем в повозке произошло... нечто, побудившее меня сделать то, что я сделал. — Он махнул рукой, резко передумав. — К черту, скажу, как есть. — Алиса задумчиво прислушалась. — Сначала я решил, что тебя отправили наши враги, чтобы убить. Не бери в голову, проживешь как мы, привыкнешь к паранойе. — Добавил он, заметив, как удивленно скривилась девушка. — А потом... в общем, Бог отправил ангела сказать мне что я не прав. — Он выдохнул.

— Ты серьезно? — Так же сипло переспросила она.

— Ты же и так знаешь, что да. — Ответил он.

— Кто же вы такие, что боитесь наемных убийц? — Тихо спросила девушка.

— Спрашивай у Рихтера. У меня нет полномочий говорить без его ведома. — Вздохнул Охотник. — В общем, может быть, я и сам должен был догадаться, или уже совсем плох стал в своем подозрении всех подряд, но, как бы там ни было, думаю мне стоит извиниться. — Он помедлил. — В общем вот, прошу прощения.

— Да я не обижаюсь, просто... звука испугалась. — Явно храбрясь ответила Алиса. — Подожди, ты только что сказал, что видел живого ангела? — От возбуждения голос девушки стал еще более сильным чем обычно. — Который защищал меня? Почему?

— Это мне стоило бы у тебя спросить. — Охотник усмехнулся. — Но я не буду. Захочешь, расскажешь сама.

— А если совру? — Вдруг переспросила она вполне серьезно.

— Я поверю любому твоему слову. — Спокойно ответил он. — Что бы ты ни сказала. Сам тебе я врать не могу, раз есть шанс что вдруг начну говорить правду, а силы, вступающие за тебя, за гранью моих... возможностей. — Грустно добавил он. — По всему выходит, что выбора у меня не остается, но это и хорошо. У простых людей в жизни не так много путей, хорошо, что мне довелось воочию увидеть один из них.

— Как это понимать? — Растерянно спросила она.

— Да вот так. Раз я волей или неволей всегда с тобой честен, то довериться могу только доброте твоих намерений, значит никакого смысла не доверять словам не остается. — Он ненадолго задумался. — По крайней мере я так считаю. И пока мы остаемся спутниками, буду придерживаться этого принципа.

— Не знаю, что и сказать. — Честно ответила девушка.

— Ну и в меру своих возможностей постараюсь сделать все, чтобы тебе не пришлось пережить ничего подобного... всему этому. — Он пространно провел рукой. — В общем, постарайся ничего не бояться. Едва ли нам встретится что-то такое, от чего я не смогу... вас всех защитить. Я же для этого нужен.

— Спасибо, но зачем это тебе? — Подозрительно спросила она.

— Все из-за сестры... в основном. — Он машинально перевел задумчивый взгляд на Веру.

— М-м? — Переспросила девушка. Охотник промолчал. — Кстати, что это за плащ? — Поинтересовалась она, поняв, что ответа не дождется. — Очень мягкий и теплый. — Ваэ принял красноватый оттенок, подстраиваясь, видно, к свету свечей, отраженному от стен, или еще Бог-знает-чему. Хорошо, может сойдет за шелк со стороны. Хотя размер для нее был чересчур велик. Ткань тащилась по полу хвостом. Как и многие другие эльфийские артефакты, этот подстраивался под своего владельца и через несколько дней носки пришелся бы ей по размеру, но сейчас приходилось мириться с неудобствами.

— Ваэ. — Односложно ответил Рейнальд. — Расскажу потом.

— В общем, придется подождать еще. — Радостно сказала Вера, подбегая к столу, но почти сразу посерьезнела, буровя Охотника вопросительным взглядом.

— Я извинился. — Немного раздраженно сказал он. Появилось чувство будто его отчитывает мама.

— Извинился? — Переспросила она, переводя взгляд на порозовевшую Алису.

— Извинился. — Уверенно ответила она. Вера громко с облегчением выдохнула.

— Отлично! Хозяйева сейчас зарежут гуся, предложили рагу, кашу и пирожки. Пирожки мы заберем с собой, что будете сейчас? — Девушка говорила громко, но из-за окружающего

шума приходилось напрягаться чтобы разобрать слова.

— Мне кашу. — Не раздумывая ответил Охотник. — Без мяса. — Добавил он и прикрыл глаза.

— А тебе?

— Тоже, наверное... — Неуверенно произнесла Алиса. Вера закатила глаза.

— На него не смотри. — Отмахнулась чудотворка. — Свои заскоки. — Алиса промолчала. — Ладно, мы возьмем себе рагу. — Со вздохом проговорила девушка. — Попробуешь у меня, если понравится — поменяемся.

— Думаешь выйдет дорого? — Поинтересовалась Алиса, когда Вера убежала назад к стойке. Дородный мужчина в ярком костюме за столом неподалеку разразился громогласным хохотом. «Ткани продает» — мимоходом подумал Охотник. Материал жилета и правда выглядел очень качественным. Либо очень повезло, либо сам разбирается. В удачливых торговцев он не верил.

— Нет, на этот счет можешь не переживать. — Ответил он. — Рихтер не стеснен в деньгах. — Он передвинулся, закидывая ноги на лавку и укладывая левую руку на стол. Удобно. — Просто предпочитаю не есть в таких местах мясо, если есть возможность. Вяленое в дороге — да, а так лучше сам приготовлю.

— Почему? — В невидящих глазах девушки заблестел интерес.

— Сначала боялся, что отравят, потом распробовал действительно хорошую стряпню и стал... брезговать? — Неуверенно ответил он. — Может быть зазнался. — Задумчиво добавил он, поразмыслив. Повисла короткая пауза и Алиса вдруг залилась звонким смехом. Некоторое время она сипло смеялась, прикрывая рот ладонью, но вскоре отдышалась и перестала.

— Что такое? — Поинтересовался Охотник.

— Ничего, просто... — Она снова заулыбалась, но пересилила себя и не сорвалась во второй раз. — Не ожидала что ты это так скажешь. Все потому, что ты думаешь, что я пойму если ты говоришь неправду? — Охотник промолчал. — Не так это работает. Сама не знаю как точно, но за каждое слово можешь не переживать.

— Посмотрим.

— Ну все, теперь только ждать. — Объявила Вера, усаживаясь рядом с Алисой.

— Подвинься. — Инквизитор уперся рукой на стол. Охотник без возражений сел, освобождая место. Он успел задремать, и сладко зевнул. — Ну, доколе времени у нас хоть отбавляй. — Начал Рихтер. — Может объяснишь, что случилось? — Вера согласно закивала.

— Может объясню. — Равнодушно ответил Охотник. — Потом. Людей много.

— Опять потом? — Переспросил инквизитор. — Что ты все темнишь? Может наши жизни и успех... — он осекся, — зависят от этого. Сам понимаешь, важна каждая мелочь. А вдруг ты на нас накинешься? — Рейнальда забавляло как здоровенный взрослый мужик искренне пытался скрыть самое низкое любопытство.

— Не накинусь. — Ухмыльнувшись произнес Охотник. — Больше такого не произойдет.

— Послушайте. — Алиса перебила его, чуть повысив голос. — Господин, — она запнулась, а Рихтер резко обернулся к ней, — что вы думаете со мной делать? Не могу же я вечно быть обузой.

— Ну ты не, — начал-было инквизитор, но Охотник толкнул его локтем в бок и

отрицательно покачал головой. Мужчина вздохнул, — не думай пока об этом. Доберемся до города, там решим. Есть много домов для сирот, в конце концов, церковь всегда пристроит нуждающегося к месту.

— Понятно. — Немного отрешенно произнесла Алиса. Вера закатила глаза, красноречивым жестом проведя пальцем по горлу.

— Если хочешь, можешь пойти в мой монастырь. Работы много будет, зато вместе. — Приобняв девушку заговорила она. Охотник прищурился.

— Правда? — Переспросила она.

— Конечно. — Уверенно ответила чудотворка.

— Это было бы просто чудесно. — У Алисы аж слезы навернулись.

Разговор был прерван неожиданно.

— Ой, я совсем забыла спросить. — У стола материализовалась высокая девушка в запачканном белом фартуке. — Пить-то чего изволите?

— Пиво есть? — Сразу спросил инквизитор.

— Конечно, — девушка широко улыбнулась, — монастырское, из Чехии. — Вера осудительно покачала головой.

— Неси. — Коротко бросил он, игнорируя спутницу.

— Что-нибудь для жены? — Добавила она. Рихтер подавился воздухом и закашлялся, чудотворка отвела глаза в сторону.

— Она... — начал инквизитор, но Охотник тут же его толкнул и тот, скривившись, продолжил, — изволит что-нибудь теплое.

— Скоро будет компот, только вариться поставили. — Не переставая улыбаться продолжила девушка.

— Отлично. — Слегка подавленно ответил инквизитор. Охотник усмехнулся и две пары глаз уничтожающим взглядом уставились на него.

— Что желает молодой господин? — Перевела она свой взгляд на него.

— Воды. — Не раздумывая произнес Охотник.

— Как скромно! — Всплеснула руками она. — А для невесты? — Злобные взгляды Веры и Рихтера тут же стали победоносно-веселыми, чудотворка едва сдержала смех. Лицо Охотника затвердело, но ни один мускул на нем не дрогнул. Алиса же окончательно вжалась в стену, будто стараясь исчезнуть.

— Тоже что и ее матушке, — спустя мгновение раздумий ответил он, заставляя Веру побагроветь, — и есть у вас что-нибудь сладкое? Орехи в меду?

— Конечно, господин. Прекрасный выбор для прекрасной девушки. — Она развернулась, собираясь уйти. — Знаете, — вдруг сказала она, положив руку на плечо Веры, — у вас замечательная дочка, вся в вас. — Добавила она и удалилась. — Над столом повисла тишина.

— Расслабьтесь. — Не скрывая победоносных ноток в голосе сказал Охотник, когда трактирщица ушла, вновь откидывая голову на выпирающее из стены бревно. — Как воды в рот набрали.

— Ну знаешь ли, — возмущенно начала Вера, — это было... бестактно!

— Ну давай, объясни это крестьянке. — Резонно заметил он. Вера надулась и замолчала. Охотник вздохнул.

— Как дети, ей богу.

— К слову. — Произнес инквизитор, выходя из транса. — Так как тебя все-таки

зовут? — Охотник приоткрыл один глаз и покосился на Алису. Девушка заинтересованно насторожилась.

— Родители назвали Ратибором. — Спокойно ответил он.

— А почему ты не... — заговорила Вера.

— И сейчас бы не стал. Так было нужно. — Оборвал он.

— Что же произошло, что ты решил пооткровенничать? — Въедливо продолжил Рихтер.

Алиса смущенно молчала.

— Непредвиденные обстоятельства. — Неопределенно ответил он, снова закрывая глаза.

— Какие? — Не отставал инквизитор.

— Потом расскажу. — Буркнул Охотник.

— Да когда? — Почти сорвался Рихтер, но удержал себя в руках. Охотник молчал. —

Вот же... — Злобно произнес он, но фразу не закончил.

До момента подачи блюд никто так и не заговорил. Рихтер думал о чем-то своем, Алиса молча водила пальцами по столу, изучая трещины в дереве, Охотник посапывал в полудреме, а Вера переводила взгляд с одного на другого, но начать разговор не решалась.

— Пирожки готовы. — Жизнерадостный голос представлял трактирщицу не хуже ее широкой улыбки или замызганного фартука. Охотник вздохнул, просыпаясь. Что уж поделать, работа такая. Широкое деревянное блюдо, доверху заваленное исходящими жаром пирожками, приземлилось на центр стола. Все сразу же с интересом приблизились к нему, голод уже доставлял неудобства компании, один Охотник остался непричастным.

— А ты чего не ешь? — Быстро пережевывая сочащийся пирожок спросил инквизитор. Обворожительный запах мяса повис над столом. Даже Алиса понемногу откусывала от пирожка, который Вера всунула ей в руку.

— Дождусь своей каши. — Равнодушно ответил он. — Вы же собирались их с собой взять.

— Заберем что останется. — Прожевав, ответила чудотворка и потянулась за добавкой. — На завтра хватит. — Он пожал плечами.

Напитки принесли почти сразу. Запотевший кувшин монастырского пива с сургучовой печатью на горлышке прямым из погреба, большая глиняная чаша компота с торчащим из нее черпаком, в которой плавали по кругу, то поднимаясь, то опускаясь, лесные ягоды, и глубокая деревянная кружка с холодной водой из колодца. Охотник с наслаждением отхлебнул воды, наблюдая как инквизитор помогает Вере разливать компот по пузатым глиняным чашкам. Потом принесли основные блюда. Трактирщица расставила перед гостями четыре горшочка. Рихтер достал из-за пояса нож и одним движением срезал хлебную крышку, потом передал инструмент чудотворке. Разобравшись со своей посудой, Вера подвинулась ближе к Алисе и помогла ей снять лепешку с горшочка каши, а потом вручила деревянную ложку, одну из тех, что взяла с собой про запас. Охотник достал свою из кармана дублета, который решил пока не снимать, но расстегнул. Пахло вкусно, но...

— Погоди. — Остановил он Алису, начавшую было есть. — Это твоя, тут мясо. Девушка убрала руки, и он поменял посуду местами. Алиса попыталась что-то сказать, но чудотворка не позволила.

— Давай-давай, тебе расти надо. — Бескомпромиссно припечатала она. Народ продолжал прибавляться, за соседний стол сели новые постояльцы, шум нарастал.

Застучали ложки. Каша и правда была очень вкусная. Охотник различил три вида крупы, травы и кусочки тыквы, придававшие блюду легкую сладость. Рагу источало приятный запах тушеной капусты и жаркое, на вкус видно тоже было неплохим, потому что исчезало в пугающем темпе. Добрав последний кусочек мяса со дна горшочка, инквизитор откинулся от стола.

— Хорошо. — Расслабленно произнес он.

— Ага. — Благоговейно вторила ему Вера, отодвигая посуду в сторону. Алиса все еще ковырялась ложкой в каше: медленно, но довольно уверенно.

Вскоре и Охотник разобрался со своей порцией, облизнул ложку и спрятал ее в карман, в очередной раз укладываясь на бревно и прикрывая глаза. Запыхавшаяся от обилия клиентов трактирщица, проходя мимо, оставила на столе маленькую полукруглую глиняную чашку с орехами и ушла, на этот раз не сказав ни слова. Вера передвинула посуду Алисе.

— Жуй.

— Тоже берите. — Ответила она. Вера достала кусочек колотого ореха и положила на язык.

— М-м-м. — С наслаждением протянула она. — Прямо тает. Попробуешь? — Обратилась она к инквизитору.

— Спасибо. — Кашлянул он. — Не люблю сладкое. — Вера скептически покосилась на него.

В этот момент из-за соседнего стола встал крупный мужчина, отставил в сторону большую кружку и шагнул к выходу, но не рассчитал и сильно задел боком их стол. Посуда пошатнулась, чашка с орехами накренилась, Алиса дернулась, чтобы ее схватить, но промахнулась и толкнула ее еще дальше вперед. Девушка ойкнула, чашка проехала до края стола и начала заваливаться. Охотник резко вскинул ладонь, на лету перехватывая двумя пальцами вывалившийся орех, а остальными придерживая емкость и возвращая падающую ее на поверхность стола. Через приоткрытые веки он проследил за удаляющимся неровным шагом нарушителем спокойствия.

— Недотепа... хренов. — Пробубнил инквизитор, поправляя стол.

— Держи. — Охотник подвинул чашку назад к Алисе, подставляя глиняный бок к ее ладони.

— Спасибо. — Коротко ответила она, сжимая ее двумя руками.

Он убрал руку, по пути забросив орех в рот. И чуть не охнул. Вера не соврала, скорее даже не до хвалила. Ароматный клеверный мед ударил в нос неповторимым запахом, а щеки свело от нежного сладкого вкуса. Горечи ореха почти не было, зато он был до того нежный, что почти сразу развалился на кусочки, словно только и дожидался этого момента. Варили их долго.

— Поразительно. — Прошептал он.

— Ну а я о чем. — Весело вторила ему чудотворка.

— Ладно, бог с вами! — Проворчал инквизитор, запуская руку в чашку. Алиса весело улыбнулась.

— М-м. — Коротко промычал он. — Надо же, не соврали.

После этого разговор завязался сам собой. Вера рассказывала веселые истории из своей монастырской жизни, которых неожиданно оказалось немало. То и дело над столом звучал смех. Потом инквизитор стал делиться своими приключениями, на всякий случай опуская подробности и не акцентируя внимание на службе. Шум вокруг будто стал непроницаемым

фоном, куполом, под которым их никто не замечал. Алиса уложила голову на руки и взахлеб слушала рассказы о соседних странах, людях, костюмах, обычаях, еде и оружии. Вера приобняла девушку, увлеченно следя за Рихтером, который активно иллюстрировал свои слова экспрессивными жестами. Все-таки было в них что-то общее. Даже Охотник устроился так, чтобы видеть своего соседа через прикрытые веки. Время пролетало незаметно. Один раз девушки попытались уговорить и Ратибора поделиться рассказами из своей жизни, но он отмахнулся, сказав, что истории не его конек. Потом народ стал понемногу расходиться. С улицы тянуло холодом через хлопающую дверь, и, посидев еще немного, они стали собираться.

— Комнаты были разобраны, взяли что осталось. — Сказал инквизитор, когда они зашагали по скрипучей лестнице наверх. — Они находятся по соседству, но две кровати только в одной. — Он нахмурился.

— Даже не начинай, это смешно. — Раздраженно взмахнула рукой Вера. — Алис, мы же на одну кровать поместимся?

— Ага. — Не раздумывая произнесла девушка. Поход до комнаты давался ей с трудом, еще внизу у стола она едва не заснула.

— Ладно, — сдался Рихтер, — тогда ваша предпоследняя.

Придерживая девушку под локоть, Вера помахала друзьям рукой, и, повозившись с ключом, скрылась в темноте своей комнаты. Алиса дернула за полу дублета Охотника, повозилась немного с пряжкой и протянула плащ хозяину. Он принял его, подтолкнул ее в плечо, указывая направление, а сам пошел вслед за инквизитором.

— Ну, выбирай. — Широко проведя рукой предложил Рихтер, ставя чадающий подсвечник на небольшой столик.

Охотник неуверенно подошел к ближайшей постели, скинул с плеч плащ, дублет, снял сапоги, и, в рубаше и штанах завалился на постель. Инквизитор покачал головой, разделся и лег на другую. Немного поерзал, укладываясь и задул свечу. Вскоре с соседней кровати раздалось шуршание одеяла и переключиваемой подушки. Потом еще раз и еще.

— Ты что там возишься? — Раздраженным шепотом пробормотал Рихтер. — Спи.

— Прости. — Шепотом ответил Охотник. — Давно не лежал на перине.

Вера долго не могла заснуть. Богатая фантазия рисовала яркие картины приключений инквизитора в неведанных далях. Кроме того, раз за разом расслабляясь, она неожиданно натыкалась на свернувшуюся рядом Алису и одергивалась. Как и Охотник она не привыкла спать на перинах, но еще больше не привыкла к тому, что вся постель не находится в ее распоряжении.

— Вот бы тоже попутешествовать однажды. — Сквозь сон пробормотала Алиса, прижимаясь к ней. Хоть Вера и была довольно худой, а Алиса тем более, но места им двоим хватало с трудом. — Почувствовать соленый морской воздух, горячий ветер степей.

— Успеешь. — Тепло прошептала в ответ чудотворка и провела пальцами по ее волосам. — Все еще у тебя впереди.

— А у тебя?

— И у меня. — Улыбнулась она.

— Значит у нас. — Сипло пробормотала Алиса и зевнула.

— Значит у нас.

— Я думаю он на самом деле добрый. — Доверительно сказала девушка.

— И я. — Честно ответила Вера. В первую встречу инквизитор показался ей стереотипным высокомерным дворянином, скрывающим надменность под маской вежливости и цинизма. Образ дополнялся славой жесткого инквизитора, Аутодафе, прозвище, которого побаивались даже те, кто не нарушал законов. В жизни же Рихтер оказался... именно что добрым.

— Надеюсь он расскажет нам про свои приключения. — Вера замерла, глядя в черный потолок. Почти рассмеялась, но не стала. Алиса засопела рядом, проваливаясь в сон.

— Бам! — Резкий грохот раздался под утро из соседней комнаты. Инквизитор несколько раз моргнул и приподнялся на локте, оглядывая помещение, еле-еле освещаемое первыми лучами рассветного солнца через задернутое окно. Черная тень бесшумно метнулась за дверь, на ходу надевая плащ. Рихтер встряхнул головой. Сопоставил факты и тут же вскочил на кровати, его начало мелко трясти. Из коридора достался едва слышный шелест и знакомый щелчок замка. Он спрыгнул с кровати на пол и стал шарить руками в поисках одежды. Из комнаты по соседству долетел приглушенный вскрик и щелчок удара. Плюнув, инквизитор бросился к двери, распахнул ее, шагнул в коридор и врезался в Охотника. Из двери за его спиной доносилось приглушенное едва разборчивое шипение, прервавшееся с хлопком дерева о дверной косяк. Рихтер непонимающе уставился на него. Ратибор молча прошел мимо, потирая ладонью щеку. Инквизитор встряхнул головой и вернулся вслед за ним. Дойдя до своей кровати, Охотник сел на пол, облокотившись на ее бортик.

— Что случилось? — Шепотом спросил Рихтер.

— Алиса во сне с кровати упала. — Тихо ответил Охотник. Инквизитор облегченно выдохнул и почти сразу усмехнулся.

— Во даешь. — Сдерживая улыбку пробормотал Рихтер. Охотник отмахнулся. — Сильно прилетело? — Ратибор молча кивнул. — Ладно, бывает. Чего не ложишься?

— К черту эту перину. — Буркнул он. — Так и не смог на ней заснуть.

Утро началось со сборов. Собирались неторопливо, инквизитор предполагал, что двигаться они будут куда дальше. Вера попросила принести ведро воды и пустую лохань, после чего закрылась с Алисой в комнате. Охотник, не дожидаясь их собрался и ушел на улицу, скрывшись в пролеске, растущим за конюшней, прихватив с собой меч в тубусе. Оставшийся в гордом одиночестве Рихтер в очередной раз с тоской вспомнил о своем слуге, работающим сейчас, должно быть, в мягком кресле уютного кабинета, и принялся собирать продукты в дорогу. Спустился вниз, чтобы пополнить фляги водой, прикупил еще вяленого мяса, хотел взять кувшинчик монастырского пива, но в последний момент с грустью передумал. Всему свое время. Потом сходил к повозке, и вернулся назад. Когда девушки наконец вышли из комнаты, провиант был компактно уложен в отдельные мешки, плотно завязанные у горловины. Вера уважительно покивала, проверяя узлы.

— А этот куда делся? — Поинтересовалась она. Инквизитор пожал плечами. Лицо девушки поблескивало не досохшими каплями воды, а красивые каштановые волосы аккуратно спадали на плечи.

— Сказал, что дойдет до леса. Тренируется видно.

— Понятно, — махнула рукой она, — думаю да.

Тут в комнату вошла Алиса, показавшись за спиной чудотворки. Инквизитор невольно

поперхнулся. В целом, примерно это он представлял себе при слове «принцесса». Длинные светло-льняные волосы ровными волнами спускались до середины спины, ни на лице, ни на руках не осталось ни пятнышка грязи, обнажая белую, на грани болезненной бледности, кожу, о которой мечтала бы каждая дворянка. На фоне ее бледно-зеленые глаза светились как два необработанных изумруда, а веснушки казались вкраплениями золота в мраморной жиле.

— Мать Божья. — Оторопело пробормотал он. Вера проследила за его глазами и окинула девушку гордым взглядом.

— А ты думал? — Произнесла она. — Щетка, гребень, немного воды и мой профессионализм. — Насмешливо продолжила девушка. — Уж чего-чего, а девушек я в жизни видела предостаточно. — Алиса, задумчива оцупывавшая мешки с едой, поняв, что разговаривают про нее, порозовела и шагнула в сторону. — Только с одеждой нужно что-то придумать. — Добавила она задумчиво. — Так на людях показываться, конечно, нельзя. — Она погрузилась в раздумья, смешно насупив брови. Рихтер улыбнулся, практически физически ощущая работу, протекающую в голове девушки. — Точно! — Ликующе выкрикнула она и выбежала в коридор.

— Куда она пошла? — Растерянно спросила Алиса.

— Не знаю. — Честно ответил инквизитор. Неожиданная импульсивность чудотворки сбила его столку.

— Ну, как... спалось? — Поинтересовалась девушка спустя некоторое время. Вера все не возвращалась, а Рихтер глубоко задумался, глядя на разложенные на кроватях вещи.

— А? — Переспросил он. — Да нормально. А вот... Ратибору не слишком. — Новое имя давалось ему с трудом. — Кажется он так и не заснул. Никогда бы не подумал, что, привыкнув спать на земле и досках, можно разучиться делать это на удобной перине.

— Не понимаю. — Отрицательно махнула головой она.

— Я тоже. — Честно ответил инквизитор.

Охотник и чудотворка вернулись вместе, видно встретились на лестнице. По коридору они шли, о чем-то активно споря.

— Делай как хочешь. — Отмахнулся он, пересекая порог. — Я в этом ничего не понимаю, был бы здесь мой друг Вэл, он бы мог что-то умное сказать, а я не разбираюсь. Только помни, что возможно придется и бегать и... — он вздохнул, — руками размахивать.

— Вэл то, Вэл се. — Передразнила его Вера. — Тебя послушать, так этот Вэл и красавец, и воин, и философ, а теперь что, хочешь сказать еще и швея? — Он равнодушно встретил ее ироничный взгляд.

— Ага. — Ровным голосом ответил он.

— Ну тогда кажется, завиднее жениха во всем свете не сыщешь. — Саркастично продолжила она. — Если он существует конечно. Познакомишь нас?

— Не целься, там уже, кажется, занято. — Произнес он, вытягивая перед собой руки и потягиваясь.

— Эх, не быть мне счастливой. — Театрально заломила она руку. В другой девушка сжимала небольшой сверток белой ткани.

— Это что? — Поинтересовался инквизитор, указывая на него.

— Вчера рядом с нами ужинал торговец тканями. Он как раз собирался уезжать, но я успела перехватить его и купила несколько хороших обрезков. — Гордо произнесла она. Рихтер уважительно покивал. Торговца заметил и он, но не думал, что девушка пойдет так

далеко.

— И даже за них ее едва не ободрали как липку. — Проворчал Охотник. — Повезло что я мимо шел, они почти ударили по рукам.

— Ну знаешь. — Обиженно прошипела Вера. — Для этого ты с нами и едешь. Чтобы защищать, даже если речь идет о жадных, лживых, невоспитанных торгашах. — Охотник иронично улыбнулся, скользнул взглядом по комнате, задержавшись на Алисе, одобрительно хмыкнул и принялся собирать вещи.

— Слушайте, а он всегда... так? — Сипловатый голос Алисы звучал еще более хрипло из-за того, что она пыталась говорить тихо.

Вера оторвалась от перебирания кусков ткани и обернулась. Девушка снова сидела в дальнем углу телеги, опираясь спиной о небольшой бортик. Она провела ладонью по доскам вдоль дна повозки, чтобы поменять положение, но случайно натолкнулась на сапог Охотника и одернула руку. Чудотворка фыркнула. Сам Ратибор (похоже, что так теперь стоило его называть) мерно сопел, вытянувшись по диагонали. Вещи он частично разогнал по сторонам, а что по мягче засунул под спину и голову. Алиса подобрала ноги, накинула капюшон, и полностью завернулась в его плащ, став похожей на большой умильный кулек. Погода была солнечная, но ветер продувал ощутимо.

— Думаю, привычка. — Не понижая тона ответил Рихтер. — Честно говоря, ни разу не видел его выспавшимся. — Добавил он задумчиво.

— А вы давно дружите? — Заинтересованно спросила она.

— Не то, чтобы дружим. — Инквизитор вздохнул, подбирая слова. — В общем мы вместе работаем. И да, уже довольно давно.

— Как вы познакомились? — Повернула голову на бок Вера, отодвигая ткань в сторону. — Мне он никогда не говорил. — Инквизитор возмущенно обернулся к ней, отрицательно мотая головой. — Ой, да... прости. — Виновато пробормотала девушка, украдкой взглянув на Алису. Та, будто почувствовав это, вздохнула. Вере стало стыдно. — Прости, мы... не можем о таком рассказывать, я думаю. — Извиняющимся тоном произнесла она.

— Ничего. — Равнодушно ответила Алиса.

— Но, если твое вступление к нам в монастырь одобрят, я тебе все расскажу, обещаю. — Серьезно добавила она. Девушка в повозке оживилась. — Кстати, он и сам частенько заезжает к нам и рассказывает о своих приключениях. — Вера перевела взгляд на Охотника. Взмахнув красивыми светло-синими крыльями ему на кончик носа села большая бабочка. Чудотворка хихикнула. Не просыпаясь, тот шморгнул, прогоняя ее прочь. — Вот смотрю как он спит, ну ангелочек. — Весело сказала она. Рихтер покачал головой. — Расскажи что-нибудь о себе. — Обратилась она к Алисе. Та в ответ ненадолго задумалась.

— Даже не знаю, ничего интересного со мной не происходило, до встречи с вами, конечно. — Она слегка смутилась. — А что именно ты хочешь знать?

— Ну-у... — протянула Вера, снова раскладывая на коленях ткань, — как раньше жила, может что-то про родителей или деревню.

— Можешь говорить громче. — Перебил ее Рихтер. — Он все равно не проснется, пока сам не захочет.

— Как это? — Удивилась Алиса.

— Не знаю. — Инквизитор пожал плечами. — Просто так было всегда.

— О, точно! — Вдруг дёрнулась на своем месте Вера. — Ты говорила, что рассказывала пороссятам сказки. Ты понимаешь животных?

— Ну... да. — Неуверенно ответила она. — Только не рассказывайте никому, ладно? У моих родителей из-за этого были проблемы. — Вера перевела озабоченный взгляд на Рихтера. Тот с непроницаемым видом смотрел на дорогу.

— А как это? — Поинтересовалась чудотворка. — Слышишь их голоса вместо обычных звуков?

— Не совсем. — Задумчиво ответила девушка. — Я просто понимаю, что они хотят сказать. Что они сказали бы, будь они людьми.

— Ого, — Вера отмахнулась от назойливой мухи, — как странно.

— Думаю они понимают меня так же. А вот Ратибор..., - она помедлила, — он делает это по-другому, те волки, — она поежилась, — в лесу, сразу поняли, что он им сказал. Словно говорили на одном языке.

— Да ну? — Обернулся Рихтер. Голос его лучился скептицизмом. — И как он это сделал?

— Не знаю. — Честно ответила девушка. — Лучше у него спросить.

— От этого никогда ответов не дождешься. — Проворчал он и отвернулся. — Одни чудеса. — Добавил он тише. — Куда ни плюнь. — Повозка резко подскочила на особенно крупном камне. Алису вжало в пол, Ратибор подлетел на дюйм над досками, шлепнулся назад, но так и не проснулся. Вера схватилась за борт, а Рихтер дернулся в сторону, стараясь удержать равновесие, отчего вожжи хлестнули Перикулума по спине. Конь недовольно заржал.

— Ой, ты понимаешь, что он сейчас сказал? — Крикнула за спину чудотворка.

— Да. — Помедлив, произнесла Алиса.

— Можешь сказать?

— Лучше не буду. — Застенчиво ответила девушка.

Вечерело. Инквизитор почувствовал, что что-то не так как только начало темнеть. Сначала это был только небольшой зуд в районе зубов, довольно быстро переросший в уколы в висках, а затем в полноценную головную боль, постепенно усиливающуюся до сих пор. То и дело Рихтер крутил головой, озирался в поисках источника угрозы, но ничего не находил. Даже редкие путники, встречавшиеся днем, пропали. Радовало одно: до города они точно успевали добраться до полуночи, и он все подгонял и подгонял коней, стараясь приблизить прибытие. Вера нервно ерзала рядом, видно ощущая то же самое, но по-другому. Охотник так и не поднимался, а вот Алиса, поклевав носом, свернулась клубочком в углу и заснула.

— Тоже это чувствуешь? — Рихтер аж дернулся на своем месте от неожиданности, а чудотворка вскрикнула. Он обернулся. Охотник сидел на корточках, прикрыв глаза и приплюхиваясь, словно гончая.

— Твою мать. — Не сдержался инквизитор, Вера активно закивала головой, поддерживая его. — Что ты делаешь?

— Каждый чувствует магию по-своему. — Тихо ответил он. — Для меня это омерзительный запах, который ни с чем не спутаешь. — Он замолчал и немного поменял положение. — Это впереди, приближается к нам. — Инквизитор выругался, он и сам уже мог ощутить источник опасности. — Сзади тоже догоняет. — Слишком спокойно для сложившейся ситуации добавил он. — Бежать некуда.

— Что это такое? О чем вы говорите? — Вера непонимающе тряхнула головой. — Вы тоже слышите этот противный звон?

— Магия. — Мрачно ответил инквизитор. — Но вместо звона у нас свои ощущения. Знаешь, что нас преследует? — Крикнул он через плечо.

— Пока нет. Слишком далеко. — Сразу после его слов в своем углу завозилась Алиса.

— Что-то случилось? — Сонно произнесла она и зевнула. Ответом ей было напряженное молчание. — Эй! — Девушка мгновенно очнулась, сбрасывая остатки сна.

— Останавливай. — Потребовал Охотник. Инквизитор отмахнулся. Пока источник магии не определен, перспектива застрять посреди пустой дороги в окружении непроходимого леса виделась ему куда менее перспективной, чем попытка прорваться насквозь. — Тормози! — Еще громче повторил он, тряхнув Рихтера за плечи. Тот зашипел от боли и натянул поводья. Лошади заржали, но вскоре встали как вкопанные.

— Что ты творишь? — Воскликнула Вера.

— Смотрите. — Он встал на скамью между ними, указывая рукой в сторону горизонта.

— Вот дерьмо. — От более крепких слов инквизитора удерживало только присутствие рядом Алисы. Чудотворка непонимающе пригляделась.

— Туман? — Удивленно спросила она. По каменистой укатанной дороге на самой границе видимости стелилась тоненькая полоска молочно-белого тумана.

— Не просто туман. — Дрожащим голосом ответил инквизитор, роняя поводья. — Это вампирский туман. Кто-то натравил на нас баргестов.

— Быть не может. — Охотник проскрипел зубами. — Это просто невозможно. Только кто-то, имеющий власть над демонами может им управлять. — Его лицо исказилось в осознании.

— Чертов колдун все же выжил?! — Выкрикнул инквизитор.

— Бред. — Прорычал в ответ Охотник.

— Тогда кто? — Продолжал он.

— Сейчас это не главная проблема. — Спокойнее произнес он, беря себя в руки. Рихтер в ответ с силой ударил по сиденью кулаком.

— Успокоились оба! — Выкрикнула Вера. Инквизитор от неожиданности снова схватил поводья. — Что нам делать? — Обернулась она к Ратибору.

— Сможете развернуть телегу в сторону леса? — Глядя ей в глаза спросил он.

— Ты с ума сошел? — Инквизитор уже даже не злился, вид стремительно наползающего тумана внушал в него отчаяние. — Там сплошная стена деревьев, мы никак не проедем.

— Сможем. — Спокойно ответила чудотворка. — У тебя есть план? — Охотник кивнул. — Отлично. Сэр Балдер. — Громко произнесла она, спрыгивая со своего места. — Не подсобите ли даме? — Бормоча под нос ни то проклятия, ни то молитвы, инквизитор слез за ней следом.

Одним шагом Охотник спустился на землю чуть поодаль. Сделал шаг в сторону деревьев, но вдруг почувствовал, что что-то держит его за полу дублета.

— Я могу как-то помочь? — Сиплым тоном спросила Алиса. Из-за этой особенности голос казался куда старше.

— Нет. — Немного помедлив, ответил он. — Пока нет.

До ближайших деревьев было недалеко, но короткие мгновения бега тянулись, казалось, целую вечность. Рухнув на колени у первых попавшихся корней, он краем глаза заметил, как ключья тумана стали выползать на противоположной стороне дороги. Послышался

демонический вой. В голове судорожно металась мысль. Анка никак не могла выбраться из крепости так быстро, никак не могла найти его и уж точно не в ее характере была такая месть, она скорее попыталась бы зажарить его молниями, глядя в глаза. Но факты говорили за себя. Значит, он где-то просчитался.

— Tenta. — Прошептал он, укладывая обе ладони на могучий корень. — Ненавижу деревья.

Спустя мгновение его восприятие сжалось в одну точку, а в следующее устремилось вдоль сети древесных переплетений, охватывающих весь лес. Он рефлекторно водил головой в стороны, чувствуя, как ветер колышет листья на кронах высоких лиственниц, как капает роса с закрытых в ожидании утра бутонов, как хрустят ветки, обламываемые оленьими рогами. На безумной скорости он метался вокруг, охватывая все больше пространства своим внутренним взором. Туман просачивался и в лес, заходя с другой стороны. Он уже замкнул кольцо. Охотник чувствовал его липкие обрывки корой и шляпками грибов, но здесь он двигался куда медленнее. Наконец, продвинувшись еще дальше, он нашел то, что искал, и, скрипя зубами, собрал рассредоточенные кусочки чувств, возвращаясь назад, в свое тело. С рывком головы он пришел в себя, отнимая руки от корней и, качнувшись, поднялся с колен.

— Твои глаза... — Тихо произнесла Вера, шокировано глядя на него. — Светились изумрудным светом.

— Потом. — Тяжело дыша пробормотал он. — Все потом. В повозку! — Рывнул он, и девушка вышла из ступора.

Назад они бежали еще быстрее. Бледный как мел инквизитор сидел впереди, держа поводья в одеревенелых руках. Охотник посадил Веру, и сам запрыгнул в кузов через бортик. Чудотворка обхватила руками Алису и прижала ее к себе.

— Гони! — Крикнул он.

— Куда? — Непонимающе переспросил инквизитор.

— Вперед, твою мать, куда еще? — Не сбавляя тон проорал Охотник.

Инквизитор тронул поводья. Туман уже заполнял все пространство вокруг, скрывая дорогу и обочину. В толстом слое белого марева отчетливо различались щелчки призрачных челюстей. Перикулум шагнул вперед, но Земляника заржала, не желая идти лбом прямо в стволы деревьев.

— Давай же, — рычал Охотник, — ну давай!

— Что я могу сделать? — Воскликнул Рихтер. — Она не идет.

— Ну я ей сейчас... — Ратибор подался вперед.

— Стой! — Алиса схватила его за руку. — Лошадка, пожалуйста, — в сиплом голосе девушки проблеснула жалость, — нам очень нужно вперед. — Земляника испуганно фыркнула.

— Перикулум, скажи ей! — Прокричал коню Охотник. Тот в ответ боднул кобылу головой и подбадривающе захрипел.

— Все будет хорошо, честное слово. — Добавила Алиса. Земляника опустила морду, и, издав громкий боевой вопль, понеслась вперед.

— Мне бы твою уверенность. — Сквозь зубы прошептал инквизитор своей кобыле.

Лес приближался молниеносно. Охотник ухватился руками за борта телеги. Вера зажмурилась, прижимаясь к Алисе, Рихтер тихо завыл.

— Mentië. — Громко произнес Ратибор, и лошади пересекли границу деревьев.

— Какого? — Только и смог выдавить из себя инквизитор.

— Левее. — Хрипло произнес Охотник. Он еще никогда не поддерживал чары для такого большого объекта.

— Чего? — Непонимающе тряхнул головой Рихтер. Деревья, ветки и корни никуда не делись, просто раз за разом так совпадало, что они не цеплялись ни за людей, ни за телегу, ни за животных. Словно им сопутствовало сверхъестественное везение.

— Левее возьми говорю. — Прорычал он в ответ. Серые, почти седые волосы бились как флаг на ветру. Сообразив, что делать, инквизитор натянул поводья, уводя повозку в нужную сторону. Вера громко нашептывала молитвы. Туман безнадежно отстал. — Туда. — Охотник указал пальцем направление. Повозка накренилась, и, скрипя колесами, вылетела на лужайку. — Стой! — Скомандовал он и инквизитор натянул поводья. — Давай вон к тому дереву. — Он кивнул на одиноко стоящую в центре пинию, закрывающую своей огромной кроной значительную часть видимого с поляны неба.

— Что ты собираешься делать? — Все еще повышенным от нервов голосом спросил инквизитор.

Стена леса за их спиной стояла нетронутой, между деревьями места не хватило бы даже для лошади, не то, что для целой телеги. Охотник спрыгнул на траву, тряхнул головой, стараясь прийти в себя, и подал руку Вере. Она спустилась следом, нервно трясясь. Поездка далась ей еще сложнее.

— Давай наружу. — Коротко сказал он Алисе, и вытащил ее из телеги под руки. — Помоги. — Он обратился к Рихтеру и схватил телегу за борт. Тот хотел возразить, но не стал. Подошел и встал рядом.

— Может объяснишь, что происходит? — Пыхтя от напряжения произнес он, толкая повозку ближе к дереву. — Почему мы не поехали дальше?

— Туман взял нас в кольцо. — Охотник тяжело дышал. Он пробежал вдоль борта, откинул в сторону тент, и зарылся в скрытые под ним вещи.

— Откуда ты знаешь? — Перебарывая удущье поинтересовался Рихтер.

— Потом объясню. — Устало ответил он, вытаскивая из груды пожитков свой походный мешок и длинный подвязанный сверток из коровий шкуры.

— Потом, потом, потом! — Прорычал, переходя на крик инквизитор. — Я уже не знаю, кого стоит больше опасаться: какие-то секреты, недомолвки, на девочку напал ни с того ни с сего, теперь еще это... ни то магия ни то языческие ритуалы.

— Хочешь сжечь меня на костре. — Неожиданно тихо ответил Охотник. — Доживи сперва рассвета. — Покрасневший инквизитор сжал зубы. — Клянусь всем святым в этом мире, я все тебе объясню. — Рихтер недоверчиво pokrивился. — Никаких недомолвок. — Подошедшие девушки тихо пристроились неподалеку. Вера держала Алису за руку, глядя на Ратибора загнанными глазами. Тот ободрительно положил руку ей на плечо, стараясь придать взгляду наиболее спокойный вид. — Успокойся, мы справимся. Помоги ей забраться на дерево, и сама спрячься в ветках. — Девушка кивнула и пошла дальше, выбирая место для подъема.

— Бог с тобой. — Сдался инквизитор. — Какой план?

— Времени у нас не много, туман скоро нагонит. — Охотник развязал завязки и бросил в повозку дублет. — Я окружу вас защитным кругом. — Он стянул с себя рубашку и отправил следом. На плечах и животе отчетливо выделялись татуировки с символами крестного

знамения. — Призраки не смогут его пересечь. — Он тихо вздохнул. — Я останусь снаружи и перебью их до последнего. — Он принялся снимать сапоги. — А потом мы уберемся отсюда.

— Ты бредишь. — Очумело пробормотал Рихтер. — Их там целая прорва, у тебя хоть есть свечи? — Вместо ответа Охотник кивнул на затянутый мешок рядом с собой. — Почему мы не можем просто дождаться утра в твоём круге? Баргесты не выносят света.

— Отличная мысль, инквизитор. — Иронично ответил Ратибор. — В лесу ведь так мало темных мест! — Он кинул сапоги к дублету. — Призраки скроются в тени каждого листка, каждого кустика и каждой травинки. Мы и десяти шагов не пройдем через деревья, как эти твари пустят наши души на лоскуты. — Рихтер выругался.

— А что если ты...

— Сядете в повозку. Доверься Перикулуму, он вывезет вас куда надо. — Охотник хлопнул коня по спине. — Только не надо ничего придумывать. — Глядя Рихтеру в лицо отчеканил он. — Верь мне, я знаю, что делаю. — Инквизитор молча кивнул. — Проведешь их в Слезы, если я не смогу, понял? — Обратился он к коню. Тот удивленно фыркнул, но вскоре согласно качнул головой. — Хорошо. — Охотник снял с ремня ножны с кинжалом и положил в повозку.

— Уверен? — Инквизитор выразительно окинул его взглядом.

— Призракам броня не помеха, а так двигаться будет проще.

Ратибор снял повязки с рулона и рывком развернул сверток, представляя лунному свету посеребренный меч. Ровный белый свет прерывисто отражался от потеков застывшего на поверхности клинка металла, на котором были мелким почерком выведены молитвы на латыни.

— Мать божья, это что? — Пораженно прошептал Рихтер.

— Черный Василек. — Хрипло ответил Охотник. — Наекаэль.

Он вытянул из-под меча шкуры и отправил их в повозку, сунул руку в мешок, поковырялся в нем, вынимая на свет две толстые красные свечи, затянул его снова и положил к одежде. Прикасаться к клинку не хотелось. Даже приближая ладонь к рукояти, он чувствовал, как нервно подрагивают его пальцы. Собравшись с силами, он сжал руку на мече. Знакомая острая боль пронзила нервы по всему телу, появилось ощущение словно кто-то наблюдает за ним, но сознание оставалось в норме. Он с облегчением перевел дыхание и подобрал с земли свечи.

— Сейчас я обведу круг. Не пересекайте его ни в коем случае, лучше даже ничего не говорите, чтобы звук не нарушал его границы. — Охотник серьезно посмотрел на Рихтера. — Ты все понял?

— Да. — Отрешенно ответил он.

— С Богом. — Выдохнул Ратибор.

Он отошел от дерева шагов на десять. Первые струйки тумана уже просачивались сквозь деревья, выползая на занятую ими полянку. Охотник коснулся клинком земли. Говорят, чем могущественнее душа у предмета, которым начертаешь круг, тем надежнее будет защита. От мыслей о том, что таится внутри Черного Василька ему становилось жутко, но если истории сказителей не врал, то круг, выведенный Бонхеалем, вероятно, непроницаем в принципе. Хотя такому существу как Вэлдрин едва ли нужна защита. Он размеренно продвигался, очерчивая вокруг дерева окружность. В основании ствола стоял Рихтер, нервно переминаясь

с ноги на ногу, и что-то ободряюще вещал Вере, мертвенную бледность лица которой было видно даже ночью. Охотник усмехнулся. Ни так уж плохо умереть вблизи друзей, еще недавно он о таком мог только мечтать, но сегодня это было недопустимо. Поляна посреди крошечного леса днем станет смертельной ловушкой, а ночью непроницаемой клеткой и никакое чудо не поможет им выбраться, если баргесты догадаются не нападать в лоб, а прятаться в тенях. Благо, сейчас твари чувствуют силу и не будут искать обходных путей. Круг был почти завершен. Ему на глаза попала Алиса, сидевшая на ветке, вцепившись побелевшими пальцами в ствол дерева. Ее лицо было наполнено какой-то мрачной уверенностью. Пугающее выражение, особенно у столь юной девушки. Северные берсеркеры идут умирать с таким лицом, но для нее это будто стало обыденностью. Охотник отмахнулся от назойливых мыслей. Будет еще время. Последнее движение. Он напоследок взглянул на друзей и нечаянно улыбнулся. Инквизитор сжал руки в кулаки, Вера сложила ладони в молитве, а Алиса водила головой, улавливая каждый звук. Только Перикулум флегматично жевал траву, усиленно делая вид, что его ничего не беспокоит, даже Земляника нервно пыхтела. «Спасибо» — подумал он: «Спасибо».

Завершив круг, он тут же отвернулся. Лучше не нарушать его даже нечаянным пересечением взглядов. Туман дополз до середины поляны и из него вновь доносились лай и вой, прямо как когда-то в Ломеионе. Призрачная лавина клокотала. Охотник вздохнул и опустил на колени, положив меч на землю рядом с собой. Одну свечу он зажал в зубах, а вторую взял в левую руку и поднял на уровень лица, зажмурившись.

«Господи» — про себя начал он: «я преклоняю перед Тобой колени и посыпаю голову пеплом».

— Что он делает? — Нервно спросила Вера Рихтера. — Они почти подошли.

— Чтобы убить призрака его сначала нужно избавиться от защиты тумана. — Борясь с дрожью ответил он. Никогда еще инквизитор не видел призрачных псов так близко, даже в вампирском замке он дождался пока солнце развеет его, прежде чем подойти ко рву. — Пламя иерусалимских свечей уничтожит демоническую энергию, подпитывающую туман, и останется только добить пса-призрака.

«Я знаю, что недостойн и одного твоего взора. Раз за разом говорят нам, что мы сражаемся за правое дело по Твоей воле. Но я думаю, что все убийцы едины пред Твоим лицом»

— Почему он их не зажигает? — В голосе девушки сквозила паника.

— Нельзя. — Отрешенно ответил Рихтер. — Они должны загореться сами, иначе никакого эффекта не будет. — Он ненадолго замолчал. — Остается только молиться.

— Господи. — В ужасе произнесла чудотворка, прижимая к лицу ладони.

«Если бы от этого зависела лишь моя жизнь, я бы и не подумал взывать к Тебе. Воистину, исполнение заветных желаний дано нам Тобой в назидание за дерзость их загадать. Прошептаные в ночи молитвы и угаенные мечтания воплотившись, лишь погружают души в пучину отчаяния. Я прошу помочь ради добрых рабов Твоих. Я верю, что им еще есть что терять и что обретать, что они еще могут войти в Райские кущи, на которые я недостойн буду даже взглянуть. Помогите защитить Твоих верных слуг малой толикой своего тепла и света. Пусть их дни преисполнятся радости».

Откуда-то сзади долетел долгий крик Веры. Плотный молочный туман навалился на него всей массой, погребя под собой.

«Я же буду крушить врагов человеческих с именем Твоим на устах».

Чудотворка бросилась вперед так, что инквизитору пришлось схватить ее в охапку, чтобы удержать на месте. Последнее, что им удалось увидеть, была рука со свечей, которую Охотник резко воздел к небу, прежде чем белое марево скрыло его. Еще мгновение и волна багрестов врзалась в невидимую стену защитного круга, вновь и вновь наваливаясь на него, силясь преодолеть, но тщетно. Казалось, что все вокруг теперь состоит только из лая и щелчков призрачных челюстей, но вдруг...

По ясному небу разнесся гром. Не успели они оглянуться, как из бесконечной пустоты между звезд рванула вспышка света, будто неожиданно проскочившая искра, соединяя небосвод и землю. В самом сердце туманного покрывала разорвался взрыв. Яркий поток бело-оранжевого пламени окатил целое полчище багрестов, окруживших Охотника, раскидывая их в стороны. Псы-призраки заскулили, катаясь по траве в попытке сбить с себя пламя. Тщетно. Призрачная плоть шипела, уверенно развеиваясь в прах. Туман вокруг замер, осознавая произошедшее. А мгновение спустя пришел в новое движение, потоками рванувшись к нему. Вот баргесты пересекли тела погибших собратьев, скрывая их плотной пеленой, приближаясь к Охотнику на расстояние вытянутой руки. Взмах! Левая ладонь очертила над головой полукруг, обнажая собачьи тела, вслед за ней, рывком поднимаясь на ноги и подхватывая с земли меч, он нанес удар клинком, рассекая сразу несколько тварей. В полуночной тьме затанцевали огни. Успокоившееся пламя свечи отражалось в серебре Наекаэль, вычерчивая в воздухе синхронные узоры. Вместе с тем два небесно-голубых огня его глаз исполняли свою партию. Отточенными движениями он перемещался в свободное пространство, освещая новую группу чудовищ, чтобы прикончить их, только те станут уязвимыми. Шаг-взмах-удар, шаг-взмах-удар — серия чередовалась раз за разом. Баргесты перестали тупо ломиться в непроницаемую стену защитного круга и сконцентрировались вокруг Охотника. Но свеча таяла, а небесно-голубое сияние глаз разгоралось с новой силой. Вера оторопело следила за молниеносными движениями.

— Что происходит? — Нервно спросила Алиса, дернув ее за рукав платья.

— Не знаю. — Честно ответила девушка. Такое ей доводилось видеть впервые. — Он побеждает? — С надеждой спросила она инквизитора.

Вместо ответа тот промолчал. Псы призраки умирали и рассыпались в прах с ужасающей скоростью, но туман все еще заполнял большую часть поляны. Что хуже, Рихтер замечал, как, несмотря на должно быть нечеловеческую реакцию и выкрученные благословением рефлекссы, время от времени Охотник пропускал удары. Призрачные челюсти щелкали то по ноге, то по ладони — до чего удавалось дотянуться. Внешне это не проявлялось никак, но беда была в том, что баргесты и не могли повредить физическому телу. Они рвали душу, пожирая ее энергию, саму жизнь. Если бы не благословение, он бы уже вряд ли мог стоять на ногах, ангел-хранитель подпитывал его своей силой. Вот только останется ли от самого Ратибора хоть что-то в конце этого противостояния?

Тем временем свеча истончилось до огарка. Улучив момент, Охотник отскочил в сторону от крупного сгустка тумана, сжался, поднося остаток свечи к свежей, зажатой в зубах и поджег фитиль. К этому моменту один из багрестов прорвался к нему и длинным прыжком полетел вперед, целя в голову. Резкий выпад ладони и огарок оказался у него в челюстях. Призрак завыл, вспыхивая божественным пламенем и разлетелся на искры, ударившись о ноги Охотника, резко встающего в полный рост. В этом движении он разжал зубы и перехватил свечу в полете, начиная второй раунд боя.

«Устал?» — Неожиданно услышал он и замедлился. Мгновение промедления стоило

ему нескольких пропущенных ударов. «Прочь» — мысленно ответил он. Этот голос не появлялся в его голове так долго, что он уже надеялся, что не услышит его никогда. «Ты почти мертв и хорош-шо понимаеш-шь это» — сладостно зашептал inferнальный голос: «вс-сего одно с-слово, и мы вместе сметем их в мгновение ока». «Молчи» — Охотник тряхнул головой. Благословение набрало столько силы, что над его головой уже начал формироваться нимб, окружение потеряло краски, а уши заполнил монотонный шум, но демону это не мешало. «Тебе не хватит с-сил, человек. Неужели ты предпочтеш-шь с-смерть моим дарам?». «Заткнись, умолкни, исчезни» — Он всеми силами пытался не слышать голос. «Нужно лишь твое имя, человек. Рано или поздно я его получу. Ты в моей влас-сти, так к чему тянуть?». «Сгинь» — кажется вслух шепнул он. Охотник стоял на коленях в окружении последних облачков тумана, разглядывая черно-белое изображение догорающей в руках свечи. Оставшись в меньшинстве баргесты решили дожидаться, пока он лишится единственного оружия, чтобы закончить начатое, и сейчас водили вокруг него хоровод ровно на расстоянии удара, но ноги уже не слушались. Несмотря на благословение повреждения были слишком серьезными. Он меланхолично оглянулся. Божественная сила начисто лишала эмоций, но где-то на границе сознания промелькнул отголосок грусти. Свеча будет гореть еще несколько мгновений. «Давай, человек. С-скажи, и эти низшие твари ис-сполнят любой твой приказ. Перед нами откроютс-ся вс-се двери, мир падет к нашим ногам». Охотник молчал. Радостный лай баргестов бил по ушам. Не так он себе это представлял. Истаять до состояния полой оболочки, будучи сломленным силой собственного ангела-хранителя. Ужасная смерть. Он попытался двинуться вперед, но лишь сгорбился и выронил огарок свечи. Кажется, от дерева снова донеслись крики. Охотник закрыл глаза. Жаль.

Ощущения ворвались в восприятие неожиданно. Сначала он решил, что это демон нашел новый путь к его сознанию, но вскоре понял, что ошибся. Сигналы поступали совершенно на ином уровне. Охотник вдруг понял, что к нему обращается меч. Знакомая жгучая боль пронзила тело сквозь пелену благословения. Черный Василек готов был на что угодно чтобы он выжил. «Ты же понимаешь, что я не настоящий Хранитель?» — мысленно произнес он. «Даже я уже понял». Меч тоже понимал. Но находясь в руках такого человека у него было больше шансов найти свою вторую половину, чем лежа вечность в траве посреди неизвестного леса. «Без божественного света нам все равно не развеять туман». Наекаэль никогда ничего не забывает. Даже света, отражавшегося в ее клинке, хватило для того, чтобы она запомнила его. Нужна лишь энергия, и, к сожалению, Вэлдрин был прав, говоря, что у него есть только один способ ее передать. «Давай» — не раздумывая решил Охотник: «Лучше ты чем гребаный демон».

— Господи, Рихтер, ну что там? — Вера сжала руку инквизитора так, что она начала неметь.

Рихтер молчал, отчаянно скрипя зубами. Он не хотел ничего говорить. Казалось победа уже рядом, когда свеча потухла и последние клочья тумана поглотили Охотника. Он сжал зубы, думая, что сказать, как вдруг над поляной раздалось нечто, напоминающее вопль боли, вой и рычание одновременно. Инквизитор оторопел. Озаряя ночные деревья, в центре поляны вспыхнуло новое пламя. Баргесты рванули в стороны, открывая глазам ужасающую картину. Задрав голову вверх, опираясь на левую руку, на коленях стоял Ратибор, издавая свой кошмарный рев. Лезвие меча, зажатого в правой руке, яростно пылало тем же божественным огнем, что и иерусалимские свечи, сожженные до того. Закончив выть,

Охотник дернулся. С какой-то звериной грацией огляделся, остановив взгляд на одном из отбежавших баргестов, и кинулся за ним. Он нападал стремительно, несясь как обезумевший от голода хищник за своей добычей, помогая себе отталкиваться от земли левой рукой. Сократив расстояние в достаточной мере, он налетел на баргеста длинным прыжком, прокручивая в полете меч, от чего призрак оказался нашинкованным сразу в двух местах. Следующий прыгнул на него сам, не давая времени поднять клинок для нового замаха. Охотник рывком вытянулся вперед, подсвечивая и хватая призрак за голову свободной ладонью. Раздался противный хруст и баргест рассыпался в прах. Он тут же развернулся, выискивая новую цель. И рванулся вперед. Белые волосы жутко развивались в божественно-рыжем свете. Взмахи меча напоминали скорее удары лап исполинской кошки, чем фигуры фехтования.

— Кошмар. — Прошептала Вера.

— Чудовище с мечом. — Согласился Рихтер.

Молнией метался он из стороны в сторону, загоня и убивая каждого из оставшихся призраков. Расправа не заняла много времени. Пронзив последнего баргеста как бабочку иглой, он медленно поднялся во весь рост и, пошатываясь, подошел к защитному кругу. Инквизитор рефлекторно отшатнулся прочь. Заляпанные грязью седые волосы, сияющие изумрудным светом глаза и небесно-белый нимб. Измененное благословением лицо притягивало идеальными чертами, абсолютно выверенными линиями, но никак не сочеталось со звериным оскалом и животным взглядом. По правой руке струилась кровь, заливая лезвие посеребренного меча, пламя которого наконец стихло. Охотник молча прошел мимо, нащупал ладонью борт повозки, перешагнул через него и кулем повалился набок. Громко стукнул меч, упавший на заклепку и плечо, врезавшееся в доски. Вера вскрикнула от неожиданности и побежала к нему.

— Вся правая рука в крови. — Лихорадочно констатировала она. — Помоги мне. — Она махнула рукой инквизитору. Тот подошел ближе и встал рядом. — Переверни его. — Стараясь сохранять спокойствие скомандовала чудотворка.

Второй раз на его глазах девушка успокаивалась за считанные мгновения, едва появлялась необходимость оказать нуждающемуся помощь. Он сдвинулся за правый борт повозки и поддел Охотника за плечо, начал поднимать, но тот задел рукой меч, который снова звякнул о заклепку на доске.

— Твою... — выругался он. — Надо это убрать. — Не раздумывая он потянулся и схватил рукоять клинка.

«Ты меня слышишь?» — мелодичный голос вкрадчиво шелестел осенними листьями, рассыпающимися под ногами, журчал весенними ручьями, бегущими по проталинам, свистел холодным зимним ветром и дрожал теплым летним дождем. Он доносился сразу отовсюду и Рихтеру показалось будто он стоит посреди необъятного поля высокой густой травы в полной темноте. Он одернулся. Напротив него, пронизывая взглядом насквозь горели изумрудным огнем глаза. «Ты здесь?» — чуть тише переспросил голос: «я тебя не вижу» — последние слова будто шепнули прямо в ухо. Инквизитор машинально сделал шаг назад, запнулся о что-то и резко обернулся.

Он стоял посреди помещения. Это был узкий коридор, соединяющий между собой две части крестьянского дома. С улицы доносились голоса, но стены поглощали большую часть звука. Где-то за спиной в комнате играли дети, а спереди, из обеденной, раздавался звонкий девичий смех. Он сделал шаг вперед. Грубоватый мужской голос рассказывал какую-то

историю, вторивший ему бархатный женский подыгрывал ему, добавляя подробностей. Восторженно вопили два мальчика. Семья ужинала. Еще один шаг и он почти сравнялся с дверным косяком. Яркий свет свечей бил из-под дверного проема. Он толкнул ручку и петли предательски заскрипели. Голоса настороженно притихли. Инквизитор сделал шаг внутрь. На фоне обветшало, хрупкого на вид помещения, залитого дневным светом, пробивающимся через прикрытые разрушенными ставнями окна, стоял широкий деревянный стол. Его доски рассохлись, трещины покрывали всю столешницу, простираясь под черепками глиняной посуды и прахом сгнившей пищи. Вокруг, на таких же ветхих скамьях сидели, обернувшись к нему, четыре тряпичные куклы, слепо глядя на центр стола угольно черными пуговичными глазами. Блики света скользили по полу, словно сама Луна скиталась по небосводу чтобы лучше их разглядеть. Рихтер опасливо пригляделся, различая в обломках посуды и пыли клочок серой бумаги. Нервно трясущимися руками он стряхнул с нее мусор и развернул к себе, подставляя листок под лучи тусклого света. На бумаге корявым детским почерком черным угольным следом были выведены всего три слова: «она тебя видит». Инквизитор рефлексивно разжал руки, тряпичные куклы внимательно рассматривали его черными пуговицами. В панике он рванул назад и всем весом навалился на дверь. Бревенчатые стены пришли в движение, стираясь и смешиваясь в черный медленно раскручивающийся вихрь. Ему казалось будто пара изумрудных глаз пристально рассматривает его со всех сторон, как вдруг потолок провалился внутрь, заваливая деревом и соломой стол, скамьи и кукол. Рихтер успел заметить столб ослепительно-белого света, ударившего в помещение сквозь образовавшуюся дыру и в миг разогнавшего тьму. Дверь надсадно застонала и распахнулась, выпуская его в коридор.

Раздался громкий звон. Рихтер опустил голову вниз, глядя на свои трясущиеся руки. Меч стукнулся о доски несколько раз и укатился в угол повозки.

— Нормально? — Вкрадчиво уточнила Вера, и инквизитор почувствовал, как горит левая щека. — Чего замер? Времени нет. — Он тяжело вздохнул, едва удержавшись от того, чтобы прямо здесь не рухнуть на землю.

— Да. Сейчас. — Пробормотал он.

— Подождите! — Выкрикнула, с трудом спустившись с дерева, Алиса. — Что вы делаете? Он же сказал нам уезжать как можно быстрее.

— Он истекает кровью. — Возразила Вера.

— Раз вы решили делать как он говорит, давайте делать до конца. — Упрямо воскликнула девушка, подбегая к повозке. — Не просто же так он это говорил.

— Видимо он не предполагал, что окажется в таком состоянии. — Чудотворка скептически посмотрела на Алису, лицо которой кричало о том, что она будет стоять на своем.

— Вы верите ему? — Вызывающе добавила она сиплым голосом.

— Что думаешь, Рихтер? — Вера обернулась к инквизитору, но тот все еще пребывал в прострации. — А пошли вы! — Рыкнула она. — Забирайся, едем отсюда.

— Спасибо! — Благодарно воскликнула Алиса.

— Не тормози. — Коротко бросила Вера инквизитору и подтолкнула его в сторону козел, но тот пошатнулся, хватаясь за борт телеги чтобы не упасть. Девушка подскочила к нему, хватая под локоть. — Да что с тобой? — Воскликнула она, Рихтер молча потряс головой. Вера зарычала. — Идем. — Произнесла она, помогая инквизитору сесть. Тому стало совсем плохо, он еле тащил ноги, хрипел и жмурился, но сесть на козлы смог, даже

взял в руки поводья, но вести не получалось. Алиса тем временем забралась в телегу сама. — Скажи им чтоб ехали! — Через плечо крикнула чудотворка, придерживая заваливающегося на бок Рихтера.

— Перикулум! — По-детски высоким, но хриплым голосом позвала она. Конь обернулся, нервно переминаясь с ноги на ногу. — Вези нас, мы готовы. — В ответ прозвучало громкое ржание. Перикулум боднул Землянику и фыркнул ей на ухо. Та упрямо отступила на шаг назад и захрапела. — Господин Рихтер тоже с нами, мы не оставим его одного! — Выкрикнула она. Земляника запыхтела, Перикулум сжал в зубы ее сбрую и потащил вперед, двигая повозку с места. Вера облегченно выдохнула.

Высокое дерево медленно оставалось за спиной, стена деревьев приближалась. Чудотворка прикрыла глаза, ожидая, что, как и в прошлый раз, деревья расступятся в стороны. Но нет. Поравнявшись с границей поляны, кони протаранили ветви мордами. Девушка вскрикнула от неожиданности. Мокрые листья больно хлестнули ее по щеке. Она хотела выругаться, но заметила, что особенно крупная ветка зацепила инквизитора, и стягивает его с козел, и чтобы удержать его, вцепилась в телегу одной рукой, а другой прижала его.

— Пригнись! — Только и смогла бросить она, когда листья снова ударили в лицо. Алиса легла на дне повозки, закрывая голову руками, а Перикулум все тащил и тащил их вперед, упрямо продираясь сквозь дебри. И вот, когда Вера уже решила сдаться, спрыгнуть с повозки и вернуться на поляну, чтобы хотя бы перевести дух, стволы расступились перед ними, и повозка выкатилась на ровную поверхность. Чудотворка опасно открыла глаза и едва не лишилась дара речи. В лучах вечернего солнца вокруг них переливалось, покачиваясь на легком прохладном ветре, сине-зеленое море высокой густой травы. Где-то неподалеку мерно журчала вода, но источник звука был скрыт от глаз растительностью. Перикулум, хрипя, вез их к небольшому двухэтажному бревенчатому дому, выглядевшему ужасно противоестественно в этом будто нетронutom рукой человека месте. Только когда конь остановился с нее спало оцепенение. Вера спрыгнула со скамьи и подбежала к Ратибору. Инквизитор уже уверенно сидел, не заваливаясь в стороны.

— Надо ему помочь. — Пробормотала она, бегло оценивая состояние Охотника. Кровь запеклась, темно-коричневой коркой покрывая правую руку. Ран видно не было, хотя возможно они скрыты под ней? Алиса выпрыгнула из кузова, прошла вдоль борта и положила бледную ладонь ей на руку. — Ничего-ничего. — Уверенным голосом сказала Вера и принялась перебирать сваленные в кучу вещи в поисках своей медицинской сумки. В это время бившийся до того на своем месте Перикулум вывернул, наконец, голову так, чтобы увидеть Охотника, и громко заржал. Чудотворка от неожиданности дернулась. — Чего орешь?! — Машинально рывкнула она в ответ. Конь вызывающе фыркнул, но уши прижал.

— Он говорит его нужно отнести в воду. — Вклинилась Алиса. — Что нужно торопиться, потому что он слабеет.

— Вот ведь хренов... — Вера скривила губы. Происходящее казалось ей все более безумно-сюрреалистичным. — Как нам это сделать? — Перикулум захрапел и развернулся, возобновив движение.

— Он довезет до ручья, нам нужно будет вытащить его наружу. — Протараторила Алиса, семена за повозкой. Сдавшись, Вера побежала следом. Вскоре телега и правда остановилась рядом с узким ручьем. Идеально прозрачная вода сплошной гладкой поверхностью текла в неглубоком, довольно прямом русле.

— Помоги мне. — Сказала Вера, хватая Охотника за плечо. — Ух, тяжелый же. — Выдохнула она, переваливая Ратибора через бортик. С трудом девушки дотащили его до воды. — Что теперь? — Задыхаясь, спросила она. Перикулум задрал голову, рассматривая их через гриву Земляники и зафыркал.

— Говорит... — Алиса отдышалась. — Столкнись его в воду, лицом вверх, чтобы не задохнулся. Головой против течения.

— Исчерпывающие инструкции. — Выдохнула Вера и принялась за работу.

Охотник молчал. Его глаза оставались закрытыми, а дыхание ровным. Но что-то в его внешности пугало чудотворку. И это была не засохшая кровь на руке. Что-то в выражении лица. Слишком спокойное. Когда подходящее место было найдено, они уложили его в воду, уперев голову в бережок ручья. Течение было достаточно медленным, чтобы не иметь ни единого шанса сдвинуть его с места. Закончив, Вера села на траву, задрала голову к небу и принялась дышать.

— Холодная... — Пробормотала Алиса, тронув воду рукой. Казалось, что она устала не так сильно.

— Ага. — Коротко ответила Вера. Быстрого контакта с водой ей хватило, чтобы понять, что та не просто холодная, я почти ледяная, как из глубокого колодца. — И что теперь?

— Ждать. — Тихо ответила Алиса. — Перикулум говорил, вода поможет ему прийти в себя, но он должен сделать это сам. Не знаю, что это значит. — Она замялась.

— Великолепно. — Без эмоций ответила Вера. — Как в башне шутов.

— Что вы делаете? — Раздался слабый голос Рихтера.

— О, очнулся? — Усмехнулась чудотворка. — Как бы тебе сказать, следуем советам коня в вопросе лечения покалеченного призраками Охотника с помощью особой целебной воды. — Иронично отчеканила она.

— Голова... — Простонал инквизитор, хватаясь за вески.

— Там позади есть дом. — Отдышавшись, продолжила Вера. — Пойдем, посмотрю, что с тобой делать.

— Дом? — Переспросил Рихтер. — Странно.

— Мне уже все равно. — Честно ответила чудотворка, помогая инквизитору слезть. — Алиса.

— А? — Откликнулась девушка.

— За этим пока присмотри. — Устало произнесла она и развернулась. — В смысле... ну ты поняла. — Махнула она рукой. Было немного стыдно.

— Поняла. — С легкой улыбкой ответила девушка. Перикулум ворчливо фыркнул.

— Все, скоро вернусь. — Произнесла чудотворка и пошла прочь вместе с инквизитором. Зевнув и кажется потеряв к происходящему интерес, Перикулум потянул за собой Землянику и поплелся за ними.

— Просыпайся. — С тихой надеждой шепнула Алиса.

Ледяная вода обволакивала его густым коконом. В момент, когда благословение перестало действовать, ангельская сила, подпитывавшая его, иссякла, и он рухнул полностью лишенный сил. Ощущения мира не пропали, но сделать ничего он не мог, будто не получалось найти в себе волю даже чтобы открыть глаза. Баргесты раздирают в клочья душу, не тело. Оно продолжит существовать, пока не зачахнет само по себе, но человека в нем уже не будет: весь выйдет в прорехи. И это чувство утекающих сквозь пальцы жизненных сил...

пугало. Если это слово вообще применимо к тому, кто лишается эмоций в первую очередь. Настораживало? Беспокоило? Волновало? Все едино. Трясущаяся повозка отдалялась все дальше, ржание коня, казалось, доносилось издалека, будто воспоминание о почти забытом сне. Но вот сейчас восприятие остановилось на месте, перестав отдаляться все дальше в небытие. Ужасная могла бы быть смерть, одна из тех, которых он опасался. Сожранные псами-призраками не попадают в рай или ад, навечно превращаясь в шлейф, размазанный по непроглядным туманам чистилища. Полу-реальные слепки памяти о самих себе. Судьба, которой не пожелаешь врагу. Но сейчас это стало неважно. Кожи спины касались тонкие корешки травы, растущей по берегам. Они пробились сквозь землю прямо к ручью Слез, и торчали теперь из дна, извиваясь в медленном течении. Гипнотизирующее ощущение. Если что и может вылечить больную душу, так это деревья. Древние исполины глубоко пустили корни в мироздание, оставаясь собой всю жизнь. Для них не существует старения, распада, увядания. Деревья растут пока могут, восстанавливая поврежденные части, даже такие сложные и почти метафизические как душа. Надо лишь стать ближе к ним. Охотник расслабился, давая тихому потоку унести себя прочь. Густая трава стала его проводником. Он чувствовал, как медленными ровными волнами колышутся ее сине-зеленые стебли. Ощущал копыта коней, вминавшие землю, которая тут же распрямлялась, как прежде. Прикасался тысячами травинок к толстым бревнам дома и тонким дощечкам повозки. Он был везде, но этого не хватало. Трава слишком слаба, хоть и многочисленна. Она манила его своим тихим пением, и он на него отозвался, уносясь дальше, прочь. Сначала он ощутил могучие древние корни. Деревья приветствовали его своими низкими голосами, словно великие короли древности хором исполняли приветственную песнь. Здесь, в бескрайней густоте их высоких вершин словно не существовало ни времени, ни пространства. Одна лишь свобода. Охотник чувствовал, как сливается с этой музыкой, сам наполняется ей и оживает в унисон. Такое умиротворение. Едва ли хотя бы один или два человека имели возможность испытать нечто столь великое. Внутренний покой. Здесь, где мерно гудел ветер и шептал дождь, все заботы и беды прошлого казались столь мелочными. Такими... скучными, что не хотелось и думать. Невольно закрадывались мысли о том, как бы чудно было сохранить это чувство по долгу. Да. Шелест листвы и журчание сока под корой звали его за собой, вперед, в будущее. В бескрайних лесных просторах Охотник знал место, где под слоем чернозема покоился маленький желудь, все еще не обретший душу. Он приблизился к нему, фокусируя все свое естество на этом крошечном предмете. Какое горе. Вырасти опустошенным. Хор природы вокруг притих, давая ему прочувствовать это ощущение. Так неправильно. Оно могло бы присоединиться к лесу, стать единым с ним, чтобы такого не случалось впредь. Охотник задумался, уже чувствуя внутри себя ответ. Сражения, боль, страх — столпы-основания старого мира. Кто бы захотел существовать в нем по своей воле? Бесконечный бег в темноту, попытки скрыться от них и от того, чем становишься сам в попытке удержать здравый рассудок. Жернова реальности перемалывают всех, кому не повезет их коснуться, остается лишь выбрать помол. Не нужно было ничего говорить, он лишь расслабился и поплыл дальше по течению реки миллиона голосов в беспечный благодатный полет. Идиллия, которую, кажется, ничто не может нарушить.

«Мама рассказывала мне эти сказки, я все думала, что сделала бы, окажись вдруг героем истории, но никто не слушал» — тихий голос на границе сознания настиг его, внося смуту в идеальное звучание хора. «Родители заняты, братья играли сами, а на улице взрослые не одобряли, когда кто-то водился со слепой девочкой» — хриплый голос врезался все глубже,

нарушая тонкий баланс. Иные голоса пытались противиться ему, став громче, отвлекая на себя, но тщетно. «Я правда думала, что коровы и свинки поймут мои рассказы и вместе со мной сочинят продолжения, но им хватало и того, что они услышали» — Охотник внутренне усмехнулся. И правда, дикие звери хорошие слушатели, но не собеседники. Даже немного жаль, что не получилось уйти сейчас, когда пение было так близко. Но это по меньшей мере бесчестно: нарушать едва только данное обещание, оставлять не законченными множество дел. Деревья не ведают суеты, лес свободен от обязательств. Увы, где нет уз нет жизни. «Наверное это кажется смешным, но... думаю у меня не было особого выбора» — в высоком сиплом голосе прозвучали нотки затаенного отчаяния вперемешку с принятием. «Как ни крути» — подумал он: «мне трудно представить себя могучим деревом» — он улыбнулся: «если бы мне дали выбор, я бы предпочел прорасти степной травой».

Он рывком сел, выдергивая себя из объятий воды и закашлялся. От холода свело мышцы.

— Ох. — Пробормотала Алиса, поворачивая к нему голову. Охотник положил руку ей на волосы.

— Спасибо. — Тяжело произнес он и поднялся на ноги. Девушка зашипела, отряхиваясь от ледяной воды. — А ты скоро на возврат долгов.

— Чего? — Непонимающе переспросила она.

— Спасла мне жизнь почти сразу как я спас твою. — Он попытался усмехнуться, но вышел лишь хриплый кашель. — Выходит мы квиты.

— Все равно не понимаю. — Растерянно произнесла она.

— Не бери в голову. — Охотник махнул рукой.

— Ты... в порядке? — Медленно спросила она.

— Ага. — Коротко ответил он и побрел вдоль течения.

— Может в дом пойдём? Нас Вера ждёт. — Зататорила Алиса, направляясь следом.

— Сейчас пойдём. — Ответил он и скривился. Раны были залечены, но слабость не давала покоя.

Он прошёл ещё шагов двадцать до места, где глубина ручья была больше, тяжело опустился на колени и сунул руки в воду.

— Что ты делаешь? — Шепотом спросила девушка.

Охотник, кряхтя, вытащил из воды веревку, потянул ее, и выложил на берег небольшой мешок, привязанный за горловину, долго ковырялся с узлом, пытаясь справиться с непослушными пальцами, но наконец победил их, пинком отправил веревку в воду, а сам поднялся, прихватив мешок с собой.

— Все, пошли. — Сказал он и едва не рухнул на землю.

— Аккуратно! — Воскликнула она, и Охотник почувствовал, что уперся свободной ладонью на ее плечо. Стало несколько стыдно. — Так дойдешь?

— Дойду. — Коротко ответил он.

Вера вышла из дома, когда они проходили мимо повозки. Охотник помедлил, доставая оттуда рубаху и плащ. Ее глаза излучали облегчение, но руки она уперла в боки и насупилась. Хотела что-то сказать, но оборвалась на полу слове.

— Мать Божья. — Прошептала она. — Ты с концами поседел.

Охотник снял руку с плеча Алисы, тяжело балансируя на месте, и поднес прядь волос к глазам. Белые. Как молоко. Не прошло и года с тех пор, как они были каштановыми. Он тяжело вздохнул.

— Что ж, зато хуже уже не станет.

— Типун тебе. Давай внутрь, пока совсем не простыл. — Она окинула его озабоченным взглядом.

— Не простыну. — Девушка скептически посмотрела ему в глаза. — Здесь нельзя простыть. — Хрипло пояснил он и зашагал внутрь под глухой звон кувшинов. Вера непонимающе покачала головой. — Распряжешь коней, я пока не в состоянии?

— Распрягу. — Со вздохом сказала она, пропуская их внутрь.

За длинным столом в центре большой комнаты первого этажа сидел с кислым лицом Рихтер. Охотник тихо усмехнулся.

— Что, тебе тоже досталось? — Инквизитор неопределенно покачал головой.

— Что это у тебя? — Поинтересовался он.

— Да так. — Охотник с неровным стуком поставил мешок на стол, вода ручейками побежала по доскам на пол. — Разговор намечается сложный. — Охотник тяжело опустился на скамью. Алиса тихо села поодаль, на край.

Повисла тишина. Он растянул горловину мешка и по очереди достал из нее шесть запечатанных воском кувшинов разной формы и размера.

— Пиво? — Удивленно спросил инквизитор.

— Пиво. — Со стуком установил он на стол последний кувшин и убрал пустой мешок на пол. Дверь со скрипом открылась и внутрь вошла Вера, разглядывая собравшихся.

— Хреново выглядите. — Констатировала она. Нотки облегчения сменились на искры веселья.

— Никогда не слышал, чтобы кто-то переживал нападение стаи баргестов. — Ровным тоном произнес Рихтер. — Сбегали, бывало, но, чтобы так...

— Вам не все рассказывают в отчетах. — Пожал плечами Охотник. Вера заняла место рядом с инквизитором. Вновь повисла гнетущая тишина. За окном окончательно стемнело и света в помещении решительно не хватало.

— Это твой дом? — Прерывая молчание спросила Алиса.

— Да. — Коротко ответил Охотник.

— Ты тут один живешь? — С неожиданным любопытством продолжила она.

— Нет. — Так же коротко ответил он и вздохнул. — Не живу и не один. Све-е-ет! — Неожиданно прокричал он. Вера и Алиса подскочили на своих местах, а инквизитор схватился за большую голову.

— Какого... хрена? — Возмущенно воскликнула чудотворка. На лестнице раздался стук и, поняв это, она медленно повернула голову. Рихтер настороженно озирался.

— Ну как? — Поинтересовался Охотник.

— Ни...чего не вижу. — Медленно ответила девушка.

— А я слышу кого-то! — Восторженно сказала Алиса, кажется ничуть не испугавшись.

— И не увидишь. — Со вздохом сказал Охотник и сорвал печать с ближайшего кувшина. — Светозар домовой, его видят только дети и старики, — он сделал длинный глоток и, поежившись, поставил кувшин на стол, — ну и те, кто в него верит.

— Как это? — Пробормотала Вера.

— Вот так. — Развел руками Охотник. — Я почему знаю?

— Ого! — Радостно выпалила Алиса. — Он настоящий?

— Ага, поздоровайся. — Он упер подбородок на руку. — Светозар, Алиса, Алиса,

Светозар. Будьте знакомы.

— Очень приятно! — Девушка помахала рукой куда-то в бок.

— Я схожу с ума? — Поинтересовался Рихтер у Веры.

— Кажется да, и я вместе с тобой. — Отрешенно ответила она.

— Какая-то еда осталась? — Поинтересовался Охотник. Помолчал какое-то время. —

Сам видишь, гости, накроешь что-нибудь на стол? Спасибо. О, свет тоже надо бы зажечь. — Выдохнул он и снова приложился к кувшину. Снова раздался стук по лестнице.

— Что происходит? — Шепотом спросила Вера, приблизившись к Алисе.

— Я не знаю. — Девушка заговорщицки тихо усмехнулась. — Он ворчит что-то про доброе имя какой-то семьи и жалуется, что он, — она кивнула в сторону Охотника, — не предупредил его о гостях, чтобы тот смог как следует подготовиться. А сейчас он наверх убежал. Ну и странно же он разговаривает! — Алиса поперхнулась. — Ой, кажется, он все слышал.

— Конечно слышал. — Охотник пожал плечами. — Он знает все, что происходит в доме.

— Ой! — Вера отшатнулась от стола, едва не упав на спину, но Рихтер вовремя ее удержал. Там из пустоты стали появляться деревянные тарелки с вяленным мясом, солеными овощами, кусками хлеба и ягод, а на стенах загорелись яркие свечи в подсвечниках.

— Это ты обязан объяснить. — Оторопело произнес инквизитор.

— Ага. — Ответил Охотник. — Выпьешь?

— Что вот так просто? Как же «потом» и «когда-нибудь еще»? — Усмехнулся Рихтер, но смех получился наигранным.

— Ну. — Протянул он. — Мы теперь в одной лодке, нет смысла врать. — Охотник пожал плечами. — Тем более, что я не смогу даже если захочу.

— Почему?

— Из-за нее. — Охотник кивнул на порозовевшую Алису. — Так случилось, когда я представился в повозке. Кажется еще один чудесный дар.

— Ладно. — Инквизитор вздохнул и расслабил спину. — Что здесь?

— Тут, тут и тут монастырское, — Охотник указывал пальцем, — яблочный сидр, вино, вот медовуха. — Инквизитор молча притянул к себе кувшин с монастырским пивом и скovyрнул печать.

— Вы серьезно? — Шокировано произнесла Вера.

— Ага. — Охотник кивнул. — Что будешь?

— Ну знаете ли. — Она насупилась. — Кругом опасность, как мы недавно выяснили на своей шкуре.

— Здесь, — он выделил это слово, — нам ничего не угрожает. Не переживай. — Вера вздохнула и притянула к себе вино.

— Есть вода разбавить?

— Найдется. Све-ет! — Крикнул он и на столе появилась чашка и котелок с водой и половником. — Благодарю. — Кивнул он в пустоту.

— Ну вот, — обреченно произнесла она, доливая в чашку с вином воду, — наверное все безумцы начинали так же.

— Хочешь? — Охотник пододвинул Алисе кувшин с медовухой. Девушка заинтересованно протянула ладонь.

— Сдурел? — Неожиданно взбодрилась Вера.

— Успокойся. — Он махнул рукой. — Не понравится не будет, я же не заставляю. — Вера закатила глаза и выхватила из рук Алисы кувшин. Та озадаченно замерла с пустой рукой.

— Еще одну кружку. — Потребовала она. — Не будет же она... как вы. — Требуемая емкость появилась сразу. — Спасибо, Светозар. — Произнесла она, сорвала печать и налила немного ярко пахнущей липой жидкости в кружку.

— М-м... — С наслаждением произнесла Алиса и тут же закашлялась, отставляя медовуху в сторону.

— О чем и речь. — Наставительно прокомментировала Вера.

— Итак, — когда все успокоились, начал инквизитор, отламывая кусок говядины, — где мы находимся?

— Слезы Иивы. — Охотник оторвал кусок хлеба и заживал сыром. — Святыня эльфов.

— Эльфов? — Удивленно воскликнула Вера, а Рихтер согласно поперхнулся. Он вздохнул.

— Да, эльфов. Я могу рассказать эту историю с самого начала, если мы никуда не торопимся.

— Давай! — Не дожидаясь ответа воскликнула Алиса. За окном прогремел раскат далекого грома.

— Хорошая идея. — Рихтер выдохнул. — К слову, как нам тебя все-таки называть? — Охотник поднял на него мрачный взгляд.

— Родители назвали Ратибором, если тебя интересует это. — Вера отвела глаза в сторону. — Называть можете как удобно, я привык.

— Ну, это не по-человечески как-то. — Рихтер пожевал. — Ратибор так Ратибор. Имя и правда странное.

— Имя как имя. — Охотник приложился к кувшину, уничтожая его содержимое и потянулся к следующему. — Сокращенно Рат.

— Как крыса? — Усмехнулся инквизитор. Охотник закатил глаза.

— В общем, да, есть в нашем мире эльфы. Гномы тоже есть, кого только нету если так подумать. — Алиса снова сделала небольшой глоток из чашки и скривилась, отставила ее в сторону и обратилась в слух. — Когда-то их народ был иным чем сейчас, они были многочисленны и не скрывались от глаз. Тогда из них вышла... — Он задумался. — Кто-то называл ее богиней, кто-то героем, как бы там ни было, это была великая женщина по имени Иива. Ииваэль, Ииваэлла — даже я слышал разные интерпретации произношения. Однажды она погубила особое живое дерево, чтобы сделать из него оружие, но поняла, что этим оборвала его жизнь, лишь затем, чтобы в последствии убить еще больше. Это произошло здесь. — Он махнул рукой в сторону окна. — Там из травы до сих пор торчит пенек оставшийся от мэлорна. Говорят, от осознания произошедшего Иива едва не умерла от горя, ее слезы раскололи землю, породив Ручей Слез. Его воды исцелили меня только что. — Он замолчал, медленно пережевывая кусок мяса.

— И ты знал, что это место расположено рядом с поляной? — Переспросил инквизитор. Охотник поднял на него разочарованный взгляд, но удержался от резких высказываний.

— Эмоции, испытанные Иивой стократ усилились другими живыми деревьями, росшими вокруг. Они скорбели по брату. Общее горе было столь велико, что на века запечатало это место отдельно от всего Мира. — Охотник снова кивнул на окно. — Вы

заметили, что время здесь идет иначе? Когда *там* уже ночь, здесь *еще* вечер. Когда *здесь* еще день, *там* уже вечер. И так постоянно.

— Почему мы тогда не ушли сюда сразу, зачем нужна была драка с баргестами? — Непонимающе махнула головой Вера.

— Потому что выход всегда там же где вход. — Ратибор развел руками. — Туман на нас, очевидно, натравили, как думаешь, что бы он сделал, упустив нас?

— Развеялся?

— Затаился. — Вместо Охотника ответил инквизитор. — Скрылся в тених и стал бы ждать. — Ратибор кивнул.

— Кроме того, тот, кто его послал, мог бы что-нибудь заподозрить, и выдумать еще какую подлянку.

— Поняла. — Грустно ответила Вера.

— Слушай. — Одернул его инквизитор. — Выходит ты охлаждаешь пиво в священной реке другого народа?

— Ага. — Просто ответил он.

— И что, не боишься гнева их... богов? — Инквизитор хотел сказать по-другому, но на всякий случай решил оставить свои слова при себе пока он находится здесь.

— Боги древности не такие, как ты себе представляешь. — Ратибор оторвал слой говядины с целого куска и тоскливо посмотрел на початый кувшин медовухи. — Да и слово не совсем подходящее. Не знаю, кем была Иива на самом деле, но не простым эльфом уж точно. Это место существует по своим законам. — Он прищурился, глядя инквизитору в глаза. — Именно существует, а не живет. Здесь все застыло: ни в траве, ни в воде, ни в деревьях нет жизни. Можно сказать, что все уже мертво. Чтобы находиться здесь нужно выполнять лишь одно условие: здесь нельзя никому вредить.

— Как это? — Переспросил Рихтер, открывая второй кувшин.

— Не знаю. — Искренне ответил он. — Это связано с тем, что чувствовала сама Иива думаю она не слишком четко сформулировала мысль в тот момент. Я просто... знаю, что нельзя вредить никому здесь и все.

— А что, если попробовать? — Въедливо-нетрезвым тоном продолжил инквизитор.

— Не знаю. И проверять не хочу.

— Хорошо. Как ты сюда попал? — Спросила Вера, когда Рихтер замолчал.

— Меч провел. Он живой в некотором смысле, и связан с этим местом. Через него я, а через меня, — он тяжело вздохнул, — через меня Перикулум. Мы можем проводить с собой людей, но сами вы сюда не попадете и не выйдете.

— Меч? — Рихтер потер пальцем висок. Что-то в его памяти напоминало ему о мече Ратибора, но, как он ни старался, вспомнить не получалось. Будто сон, быстро испаряющийся на рассвете. Он точно держал его в руках, но что же было потом? Охотник поднял на него вопросительный взгляд. — Ничего, мысли вслух.

— А дом? — Вклинилась Алиса, перебивая его. — Дом тут был?

— Я построил.

— Сам? — Почти хором переспросили все трое.

— Сам. — Допивая второй кувшин ответил он.

— Как? — Шокированно спросила Вера. — Из этих... деревьев?

— Нет. Рубил в обычном лесу, привязывал к коню и таскал сюда, а тут собирал.

— Значит ты и дома строить умеешь. — Констатировал Рихтер.

— Чему только не научишься с такой жизнью. — С долей иронии ответил он. — Ты не будешь? — Спросил он у Алисы. Та отрицательно покачала головой и Ратибор притянул медовуху к себе.

— А еду ты здесь всегда держишь? — Глаза инквизитора уже заметно окосели, но в голосе не слышалось пьяных нот.

— Тут ничего не портится. — Охотник начал перечислять. — Ни гниет, черви не заводятся. Нельзя заболеть. Думаю, что умереть тоже нельзя, может и состариться не выйдет. — Мелкий дождь за окном медленно набирал силу.

— Как ты провел повозку через лес? Тоже меч? — Поинтересовалась Вера. Она медленно отпивала разбавленное вино, и вообще не подавала признаков опьянения.

— Чары. — Он помедлил, подбирая слова. — Язык эльфов понимают все животные, хоть и не могут ответить, но и растения и сама природа понимают его так же, хоть для этого и нужно приложить больше усилий. В этом нет никакой магии, ты просишь, природа отвечает. Правда долго так не получится: устаеть быстро.

— А Светозар здесь откуда? — Спросила Алиса, повернув голову набок.

— Можно просто Свет. — Ратибор усмехнулся. — Он жил у нас дома, еще когда я был совсем ребенком. Когда я построил этот дом, он сам тут появился. Хочешь, спроси у него сама, он на редкость болтливый.

— Все, хватит с меня чудес и магии. — Инквизитор тяжело поднялся и потянулся. — Надо это все обдумать. Если бы я не был уверен, что ты не врешь... — Он икнул. — В общем сам понимаешь.

— Кстати, и правда. — Встрепенулась чудотворка. — Что случилось на дороге? — Охотник тяжело покривился.

— Я могу рассказать, но вам будет тяжело поверить в это. — Серьезно произнес он.

— После всего что ты уже рассказал? — Усмехнулся Рихтер, но Ратибор остался серьезным. — Ладно, выкладывай. Мы постараемся принять твои слова. — Алиса застенчиво опустила голову.

— Что ж, — он допил последние капли медовухи и прожевал щепотку квашеной капусты. — Когда я сказал правду, которую хотел скрыть, против своей воли, то решил, что к нам подослали убийцу-малефика, или что-то в таком духе.

— Ребенка? — Скептически уточнил инквизитор.

— Я выполнил первое задание на устранение в одиннадцать. — Спокойно ответил он. Алиса удивленно обернулась. — У наших врагов может быть похожая организация.

— Справедливо. — Подумав немного кивнул головой Рихтер.

— Когда я выстрелил, время остановилось. С небес спустился ангел и остановил меня. — С каждым словом лица слушателей вытягивались все сильнее. — Когда я был совсем ребенком, Охотник Раймонд спас меня от смерти в похожей ситуации и ангел напомнил мне о том случае. Кажется, он хотел сказать, что это своеобразный возврат долга. — Закончив речь, он снова замолчал, глядя в окно.

— Охренеть. — Заговорил Рихтер. — Во-первых, верится и правда с трудом. — Охотник пожал плечами. — А, во-вторых, даже если это правда, то говоришь ты слишком спокойно. Люди молятся на протяжении всей жизни, обращая свой взгляд к Создателю в надежде получить хоть какой-то знак, а к тебе снизошел аж целый ангел, а ты рассказываешь об этом так, будто встретил давнего знакомого.

— А что, предлагаешь восторженно кричать от радости и петь гимны? — С

неожиданным раздражением вспыхнул Ратибор.

— Нет, но хотя бы поразмыслить над этим стоит. Почему именно к тебе, почему защитил ее, может это вообще был замаскировавшийся демон, у которого в этой ситуации своя выгода.

— И что? — Поинтересовался Охотник. — Он остановил время! Он почти изжарил меня насмерть одним присутствием, понимаешь? Если бы он желал мне зла, увы, меня бы ничто не спасло. — Он досадливо сжал кулаки. — Я имел дело с демонами, инквизитор, и это существо было на совершенно ином уровне. Как бы это ни было жалко, но я не вижу никакой альтернативы кроме как слепо следовать его словам в надежде, что больше не привлеку к себе его внимание в будущем, потому что возможно, просто возможно, что тогда он уже не будет столь доброжелателен. — Охотник едва удержался чтобы не повысить тон.

— И как он выглядел? — Вера с неприкрытым любопытством подалась вперед. Он непонимающе повернулся к ней. — Ну, ангел.

— А, — Охотник кивнул, — гигантский столб света высотой до небес весь покрытый множеством глаз. Он даже не разговаривал, я словно... узнавал слова, которые он хотел мне сказать.

— Жутко. — Честно призналась чудотворка.

— А ты думала встреча с всеильной сущностью может быть иной? — Все снова замолчали.

— К слову, эльфы, о которых ты говорил, — вновь нарушила тишину Вера, — какие они?

— Не могу сказать. — Спокойно ответил он.

— Почему?

— Я дал клятву. — Он закатал рукав, показывая крошечную татуировку на сгибе руки. — Если я сделаю что-то, что может им навредить, эта штука убьет меня.

— Неужели даже такой простой вопрос может испортить им жизнь? — Удивилась она.

— Ну-у. — Протянул Ратибор. — Они красивые, древние и могущественные, но сейчас явно подрастеряли львиную долю бывшего величия. Это все, больше ничего не скажу.

— А как ты встретился с ними? — Не отставала девушка.

— Долгая история. Я возвращался с задания, цель которого была далеко на западе, и случайно повстречал гномов, которым нужна была помощь в убийстве дракона. — Инквизитор принялся ходить по комнате, рассматривая убранство. — В награду я взял себе меч, и эльфы нашли меня сами, потому что когда-то они... участвовали в его создании и почувствовали, что у него появился новый хозяин.

— Хватит на сегодня историй. — Констатировал инквизитор. — Раз тут так безопасно, можем мы здесь заночевать? — Опьянение быстро прошло, Слезы оперативно исцеляли даже столь желанные раны. Охотник приглашающе развел руками.

— Кровать всего одна, можешь сдвинуть себе лавки.

— А ты? — Поинтересовалась Вера.

— Я сам пристроюсь. — Пространно ответил он. Девушка вздохнула, она тоже устала после тяжелого дня, как и инквизитор. Даже Алиса уже какое-то время плохо скрываясь позевывала.

Убрав со стола и пола посуду, они отодвинули стол и придвинули одну скамью к другой. Рихтер накидал вещей из повозки, которую чудотворка предварительно удачно отогнала под навес, и, укрывшись своим плащом, вскоре засопел. Охотник отвел Веру с

Алисой наверх, где в небольшой комнате стояла заправленная кровать, а сам спустился вниз и открыл дверь. Холодный ветер гудел вокруг дома, завывая резкими порывами. Ливень хлестал крупными каплями, а над деревьями то и дело сверкали ослепительные витиеватые молнии. Он немного постоял, любуясь происходящим, и наконец опустился на пол, уперевшись в косяк плечом.

— Не замерзнешь? — Алиса подошла бесшумно, но от усталости он даже не всполошился.

— Тут все равно не заболеешь. — Флегматично ответил он. — Да и такого холода недостаточно чтобы доставить серьезные неудобства. — Алиса опустила рядом, свесив ноги с крыльца. Засекающиеся капли дождя разбивались о землю в шаге от них. — Если хоть раз в жизни видел суровые снежные зимы, то никакой ливень не кажется холодным.

— Ты не обижаешься? — Неожиданно спросила она, положив голову на угол открытой двери.

— С чего мне? — Вопрос выбил Охотника из колеи.

— Ну, все вот это... произошло. — Тихо ответила она.

— Не по твоей вине. — Особенно яркая молния сверкнула, растекаясь по небу невероятной белой кляксой.

— Надеюсь. — Произнесла она с грустью. — Возможно не удержишься вы несколько раз, успели бы доехать до города.

— Что-то пошло бы не так в любом случае. — Ратибор усмехнулся. — В конце концов закончилось все удачно. — Они замолчали. Охотник закрыл глаза, наслаждаясь ветром, обдувающим лицо. Рихтер громко всхрапнул за спиной. — А тебе не занимать смелости. — Одобрительно сказал он. — Даже когда напали призраки ты сохранила холодный рассудок.

— Кажется, в моей жизни были вещи хуже призраков. — Неопределенным тоном ответила она. — Вас отправили кого-то убить? — Неожиданно в лоб спросила девушка. Охотник открыл один глаз, косясь на нее.

— Не всех. — Коротко ответил он. — Только меня. Рихтер найдет малефика, а Вера проследит, чтобы я перестал дышать позже, чем наши враги.

— Понятно. — Она опустила голову. — Значит тебя послали чтобы убивать?

— Меня для этого вырастили. — Безразличным тоном ответил он. — Сначала говорили, что учат нас защищать людей от чудовищ. Рассказывали, как устроены скелеты виверн и челюсти вампиров. — Он задумался, погружаясь в давние воспоминания. — Довольно скоро мы поняли, что большая часть того, что мы умеем очень хорошо подходит для убийства людей. А потом уже было не до размышлений.

— А ты никогда не хотел... — Она подбирала слова.

— Сбежать? — Ратибор улыбнулся. — Не только хотел, даже убежал разок. Ничем хорошим это не кончилось. Сила, которой ты обладаешь уже внутри тебя и никуда не денется. — Он снова устремил свой взгляд вдаль. — Остается лишь решить, как ее применять. А вечно душить ее в себе, стараясь скрыть... еще больший грех, чем вот это все, так я считаю.

— Но ты же убиваешь только плохих? — Она повернулась лицом к нему.

— Хорошие и плохие это оценочное суждение, думаю перед Ним все едины.

— А если бы ты мог забыть все, что узнал, разучиться и жить как обычно? — Охотник помолчал.

— Наверное все-таки нет. Моя жизнь не простая, но не думаю, что у крестьян и

ремесленников она сильно проще или приятнее. — Далекий гром докатился до дома оглушительным гордым раскатом. Алиса зевнула.

— Тебе нравится дождь?

— Нет, но эта гроза очень красивая. — Он порадовался смене темы.

— Можешь рассказать?

— О чем? — Не понял он.

— О том, что видишь. — Девушка улыбнулась, обхватила ноги руками и сжалась в комочек, покачиваясь вперед-назад.

— Ну-у. — Он помедлил. — Могу попробовать конечно. — Добавил он, вглядываясь в происходящее перед ним. — Можешь представить себе нечто, полностью противоположное тому, что ты... видишь, по самой своей природе. Вместо отсутствия чего бы то ни было всеобъемлющая наполненность... — Он разочарованно покачал головой. — Прости, не могу лучше описать что такое свет. — Алиса молчала. — И вот черную пустоту неба, подобную тому, что, кажется, вынуждена созерцать ты, под звуки грома разрывают вспышки света. Разной длины, размера и формы, сочетаясь между собой и распадаясь на части, там, наверху. А вдалеке шумят деревья, посыпая землю листвой под гнетом могучего ветра. Они скрипят так жалобно и громко, что слышно даже здесь, и, если принахотиться, чувствуешь запах смолы и иголок. Порывы разносят эти ароматы вокруг, смешивая с чистым воздухом, и только капли дождя разбавляют их, прибывая к волнующейся траве. Так что только редкие капельки с прохладным бризом касаются рук. — Он замолчал, переваривая то, что только что произнес. — Ну, поняла что-нибудь? — Он повернулся к ней. Алиса мерно посапывала, привалившись к его плечу. Видимо не почувствовал, увлекшись объяснением. Охотник вздохнул и передвинул девушку так, чтобы она облокотилась на дверной косяк. — Думал, что рассказываю историю, а оказалось колыбельную. — Пробормотал он под нос. Еще немного посидел, глядя во двор. Рихтер храпел так, что перебивал некоторые раскаты грома. Охотник усмехнулся. Безумный день. Правда безумный. Поднявшись на ноги, он подхватил с пола Алису, придерживав ей голову, и зашагал по лестнице вверх, положил девушку рядом с Верой, которая проворчала что-то сквозь сон, но все же подвинулась и освободила место. Несмотря на одеяло, чудотворка заметно ежилась от холода задувающего через щели в стенах ветра. Он с удивлением понял, что до сих пор ни разу не спал в этой кровати, предпочитая не задерживаться в Слезях на долго, если была возможность. Охотник стянул с плеч плащ и укрыл им девушек сверху. Ваэ не страшны ни дождь, ни ветер. Алиса, не просыпаясь уткнулась лбом в плечо Веры. Он тихо спустился вниз, вернулся на порог, заняв весь дверной проем. Свесил одну руку на крыльцо и закрыл глаза, засыпая под звуки утихающей грозы и храп друга.

Больше книг на сайте - Knigoed.net